

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

ВИЛЬЯМ
ШЕКСПИР

ГЕНРИХ VIII

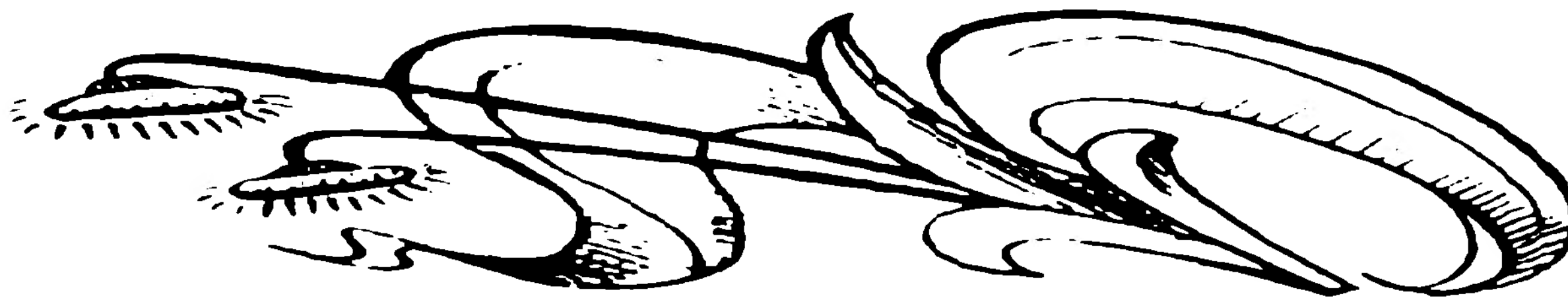
ЭДУАРД III

ДВА ЗНАТНЫХ
РОДИЧА

Вильям Шекспир
William Shakespeare
полное собрание сочинений
в 14 томах

WILLIAME SHAKESPEARE

**complete works
in 14 volumes**

HENRY VIII

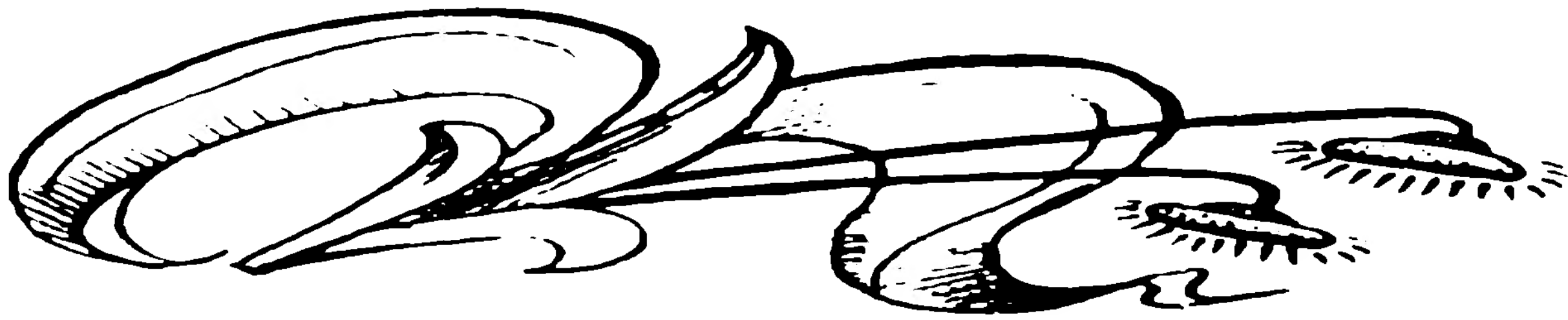
EDWARD III

THE TWO NOBLE KINSMEN

**МОСКВА
«ТЕППА»—«ТЕРРА»
1996**

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

полное
собрание сочинений
том 13

ГЕНРИХ VIII

ЭДУАРД III

ДВА ЗНАТНЫХ РОДИЧА

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1996

ББК 84.4 (Вл)

Ш 41

**Внешнее оформление художника
*А. Машезерской***

**В оформлении издания использованы работы художников:
*Ганса Гольбейна Младшего (Hans Holbein), 1497—1543,
Ричарда Вестоля (R.A. Westall), 1765—1836,
Петерса (R.M. Peters), 1740—1814,
ван дер Верфа (van der Werf), Роджерса (I. Rogers),
других художников начала XVII — конца XIX века
и материалы археологических раскопок***

**Издание подготовлено
АОЗТ «ФОРМИКА» (Санкт-Петербург)**

Шекспир Вильям

**Ш41 Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 13. / Ху-
дожник А. Машезерская. — М.: ТЕРРА, 1996. —
672 с.: ил.**

**ISBN 5-300-00552-5 (т. 13)
ISBN 5-85255-192-9**

**В тринадцатый том собрания сочинений В. Шекспира
включена историческая хроника “Генрих VIII”, а также две
пьесы, приписываемые Шекспиру — “Эдуард III” и “Два
знатных родича”. Тексты примечаний к “Генриху VIII”
составлены А. Смирновым.**

**Ш 4703010300-331
А30(03)—96 Подписное**

ББК 84.4 (Вл)

**ISBN 5-300-00552-5 (т. 13)
ISBN 5-85255-192-9**

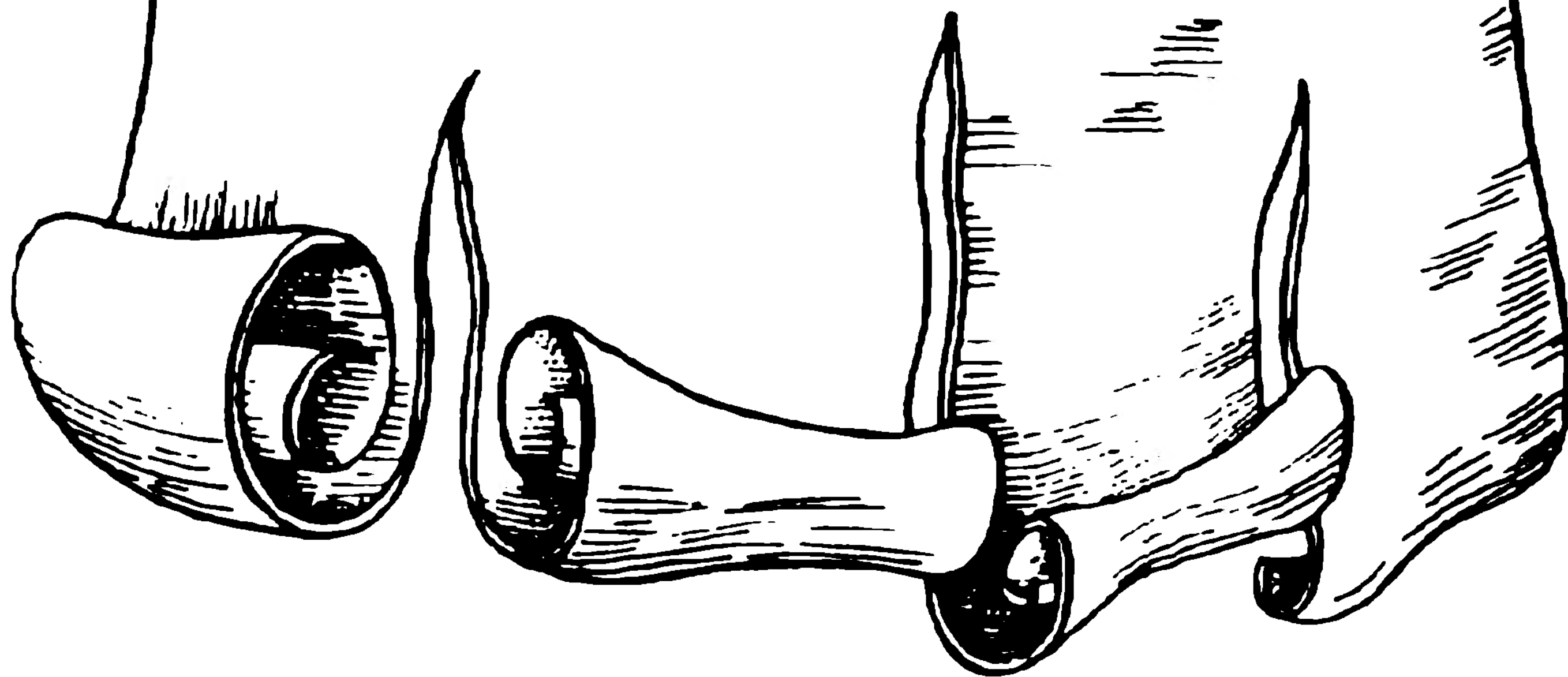
© Издательский центр «ТЕРРА», 1996

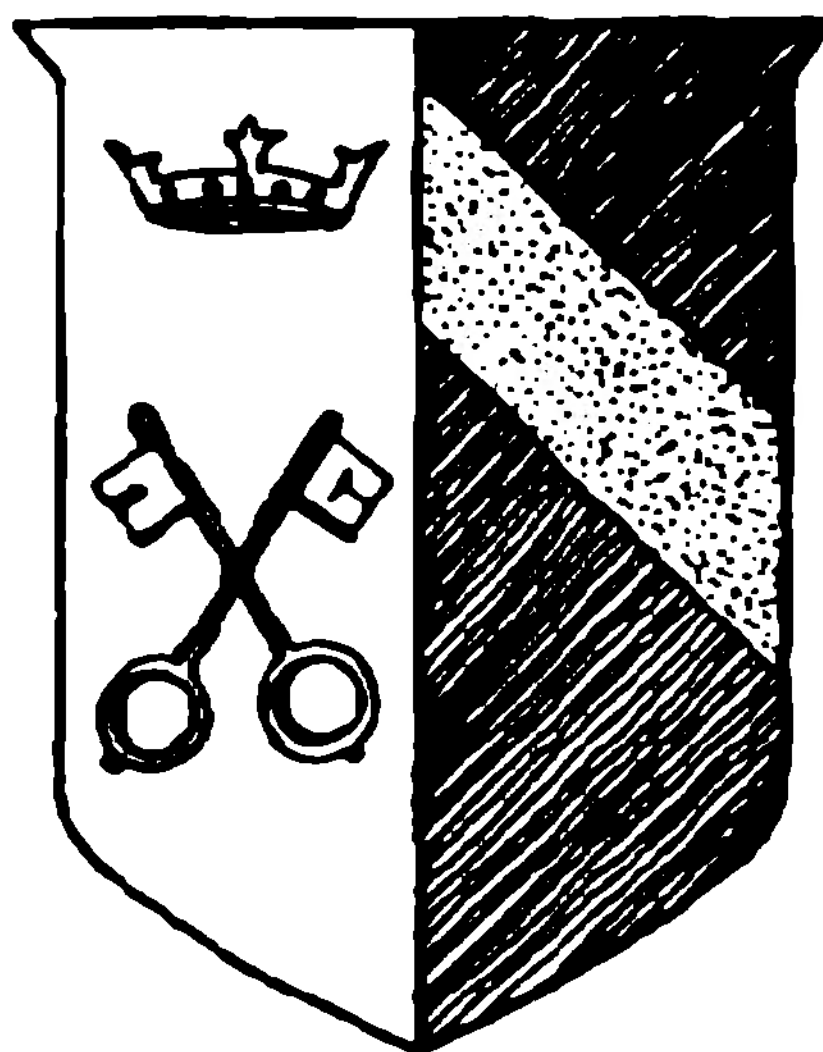

Генрих VIII

историческая хроника
в V актах

Перевод Б.Томашевского

Действующие лица

Король Генрих VIII.
Кардинал Вулси.
Кардинал Кампейус.
Капуциус, посол императора Карла V.
Кранмер, архиепископ Кентерберийский.
Герцог Норфолк.
Герцог Бекингем.
Герцог Сеффолк.
Граф Серри.
Лорд-камергер.
Лорд-канцлер.
Гардинер, епископ Уинчестерский.
Епископ Линкольнский.
Лорд Эбергенни.
Лорд Сендс.
Сэр Генри Гилдфорд.
Сэр Томас Ловел.
Сэр Энтони Денни.
Сэр Никлас Вокс.
Секретари Вулси.
Кромвель, служащий у Вулси.
Гриффит, гофмаршал королевы Екатерины.
Три дворянина.
Доктор Бетс, королевский лекарь.
Первый герольд.
Управитель герцога Бекингема.
Брендон.
Судейский пристав.
Привратник в зале совета.
Другой привратник и его помощник.

П а ж Гардинера.

Г л а ш а т а й.

**К о р о л е в а Е к а т е р и н а, жена короля Генриха,
потом — в разводе с ним.**

А н н а Б у л л е н, ее фрейлина, потом королева.

П о ж и л а я л е д и, приятельница Анны Булен.

П е й ш е н с, служанка королевы Екатерины.

**Различные л о р д ы и л е д и безслов; прислужницы королевы;
д у х и (призраки), п и с ц ы, о ф и ц е р ы, с т р а ж а, с л у г и.**

***Место действия — Лондон, Уэстминстер,
Кимболтон.***

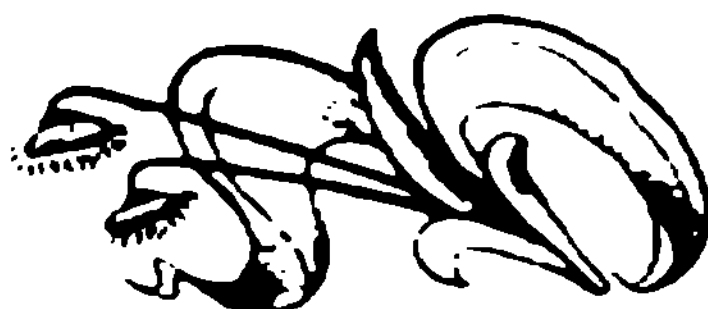

Генрих VIII. Художник Ганс Гольбейн Младший

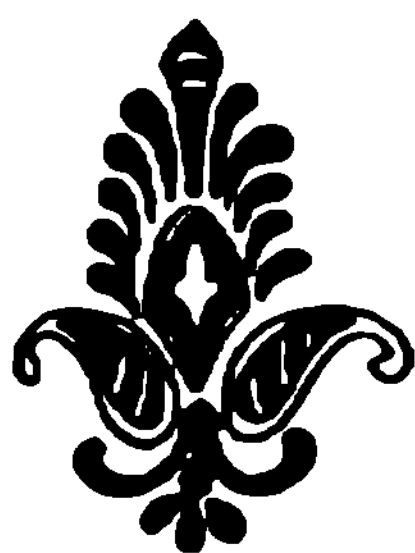

ПРОЛОГ

Я нынче здесь не для веселья, нет!
Картины прошлых лет и страшных бед,
Где рядом с тронем стоны и измены,
Величием волнующие сцены
Представим вам сейчас. Добряк иной
В раздумье скорбном и всплакнет порой —
Тут есть над чем. Кто платит за билеты,
Надеясь правду здесь постигнуть где-то,
Ее найдет. А кто от пьесы ждет
Лишь двух-трех ярких сцен, не упрекнет
Нас за ошибки, и оно понятно:
Всего за шиллинг проведет он знатно
Здесь два часа. И только разве тот,
Кто ради сальностей сюда придет,
Или боев с мечами и щитами,
Иль сцен забавных с пестрыми шутами,
Обманется. Поверьте, господа,
Никак бы нам не миновать стыда,
Когда б высоты правды мы смешали
С шутами и щитами в этом зале.

Расставшись с правдой в хронике своей,
Лишимся мы достойнейших друзей.
Мы знатоками драмы вас считаем
И посему смиренно умоляем
Серьезность сохранять, как мы хотим.
Мы старины картины воскресим
В живых героях. Вот они пред вами
В день славы, окруженные друзьями!
Но дальше, посмотрите, в миг один
Герои в бездну рушатся с вершин.
А вдруг услышу смех по окончанье?
Что ж, плачут иногда и в день венчанья!

АКТ I

Сцена 1

Лондон. Передняя во дворце.

Входят с одной стороны герцог Норфолк,
с другой — герцог Бекингем и лорд Эбергенни.

Бекингем

Добро пожаловать и с добрым утром!
В последний раз во Франции как будто
Мы виделись? Ну, как живете вы?

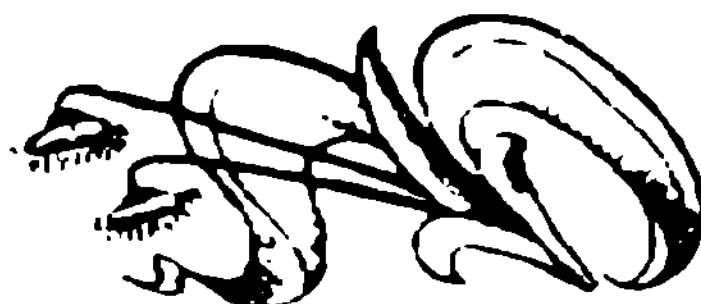
Норфолк

Милорд, благодарю вас. Я здоров.
А всем, что там увидеть довелось мне,
Я восхищаюсь.

Бекингем

Приступ лихорадки

Меня к постели приковал, когда
Два солнца славы, два светила в блеске
Сошлись в долине Ард.

Н о р ф о л к

Да, я там был
И видел, как два всадника друг друга
Приветствовали. Спешившись потом,
Они в объятье тесном как бы слились.
Будь так, тогда б любых четыре трона
Навряд ли перевесили единство
Вот этих двух.

Б е к и н г е м

А я все это время
Прикован был к постели.

Н о р ф о л к

Значит, вы
Земную славу так и не видали.
Сказать бы можно, что дотоле был
Блеск славы холостым, а нынче он
С каким-то новым блеском повенчался.
Любое завтра выше, чем вчера.
Последний день собрал все чудеса:
Звонящие доспехами французы,
Все в золоте, как дикарей кумиры,
Сегодня затмевают англичан,
А завтра — словно Индия пред нами,
И каждый бритт как золотой рудник.
Вот рядом с ними их пажи-малютки,

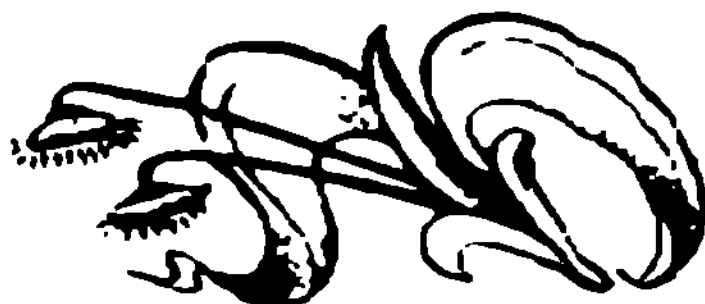
Как раззолоченные херувимы,
А дамы, не привыкшие трудиться,
Под грузом драгоценностей потели,
Их красил и румянил этот труд.
Какой-нибудь наряд на маскараде
Сегодня объявлялся несравненным,
А в следующий вечер он казался
Уже нелепым нищенским отрепьем.
Сравнились в блеске оба короля,
Кто появлялся, тот и побеждал,
Кого увидят, тот и прославлялся,
А вместе их за одного считали.
Никто не смел отыскивать различье
Или хулу сболтнуть о королях.
Когда два солнца — так их называли —
Через герольдов вызвали на бой
Славнейших рыцарей, то началось
Такое, что нельзя себе представить.
Все легендарное вдруг стало былью —
Настолько, что поверить бы могли
И в Бевиса.

Б е к и н г е м

Ну, это вы хватили.

Н о р ф о л к

Поскольку я принадлежу к дворянам,
О чести вам я повествую честно.

Но даже и при мастерском рассказе
События эти что-то теряют.
Рассказом было действие само,
Все было царственно, во всем порядок,
Который ни на миг не нарушался,
И каждый честно исполнял свой долг.

Б е к и н г е м

А кто же этим всем руководил?
Кто стройное сумел придать единство
Торжественному празднеству, скажите?

Н о р ф о л к

Да тот, в ком ранее не замечали
К таким делам талантов.

Б е к и н г е м

Кто же это?

Н о р ф о л к

Все это с мастерством осуществил
Достопочтенный кардинал Йоркский.

Б е к и н г е м

Черт бы его побрал! В любой пирог
Сует он свой честолюбивый палец.
Зачем он лезет в эту суету?
Наверно, может эта глыба жира

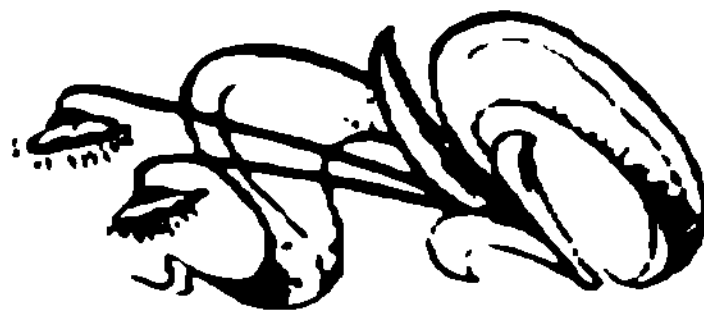
Впитать в свои объемистые недра
Лучи всеозаряющего солнца,
Не дав им до земли дойти.

Н о р ф о л к

Конечно,
Он словно создан для подобных дел.
Ведь он не опирается на предков,
Любезно помогающих потомкам,
Короне он услуг не оказал,
Со знатными он связей не имеет,
Он из себя, подобно пауку,
Все тянет паутину, и мы видим:
Его карьера — личные заслуги.
Вот это дар, ему врученный небом,
И к трону ближе всех он.

Э б е р г е н н и

Я не знаю,
Какой там дар ему вручило небо.
Те, кто позорче, в этом разберутся.
Но вижу я отлично, что надменность
В нем так и прет на свет из каждой щели.
Откуда только он ее обрел?
Коль не из ада, значит, дьявол — скряга
Иль всю ее уж раньше раздарил,
А Вулси новый ад в себе воздвигнул.

Б е к и н г е м

Какого черта он посмел без спросу
У короля ему назначить свиту
Для выезда во Францию? Он сам
Составил список чуть не всех дворян.
Трудов-то много, ну а чести — мало!
Совета мненье даже не узнал...
Он подписал — и этого довольно!

Э б е р г е н н и

Я знаю, что из родичей моих
По крайней мере трое обнищали
Настолько, что уж дел им не поправить.

Б е к и н г е м

Да, многие себе хребет сломали,
Взвалив на плечи груз своих поместий,
Чтоб оплатить расходы по поездке.
Подобное тщеславье привело
К последствиям печальным.

Н о р ф о л к

Очень жаль,

Что мир между французами и нами
Издержек этих всех не окупил.

Б е к и н г е м

Когда пронесся ураган зловещий,
Все вдруг прозрели и, не сговорясь,

Одно и тоже вместе предсказали:
Что буря, запятнав одежды мира,
Разрыв, казалось, дружбе предвещает.

Н о р ф о л к

Так и сбылось. Ведь Франция расторгла
Союз военный, захватив в Бордо
Товары у купцов английских.

Э б е р г е н н и

Значит,

Поэтому посол не принят?

Н о р ф о л к

Да.

Э б е р г е н н и

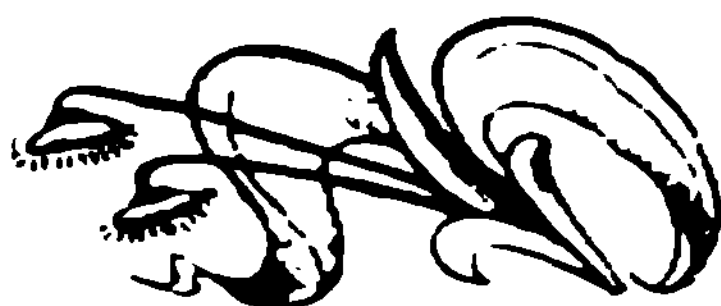
Мир-то хорош, да что-то дорог очень.

Б е к и н г е м

Все это наш почтенный кардинал
Устроил.

Н о р ф о л к

Не забудьте, ваша милость,
Что ваши разногласья с кардиналом
Всем в Англии известны. Мой совет
(А я всех благ сердечно вам желаю) —
Примите во вниманье: кардинал

Могуществен, да и коварен очень;
И помню я, что ненависть его
Любые силы приведет в движение.
Он мстителен — вам нрав его знаком,
А лезвие меча его остро,
И этот меч далеко достает;
Где не достать, туда он меч добросит.
Таков совет — он может быть полезен,
Но вот она, подводная скала,
Которой должно вам остерегаться.

Входит кардинал Вулси. Перед ним несут сумку. За ним следуют несколько телохранителей и два секретаря с бумагами. Кардинал, проходя мимо, смотрит пристально на Бекингема, а тот — на него, оба — весьма презрительно.

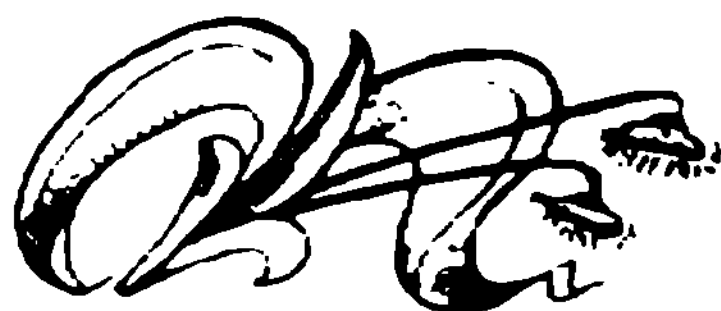
Вулси
(секретарю)

Он управитель герцога? Так, так.
А где его доклад?

Первый секретарь
Здесь, ваша светлость.

Вулси
И сам он тут?

Первый секретарь
Да, ваша светлость, здесь

В у л с и

Так, значит, кое-что еще узнаем,
И Бекингема наглый взгляд померкнет.

(Уходит со свитой.)

Б е к и н г е м

Пес мясника взбесился, брызжет ядом,
А у меня нет сил надеть намордник.
Пусть лучше спит — будить его не будем.
Бедняк ученый вознесен над знатью!

Н о р ф о л к

Что гнев? О кротости молитесь Бога.
Одна она недуг ваш исцелит.

Б е к и н г е м

Против меня он что-то замышляет,
По взгляду видно. На меня глядел
Он как на омерзительного змея.
Сейчас готовит он какой-то фокус.
Пошел он к королю, и я пойду
И брошу вызов там.

Н о р ф о л к

Постойте, герцог!
Пусть посоветуются гнев и разум
О том, что вы хотите предпринять.

На холм крутой взбирайтесь не спеша,
Ведь гнев похож на пылкого коня:
Ослабь узду — и он себя загонит.
Вы лучше всех давали мне советы,
Так будьте другом самому себе.

Б е к и н г е м

Я брошусь к королю, и голос чести
Изобличит ипсуичского нахала,
А не удастся — объявлю публично,
Что нет различья меж людьми.

Н о р ф о л к

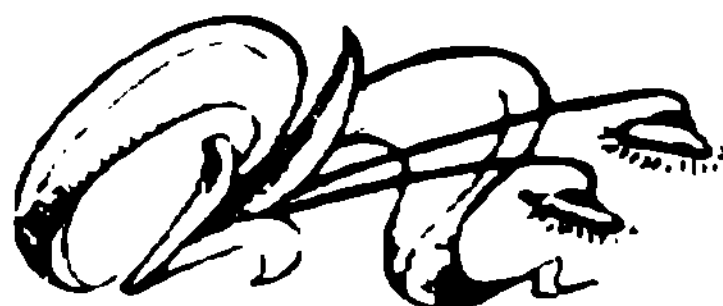
Спокойней!

Вы горн так раскалите для врага,
Что сами обожжетесь. В бурной спешке
Вы можете промчаться мимо цели,
И кончено! Ужель вам не известно —
Вскипая, влага льется через край:
Прирост по виду, а на деле убыль.
Спокойней! Повторяю, лучше всех
Себя в руках вы можете держать,
Но только влагой разума гасите
Иль охлаждайте пламя страсти.

Б е к и н г е м

Сэр,

Благодарю и вашему совету

Последую. Но негодяй изменник!
(Не желчь во мне о нем так говорит,
А твердое, поверьте, убеждение.)
Я знаю из улик и доказательств
Столь ясных, как вода в ручьях в июле,
Где каждый камешек на дне мы видим,
Что он врагам продавшийся изменник.

Н о р ф о л к

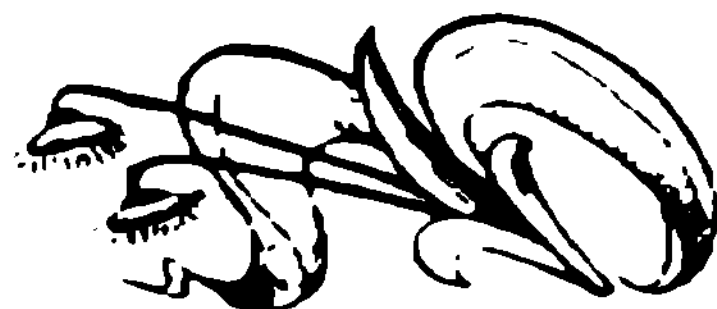
Изменник? Я бы так не говорил.

Б е к и н г е м

А я скажу об этом королю.
Мои улики будут крепче скал.
Сей лис святой, иль волк, иль оба вместе,
Ведь он равно прожорлив и хитер
И так же склонен к злу, как и способен
Его творить, в нем ум и сан высокий,
И, только чтобы блеском всех затмить
Во Франции и здесь, он короля
Подбил на разорительный союз
И, наконец, устроил эту встречу.
Она так много денег поглотила —
Но лопнула затея, как стакан
От кипятка.

Н о р ф о л к

Так именно и было.

Бекингем

Позвольте кончить. Хитрый кардинал
Составил все условия договора,
Как сам хотел. И был подписан мир.
Ведь крикнул он: "Так будет!" — хоть для нас
Такой трактат, что мертвому костыль.
Но раз его составил кардинал,
То он хорош. Ведь наш достойный Вулси
Не может ошибаться. А затем
(Еще пример того, что я назвал бы
Щенком измены — этой старой суки)
К нам прибыл в гости император Карл
Под видом встречи с нашей королевой,
Своею теткой, а на самом деле
Чтоб с Вулси побеседовать тайком.
Боялся он, что дружеский союз
Меж Англией и Францией наносит
Ему ущерб, что скрыты здесь угрозы.
Он вел переговоры с кардиналом:
Я думаю, нет, я почти уверен,
Что попросту его он подкупил.
И сразу он добился своего:
Ведь вымостил он золотом дорогу!
Чего же император пожелал?
Чтоб Вулси короля уговорил
Мир вышеупомянутый нарушить!
Так пусть же от меня король узнает,

Что честью королевской кардинал
Торгует с пользой для себя!

Н о р ф о л к

Мне жаль

О нем все это слышать. Я б хотел
Узнать, что вы ошиблись.

Б е к и н г е м

Ни на йоту!

Каким я здесь его изображаю,
Таким пред всеми и предстанет он.

Входит Б р е н д о н, предшествуемый судейским приставом
и двумя или тремя стражами.

Б р е н д о н

Долг службы тотчас выполняйте!

С у д е й с к и й п р и с т а в

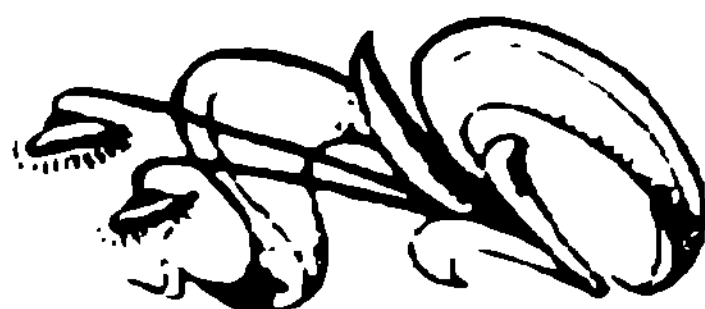
Сэр!

Милорд, светлейший герцог Бекингем,
Граф Херфордский, Стеффордский,
Нортемптонский,

Я арестую вас по обвиненью
В измене. Это воля короля.

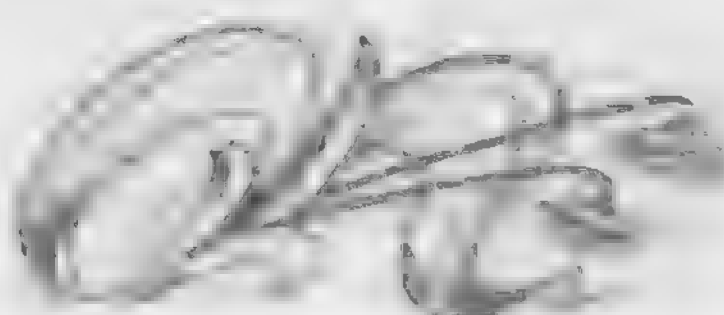
Б е к и н г е м

Ну вот, милорд, я и попался в сеть!
Теперь погибну от коварных козней.

Герцог Норфолк. Художник Ганс Гольбейн Младший

Б р е н д о н

Мне жаль, что вы лишаетесь свободы.
Мне горько это видеть. Но придется
Отправиться вам в Тауэр. Королю
Угодно так.

Б е к и н г е м

Доказывать напрасно
Свою невинность буду. Черной краской
Они замажут белизну мою.
Да будет воля Божья! Повинуюсь.
Прощаюсь с вами я, лорд Эбергенни.

Б р е н д о н

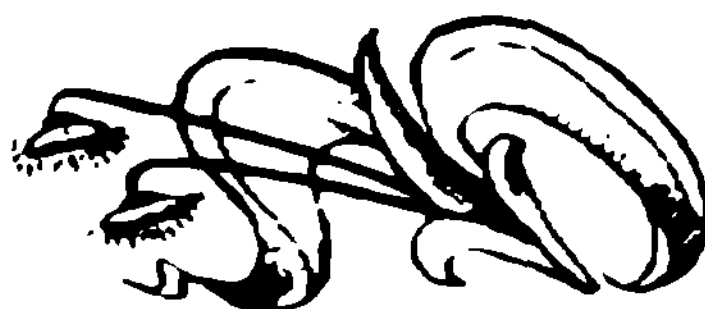
Нет, вместе с вами он пойдет. Король
Желает, чтобы в Тауэре вы ждали,
Что дальше он решит.

Э б е р г е н н и

Я, как и герцог,
Скажу: да совершится воля Божья!
Желанью короля я повинуюсь.

Б р е н д о н

Приказ есть на арест. Лорд Монтекьют,
Священник герцога Джон де ла Кар
И некий Гилберт Пек, Его писец...

Б е к и н г е м

Так, так. Вот главные. И все — надеюсь?

Б р е н д о н

Монах картезианский.

Б е к и н г е м

Хопкинс?

Б р е н д о н

Да.

Б е к и н г е м

Изменник управитель! Он подкуплен
Всесильным кардиналом. Я погиб!
Я только тень бывшего Бекингема.
И затмевает туча в этот миг
Свет солнца моего.— Милорд, прощайте!

Уходят.

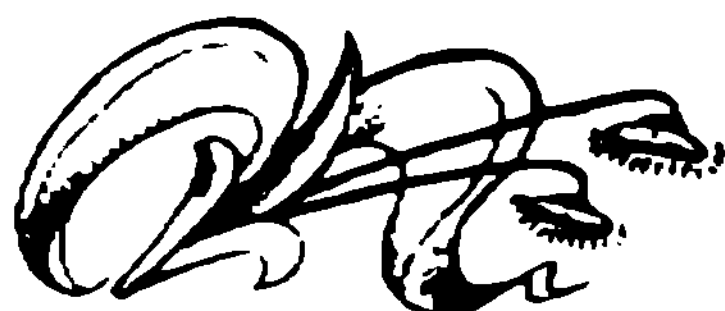
Сцена 2

Там же. Зал совета.

Трубы. Входят король Генрих, опираясь на плечо кардинала Вулси, вельможи и сэр Томас Ловел. Кардинал садится справа от короля, у его ног.

К о р о л ь Г е н р и х

Всей жизнью, всем, что лучшего есть в ней,
Благодарю за верность и заботу:

Был заговор нацелен в сердце мне,
Но вы его прикончили. Спасибо!—
Пускай войдет служитель Бекингема,
Пусть повторит признания свои
И шаг за шагом пусть опять раскроет
Измену господина своего.

Шум за сценой, крики: "Дорогу королеве!" Герцоги Норфолк и
Сеффолк вводят королеву Екатерину. Она опускается на колени.
Король встает, поднимает ее, целует и усаживает рядом с собой.

Королева Екатерина

Нет, я с колен не встану. К вам я с просьбой.

Король Генрих

Садись здесь рядом. Половину просьбы
Не называй — мы вместе делим власть.
Другую же считай уже свершенной.
Желанье повтори, и все.

Королева Екатерина

Спасибо!

Я вот о чем хотела вас просить:
Чтоб вы себя любили и в любви
О чести бы своей не забывали
И о величье власти.

Король Генрих

Продолжай.

Королева Екатерина

Уж многие докладывали мне,
Все люди честные, что ваш народ
Обиды терпит. Изданы указы,
Которые способны уничтожить
Всю верность в нем.— Любезный кардинал,
К вам обращают горькие упреки,
Виновнику налогов, но король,
Чью честь да защитит Господь от злобы,
И он не избежал зазорных слов,
Что подрывают верности устои
И чуть ли не перерастают в бунт.

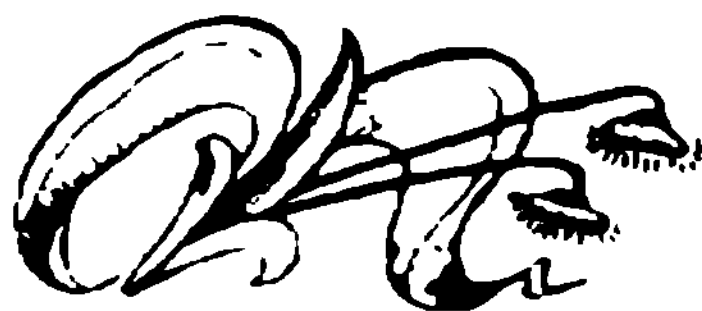
Норфолк

Не чуть ли не, а совершенно точно.
Ведь все суконщики, сочтя налоги
Неодолимым бременем для дел,
Уволили прядильщиков, ткачей,
Чесальщиков и прочих сукновалов,
А те, не годные к иным занятиям,
Под властью голода, в когтях нужды,
В отчаянье судьбе бросают вызов
И угрожают мятежом.

Король Генрих

Налоги?

Какие же? На что? — Лорд-кардинал!

Вы, тот, кого бранят со мною вместе,
Вы знаете о них?

В у л с и

Простите, сэр,
О государственных делах я знаю
Не многое, и скромно я шагаю
В рядах с другими вместе.

К о р о л е в а Е к а т е р и н а

Да, милорд,

Вы знаете не больше, чем другие,
Но вы вершитель дел, известных всем,
Худых для тех, кто знать их не желает,
Но поневоле узнает. Налоги,
О коих хочет знать сейчас король,
Для слуха гибельны и ядовиты,
Под грузом их ломается хребет,
И говорят, что вы ввели их в силу.
Иль слишком вас бранят?

К о р о л ь Г е н р и х

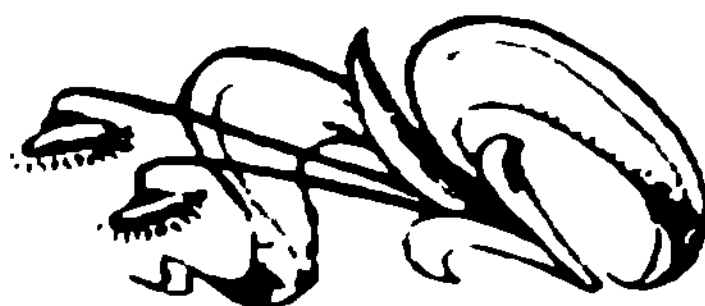
Опять налоги?

Но в чем их суть? Какого рода, в общем,
Налоги эти?

К о р о л е в а Е к а т е р и н а

Я сказала это

Терпенье ваше искушая. Смелость

Я почерпнула в вашем обещанье
Меня простить. Народа недовольство
Вполне понятно. Ведь указ был издан
Шестую часть имущества внести
Немедленно в казну, и называют
Причиной вашу с Францией войну.
Ведет все это к дерзким разговорам,
Все говорят, что долг им нипочем,
В сердцах холодных леденеет верность.
Проклятьями сменяются молитвы,
Уж до того дошло, что их покорность
Становится рабой взъяренной воли.
Прошу вас это тщательно обдумать —
Сейчас важнее дела нет.

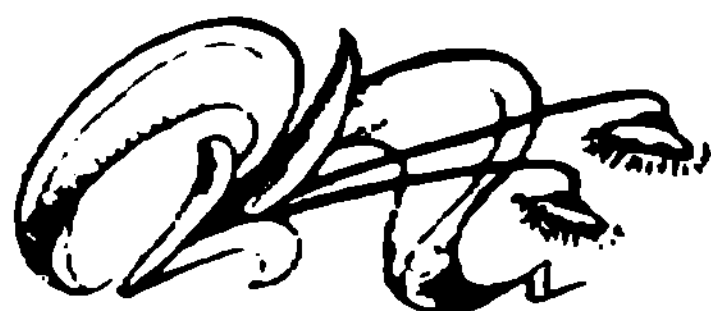
К о р о л ь Г е н р и х

Клянусь,

Что этого совсем мы не хотели.

В у л с и

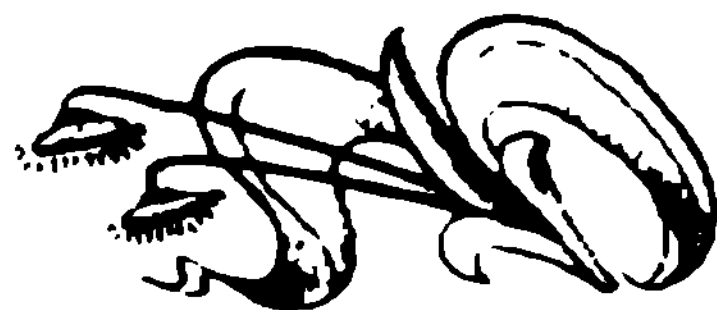
Что до меня, то я свой голос подал,
И только, да и то, услышав мненье
И одобренье опытных людей.
И ежели меня хулят невежды,
Которые, меня совсем не зная,
Желают летопись моих деяний
Вести, — тогда, позвольте мне заметить,
Таков уж власти рок, преодолеть

Должна такие дебри добродетель.
Нельзя же нам от дел необходимых
Отказываться только из боязни,
Что будут нас жестоко осуждать.
Они, подобно стае хищных рыб,
Гоняются за новым кораблем,
Но пользы из того не извлекают.
Благое дело извращают часто
Все те, кому его и не понять.
Не нам припишут или очернят.
Дурное дело часто всем понятней,
Оно грубей, и вот провозглашают
Его благим деяньем. Если мы
Стоять на месте будем, опасаясь,
Что каждый шаг наш осмеют, осудят,
То мы иль корни пустим в глубину,
Иль обратимся в статуи немые.

К о р о л ь Г е н р и х

Дела благие страха не внушают,
Продуманные тщательно к тому же.
А то, чему примеров в прошлом нет,
Вот этого нам следует бояться.
Взимался ли такой налог доселе?
Не думаю. Ведь отрывать нельзя
Нам подданных от наших же законов
И к нашей воле прилеплять с размаху.

Шестая часть? Тут просто в дрожь бросает!
Ведь если мы с деревьев обдерем
Кору да крону, часть ствола и ветви,
То даже если корни мы оставим,
То воздух выпьет соки из калек.
По графствам нашим письма разошлите
И объявите каждому прощение,
Кто не хотел уплачивать налог.
Заняться этим вам я поручаю.

В у л с и

(тихо, своему секретарю)

Короткие отправьте в графства письма
О милости монаршей и прощение.
Общины мною очень недовольны.
Распространите слух о том, что я
Ходатайством у короля добился,
Чтоб их простить и подать отменить.
Потом скажу, как действовать вам дальше.
Секретарь уходит. Входит у правитель Бекингема.

К о р о л е в а Е к а т е р и н а

Прискорбно мне, что герцог Бекингем
Вас прогневил.

К о р о л ь Г е н р и х

Да, многие жалеют.
Он и учен, и редкостный оратор,

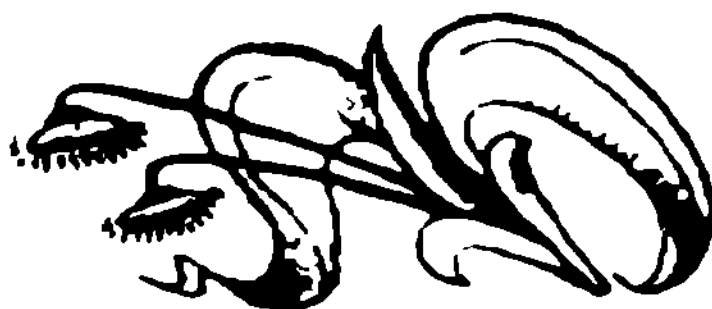
И одарен природой, как никто,
Воспитан так, что мог бы наставлять
И поучать великих мудрецов.
Он помощи не ищет у других.
Но вот, заметьте, в ложном направленье
В душевном строе эти дарованья
Нас поражают в десять раз сильнее
Уродством, чем обычной красотой.
Столь совершенным чудом он казался,
Его речам внимал я в восхищенье,
Час пролетал, как миг. Да, госпожа,
Он все достоинства свои былые
Облек в такой чудовищный наряд,
Так черен стал, как будто бы в аду
Измазался. Оставайтесь с нами, сядьте!
Вот здесь его доверенный, услышим
Сейчас слова, прискорбные для чести.
Пусть сказанное снова повторит,
Хоть долго слушать это неприятно.

В у л с и

Поди сюда и Расскажи, не трусая,
Как верный подданный, что ты узнал
О Бекингеме?

К о р о л ь Г е н р и х

Смело говори.

У п р а в и т е л ь

Во-первых, он обычно каждый день
Такую мерзость повторял, что если
Король умрет бездетным, то на трон
Он сядет сам. Вот эти-то слова,
Клянусь, их слышал лорд Эбергенни,
Зять герцога, и кардиналу клялся
Он отомстить.

В у л с и

Заметьте, государь,
Какой опасный замысел здесь скрыт.
Обманутый желаньями своими,
Всю силу воли сделал он врагом
И вашей величества, и ваших
Друзей.

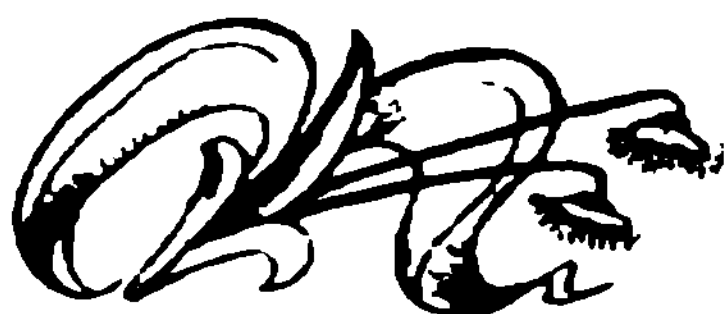
К о р о л е в а Е к а т е р и н а

Прошу, достойный кардинал,
В речах быть милосердным.

К о р о л ь Г е н р и х

Говори!

Как право он свое обосновать
Пытался на престол? Об этом слышал
Ты что-нибудь?

У п р а в и т е л ь

Его подбил на это
Обманщик прорицатель Никлас Хопкинс.

К о р о л ь Г е н р и х

А кто же он?

У п р а в и т е л ь

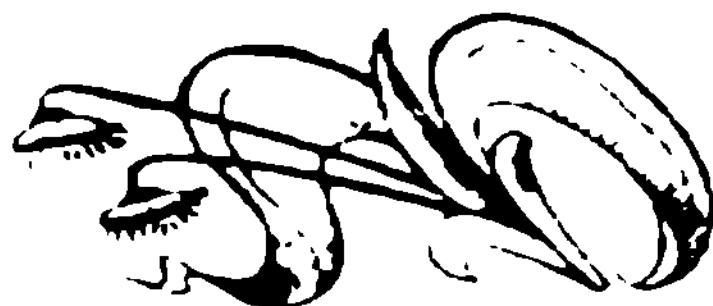
Монах-картезианец.
И духовник его. Ему о троне
Он уши прожужжал.

К о р о л ь Г е н р и х

Почем ты знаешь?

У п р а в и т е л ь

Перед отъездом вашим, государь,
Во Францию однажды в доме Розы,
В Лаврентия Полтнейского приходе,
Вдруг как-то задал герцог мне вопрос:
Что лондонцы толкуют о поездке
Во Францию? А я ему ответил:
Боятся, что французы нас обманут
И королю грозит опасность. Герцог
Сказал тогда: тут есть чего бояться.
И что, пожалуй, правду говорит
Монах, который часто — так сказал он —

Ко мне наведывался и просил
Позволить, чтобы выслушал его
Джон де-ла-Кар, мой капеллан, по делу,
Имеющему важное значение.
Затем его поклясться он заставил,
Что никому на свете, только мне
Поведает все то, что услышал,
И тут же доверительно промолвил:
“Ни королю, ни короля потомкам
Не будет счастья — герцогу скажите, —
Пусть он любовь народа завоюет,
И будет герцог Бекингем тогда
Над Англией царить”.

К о р о л е в а Е к а т е р и н а

Как мне известно,
Вы были управителем, и герцог
Уволил вас из-за того, что много
На вас скопилось жалоб от крестьян.
Поберегитесь! В злобе благородство
Черня, вы душу губите свою.
Еще раз повторяю — берегитесь.
Совет от сердца дан.

К о р о л ь Г е н р и х

Пусть продолжает.
Ну, говори!

У п р а в и т е л ь

Клянусь, что я не лгу,
Я герцогу сказал, что это дьявол
Монаха путает и что опасно
В мечтах подобных заходить далеко.
Возникнет план, уверуешь в него,
И — началось. А он в ответ мне: “Чушь!
Мне тут бояться нечего”. А дальше
Он намекнул, что если бы король
Не справился с последнею болезнью,
То кардинал, а с ним сэр Томас Ловел
Лишились бы голов.

К о р о л ь Г е н р и х

Вот это славно!
Он дышит злобой. Что-нибудь еще?

У п р а в и т е л ь

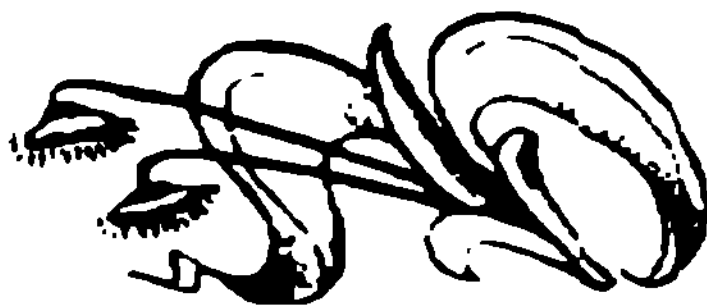
Да.

К о р о л ь Г е н р и х

Продолжай.

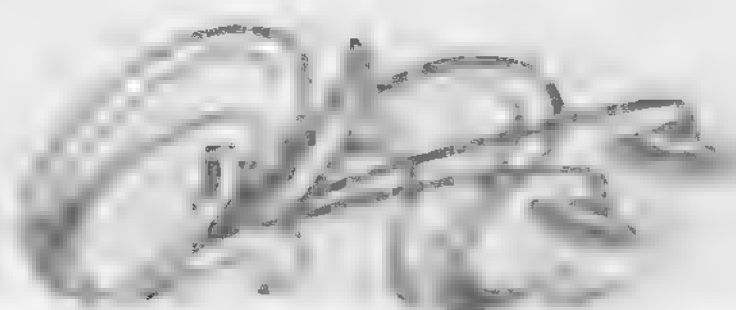
У п р а в и т е л ь

Когда сэр Уильям Бломер
На герцога навлек ваш грозный гнев,
То в Гринвиче...

Королева Екатерина. Художник ван дер Верф

К о р о л ь Г е н р и х

Да, я припоминаю.

Слугу уволил я, а он оставил
Его на службе у себя. Что дальше?

У п р а в и т е л ь

Сказал он: “Ежели б за это в Тауэр
Я был посажен, я бы сделал так,
Как мой отец собрался поступить
С убийцей Ричардом. Он в Солсбери
Просил свиданья с ним, а если б тот
Пришел, он бы склонился перед ним
И нож вонзил в него”.

К о р о л ь Г е н р и х

Ну и предатель!—

Вот, государыня, как жить спокойно
Его величество сумел бы, зная,
Что герцог не в тюрьме.

К о р о л е в а Е к а т е р и н а

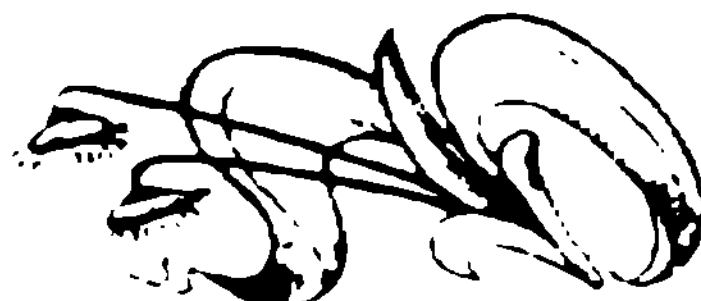
Все в воле Божьей.

К о р о л ь Г е н р и х

Еще ты хочешь что-то нам поведать?

У п р а в и т е л ь

Произнеся слова “отец” и “нож”,
Он выпрямился, за кинжал схватился

Одной рукой, прижал другую к сердцу,
Возвел глаза он к небу, будто с клятвой,
В том смысле, что, мол, будь он оскорблен,
Отца он превзошел бы, как поступок
Стремленье робкое.

К о р о л ь Г е н р и х

Вот час настал
Ему в нас нож вонзить. Уж он в темнице.
На суд его ведите. Если может,
Пускай в законах ищет милосердые,
Там не найдет — у нас пусть и не ищет.
Теперь я совершенно убежден
Что он предатель лютый.

Уходят.

Сцена 3

Там же. Приемная во дворце.

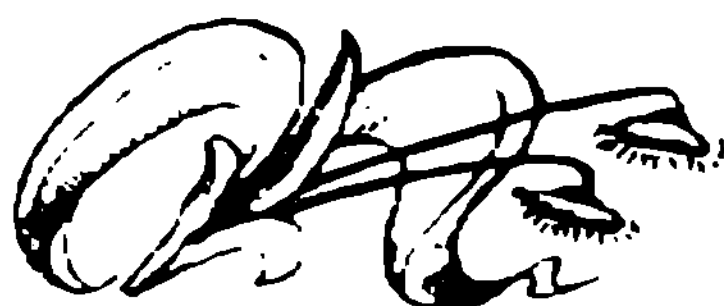
Входят лорд-камергер и лорд Сендс.

К а м е р г е р

Возможно ль, что влияние французов
Нас до таких чудачеств довело?

С е н д с

Да, все гоняются за новой модой,
Смешной и непристойной для мужчин.

К а м е р г е р

Как вижу я, все наши англичане
Из этих путешествий привезли
Лишь две иль три гримасы, но со смыслом:
Когда строят их, поклясться можно,
Что уж во время Лотаря с Пипином
Советниками были их носы.

С е н д с

По-новому, прихрамывая, ходят:
Кто раньше их не видел, тот решит,
Что шпат у них иль язва.

К а м е р г е р

Черт возьми!

И платье на языческий покрой.
Поди, их христианство изнасилось.

Входит Томас Ловел.

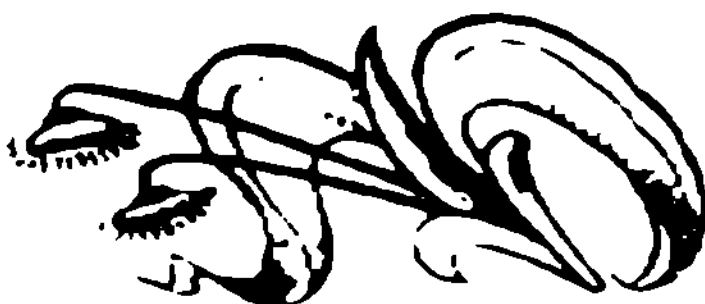
Какие новости, сэр Томас Ловел?

Л о в е л

Да, собственно, не слышно никаких.
Вот разве что указ, на днях прибитый
К воротам замка.

К а м е р г е р

А о чем же он?

Л о в е л

Дается в нем урок всем кавалерам,
Недавно за границей побывавшим
И ныне докучающим двору
Портными, ссорами и болтовней.

К а м е р г е р

Я очень рад! Всем этим господам
Подумать бы, что при дворе английском
Быть можно умным, и не зная Лувра.

Л о в е л

Предложено им — так гласит приказ —
Отбросить прочь все перья, и причуды,
И прочую такую чепуху,
Французские дуэли и петарды,
Издевки над людьми умнее их
Лишь на основе мудрости заморской,
Страсть к теннису и длинные чулки,
Штанишки, вздутые в поездке этой,
И снова стать достойными людьми —
Или убраться прочь к друзьям старинным
И там *cum privilegio*¹ предаться
Опять всем на смех жалкому распутству.

Получив особый патент (лат.).

Пора им дать лекарство. Их недуг
Становится заразным.

К а м е р г е р

Наши дамы
Заплачут, этих франтиков лишившись.

Л о в е л

А как же! Вою тут не оберешься.
Ведь хитрецы же, сукины сыны,
В постельку дам валить-то обучились
Под стоны скрипки, с песенкой французской.

С е н д с

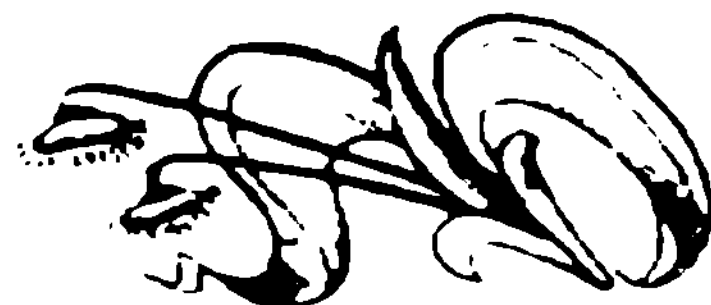
Черт их возьми! Я рад, что их убрали.
Ведь их не переделать все равно.
И нынче честный сельский дворянин,
Такой, как я, давно в игру не вхожий,
Спеть сможет дамам песенку простую.
И нас послушают. И, я клянусь,
Споем не худо.

К а м е р г е р

Сказано прекрасно.
Зубок молочный, значит, не утрачен.

С е н д с

Нет, сберегу хотя бы корешок.

К а м е р г е р

Куда вы шли, сэр Томас?

Л о в е л

К кардиналу.

И вы туда приглашены.

К а м е р г е р

Да, верно.

Сегодня он дает роскошный ужин,
К нему вельможи, дамы соберутся,
Цвет королевства, уверяю вас.

Л о в е л

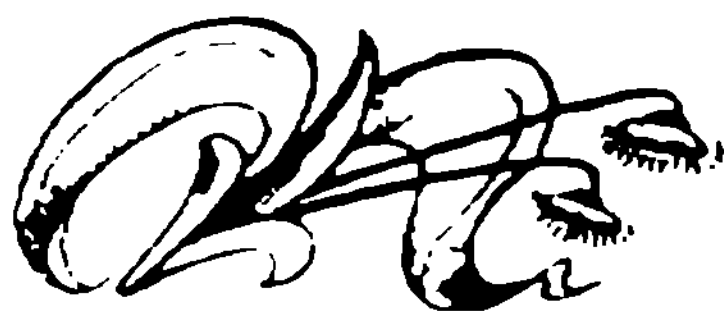
Священник сей и щедр и очень добр,
Рука его как почва изобильна
И как роса.

К а м е р г е р

Он, право, благороден.
Лишь злые языки твердят иное.

С е н д с

Он любит добрым быть. Была бы скупость
Грехом похуже в нем, чем даже ересь.
Чертой таких людей должна быть щедрость,
Они — пример другим.

Камергер

Да, это верно.

Но мало ведь таких, как кардинал.
Меня здесь лодка ждет. Я вас возьму
С собой туда. — Пойдемте же, сэр Томас.
Мне опоздать не хочется — назначен
Я с сэром Генри Гилдфордом сегодня
В распорядители.

Сендс

К услугам вашим.

Уходят.

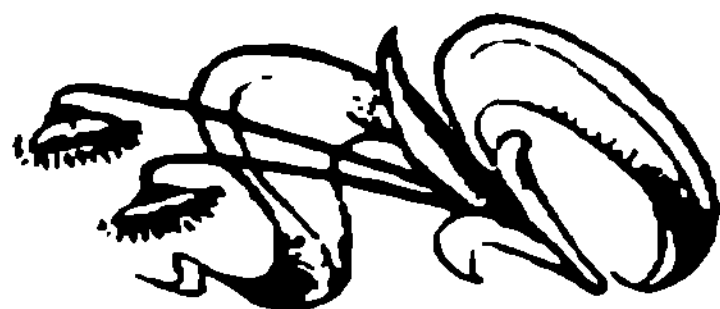
Сцена 4

Зал во дворце кардинала Йоркского.

Гобои. Небольшой стол под балдахином для кардинала, большой для гостей.
Входят в одну дверь гости — кавалеры и дамы, среди которых Анна Буллен; в другую дверь — сэр Генри Гилдфорд.

Гилдфорд

Всем дамам от хозяина привет!
Он этот вечер посвящает вам
И буйному веселью, и, надеясь,
Что все заботы дома позабыты,
Он хочет, чтобы веселы все были, —
Гостям ведь хорошо, раз хороши
Компания, вино, гостеприимство.

Входят лорд-камергер, лорд Сендс и сэр Томас Ловел.

Милорд, вы запоздали, я ж мечтою
О красоте такой был окрылен.

К а м е р г е р

Вы молоды еще, сэр Гарри Гилдфорд.

С е н д с

Сэр Томас Ловел, если б кардинал
Обрел хоть часть моих земных желаний,
То некоторым дамам перед сном
Пришлось бы угощения отведасть
Приятней ужина, пожалуй. Я клянусь,
Что здесь цветник блистательных красавиц.

Л о в е л

Вот если бы вам стать духовником
Одной иль двух особ.

С е н д с

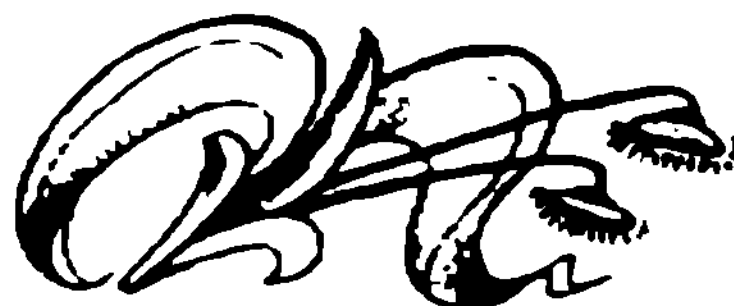
Да, хорошо бы.
Была бы мягкой кара.

Л о в е л

Как так — мягкой?

С е н д с

Такой, какой позволит пух перины.

К а м е р г е р

Прошу прелестных дам занять места.—
Сэр Гарри, сядьте здесь, я там усядусь.
Вот-вот и кардинал...

(Дамам.)

Нельзя вам мерзнуть.

Две дамы рядом холод нагоняют.
Лорд Сендс, прошу вас, развлекайте дам,
Садитесь между ними.

С е н д с

Очень вас

Благодарю.— Красавицы, позвольте.

*(Садится между Анной Буллен
и другой дамой.)*

Простите, если чушь какую брякну,
Я весь в отца.

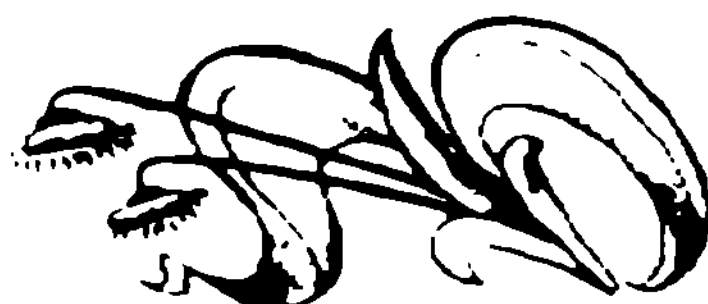
А н н а Б у л л е н

А он был сумасшедший?

С е н д с

Да, он совсем рехнулся от любви.
Он не кусался, но вот так, как я,
Он вас раз двадцать чмокнул бы подряд.

(Целует ее.)

К а м е р г е р

Опять прекрасно сказано, милорд.
Теперь сидят все гости так, как надо.
Но, господа, ответственность на вас,
Коли уйдут красавицы нахмурясь.

С е н д с

Уж как-нибудь. Вы только не мешайте.

Гобои.

Входит кардинал Вулси со свитой и занимает свое место.

В у л с и

Приветствую гостей! Но кто из дам
Или господ не будет нынче весел,
Тот мне не друг. Чтоб завершить привет,
Я пью здоровье всех.

(Пьет.)

С е н д с

Вот благородство!
Такой мне кубок дайте, чтоб вместил
Всю благодарность, — он мне речь заменит.

В у л с и

Милорд, прошу, повеселите дам. —
Скучаете вы, дамы. — Господа,
Чья тут вина?

С е н д с

Пусть красное вино
На щечках вспыхнет, и они тогда
Начнут болтать.

А н н а Б у л л е н

Вы, право, весельчак,
Лорд Сендс.

С е н д с

Тогда, когда веду игру.
Я пью за вас. Вы тост мой поддержите.
Я пью за то...

А н н а Б у л л е н

Что показать нельзя?

С е н д с

Я говорил же, что начнут болтать.
За сценой — трубы, барабаны и пушечные выстрелы.

В у л с и

В чем дело там?

К а м е р г е р

Эй, кто там, поглядите!

Слуга уходит.

Вулси

Что означает этот шум сраженья? —
Нет, дамы, вы не бойтесь. По законам
Войны всегда даются льготы вам.

Слуга возвращается.

Образцы средневековых монет

Камергер

Ну, что же там?

Слуга

Отряд вельмож каких-то.

Они причалили, из лодки вышли
И шествуют сюда, как бы послы
Иной страны.

В у л с и

Любезный камергер!

Прошу, вы по-французски говорите,
Подите встретьте их гостеприимно,
Сюда введите, чтобы ослепило
Их небо красоты. Возьмите слуг.

Камергер и еще несколько человек уходят. Все встают, слуги отодвигают
столы.

Пир прерван наш, но дело поправимо.
Я всех гостей приветствую опять
И аппетита доброго желаю.

Гобои. Входят маски в костюмах пастухов, среди них — король Ген-
р их. Их вводит лорд-камергер. Они направляются прямо к кардина-
лу и почтительно кланяются ему.

Какое общество! Что им угодно?

К а м е р г е р

Они не понимают по-английски,
И вам они просили передать,
Что слух дошел до них об этом пире,
Который нынче должен состояться.
И, преклоняясь перед красотой,
Они свои покинули стада
И умоляют вас позволить им
Всех этих дам прелестных лицезреть
И час иль два здесь провести вольготно
За пиршеством.

В у л с и

Скажите, что они
Честь оказали скромному жилищу.
Я их благодарю тысячекратно,
И быть как дома попрошу гостей.

Гости приглашают дам на танец. Король Генрих приглашает Анну Буллен.

К о р о л ь Г е н р и х

Прелестнейшая ручка на земле!
О красота, тебя не знал я раньше.

Музыка. Танцы.

В у л с и

Милорд!

К а м е р г е р

Что, сэр?

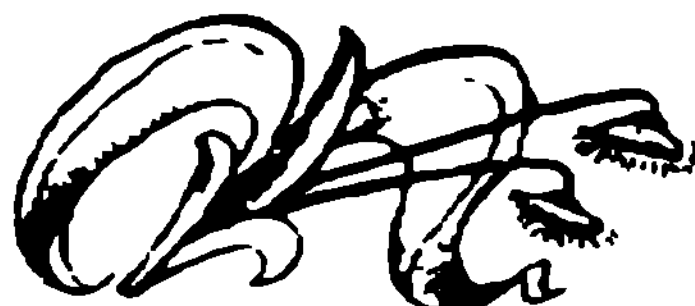
В у л с и

Прошу, скажите им,
Что среди них, по-видимому, тот,
Кто больше быть хозяином достоин.
И если б я его узнал, пред ним
Склонился бы с любовью и почтеньем.

К а м е р г е р

Скажу, милорд...

(Шепчется с масками.)

В у л с и

Что говорят они?

К а м е р г е р

Они признались, что здесь есть особа...
Пусть ваша милость лишь ее узнает,
И ваше место он займет.

В у л с и

Посмотрим!

(Подходит к маскам.)

Простите, господа! Вот выбор мой:
Король!

К о р о л ь Г е н р и х

Вы угадали, кардинал!

(Снимает маску.)

У вас тут весело. Что ж, превосходно!
Вы, кардинал, священник, а не то
О вас Бог знает что подумать можно.

В у л с и

Я рад, что мой король шутить изволит.

К о р о л ь Г е н р и х

Лорд-камергер, подите-ка сюда,
Что это за прелестная особа?

Камергер

Дочь рыцаря... Такой есть Томас Буллен,
Виконт Рочфорд.— Она одна из фрейлин.

Король Генрих

Клянусь, она прелестна!— Дорогая,
Ведь было бы, пожалуй, неучтиво
Вас пригласить — и не поцеловать!

(Целует ее.)

Я пью за всех. Пустите вкруговую.

Вулси

Сэр Томас Ловел, в комнате отдельной
Накрыли стол?

Ловел

Да.

Вулси

Государь, боюсь,
Что танцы вас слегка разгорячили.

Король Генрих

Не слишком ли?

Вулси

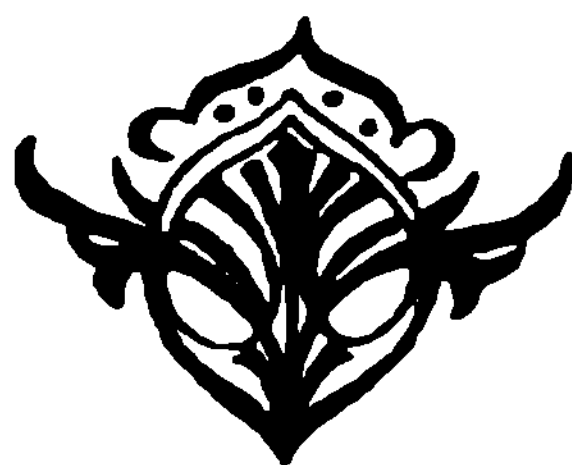
Там воздух посвежей,
В соседней комнате.

К о р о л ь Г е н р и х

Пусть каждый даму поведет свою.—
Красавица, давайте веселиться!—
Лорд-кардинал, поднять сейчас бокалы
Нам надо за здоровье этих дам.
Я с каждой буду танцевать. Пускай
Угадывают, кто мне всех милее!—
Эй, музыку для танцев! Начинайте!

Уходят под музыку.

АКТ II

Сцена I

Уэстминстер. Улица.

Встречаются два дворянина.

Первый дворянин

Куда спешите вы?

Второй дворянин

Храни вас Бог!

Я в суд бегу скорей узнать, что будет
С великим Бекингемом.

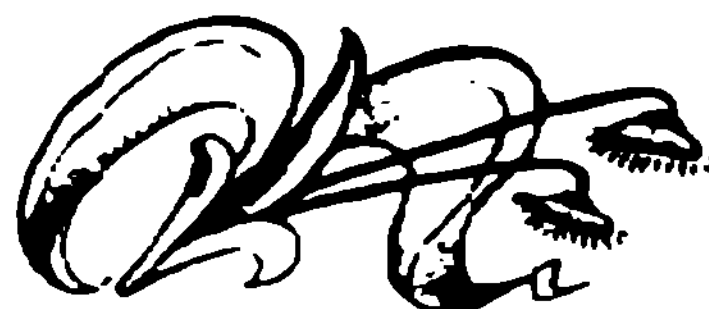
Первый дворянин

Облегчу

Вам этот труд. Суд кончен, и в тюрьму
Его отправят снова.

Второй дворянин

Вы там были?

Первый дворянин

Да, я там был.

Второй дворянин

Но что же там случилось?

Первый дворянин

Легко понять.

Второй дворянин

Что, признан он виновным?

Первый дворянин

Ну да, и к смерти он приговорен.

Второй дворянин

Мне очень жаль.

Первый дворянин

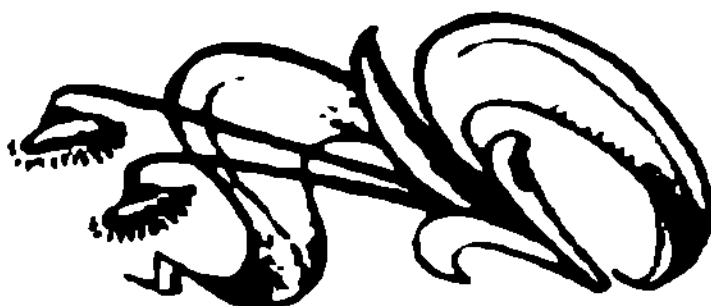
Не одному вам жаль.

Второй дворянин

Но расскажите, как же это было?

Первый дворянин

Я вкратце расскажу. Великий герцог
Упорно отрицал свою вину.

И очень много доводов удачных
Привел в опровержение обвиненья.
На это королевский обвинитель
Сослался на улики и признанья
Свидетелей различных. Очной ставки
Тут герцог *viva voce*¹ пожелал,
И посему явились — управитель,
Сэр Гилберт Пек, писец его, Джон Кар,
Его священник, и монах проклятый,
Затеявший все это, — дьявол Хопкинс.

Второй дворянин

Ему всегда предсказывавший?

Первый дворянин

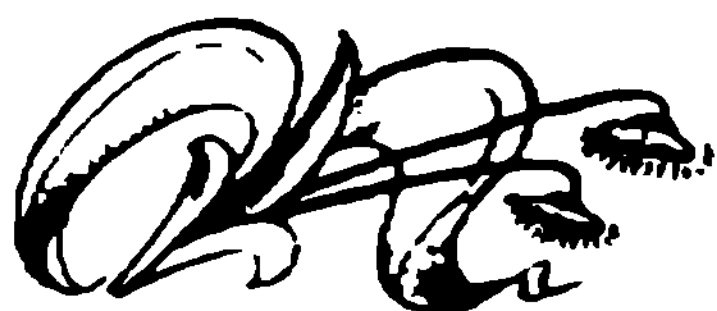
Да.

Они его все вместе обвиняли.
Отбиться бы он рад, да не сумел.
И пэры в государственной измене
Его виновным потому признали.
Себя он защищал умно, но судьи
Иль с жалостью, иль просто не внимали.

Второй дворянин

И как же он все это перенес?

В форме устной беседы (лат.).

Первый дворянин

Когда опять предстал он пред судом,
Чтобы услышать звон свой погребальный,
Свой приговор, он страхом был объят,
Облился потом, что-то крикнул в гневе.
Затем опомнился и уж затем
Смиренно вел себя и благородно.

Второй дворянин

Не думаю, чтоб он боялся смерти.

Первый дворянин

Конечно, он не робкая девица,
Но все же как-то жалко.

Второй дворянин

Несомненно,
Причиною тут кардинал.

Первый дворянин

Как видно.

Сначала Килдера он обвинил,
Правителя Ирландии в то время.
Затем сменил его он графом Серри,
Скорей, чтоб тот помочь не мог бы тестю.

Второй дворянин

Да, тут видна завистника интрига.

Первый дворянин

Граф отомстит ему, когда вернется.
Замечено, и всем известно даже,
Что, чуть король к кому благоволит,
Мгновенно кардинал тому находит
Любую должность от двора подальше.

Второй дворянин

Всем общинам так ненавистен он,
Да провались он! — общее желанье! —
А герцога все любят и жалеют
И добрым Бекингемом именуют,
Зерцалом чести.

Первый дворянин

Здесь еще побудьте.
Вот тот, кто благороден, но погублен.

Входит Бекингем, возвращающийся из суда. Перед ним стража
секирами, обращенными в его сторону; стража с алебардами — по обе
стороны от него. За ним — сэр Томас Ловел, сэр Никлас Вокс,
сэр Уильямс Сендс и народ.

Второй дворянин

Пройдемте-ка вперед, там всё увидим.

Бекингем

О люди добрые, сюда пришли вы
Издалека, чтоб пожалеть меня!
Послушайте меня, затем ступайте

Домой и позабудьте обо мне.
Изменником объявлен я сегодня
И должен умереть. Свидетель небо,
Что, если я изменник, на меня
Пусть грянет как топор моя же совесть.
За смерть мою я судей не виню,
Их приговор основан на уликах,
Но тем, кто ждал и жаждал приговора,
Желаю больше христианских чувств.
Пусть будет как хотят, я их прощаю,
Но славы пусть не ищут в злодеяньях,
Достойным людям пусть могил не роют,
Иль кровь моя безвинная о них
Возопиет. Жить не надеюсь дольше
И не молю, хоть милостив король
Гораздо больше, нежели я грешен.
Вас мало здесь, сочувствующих мне,
Дерзнувших слезы лить о Бекингеме.
О добрые друзья, вы благородны!
Как ангелы, меня сопровождайте
До горького, до смертного конца!
Когда ж меня настигнет сталь разлуки,
Как жертву пусть внесут молитвы ваши
Мой дух на небо. С Богом, в путь!— Ведите!

Л о в е л

Высокородный лорд, вас умоляю:

О, если вы когда-то на меня
Таили злобу, то теперь простите.

Б е к и н г е м

Сэр Томас Ловел, я прощаю вас!
Мне б так простили. Я прощаю все!
Не так уж много вынес я обид,
Чтоб с ними мне сейчас не примириться.
Не унесу в могилу злобы черной.
Привет мой передайте королю,
А если речь зайдет о Бекингеме,
Скажите — к небу я на полпути.
Но все же я за короля молюсь,
Пока душа во мне, благословляю,
Пусть дольше он живет, чем мне осталось
Минут, чтоб сосчитать его года!
Да правит он, любимый, всем на счастье!
Когда ж умрет он стариком седым,
Пусть доброту в гробу хоронят с ним.

Л о в е л

Я проводить вас должен до реки.
Сэр Никлас Вокс вас примет у меня
И будет с вами до конца.

В о к с

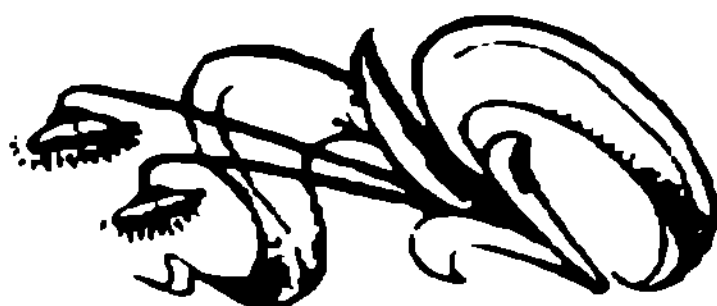
Эй, там!
Готовы ль вы? Уж герцог подошел.

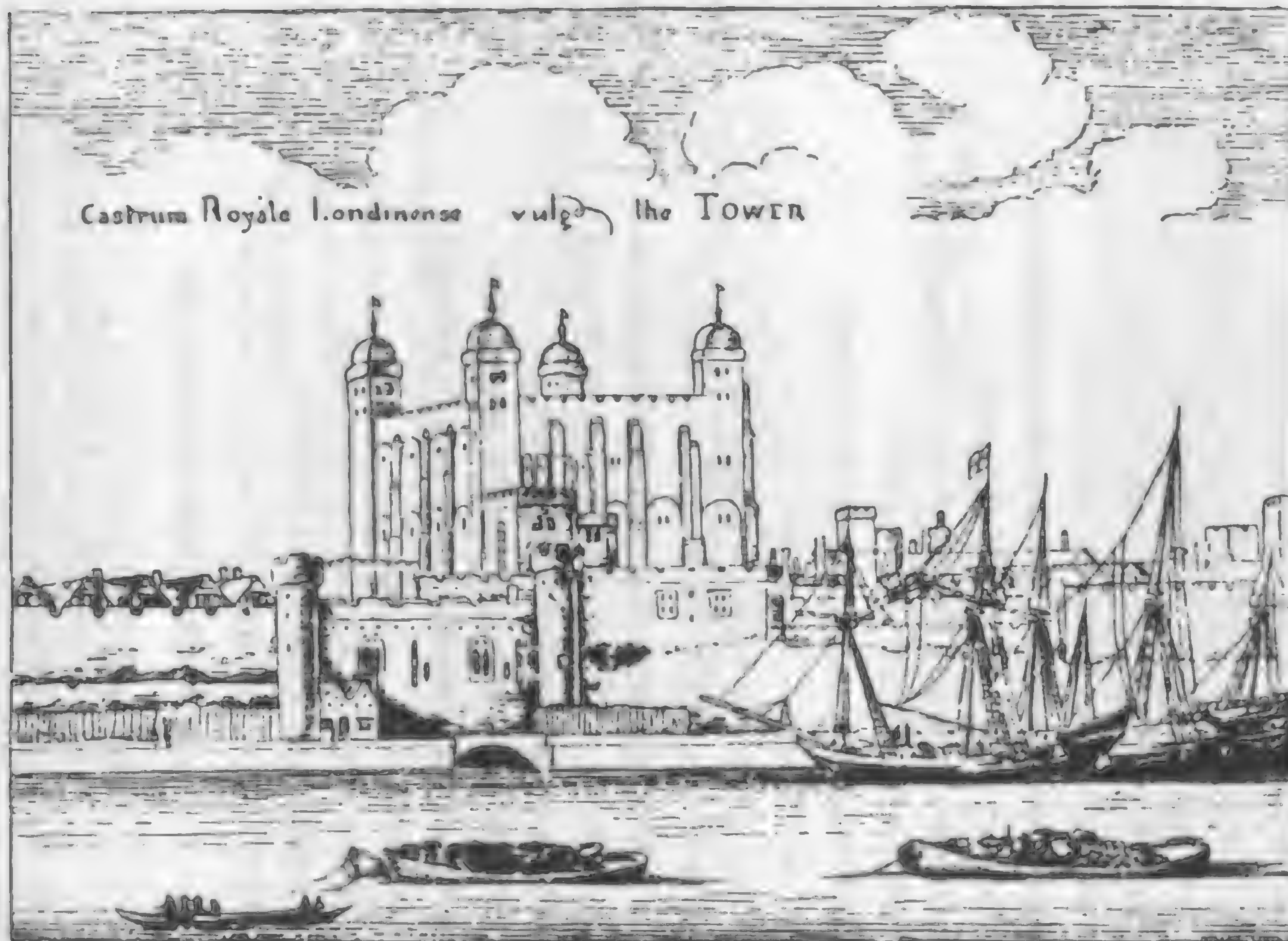

Украсьте лодку так, как подобает
Его особе.

Б е к и н г е м

Нет, сэр Никлас, нет.
Оставьте! Нынче это лишь насмешка.
Прибыв сюда, я звался лорд-констебль
И герцог Бекингем, ну, а теперь
Я снова только бедный Эдвард Бун,
Но все же я значительно богаче
Бесчестных обвинителей своих
(Не ведающих, что такое правда).
Я кровью эту истину скреплю,
За эту кровь им каяться придется.
Отец мой славный, Генри Бекингем,
Восстав на Ричарда-злодея первый,
Бежал потом за помощью к слуге,
Но выдал подлый Бенистер отца,
И без суда отец был предан казни.
Да будет вечный мир его душе!
Он был оплакан Генрихом Седьмым,
Который, как монарх великодушный,
Вернул мне имя, и оно из праха
Лишь большим благородством воссияло.
А сын его, да и наследник, Генрих
Восьмой, и жизнь, и честь, и имя отнял.
Все, чем я счастлив был, — одним ударом.

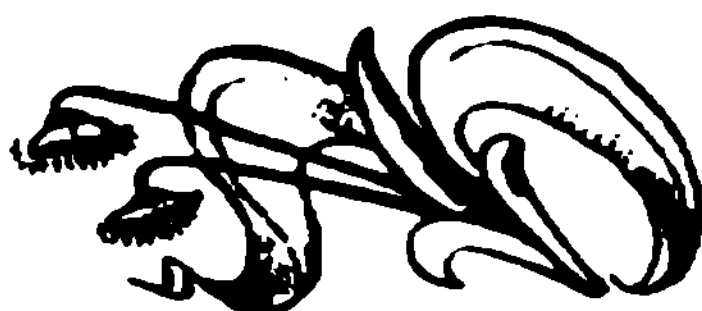
Тауэр. Средневековая миниатюра

Меня судили, признаюсь, достойно,
Здесь посчастливилось мне чуть побольше,
Чем некогда несчастному отцу.
Но все же нас одна судьба постигла,
Мы оба с ним погибли из-за слуг,
Которых, кстати, больше всех любили.
Бесчестно и бесчеловечно это!
Все в воле неба! Вы же все — внимайте,
Вам умирающий дает совет:
Любовь свою дарите людям щедро,
Но не доверье. Ваши же друзья,
Кому открыто ваше сердце, видя
Малейшие препоны в вашем счастье,
От вас отхлынут, словно волны, прочь
И, только чтоб вас потопить, вернутся.
Друзья мои, молитесь за меня!
Теперь пора мне вас навек покинуть,
Настал последний час усталой жизни!
Прощайте!
А захотите рассказать о грустном,
Поведайте о том, как я погиб!
Я кончил. — Да простит меня Господь!

Бекингом и провожающие его уходят.

Первый дворянин

Мне жаль его! Боюсь, падет за это
Проклятий тьма на голову виновных.

Второй дворянин

Прискорбно, если он не виноват.
Но я теперь могу вам намекнуть
На худшую беду, что ждет в грядущем.

Первый дворянин

Спасите, ангелы, нас от нее.
Какая же? В вас нет ко мне доверья?

Второй дворянин

Да, это тайна важная весьма,
Не всякому ее доверить можно.

Первый дворянин

Поведайте ее, я не болтун.

Второй дворянин

Ну хорошо, я вам ее доверю.
Не слышали ли вы недавно толки
О том, что наш разводится король
С Екатериной?

Первый дворянин

Слух не подтвердился.
Король узнал о нем и, разъяренный,
Лорд-мэру приказал все это кончить
И рты заткнуть ретивым болтунам.

Второй дворянин

Но клевета ведь превратилась в правду!
Она растет опять еще сильнее,
Считают, что король решил рискнуть!
По-видимому, или кардинал,
Иль кто-то из его людей, желая
Вред учинить достойной королеве,
Ему сомненье в душу заронил,
Чтоб королеву погубить. Недавно
Сюда и кардинал Кампейус прибыл,
Как полагают все, с такой же целью.

Первый дворянин

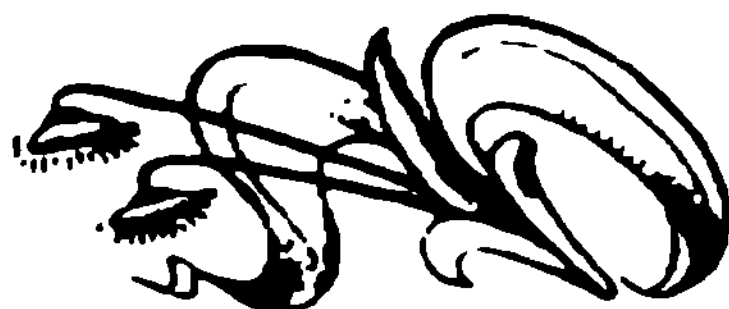
Да, это все устроил кардинал!
В отместку императору за то,
Что отказался тот его назначить
Потом архиепископом Толедским.

Второй дворянин

Вот именно. Но разве не жестоко
За это на нее обрушить кару?
Так хочет кардинал! Ей суждено
Погибнуть.

Первый дворянин

Это все весьма печально.

Но здесь, пожалуй, могут нас подслушать.
Ко мне пойдёмте, там поговорим.

Уходят.

Сцена 2

Там же. Передняя во дворце.

Входит лорд-камергер, читая письмо.

Камергер. “Милорд! Лошади, за которыми послала ваша светлость, были мною самым тщательным образом выбраны, объезжены и снабжены сбруей. Они молоды, красивы и принадлежат к лучшей северной породе. Когда они были уже триготовлены к отправке в Лондон, слуга лорда-кардинала забрал их у меня по его полномочию и приказу, заявив при этом, что его господин требует, чтобы ему служили лучше, чем любому подданному, если не лучше, чем самому королю,— и вот это-то, сэр, и заткнуло нам рты”.

Боюсь, что так он хочет. Ну и пусть
Берет коней! Он все возьмет, я знаю!

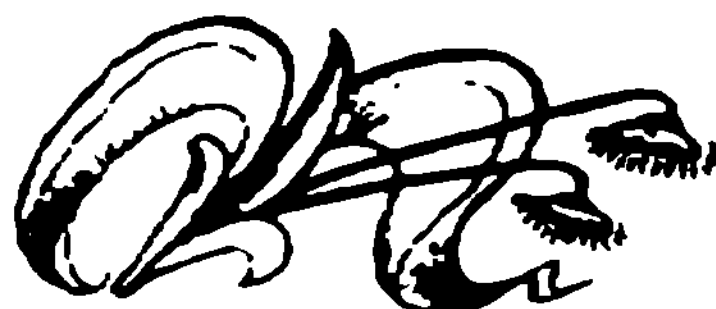
Входят герцоги Норфолк и Сеффолк.

Норфолк

Лорд-камергер, привет!

Камергер

День добрый вам.

Сеффолк

Чем занят государь?

Камергер

Сидит один.

В печали и тоске.

Норфолк

А в чем причина?

Камергер

Я думаю, что брак с женою брата
В нем совесть пробудил.

Сеффолк

О нет, в нем совесть
Вдруг пробудилась вновь от новой дамы.

Норфолк

Все кардинал, властитель кардинал!
Слепой священник, старший сын Фортуны,
Всем вертит, как желает. Но король
Поймет когда-нибудь, что он за птица!

Сеффолк

Дай Бог! А то себя он не поймет.

Н о р ф о л к

Как он дела ведет благочестиво
И как усердно! Вот теперь союз
Он разорвал, в котором с нами был
Племянник королевы, император.
Он в глубь души прокрался к королю
И сеет там сомненья, опасенья,
Укоры совести, тревоги, страх —
Все из-за брака этого. Как средство
Избавиться — советует развод.
Разлуку с той, кто вот уж двадцать лет
С ним рядом, как немеркнущий алмаз,
С той, кто горит к нему святой любовью,
Как к праведникам ангелы. Да, с той,
Кто даже под ударом грозным рока
Благословенье слала б королю.
Ну развен это все не благочестье?

К а м е р г е р

Избавь нас, Боже, от таких советов!
Да, это так, об этом слухи всюду,
Толкуют все, и каждый сожалеет.
А кто дерзнет всмотреться чуть поглубже,
Наверно, цель конечную уловит —
Сестру французского монарха. Небо
Откроет вскоре королю глаза,

Так долго замкнутые наглецом,
И стать его рабами нам не даст.

Н о р ф о л к

Молиться должно
Нам о своем спасении усердно,
Иль этот властелин нас из вельмож
Пажами сделает. Чины и ранги,
Как глины ком бесформенный, пред ним,
Он придает ему любую форму.

С е ф ф о л к

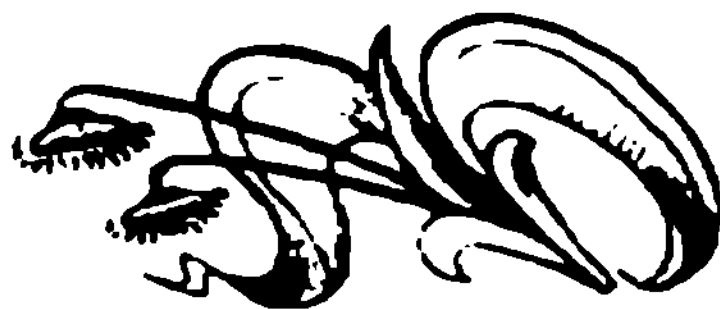
Я не люблю его, но не боюсь.
Вот мой девиз, сиятельные лорды.
Не он меня создал, и я останусь
Таким же, лишь бы пожелал король.
Его проклятья и благословенья —
Все это миф, мираж, я им не верю.
Я знал его и знаю. Пусть займется
Им папа, тот, кто в нем раздул гордыню.

Н о р ф о л к

Войдем, попробуем другим вопросом
Отвлечь от грустных мыслей короля.—
Милорд, вы вместе с нами?

К а м е р г е р

Извините,
Король мне дал иное порученье,

Да и не время как-то беспокоить...
А вам всех благ.

Н о р ф о л к

Лорд-камергер, спасибо.

Лорд-камергер уходит.

Отдергивается занавес, за которым в задумчивости сидит
король Генрих; он читает.

С е ф ф о л к

Как мрачен он! Да, удручен он сильно.

К о р о л ь Г е н р и х

Кто там еще?

Н о р ф о л к

Дай Бог, чтоб не был в гневе.

К о р о л ь Г е н р и х

Кто там, я говорю? Да как вы смели,
Ворвавшись, помешать моим раздумьям?
Кто перед вами, а?

Н о р ф о л к

Вы, государь,
Прощающий невольные обиды;
Мы вас по государственному делу
Дерзнули потревожить.

К о р о л ь Г е н р и х

Слишком смелы!

Вон! Я вам покажу для дела время!

Что это, час для ваших дел пустячных?

Входят кардиналы Вулси и Кампейус.

Кто там? Мой добрый кардинал. О Вулси!

Ты совести больной успокоенье.

Бальзам для короля!

(Кампейусу.)

Почтенный сэр,

Добро пожаловать к нам в королевство.

Мы и оно сейчас к услугам вашим.

(К Вулси.)

Прошу вас позаботиться, милорд,

Чтоб не пошли мои слова на ветер.

В у л с и

Нет, не пойдут. Я только попрошу,

Чтоб нам вы для беседы уделите

Хотя бы час.

К о р о л ь Г е н р и х

(Сеффолку и Норфолку)

Мы заняты. Ступайте.

Н о р ф о л к

(тихо, Сеффолку)

Прелат наш не надменен.

Сеффолк
(тихо, Норфолку)

Да, не слишком.
Но пост его занять я не желал бы.
Однако так не может продолжаться.

Норфолк
(тихо)

А если да, то я тогда рискну
Пойти в атаку на него.

Сеффолк
(тихо)

Я с вами.

Норфолк и Сеффолк уходят.

Вулси

Вы всем монархам мудрости пример
Явили, государь, свои сомненья
Отдать на суд церковный пожелав.
Кто злобно клеветать теперь посмеет?
Испанцы, кровно связанные с нею,
Должны по справедливости признать
Законным этот суд и благородным,
И клирики из христианских стран
Все это, без сомнения, обсудят.
Вот Рим, источник истинных суждений,

По вашей просьбе и прислал сюда
Достойного ученого судью.
Здесь перед вами кардинал Кампейус,
Позвольте вновь его представить вам.

К о р о л ь Г е н р и х

Приветствуя его и обнимая,
Святой конклав за все благодарю.
Он мне прислал того, кого мне надо.

К а м п е й у с

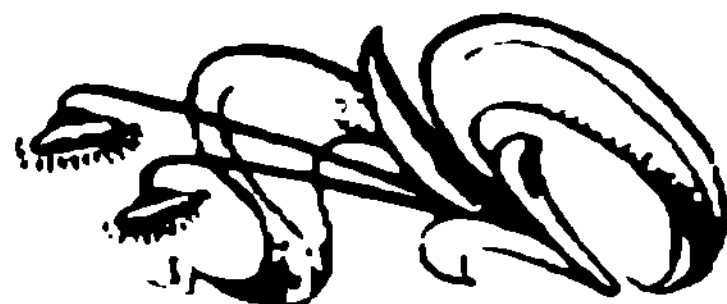
Все иноземцы, государь, вас любят
За ваше благородство. Разрешите
Вручить вам грамоты мои из Рима.
Согласно им вы, кардинал Йоркский,
Назначены со мною вместе быть
Судьею беспристрасным в этом деле.

К о р о л ь Г е н р и х

Два равных! Пусть узнает королева
О вашей миссии. Где Гардинер?

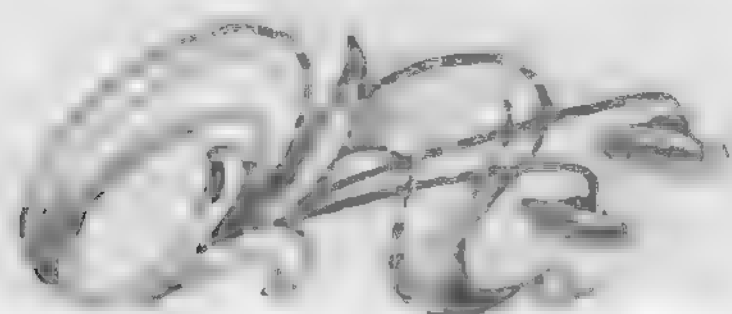
В у л с и

Вы королеву любите так нежно,
Что, знаю, не откажете ей в том,
На что любой жене дается право:
Себе защитников ученых взять.

Готический собор в Солсбери

К о р о л ь Г е н р и х

Да, лучших мы дадим на помощь ей!
Я награжу того, кто самым лучшим
Окажется. Иному быть грешно!
Я попрошу, любезный кардинал,
Вы Гардинера к нам сюда пришлите.
Мой новый секретарь — умелый малый.

Вулси уходит и тотчас возвращается с Гардинером.

В у л с и
(*тихо, Гардинеру*)

Ну, руку жму. Желаю вам успеха.
Вы — приближенный короля отныне.

Г а р д и н е р
(*тихо, к Вулси*)

Но я всегда жду ваших приказаний,
Ведь ваша власть возвысила меня.

К о р о л ь Г е н р и х

Поди-ка, Гардинер, сюда...

Они тихо беседуют, прохаживаясь по зале.

К а м п е й у с

Милорд Йорк, не состоял ли раньше
В сей должности какой-то доктор Пэйс?

В у л с и

Да.

К а м п е й у с

Был он сведущим лицом?

В у л с и

Конечно.

К а м п е й у с

Так вот на этот счет о вас идет
Молва худая, кардинал.

В у л с и

Неужто?

К а м п е й у с

Вас в зависти бесстыдной обвиняют:
Он, дескать, был так чист и благороден,
Что вы его тайком от короля,
Боясь соперничества, отдаляли,
От горя он сошел с ума и умер.

В у л с и

Да будет вечный мир его душе!
Так долг велит сказать мне христианский,
А болтунам живым найдем управу.
Тот добродетельным был дураком,

А этот добрый малый мне послушен.
Другого я не подпущу так близко.
Запомните, любезный брат, мешать
Нам не должны ничтожные людишки.

К о р о л ь Г е н р и х

Все королеве доложи смиренно.

Гардинер уходит.

Блекфрайерс я считал бы лучшим местом
Для столь мноюученых заседаний.
Там встретимся для этих важных дел.
Мой Вулси, позаботьтесь обо всем!
Как тяжело, милорд, во цвете лет
С такой супругой милой расставаться.
Но совесть, совесть! Как все это трудно!
Расстаться должен я теперь с женой!

Уходят.

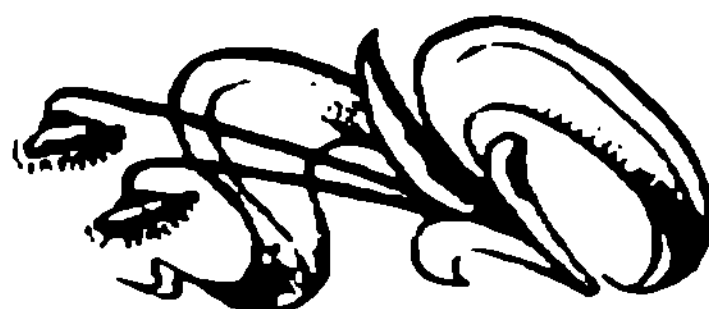
Сцена 3

Передняя в покоях королевы.

Входят Анна Буллен и пожилая леди.

А н н а Б у л л е н

Нет, и не то! Вот боль, что сердце колет:
Его величество с ней прожил долго,
Она такой хороший человек,

О ней никто не смел худое молвить.
Клянусь, она и зла вовек не знала!
И вот теперь, когда кругов так много
Свершило коронованное солнце,
Все ярче, все пышнее каждый год, —
Утратить это в тысячу раз горше,
Чем было сладостно обрести впервые.
Вдруг услыхать: уйди! Тут прослезится
И зверь.

П о ж и л а я л е д и

Да, и суровые сердца
О ней жалеют.

А н н а Б у л л е н

Боже! Лучше б ей
Не знать величья. Хоть оно мгновенно,
Но если злобная судьба срывает
С нас этот блеск, то тут такая боль,
Как если б с телом разлучался дух.

П о ж и л а я л е д и

Бедняжка! Снова станет иноземкой.

А н н а Б у л л е н

Тем более жалеть о ней нам надо!
Нет, право, лучше в нищете родиться

И скромно, но достойно жизнь прожить,
Чем вознестись в блистающее горе
И облачиться в золотую скорбь.

П о ж и л а я л е д и

Довольным быть — нет в жизни выше блага.

А н н а Б у л л е н

Клянусь своей невинностью и верой,
Я не желала б королевой быть.

П о ж и л а я л е д и

Я девственность за это отдала бы.
И вы бы, лицемерка, с ней расстались.
Вы женской прелестью одарены,
Но женское и сердце вам дано.
Его прельщают власть, богатство, сан,
Все эти блага, данные судьбою,
И, как вы там притворно ни жеманьтесь,
Вы в замшевую совесть их впихнете,
Чуть растянув ее.

А н н а Б у л л е н

Клянусь, что нет.

П о ж и л а я л е д и

Клянусь, клянусь! Не тянет быть на троне?

Анна Буллен

Нет, и за все сокровища земли!

Пожилая леди

**Вот это странно! Ну, а я, старуха,
На трон пошла бы даже за три пенса.
А герцогиней вас не тянет стать?
Такой взвалить вы титул не хотите
Себе на плечи?**

Анна Буллен

Нет, клянусь я вам.

Пожилая леди

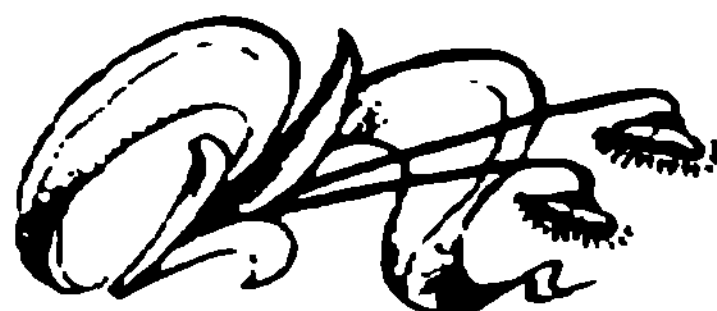
**Да вы трусиха! Сбросим груз маленько.
Представьте: я — красивый, юный граф;
Но вы и тут румянцем не зальетесь.
Нет, ежели и этот груз вам тяжек,
Так, значит, вы мальчишку не родите.**

Анна Буллен

**Ну как не стыдно говорить такое?
Еще раз вам клянусь, что королевой
За целый мир не стану.**

Пожилая леди

Нет, вас можно

И крошечною Англией прельстить.
А я и на Карнарвоншир согласна,
Будь королевством он.— Кто там идет?

Входит лорд-камергер.

Камергер

Привет вам, дамы! Сколько будет стоить
Мне вывести секрет беседы вашей?

Анна Буллен

Милорд, дешевле он, чем ваш вопрос.
О нашей госпоже мы тут горюем.

Камергер

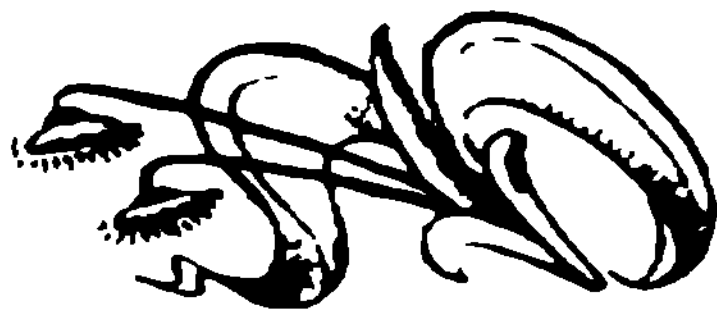
Вот это благородно и достойно
Хороших женщин. Есть еще надежда,
Что все уладится.

Анна Буллен

Ах, дай-то Бог!

Камергер

Вы доброе создание, а таким
Сопутствует небес благословенье.
Чтоб вы могли, прелестная особа,
Удостовериться, что это так,

Что ваши добродетели в почете,
Король вам шлет свое благоволение,
И вам оказана большая честь:
Дается вам маркизы Пембрук титул,
Вдобавок тысячею фунтов в год
Вас щедро награждают.

А н н а Б у л л е н

Я не знаю,
Как высказать мне преданность свою.
Все, чем владею, будет здесь ничтожно;
Слова молитв моих не столь священны.
А пожелания мои так жалки.
Но все же пожеланья и молитвы —
Вот все, чем я могу благодарить.
Милорд, благоволите передать
Все это от зардевшейся служанки
Его величеству, а я молюсь
О здравии его и процветанье.

К а м е р г е р

Я не премину укрепить монарха
В его высоком мнении о вас.

(В сторону.)

Я разгадал ее. В ней честь и прелесть
Так слиты, что пленили короля!
Кто знает, может быть, от этой леди

Зажжется вдруг алмаз и озарит
Весь остров наш.

(Громко.)

Отправлюсь к королю
И доложу о разговоре с вами.

А н н а Б у л л е н
Милорд, прощайте!

Лорд-камергер уходит.

П о ж и л а я л е д и

Вот вам! Не угодно ль?

Я клянчу при дворе шестнадцать лет
И клянчу нынче, только мало толку:
Иль “слишком рано”, или “слишком поздно” —
В ответ на просьбы. Вы же — вот судьба!—
Вы, птенчик желторотый, фу ты, дьявол,
Фортуна подлая! Вам рот набили
Скорей, чем вы разинули его.

А н н а Б у л л е н

Все это выглядит довольно странно!

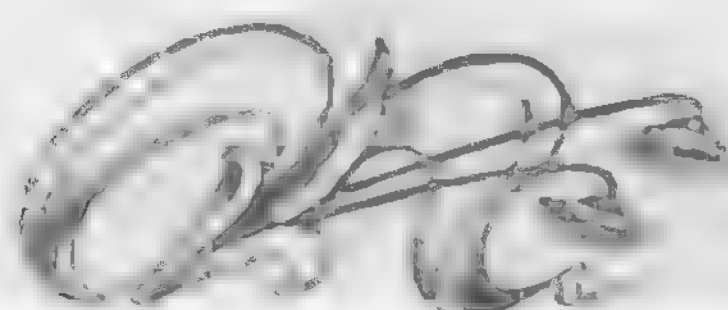
П о ж и л а я л е д и

Что? Горько? Ставлю сорок пенсов — нет!
Вы знаете, есть старое преданье:
Одна девица королевой стать
Не соглашалась за весь нильский ил.

Анна Буллен. Портрет из Лондонской национальной портретной галереи

А н н а Б у л л е н

Оставьте шуточки.

П о ж и л а я л е д и

На вашем месте

Я выше жаворонка бы взлетела!

Маркиза Пембрук с тысячею фунтов —

И только за прекрасные глаза!

Без прочих обязательств! Нет, ей-ей,

Вас дальше ожидает много тысяч.

Шлейф почестей длиннее их подола.

Теперь стал легок титул герцогини?

Ну что, ведь стали вы сильнее?

А н н а Б у л л е н

Миледи,

Вы тештесь сами шутками своими.

Меня ж увольте. Лучше умереть,

Чем по такой причине веселиться.

Что дальше будет, страшно и подумать!

Горюет королева, мы о ней

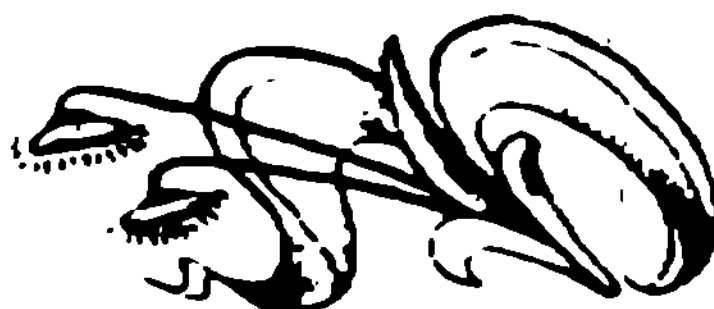
Совсем забыли. Очень вас прошу,

О том, что здесь слышали, — ей ни слова!

П о ж и л а я л е д и

Вы за кого считаете меня?

Уходят.

Сцена 4

Там же. Зала в Блекфрайерсе.

Трубы и рога.

Входят два жезлоносца с короткими серебряными жезлами; за ними — два писца в одежде докторов; за ними — архиепископ Кентерберийский; далее епископы Линкольнский, Илийский, Честерский и Сент-Асафский; далее, на некотором расстоянии, — дворянин, несущий сумку с большой печатью и кардинальскую шляпу; за ним — два священника с серебряными крестами; далее — гофмаршал королевы с непокрытой головой в сопровождении судебного пристава, несущего булаву; за ними — два дворянина с большими серебряными столпами; за ними — рядом оба кардинала — Вулси и Кампейус; за ними — двое вельмож с мечом и булавой. Затем входят со своими свитами король Генрих и королева Екатерина. Король занимает место под балдахином. Ниже его усаживаются, как судьи, оба кардинала. Королева — на некотором расстоянии от короля. Епископы садятся по обе стороны от кардиналов, как на соборах. Ниже их — писцы. Около епископов — лорды. Прочие лица свиты в должном порядке выстраиваются по краям сцены.

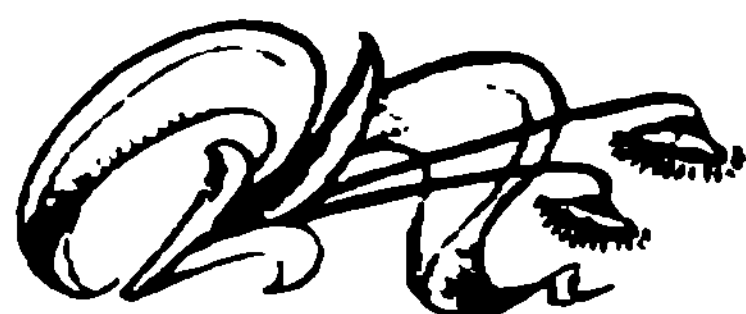
Вулси

Пока прочтут от Рима полномочья,
Пусть в зале тишина царит.

Король Генрих

Зачем?

Его уже публично оглашали,
Законным всеми признано оно.
Не мешкайте.

В у л с и

Пусть будет так. Начнем!

П и с е ц. Провозгласи: “Генрих, король Англии, предстань перед судом”.

Г л а ш а т а й. Генрих, король Англии, предстань перед судом!

К о р о л ь Г е н р и х. Я здесь.

П и с е ц. Провозгласи: “Екатерина, королева Англии, предстань перед судом!”

Г л а ш а т а й. Екатерина, королева Англии, предстань перед судом!

Королева не отвечает: она встает с кресла, проходит мимо судей, подходит к королю и преклоняет перед ним колени, затем говорит.

К о р о л е в а Е к а т е р и н а

Сэр, я о правосудье умоляю:

И я прошу вас пожалеть меня.

Я так несчастна, я чужая здесь,

Я родилась не во владеньях ваших,

Здесь суд небеспристрастен для меня,

И нет друзей надежных. Государь,

Скажите, чем же вас я оскорбила,

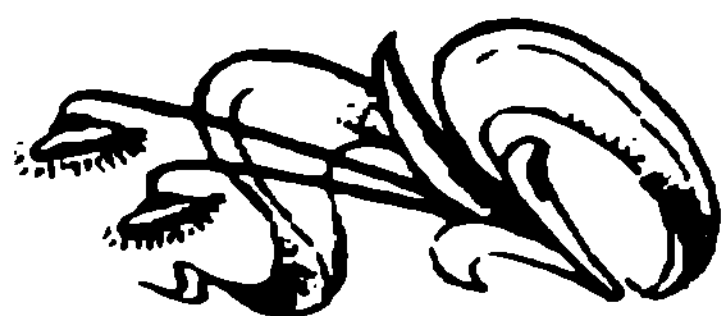
Чем вызвала я ваше недовольство?

За что теперь, отвергнутая вами,

И ваших милостей я лишена?

Свидетель небо, что была всегда я

Вам верной и смиренной женой,

Во всем покорствующей вашей воле,
 И, в вечном страхе вызвать в вас досаду,
 Я взгляду вашему повиновалась,
 Ловя в нем зорко радость иль печаль.
 Когда перечила я вашей воле
 Или своей не делала ее?
 Каких друзей я ваших не стремилась
 Любить, хоть знала — мне они враги.
 Кто из моих друзей, вас прогневивший,
 Моим любимцем дальше оставался?
 Заметьте, вмиг я удаляла их.
 Сэр, вспомните, что двадцать лет была
 Я вам во всем покорною женой,
 И много родила я вам детей.
 Да, если можете вы доказать,
 Что я за эти годы погрешила
 Иль против чести, или брачных уз,
 Любви, или супружеского долга,
 Иль против вас, в котором все священо,
 То — Боже мой! — отвергните меня!
 Пусть самое ничтожное презренье
 Передо мною замыкает дверь.
 Пусть это будет самый строгий суд.
 Ведь ваш отец, король, умом был славен
 И осмотрительностью отличался.
 Отец мой Фердинанд, король Испанский,
 Считался самым мудрым государем

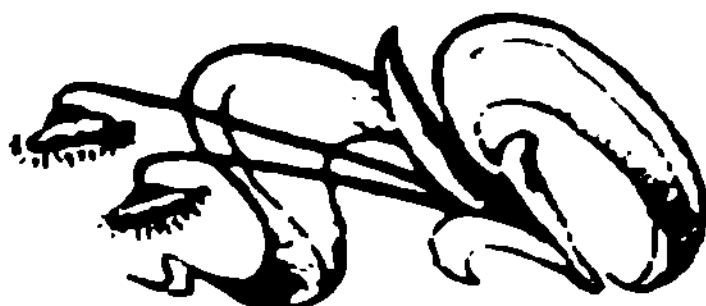
Из всех на протяжении многих лет.
И оба несомненно привлекли
Из разных стран советников умнейших,
Они вопрос подробно обсудили,
Наш брак законным признан ими был.
И посему смиренно умоляю
Мне дать отсрочку, чтобы написать
В Испанию к друзьям бы я успела,
Они мне посоветуют, как быть.
А если уж нельзя — то, Бога ради,
Пусть будет, как угодно вам.

В у л с я

Но здесь
Собрались только те, кто вами избран:
Отцы святейшие, миледи, люди
Ученые и честности редчайшей.
Да, это лучшее, что есть в стране,
Они явились на защиту вашу.
Поэтому считаю неуместной
Я вашу просьбу об отсрочке дела
Как ради вас самих, так и затем,
Чтоб хаос чувств утишить в короле.

К а м п е й у с

Лорд-кардинал все здраво изложил.
А потому, миледи, заседание

Вполне уместно будет нам продолжить
И выслушать все доводы сторон.

К о р о л е в а Е к а т е р и н а
Лорд-кардинал, я обращаюсь к вам!

В у л с и

Что вам угодно от меня, миледи?

К о р о л е в а Е к а т е р и н а
Сэр, я вот-вот расплачусь, но я помню,
Что королева я иль королевой
Себя считала долго. Но бесспорно,
Что мой отец король, и капли слез
Я мигом в искры пламени раздую.

В у л с и

Я дам совет вам: будьте терпеливой.

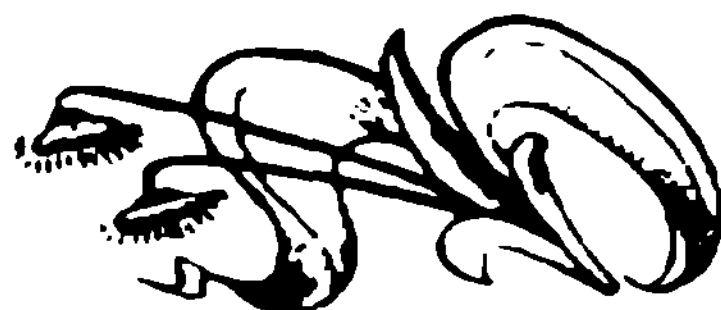
К о р о л е в а Е к а т е р и н а
Я буду, если только вы смиритесь.
Нет, раньше, или Бог меня накажет.
Я веские имею основания
Вас полагать своим врагом. Отвод
Я заявляю — вы мне не судья!
Вы вздули угли между мной и мужем,
Пусть гасит их Господняя роса.
Поэтому я снова говорю,

Что всей душой, всем сердцем отвергаю
Вас как судью, и повторю еще,
Что вы — мой самый злобный враг на свете,
И другом правды вас я не считаю.

В у л с и

Действительно, вы вышли из себя,
Вы, кто всегда склонялась к милосердью.
Всегда вы отличались кротким нравом
И редкостным для женщины умом.
Меня вы обижаете, миледи,
Но против вас я злобы не таю.
Я справедливости хочу для всех —
На все, что мною свершено уже
Иль далее последует, имею
Я полномочья консистории,
Всей римской консистории! От вас
Я слышу обвинение, что угли
Я тут раздул, — я отрицаю это!
Но здесь король, и если б он узнал,
Что я отрекся от своих поступков,
Он сразу ложь мою бы заклеймил,
Как вы сейчас мою клеймите правду.
Он знает, что не ваше обвиненье,
А оскорбленье — мне источник мук.
Лишь он меня способен излечить
Тем, что избавит вас от этих мыслей.

Суд над королевой Екатериной. Постановка в театре "Лицеум", 1892 г.

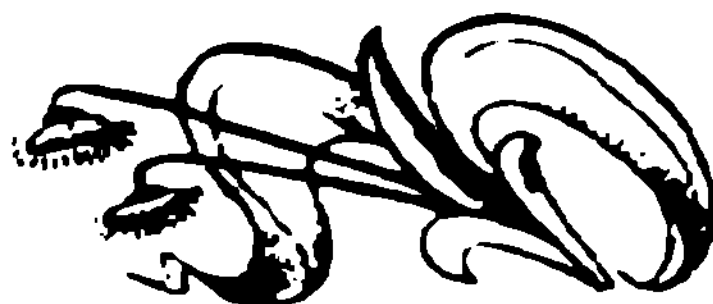
Но до того как он заговорит,
Я вас молю смиренно, королева,
От ваших слов и мыслей отказаться.

К о р о л е в а Е к а т е р и н а

Милорд, милорд, я женщина простая,
Куда мне с вашей хитростью бороться?
Вы с виду кротки и в речах смиренны,
И даже сан свой облекли притворно
Смирением и кротостью, но в сердце
Вы затаили наглость, желчь и спесь.
По милости монарха и Фортуны
Вы вверх поднялись с низших ступеней,
И власть теперь поддерживает вас,
И, как лакеи, служат вам слова,
Любое приказанье исполняя.
Должна сказать, что вас влечет тщеславье
Вперед сильней, чем ваш священный долг.
Я повторяю: вы мне не судья!
Здесь, перед всеми, к папе я взываю,
Его святейшеству все изложу,
Пусть судит он!
(Отдав поклон королю, собирается уйти.)

К а м п е й у с

Упряма королева,
Противится суду, чернит его,

С презреньем отвергает. Это худо!
Она уходит.

К о р о л ь Г е н р и х

Возвратить ее!

Г л а ш а т а й. Екатерина, королева Англии, предстань перед судом.

Г р и ф ф и т.

Миледи, вас зовут.

К о р о л е в а Е к а т е р и н а

Вам что за дело? Вы собой займитесь!
Коли зовут — бегите.— Боже мой!
Они меня выводят из терпенья!—
Идите, говорю! Я не останусь!
Нет, нет, отныне больше никогда
По делу этому я не предстану
Пред их судами.

(Уходит со своей свитой.)

К о р о л ь Г е н р и х

Что же, Кэт, иди!
Но если кто-нибудь на свете скажет,
Что лучше, чем она,— его жена,
Тогда ему уже ни в чем не верьте,
Раз в этом он солгал. Да, ты одна

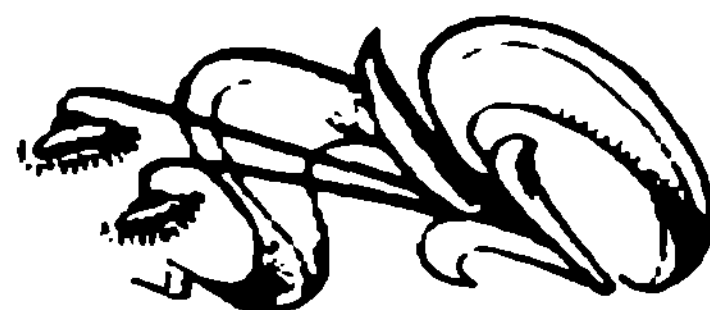
С достоинствами редкими своими,
С пленительностью, с кротостью святой,
С величьем женским, с властью покорства,
Где царственность так слита с благочестьем,
Ты — королева королев земных!
В том, как вела себя она со мною,
Я вижу подлинное благородство!

В у л с и

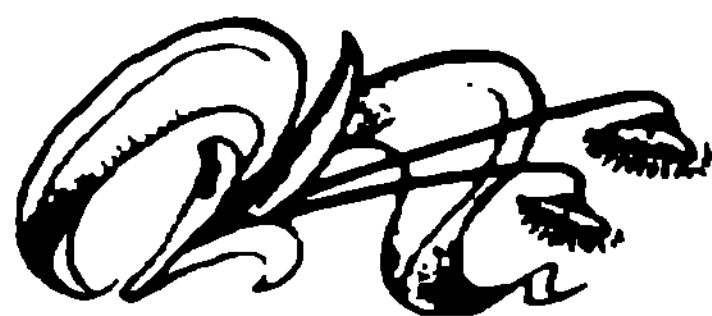
О государь, я вас прошу смиренно,
Не соизволите ли объявить
Во всеуслышанье в таком собранье
(Ведь там, где я ограблен был и связан,
Там должен быть и разрешен от уз),
Хоть, может быть, не полностью, не сразу, —
Скажите, разве это я затеял
Или намек какой-то обронил,
Вас побудивший в этом разбираться,
Иль произнес когда-нибудь хоть слово,
Помимо благодарностей Творцу
За нашу царственную королеву,
Которое бы нанесло ущерб
Ей лично иль ее высокой власти?

К о р о л ь Г е н р и х

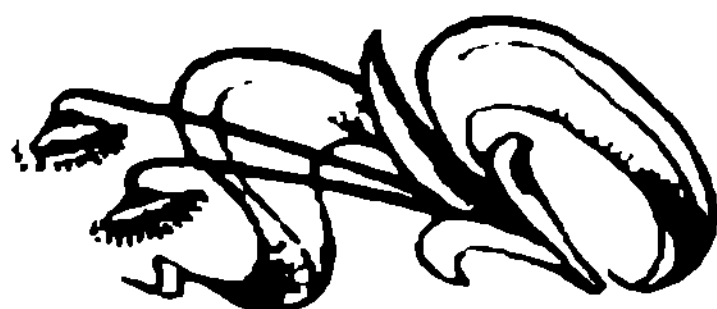
Лорд-кардинал, прощенье вам дарую!
Вы не виновны — честью в том клянусь.

Что ж говорить — врагов у вас немало,
 Но вот за что они не любят вас,
 И сами объяснить едва ли смогут.
 Они, подобно деревенским псам,
 Вслед за другими начинают лаять,
 И кто-то вызвал ярость королевы.
 Вина снята! Вам мало оправданий?
 Всегда замять желая это дело,
 Вы никогда его не раздували,
 А замедляя, выступали против.
 Я честью в том клянусь, и кардинал
 Оправдан мною. Ну, а что во мне
 Сомненья породило, то извольте —
 Послушайте меня не торопясь:
 Прошу вниманья. Вот как это было.
 Впервые растревожили мне совесть
 Епископа Байонского слова,
 Он был у нас тогда послом французским
 И прислан был для обсужденья брака
 Меж Орлеанским герцогом и Мэри,
 Моею дочерью, и в ходе дела,
 Уже перед принятием решенья,
 Он, то есть этот вот епископ самый,
 Внезапно стал просить нас об отсрочке:
 Желая с королем своим снестись
 Насчет того, законна ль дочь моя,
 Поскольку первым мужем королевы

Был брат мой. Ах, тогда отсрочка эта
Всю совесть потрясла во мне, войдя
Во глубину ее как острый нож.
Тогда моя душа затрепетала,
Исполненная помыслов тревожных,
Я заблудился в лабиринте дум.
Сперва подумалось, что я утратил
Благоволение неба, и оно
Природе повелело, чтобы чрево
Моей супруги, мальчика родив,
В него вдохнуло жизни сил не больше,
Чем их дает могила мертвецу.
Да, все младенцы мужеского пола
Или в самой утробе погибали,
Иль сделав первый воздуха глоток.
Тогда я понял — это приговор:
И королевство, лучшего на свете
Наследника достойное, не будет
Им мною осчастливлено. И вот —
Я понял, что скрывается опасность
Для всей страны в бесплодии моем.
Как много мук мне это причинило!
И, в бурном море совести скитаясь,
Я парус свой направил в гавань цели,
Для коей мы и собрались сюда.
Иначе говоря, намерен я
Уврачевать свою больную совесть,

В которой и сейчас недуг силен,
При помощи почтенных лиц духовных
И докторов ученых.— С вас я начал,
Милорд Линкольнский, помните, как я
Весь был в поту под гнетом этих дум,
Когда вас вызвал.

Епископ Линкольнский

Помню, государь.

Король Генрих

Я долго говорил. Прошу, скажите,
Как утешали вы меня.

Епископ Линкольнский

Милорд,

Вопрос меня сперва в тупик поставил.
Я понял, как он важен и серьезен,
Какие тут опасности таятся...
Я смелый дал совет, но усомнился
И стал молить вас новый путь избрать,
Которым вы теперь идете.

Король Генрих

Дальше

Призвал я вас, милорд Кентерберийский,
И дали вы на суд свое согласие.—

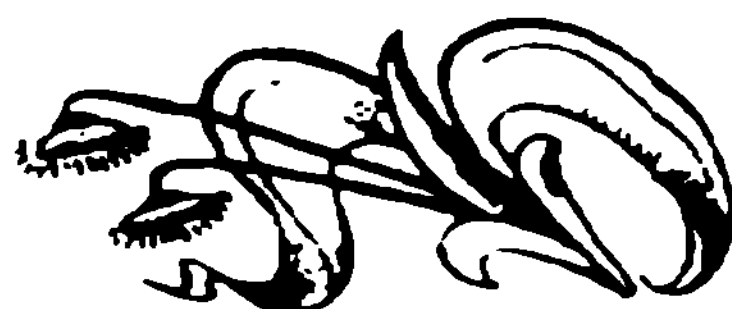
Я всех почтенных лиц здесь пригласил,
Мое решение теперь зависит
От подписей и от печатей ваших.
Поэтому давайте продолжать:
Не гнев мой против доброй королевы,
А только острые шипы сомнений
Торопят это дело разрешить.
Лишь докажите, что наш брак законен,
И поклянусь вам жизнью и короной,
Что радостнее проведу весь век
Я с королевою Екатериной,
Чем с лучшею красавицей на свете.

К а м п е й у с

Позвольте, государь, вам указать:
Ввиду ухода королевы надо
На день иной наш суд перенести.
Тем временем должны мы королеве
Внушить серьезно, чтоб она от мысли
Прибегнуть к папе сразу отказалась.

К о р о л ь Г е н р и х (в с т о р о н у)

Со мной шутить изволят кардиналы!
Я ненавижу эти проволочки
И плутни, исходящие от Рима!
Ученый муж, слуга любимый, Кранмер,

**Скорей вернись! Я знаю, твой приезд
Мне возвратит покой.**

(Громко.)

Отложен суд!

Всем удалиться!

Все уходят в том же порядке, в каком пришли.

АКТ III

Сцена I

Лондон. Покои королевы Екатерины.

**Королева Екатерина с несколькими женщинами
за работой.**

Королева Екатерина

**Возьми-ка лютню, девушка! Мне грустно.
Спой, прогони тоску. Оставь работу.**

Песня

**Вечно снежные вершины,
Лес, луга, холмы, долины —
Лютней все пленял Орфей.
Все растенья оживали,
Как весною, расцветали
В смене солнца и дождей.**

**Всё кругом, певцу внимая,
Умолкало, засыпая,
Даже бурная волна.**

Музыка волшебной властью
Гонит мысли о несчастье,
Смерть несет им в неге сна.

Входит придворный.

Королева Екатерина

Ну что?

Придворный

Миледи, на прием два кардинала
Пришли.

Королева Екатерина

Хотят поговорить со мною?

Придворный

Да, так они просили доложить.

Королева Екатерина

Пускай войдут.

Придворный уходит.

Что нужно им еще
От бедной, слабой женщины в опале?
Не нравится мне что-то их приход.
Их следует святыми почитать,
Но не клубук ведь создает монаха.

Входят кардиналы Вулси и Кампейус.

Вулси

Мир вашему величеству.

Королева Екатерина

Меня

Застали вы в занятиях по хозяйству,
Я к худшему готова быть должна.
Что вам угодно от меня, милорды?

Вулси

Быть может, госпожа, вы согласитесь
Нас в кабинете выслушать своим?
Там мы изложим все.

Королева Екатерина

Скажите здесь.

Таиться мне ни в чем не приходилось
От совести своей. Пусть так же смело
Все женщины на свете говорят!
Милорды, я не придаю значенья
(И в этом я счастливее других),
Что судят о моих поступках все,
Что все глаза на них устремлены.
Чернят их тайно зависть и злоречье,
Но жизнь моя чиста. И если вы

Королева Екатерина и кардиналы. Постановка в театре "Лицеум", 1892 г.

Все выведать от женщины пришли,
Тогда вам лучше говорить смелее,
Ведь правда любит действовать открыто!

В у л с и. Tanta est erga te mentis integritas, regina serenissima¹...

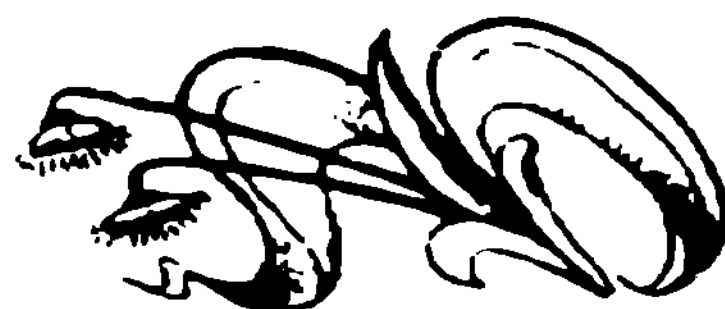
К о р о л е в а Е к а т е р и н а

Милорд, я попрошу вас — без латыни.
Я не была здесь, в Англии, лентяйкой,
Английским языком теперь владею.
Чужой язык процесс бы мой запутал,
Прошу вас, говорите по-английски.
Вам будут благодарны здесь за правду
Те, кто свою жалеет госпожу.
Поверьте мне, ей много зла чинили,
Лорд-кардинал, и самый вольный грех,
Который я когда-нибудь свершила,
Мне можно по-английски отпустить.

В у л с и

Миледи, право, мне весьма прискорбно,
Что, бескорыстный, безупречно честный
Слуга его величества и ваш,
Я вызвал в вашем сердце подозренье,

I Такова чистота помышлений по отношению к тебе, светлейшая государыня (лат.).

Хоть полон был намерений благих.
Явились мы сюда не обвинять,
Не честь чернить, что все благословляют,
Не предавать ваш дух во власть печали
(У вас ее довольно), — но узнать
Ваш взгляд на столь большие разногласья
Меж вами и монархом, и представить
Открыто наши все соображенья,
И вам помочь.

К а м п е й у с

Светлейшая миледи,
Лорд-кардинал, душою благородный,
Вам остается преданным слугой,
Забыв о том, как строго вы судили
О нем самом и верности его.
Он, как и я, в знак мира предлагает
Вам свой совет.

К о р о л е в а Е к а т е р и н а
(в с т о р о н у)

Чтобы предать меня!

(Г р о м к о .)

Милорды, я за все вам благодарна,
Как люди честные вы говорили,
Дай Бог, чтоб вы и оказались ими!
Но как могу я быстро вам ответить

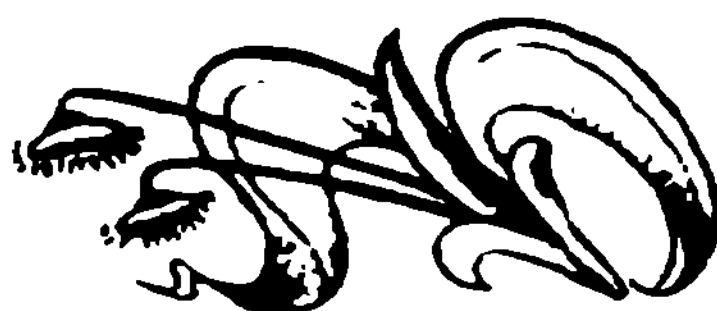
В таком вопросе важном, в деле чести
И для меня, боюсь, в вопросе жизни
Я, глупая, таким мужам ученым, —
По правде говоря, совсем не знаю.
Я с девушками занята работой,
И, видит Бог, никак я не ждала
Таких гостей, да и такой беседы.
Во имя той, кем раньше я была,
В последней вспышке моего величья,
Прошу мне время дать на размышленье.
Увы! нет ни надежды, ни друзей!

В у л с и

Любовь монарха вы черните страхом,
Надеждам вашим и друзьям нет счета!

К о р о л е в а Е к а т е р и н а

Какой мне толк здесь, в Англии, от них?
Ужели хоть единый англичанин,
Подумайте, дерзнет мне дать совет,
Мне другом стать, вразрез с его желаньем?
Для подданного смельчаком быть надо,
Чтоб честным быть. О нет! Мои друзья,
Которые мне облегчат страданья,
Друзья, которым верить я могу,
Живут не здесь. Как все, что сердцу мило,
Они вдали, на родине моей.

К а м п е й у с

Вот если бы, тоску свою оставив,
Вы приняли бы мой совет.

К о р о л е в а Е к а т е р и н а
Какой?

К а м п е й у с

Отдайтесь под защиту государя.
Он милостив и добр. Так будет лучше
Для вашей выгоды и вашей чести.
Ведь если суд решит не в вашу пользу,
С позором вы уйдете.

В у л с и

Да, он прав.

К о р о л е в а Е к а т е р и н а

Вы погубить желаете меня?
Вот христианские советы. Стыдно!
Над миром небо есть. Там судия,
Он неподкупен и для королей.

К а м п е й у с

Вы в гневе ложно судите о нас.

К о р о л е в а Е к а т е р и н а

Тем больше стыд! Считала вас святыми,
Две высших добродетели в вас чтила,

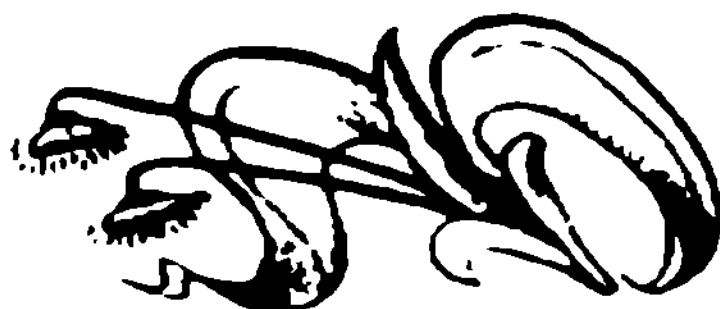
Но смертные грехи в пустых сердцах —
Вот что такое вы! Исправьтесь, лорды!
Ужели это ваше утешенье?
Такое вы приносите лекарство
Несчастной женщине, гонимой всеми,
Изведавшей презренье и насмешки?
Я вам и половины бед своих
Не пожелаю — вас я милосердней.
Но помните, я вас предупреждаю:
Смотрите, говорю вам, берегитесь.
Чтоб бремя бед моих на вас не пало!

В у л с и

Сейчас вы просто вне себя, миледи,
И в злобу обращаете добро!

К о р о л е в а Е к а т е р и н а

А вы меня — в ничто. О горе вам!
И всяким лжеучителям подобным.
Но если в вас есть жалость, справедливость
И что-нибудь живое, кроме рясы,
То как же вы хотите, чтобы я
Несчастную судьбу свою вручила
Во власть того, кому я ненавистна?
Увы, уж я отлучена от ложа,
А от любви — давно! Да, я стара,
И связывает ныне с ним меня
Одна покорность. Что случится хуже

Со мною может? Ваша цель одна —
 Меня обречь подобному проклятью.

К а м п е й у с

Да нет, пожалуй, ваши страхи хуже.

К о р о л е в а Е к а т е р и н а

Позвольте мне уж говорить самой,
 Раз нет у добродетели друзей.
 Ужель я верной не была женою?
 Без ложной скромности сказать осмелюсь:
 Давала ль поводы я к подозренью?
 Нет, я ему всю душу отдавала,
 Его любила чуть ли не как Бога,
 Во всем повиновалась, и любовь
 Почти до суеверья доводила.
 При нем молиться даже забывала...
 А где награда? Как ужасно это!
 Поставьте рядом верную жену,
 Кому почти закон — желанье мужа,
 И я добавлю к подвигам ее
 Еще один — великое терпенье.

В у л с и

Не склонны вы от нас принять добро.

К о р о л е в а Е к а т е р и н а

Милорд, взять грех на душу не дерзну.
 Я добровольно не отвергну сана,

С которым повелитель ваш меня
Когда-то повенчал. Одна лишь смерть
Нас разведет.

В у л с и
Послушайте меня!

К о р о л е в а Е к а т е р и н а
Мне б не ступать на английскую землю,
Которая вся лестью поросла.
Вы ангелам по облику подобны,
Но что у вас в сердцах — один Бог знает!
И что теперь со мной, несчастной, будет?
Несчастней женщины на свете нет.

(Обращаясь к прислужницам.)
Увы, бедняжки, где же ваше счастье?
Разбилось об утесы королевства,
Где нет надежд, нет жалости, нет друга,
Нет даже слез из родственных очей.
Быть может, не дождусь здесь и могилы!
Как лилия, в былом полей царица,
Поникну и погибну.

В у л с и
Если б вас
Нам убедить, что наши цели честны,
Вам легче было бы. Зачем же зло
Мы будем причинять вам? Нет, наш сан

И должность далеки от этих мыслей,
Мы исцеляем горе, а не сеем!
Подумайте, что делаете вы,
Как можете себе вы повредить
В глазах супруга этим поведением.
Сердца князей покорность одобряют,
Она любя им. Но к умам упрямым
Они вскипают ярим ураганом!
Я знаю ваш спокойный, кроткий нрав,
Душа у вас — морская тишь да гладь.
Считайте же нас тем, что мы и есть:
Мы — миротворцы, слуги и друзья!

К а м п е й у с

Мы это вам докажем. Женским страхом
Позорите вы вашу добродетель.
Пусть благородный дух ваш отшвырнет
Страх этот, как фальшивую монету.
Король вас любит. Бойтесь же утратить
Его любовь. А с нашей стороны,
Уж если вы нам доверять готовы,
Мы все, что можно, сделаем для вас.

К о р о л е в а Е к а т е р и н а

Как знаете, милорды, поступайте.
Простите, если резкой я была.
Как женщина не очень-то умею

Я речь вести с особами такими.
Скажите королю, что я послушна,
И сердцем с ним, и все мои молитвы,
Пока жива я. Что ж, отцы святые,
Совет свой дайте мне. Да, я не знала,
Сюда приехав из страны родной,
Что трон куплю столь дорогой ценой.

Уходят.

Сцена 2

Передняя в покоях короля.

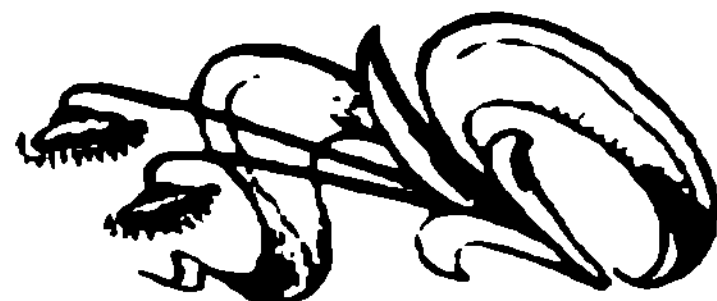
Входят герцог Норфолк, герцог Сеффолк, граф Серри
и лорд-камергер.

Норфолк

Когда вы в жалобах объединитесь,
Их твердо предъявив, то кардинал
Не устоит. Упустите возможность —
И ничего я вам не обещаю,
Помимо новых бед, в придачу к бедам,
Уже постигшим вас.

Серри

Я буду рад
Любому случаю отмстить ему
За герцога, за тестя моего
Покойного.

С е ф ф о л к

Кого из наших пэров
Он не обидел иль по крайней мере
Не позабыл? В ком знатности печать
Узрел, за исключением себя?

К а м е р г е р

Милорды, предайтесь вы мечтаньям!
Я знаю, кто он по сравненью с нами.
Но вряд ли многое мы можем сделать,
Хоть случай выдался удачный нам!
Пока он доступ к королю имеет,
Ему сопротивляться не пытайтесь!
Речами он чарует короля
Магически.

Н о р ф о л к

Нет, вы его не бойтесь!
Теперь уже бессильны эти чары:
Король располагает документом,
Навек убившим мед его речей.
Нет, с кардиналом кончено теперь,
Теперь опалы не избегнет он.

С е р р и

Весь век бы слушал я такие вести!

Н о р ф о л к

Да, дело верное. Его двуличье
Уж выяснилось в деле о разводе.
Хотел бы видеть я своих врагов
В такой ловушке.

С е р р и

Как же это все
Раскрылось?

С е ф ф о л к

Очень странно.

С е р р и

Как, скажите?

С е ф ф о л к

Посланье кардинала к папе как-то
Попало к королю. И тот прочел,
Что Вулси папу прямо умолял
Замедлить утверждение развода.
“Я вижу, — он писал, — что увлечен
Король одной из фрейлин королевы,
А именно — девицей Анной Буллен”.

С е р р и

Король все это знает?

Сеффолк

Несомненно.

Серри

Но действие окажет ли письмо?

Камергер

Король узнает из него, как Вулси
Его обходит, преграждая путь,
Но тут все хитрости пока напрасны,
Лекарство он приносит мертвецу:
Король уже с девицей обвенчался.

Серри

Ох, если бы и вправду было так!

Сеффолк

Пусть пожеланье счастье вам дарует.
Оно сбылось.

Серри

Я этому союзу
Безмерно рад.

Сеффолк

Аминь.

Н о р ф о л к
Так скажут все!

С е ф ф о л к
Уж дан приказ ее короновать.
Но это новость свежая. Ее
Не будем разглашать. Ну что ж, милорды,
Девушка хороша, в ней все прелестно,
И тело и душа. Я предрекаю,
Что от нее сойдет благословенье
На Англию на долгие года.

С е р р и
А вдруг король в письме не разберется?
Помилуй Бог!

Н о р ф о л к
Скажу — аминь!

С е ф ф о л к

Нет, нет!

Над носом у него другие осы
Жужжат, и он почувствует укус.
В Рим тайно отбыл кардинал Кампейус,
Ни с кем перед отъездом не простился
И дело о разводе не закончил.
Он попросту сообщник кардинала
Во всех интригах. Уверяю вас,
Узнав об этом, зарычал король.

Томас Мор. Художник Ганс Гольбейн Младший

Камергер

Пусть Бог его сильней воспламенит,
Пусть зарычит он громче.

Норфолк

А когда

Вернется Кранмер?

Сеффолк

Уже вернулся он, и с тем же мнением,
Что королю развод необходим,
И с этим взглядом целиком согласны
Коллегии известнейших ученых.
Наверно, вскоре будет оглашение
Второго брака и коронованье.
Екатерину будут называть
Не королевой больше, а принцессой
Вдовой Артура.

Норфолк

Этот самый Кранмер
Достойный малый. Не жалея сил,
Для короля трудился он.

Сеффолк

Бесспорно.

Архиепископом еще он станет
За это все.

Н о р ф о л к

Так говорят.

С е ф ф о л к

Да, да.—

Вот кардинал.

Входят кардинал Вулси и Кромвель.

Н о р ф о л к

Взгляните, как он мрачен!

В у л с и

Пакет мой, Кромвель,
Ты отдал королю?

К р о м в е л ь

Вручил ему

В опочивальне.

В у л с и

Он читал бумаги?

К р о м в е л ь

Да, он пакет сейчас же распечатал
И первую прочел с серьезным видом,
Внимательно, с тревогою в лице.
Затем он приказал, чтоб вы его
Здесь ждали утром.

В у л с и

Что, он скоро выйдет?

К р о м в е л ь

Теперь, наверно, ждать уже недолго.

В у л с и

Ну что ж, иди.

Кромвель уходит.

(В сторону.)

Женю на герцогине Алансонской,
Сестре французского монарха. Так-с!
На Анне Буллен? Нет! Что Анна Буллен?
Не в мордочке же милой дело! Буллен!
Нет, Булленов не надо нам! Как долго
Вестей из Рима нет! Маркиза Пембрук!

Н о р ф о л к

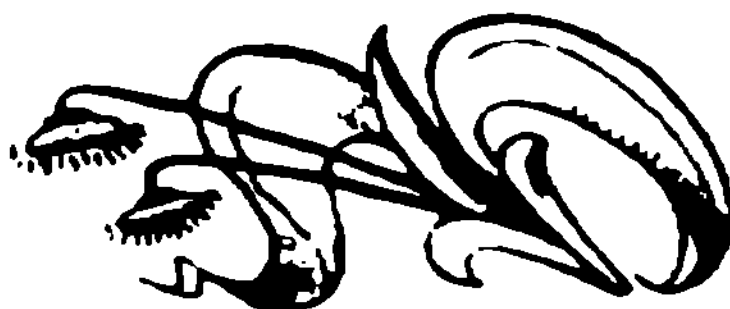
Он раздражен.

С е ф ф о л к

Услышал, может быть,
Что точит на него свой гнев король.

С е р р и

Пусть Божий гнев как острый меч сверкнет.

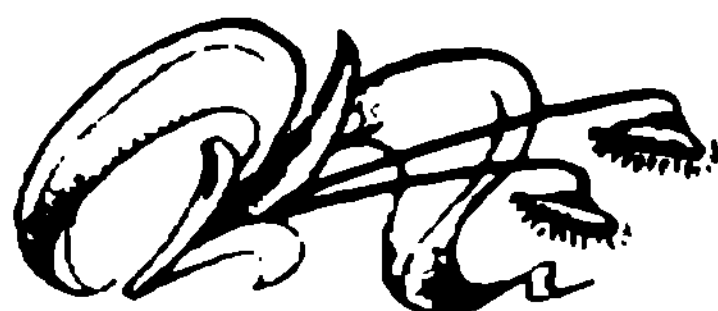
В у л с и
(в сторону)

Дочь рыцаря, из фрейлин королевы,
Вдруг станет госпожой для госпожи,
При королеве королевой станет!
Мерцает эта свечка — дунуть раз,
И нет ее! Ну пусть она достойна
И добродетельна, но ведь она
Неистовая, право, лютеранка.
Для дела нашего нехорошо
Позволить пасть ей королю в объятья.
И так уж нелегко им управлять,
А тут еще, откуда ни возьмись,
Здесь этот Кранмер, архиеретик.
Он в милость к королю тихонько вкрался
И стал оракулом...

Н о р ф о л к
Он разъярен.

С е р р и
Хоть оттого бы в сердце у него
Аорта лопнула!

С е ф ф о л к
Король, король!

Входят король Генрих, на ходу читающий бумагу, и Ловел.

Король Генрих

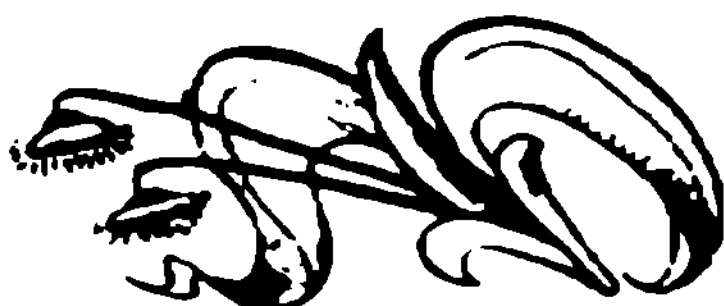
Да, он богатств сумел скопить немало
И каждый час без счета тратит их.
Как это все обделал ловко он.—
Вы видели, милорды, кардинала?

Норфолк

Милорд, мы наблюдали тут за ним,
Охвачен он какою-то тревогой.
Кусает губы он и весь дрожит,
То вдруг замрет, уставясь взглядом в землю,
То вдруг к вискам приложит палец он,
То начинает взад-вперед метаться,
То вновь замрет, то в грудь себя колотит,
То на луну он взоры устремляет.
Ведет себя он чрезвычайно странно.

Король Генрих

Весьма возможно, что взволнован он.
Сегодня он прислал на подпись мне
Ряд важных государственных бумаг,
Как я просил... И что ж я там нашел,
Попавшее туда по недосмотру?
Внушительную по размерам опись
Его сокровищ, всей его посуды,
И мебели, и драгоценных тканей,

И на такую сумму, что в руках
У подданного быть ей неуместно.

Н о р ф о л к

Сие — соизволение небес.
То добрый дух вложил в пакет бумагу,
Чтоб взор ваш усладить.

К о р о л ь Г е н р и х

Ну что же, если
Поднялся взором он за грань земли
И созерцает лишь бесплотных духов,
То стоит ли нам отвлекать его?
Но я боюсь, он здесь — в подлунном мире,
Не стоящем его серьезных мыслей.

(Садится и что-то шепчет Ловелу.)

Ловел подходит к Вулси.

В у л с и

Теперь да пощадит меня Господь.—
Пусть Бог благословит вас, государь.

К о р о л ь Г е н р и х

Мой добрый лорд, вы дум святых полны,
И мысленно вы взором пробегали
Весь список милосердных дел своих.
От дум возвышенных урвать вам трудно

Для дел земных хотя бы краткий миг.
О нет, вы не рачительный хозяин,
Я рад, что в этом вы товарищ мне.

В у л с и

Для дел священных нахожу я время
И время, чтоб вершить дела страны,
Порученные мне. Природа тоже
Законной дани требует от нас.
Я бренный сын ее, средь братьев смертных
Чтоб жизнь продлить, ей время уделяю.

К о р о л ь Г е н р и х

Вы это очень хорошо сказали.

В у л с и

Пусть вечно слиты будут у меня
Для вас, милорд, с хорошими делами
Хорошие слова.

К о р о л ь Г е н р и х

Опять не худо!

Сказал удачно — будто сделал славно!
Но все-таки слова ведь не дела!
Отец мой вас любил, сам говорил он,
И он для вас венчал слова делами.
Став королем, я вас к себе приблизил
И вас не только назначал туда,

Где быть могли высокие доходы,
Но и себя лишал порою благ,
Вас одаряя.

В у л с и
(в сторону)

Что все это значит?

С е р р и
(в сторону)

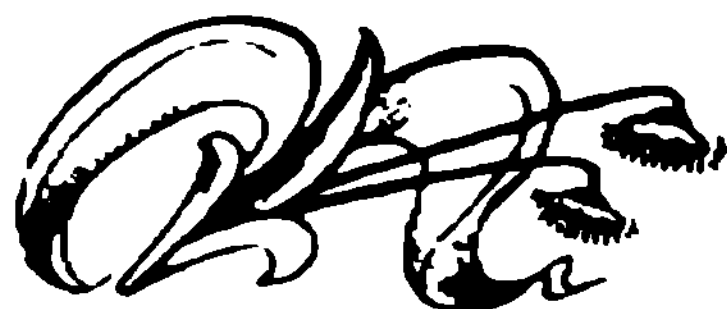
Дай Бог, чтобы и дальше так же шло!

К о р о л ь Г е н р и х

Не сделал разве я во всей стране
Вас первым из людей? Прошу, ответьте,
Я правду говорю сейчас иль нет?
И если да, то вот второй вопрос:
Вы мне обязаны иль нет? Ну, что же?

В у л с и

О государь, я вынужден признать,
Что королевских милостей струилось
Всегда, пожалуй, больше на меня,
Чем я своим усердьем заслужил.
За них никто не может расплатиться!
Всегда я делал меньше, чем хотел,
Хотя и отдавал трудам все силы.
Я личных целей, право, не искал,

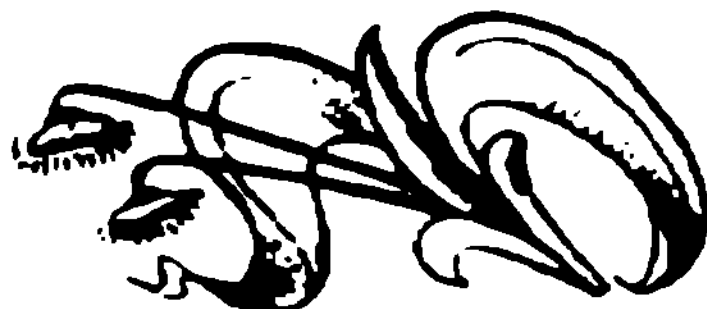
Я делал все для блага короля
И пользы государства. За щедроты
Чем, недостойный их, вам отплачу?
Одной лишь благодарностью смиренной,
Молитвами и верностью моей.
Она цвела и вечно будет цвести,
Покуда смертный хлад ее не сгубит.

К о р о л ь Г е н р и х

Отлично сказано! Вот перед нами
Открылся верноподданный смиренный,
Таким вся честь, а лицемерным -- кара!
Рука моя лила на вас щедроты,
Душа моя на вас любовь струила,
А власть моя дарила вас почетом,
Дождем наград, как никого на свете.
Так ваши руки, сердце, мозг и сила
Должны, помимо обязательств долга,
Стать для меня (а я ваш верный друг!)
Эмблемой самой преданной любви.

В у л с и

Я заявляю, что о вашем благе
Я больше ратовал, чем о своем.
Таков я есть, и был, и вечно буду!
Пускай весь мир нарушит верность вам
И от души навек ее отторгнет,

Пускай лавина бедствий самых страшных,
Немыслимых, неслыханных, ужасных
Вам угрожает, и тогда мой долг,
Как над прибоем яростным скала,
Поток неукротимый разобьет
Незыблемой, неколебимой силой.

К о р о л ь Г е н р и х

Вот это благороднейшая речь.—
Заметьте, лорды, верность какова,
Она ясна вам? — Ну-с, прочтите это,

(Передает ему бумаги.)

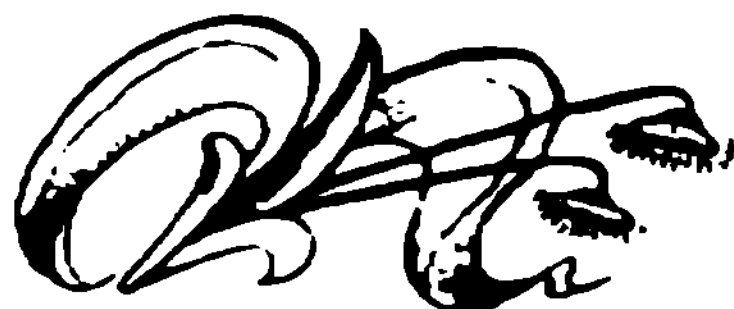
Затем вот то! И завтракать идите,
Коли еще найдется аппетит!

(Уходит, бросив грозный взгляд на Вулси.)

Придворные толпою следуют за ним, улыбаясь и перешептываясь.

В у л с и

Что это значит? Что за гнев внезапный?
И чем я, собственно, его навлек?
Он удалился, бросив грозный взгляд,
Как будто в прах меня стереть желая.
Так озирает разъяренный лев
Мгновенье дерзновенного стрелка,
А там его приканчивает разом.
Прочту бумагу, в ней разгадка гнева!
Да, так и есть! Она меня и губит.

Здесь полный список всех моих богатств,
Накопленных для личных целей мною,
Чтобы добиться папского престола
И подкупить друзей, живущих в Риме.
Ну что за окаянная оплошность!
Я олух и достоин быть в опале.
Кой дьявол надоумил же меня
В пакет для короля засунуть это?
Ужель исправить это средства нет?
Как это выбить у него из мозга?
Я знаю, что разгневается он,
И все-таки как будто бы есть способ
Еще спастись назло лихой судьбе.
Но это что еще? Послание к папе,
Где замыслы свои я изложил
Его святейшеству? Тогда — конец!
В величье я вознесся до зенита
И вот теперь с меридиана славы
Лечу к закату. Прорезая ночь,
Я пронесусь блестящим метеором
И рухну в тьму навек.

Входят герцог Норфолк, герцог Сеффолк, граф Серри
и лорд-камергер.

Н о р ф о л к

Вот, кардинал, желанье короля:
Печать большую вы вручите нам,

А сами удалитесь в Эшер-хаус,
Милорд Уинчестер, и затем туда
Вам сообщат дальнейшие приказы.

В у л с и

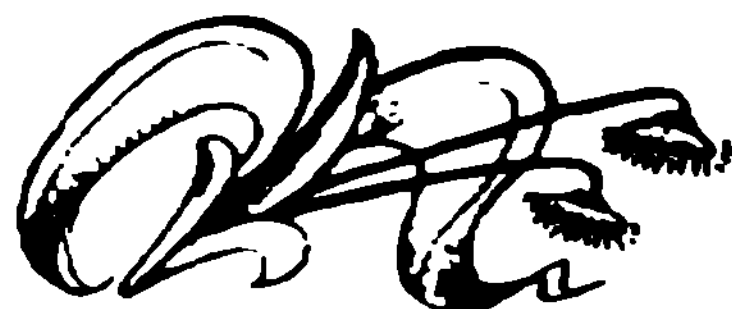
Постойте-ка, где ваши полномочья?
Одними лишь словами невозможно
Власть у меня отнять.

С е ф ф о л к

Но кто дерзнет
Быть непокорным королевской воле?

В у л с и

Я вижу тут не волю короля
И не его священные слова,
А вашу злобу, лорды-лизоблюды.
Так знайте ж, я дерзну вам бросить вызов.
Из зависти вы отлиты природой
Из самого презренного металла.
Вы рыщете вокруг моей опалы,
Как бы готовясь тут урвать кусок.
С каким коварством скользким, утонченным
Вы ищете гибели моей!
Своим путем завистливым ступайте,
Злодеи под личиной христиан.
Но я не сомневаюсь, день придет.

И по заслугам вас постигнет кара.
Печать, которую вы дерзновенно
Отнять хотите, вверил мне король,
Властитель мой и ваш, своей рукою.
И он просил меня ее хранить
Пожизненно, как честь мою и должность.
Он эту милость грамотой скрепил.
Ну что же, кто печать отнять посмеет?

С е р р и

Король, кто дал ее.

В у л с и

Пусть сам возьмет.

С е р р и

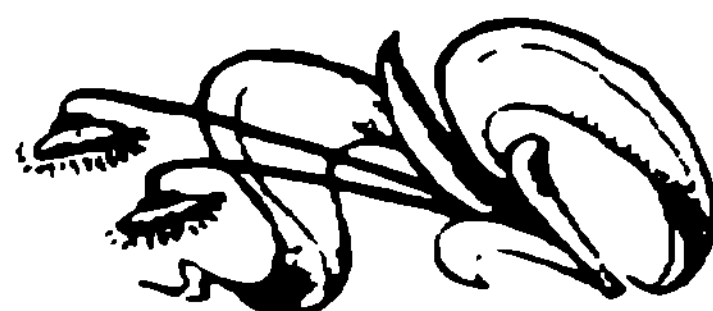
Служитель Бога, ты предатель наглый!

В у л с и

О наглый лорд, ты лжешь! Еще вчера
Себе язык скорее сжег бы Серри,
Чем это все сказать.

С е р р и

Твое тщеславье,
Багряный грех, ограбило страну.
Пал благородный Бекингем, мой тесть,
Но знай, что головы всех кардиналов
С твоей прекрасной головой в придачу

Не стоят даже волоска его.
Да поразит чума твое коварство!
В Ирландию я послан был тобою,
Оттуда я не мог ему помочь,
Вдали от короля и от всего,

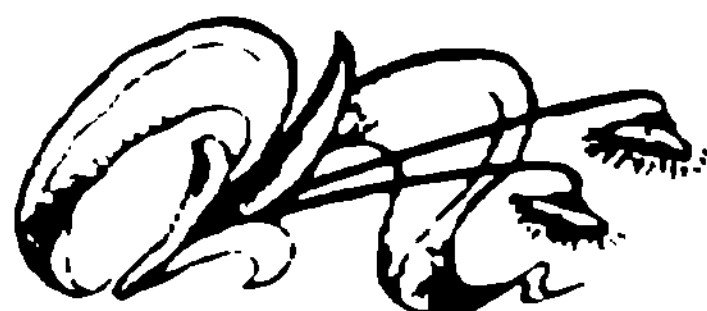

Образцы средневековых монет

Что снять могло бы ваши обвиненья,
Покуда вы из жалости святой
Ему грехов секирой не простили.

В у л с и

И это, и все прочее, чем нас
Пришел здесь попрекать болтливый лорд, —
Все это ложь. Заслуженно законом
Был герцог осужден. Что я невинен
И козней супротив него не строил,

То подтвердят его вина и суд.
Будь я словоохотлив, я сказал бы,
Что в вас не больше честности, чем чести,
Что в смысле преданности и любви
Моей к монарху, королю-владыке,
Я превзойду людей почище Серри
И тех, кто рад его безумствам диким.

С е р р и

Клянусь, тебя лишь ряса защищает,
Не то б гулял мой меч в твоей крови!—
Милорды, как мы стерпим эту наглость?
И от кого? Нет, если мы робеем
Пред наглостью куска пурпурной ткани,
Тогда — конец вельможам! Пусть он нас,
Как жаворонков, всех накроет шляпой.

В у л с и

Все блага — яд для брюха твоего.

С е р р и

Да, благо — сборы всех богатств страны
В одних руках, и в ваших, кардинал!
И благо перехваченных посланий
От вас — для короля враждебных — к папе!
Коли на то пошло, все блага ваши
Немедленно мы предадим огласке.—
Лорд Норфолк, вы душою благородны,

Всеобщее вы свято чтите благо,
Вы видите униженную знать
И жалкую судьбу ее потомков,
Которым уж дворянами не быть.
Представьте же ему итог грехов,
Деяний, им свершенных в этой жизни. —
Я вас сильней колоколов встревожу,
Когда под утро девушка-смуглянка
Лежит в объятьях ваших, кардинал.

В у л с и

Всем сердцем презирал бы я его,
Но чувству милосердия я подвластен.

Н о р ф о л к

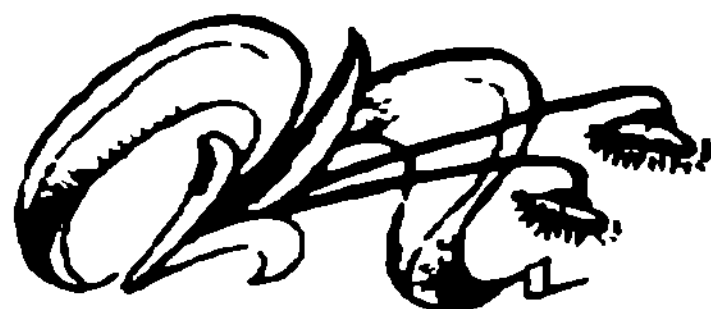
Счета грехов в руках у короля.
Они поистине неблагоприятны.

В у л с и

Тем ярче заблестит моя невинность.
Когда всю правду будет знать король.

С е р р и

Нет, это уж теперь вас не спасет.
По счастью, я кой-что из них запомнил.
Сейчас они предстанут перед вами.
Вы можете краснеть, признать вину?
Так, значит, в вас еще есть искра чести.

В у л с и

Что ж, говорите, сэр, я не боюсь,
Лишь за манеры ваши я краснею!

С е р р и

Пусть нет манер, зато на месте сердце!
Так вот извольте-ка: во-первых, дерзко,
Без ведома иль воли короля,
Вы захотели папским стать легатом
И ущемить епископов права.

Н о р ф о л к

К тому же в письмах Риму и монархам
Подписывались: "Ego et rex meus"¹,
Как бы слугой считая короля.

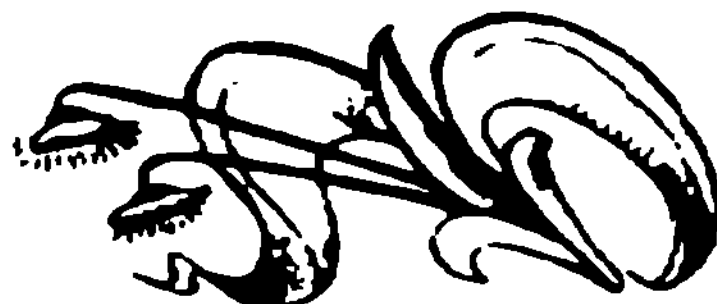
С е ф ф о л к

Затем, когда поехали послом
Вы к императору, тогда вы взяли
Во Фландрию с собой печать большую
Без ведома монарха и совета.

С е р р и

Затем Грегорио Кассадю право

¹ Я и мой король (лат.).

Письмом вы дали заключить союз
Меж нашим государством и Феррарой,
Без воли короля и всей страны.

С е ф ф о л к

Притом из честолюбья повелели
Чеканить на монетах вашу шляпу.

С е р р и

Вы слали в Рим бесчисленные суммы
(Как добытые — знает ваша совесть),
Чтоб путь себе к величью проложить,
Ущерб и вред чиня для государства.
И много есть еще других проступков,
Но вашей мерзостью я не желаю
Марать себе язык.

К а м е р г е р

Увы, милорд,
Зачем давить упавшего пятою?
Его вина суду уже ясна,
Пусть он его карает, а не вы.
Мне больно видеть, как его величье
Бесследно тает.

С е р р и

Я его прощаю.

С е ф ф о л к

Лорд-кардинал, по воле короля,
Поскольку ваши прошлые деянья
Легатской власти в нашем государстве
Подходят под закон о *praemunire*¹,
То следует о вас такой приказ:
Конфисковать все ваше состоянье,
Именье, земли, замки, мебель, утварь
И прочее. Теперь вы — вне закона.
Такое порученье мне дано.

Н о р ф о л к

Итак, дадим вам время поразмыслить,
Как лучше жить. За ваш отказ упрямый
Печать большую снова нам вручить
Король вам будет очень благодарен.
Прощайте же, ничтожный кардинал.

Все, кроме Вулси, уходят.

В у л с и

Прощай же, мой ничтожным ставший жребий!
Вот участь человека! Он сегодня
Распустит нежные листки надежд,
А завтра весь украсится цветами.

¹ Латинский юридический термин, означающий конфискацию имущества.

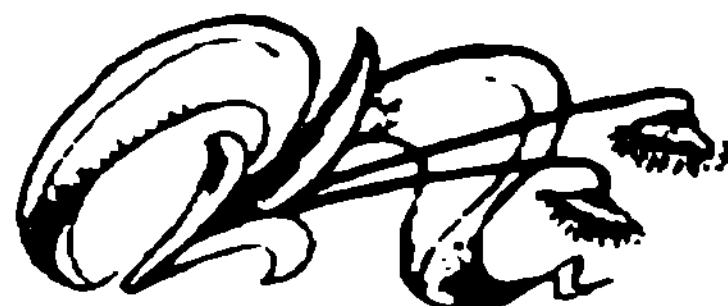
Но через день уже мороз нагрянет,
И в час, когда уверен наш счастливец,
Что наступил расцвет его величья,
Мороз изложет корни, и падет
Он так же, как и я. Да, я дерзнул
На пузырях поплыть, как мальчуган,
Плыл много лет по океану славы,
Но я заплыл далеко за черту...
Спесь лопнула, раздувшись подо мною,
И вот уж я, усталый, одряхлевший,
Судьбою предоставлен воле волн,
Которые меня навеки скроют.
Я проклял вас, весь блеск земной и слава!
Отверзлась как бы вновь моя душа.
Как жалок и несчастен тот бедняк,
Кто от монарших милостей зависит.
Меж той улыбкой, к коей он стремится,
Эмблемой милости, и днем опалы
Познает больше страхов и мучений,
Чем в женщине таится иль в войне.
И вот он пал, он пал, как Люцифер,
Навеки, без надежд.

Входит Кромвель и останавливается в смущении.

А, ты здесь, Кромвель?

Кромвель

Сэр, слов не нахожу я.

В у л с и

Как! Смущен
Моим несчастьем? Изумлен безмерно,
Что может человек великий пасть?
Ты плачешь? Значит, я и вправду пал.

К р о м в е л ь

Как чувствуете вы себя?

В у л с и

Прекрасно!

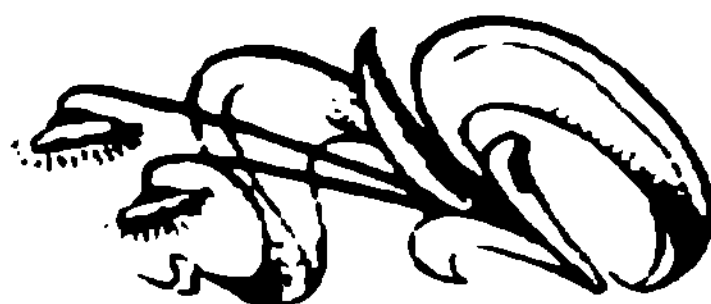
Так счастлив, Кромвель, никогда я не был.
Теперь себя познал я, и в душе
Мир, что превышает всех земных блаженств, —
Спокойная, утихнувшая совесть!
Король от хвори излечил меня,
Его величеству я благодарен:
Да, с плеч вот этих, с дрогнувших колонн,
Из жалости снят груз великой чести,
Ко дну пустить способный целый флот.
О это бремя, Кромвель, это бремя,
Безмерный гнет для всех надежд на небо!

К р о м в е л ь

Рад, что из бед вы пользу извлекли.

В у л с и

Да, так я полагаю. Я способен,
Несокрушимость духа проявив,

Стерпеть гораздо больше грозных бед,
Что мне враги трусливые измышлят.
Какие новости?

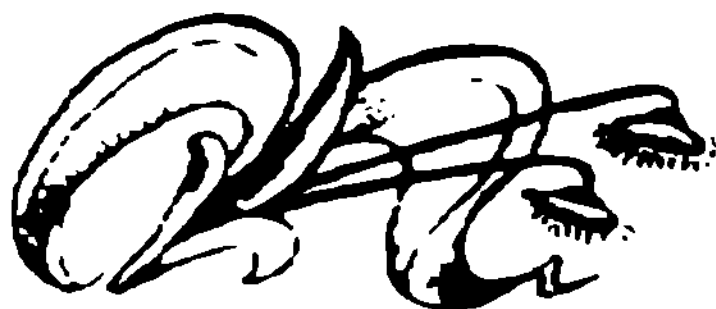
Кромвель
Ужасней всех
Гнев короля.

Вулси
Храни его Господь!

Кромвель
Затем сэр Томас Мор уже лорд-канцлер
На вашем месте.

Вулси
Что ж, довольно быстро.
Но он — ученый муж. Да будет долго
Он в милости и пусть добро творит,
Всегда в ладу и с совестью и с правдой.
Свой путь свершив, пусть мирно он почиет
В безмолвном склепе из сиротских слез.
Ну что еще?

Кромвель
С приветом встречен Кранмер.
Архиепископом Кентерберийским
Уже назначен он.

В у л с и

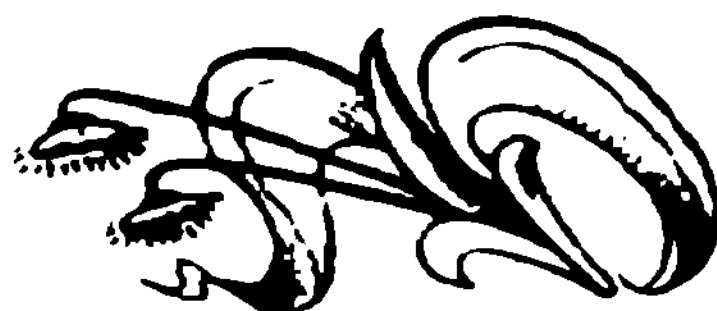
Вот это новость!

К р о м в е л ь

Последняя же новость — леди Анна,
Повенчанная тайно с королем,
Как королева нынче появилась
Открыто в церкви с ним. Теперь лишь слышны
О коронации повсюду толки.

В у л с и

Вот груз, меня ко дну пустивший, Кромвель!
Я королем обманут. Все величье
Я из-за этой женщины утратил.
Честь не вернет мне никакое солнце,
Оно не озарит толпу вельмож,
Алкающую лишь моих улыбок.
Иди же от меня, спасайся, Кромвель,
Я падший раб, отныне недостойный
Твоим хозяином в дальнейшем быть.
Войти старайся в милость к королю.
Пусть это солнце не придет к закату!
Я говорил ему, что ты был честен,
Тебе при нем откроется дорога,
Он сделает... Он помнит обо мне!
Я знаю, что в душе он благороден,

Твоим заслугам он не даст померкнуть.
О милый Кромвель, миг не упускай,
О будущем своем сейчас подумай.

К р о м в е л ь

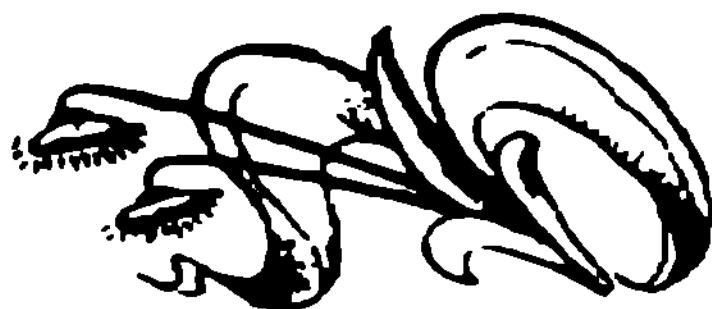
Милорд, но как же вас-то я покину?
Ужели должен я теперь расстаться
С таким хорошим, добрым господином?
Пусть все, в ком не железные сердца,
Свидетелями той печали станут,
С которой Кромвель покидает вас.
Служить я буду королю, но вечно
За вас молитвы буду возносить.

В у л с и

Лить слезы в горе я не думал, Кромвель,
Но верностью своею ты меня,
Как женщину, заставил прослезиться.
Отрем же слезы! И послушай, Кромвель,
Когда, уже забытый, буду я
Покоиться под мрамором холодным,
На коем и не сыщешь эпитафий,
Скажи, что я учил тебя, что Вулси,
Когда-то шедший по дорогам славы
И в океане чести и величья
Изведавший все мели и глубины,
Сам пострадав от кораблекрушенья,

Тебя найти спасенье научил —
Забытый им, надежный, верный путь.
Пойми мое паденье, чем я сгублен:
Отринь тщеславье, Кромвель, заклинаю!
Ведь этот грех и ангелов сгубил.
Как может человек, Творца подобье,
В грехе таком найти пути к спасенью?
Себе любви поменьше уделяй,
Зато врагов лелей в любви безбрежной.
Зло даст тебе не больше, чем добро,
Но твердо мир держи в своей деснице,
И зависти замолкнут языки.
Будь справедлив, не предавайся страхам!
Пусть будет жизнь твоя посвящена
Родной стране, и небесам, и правде.
И если, Кромвель, ты тогда падешь,
Ты примешь смерть как мученик святой.
Служи монарху! Ну, пойдем ко мне:
Составим опись всех моих сокровищ,
Всех, до гроша. Все это — королю!
Лишь ряса и лишь чистота пред небом —
Вот все, что я дерзну назвать своим
Отныне и навек! О Кромвель, Кромвель,
Служи я небесам хоть вполовину
С таким усердьем, как служил монарху,
То в старости меня бы он не предал,
Столь беззащитного, моим врагам.

Кромвель

Терпенье, сэр!

Вулси

**Земных надежд уж нет!
Надежды все лишь на небесный свет!**

Уходят.

АКТ IV

Сцена 1

Улица в Уэстминстере.

Встречаются два дворянина.

Первый дворянин

Я рад вас видеть снова.

Второй дворянин

Рад и я.

Первый дворянин

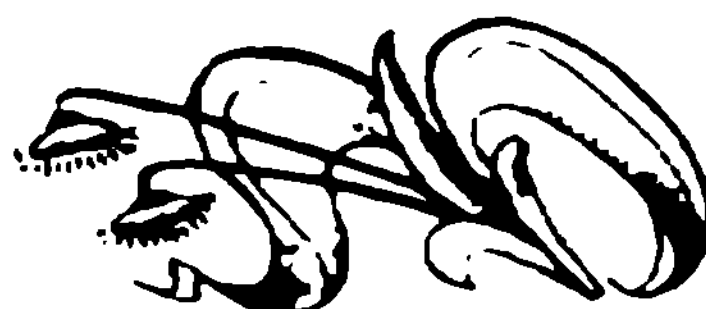
Пришли сюда взглянуть, как леди Анна
Проследует обратно королевой?

Второй дворянин

Вот именно. Я помню, прошлый раз
Вели на эшафот здесь Бекингема.

Первый дворянин

Да, верно. Но тогда печаль царила,
А нынче — радость.

Второй дворянин

Это хорошо.

Мне кажется, что показал народ
Безмерную приверженность к престолу, —
А впрочем, к этому всегда он склонен.
Он празднует так пышно этот день,
Процессии устроив, маскарады,
Торжественные зрелища да игры.

Первый дворянин

Таких торжеств давно уж не бывало.
Все сделано, скажу вам, превосходно.

Второй дворянин

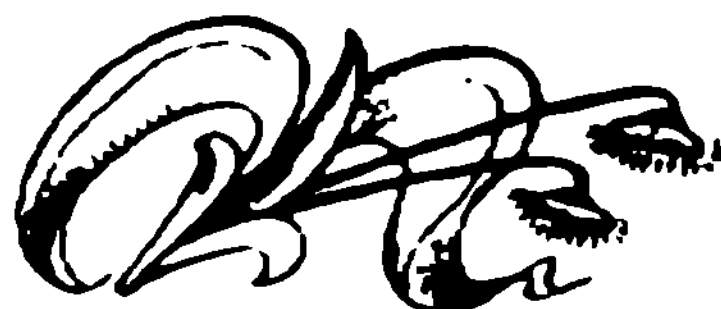
Нельзя ли мне узнать, что за бумага
У вас в руках?

Первый дворянин

Да, это список лиц,
Всех тех, кто были заняты сегодня
На коронационных торжествах.
Лорд-сенешал сегодня — герцог Сеффолк,
А далее — лорд-маршал — герцог Норфолк,
Об остальных прочтете сами, сэр.

Второй дворянин

Спасибо, сэр. Когда б не знал порядка,

В бумагу вашу я бы заглянул.
Но расскажите, что с Екатериной,
Принцессой вдовствующей? Как она?

П е р в ы й д в о р я н и н

И это вам я рассказать могу.
Недавно в Данстебле, что близ Эмптхилла,
Где ждет судьбы она, архиепископ
Кентерберийский и его собратья
Ученые из ордена святого
В судебном заседании собрались
Они туда принцессу приглашали
Настойчиво, но все же безуспешно.
Короче говоря, ввиду неявки
И чтобы успокоить короля,
С согласия общего ученых этих
Решенье вынес суд — ей дать развод,
Их брак признав отныне незаконным.
Потом ее в Кимболтон увезли,
И там она занемогла.

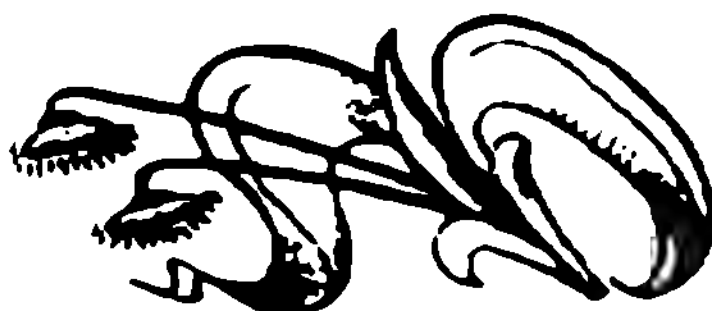
В т о р о й д в о р я н и н

Бедняжка!

Трубы.

Играют трубы! Тише! Королева!

Гобои.

Порядок шествия.
Фанфары.

Затем входят: 1. Двое судей. 2. Лорд-канцлер, перед которым несут сумку и булаву. 3. Хор певчих, которые поют, и музыканты. 4. Лорд-мэр Лондона с булавой. За ним — первый герольд в воинских доспехах и с позолоченной медной короной на голове. 5. Маркиз Дорсет в золотом полувенце, несущий золотой скипетр. Рядом с ним — граф Серри в графской короне, несущий серебряный жезл с голубем. На обоих — цепи ордена Подвязки. 6. Герцог Сеффолк в своей герцогской мантии и с герцогской короной на голове, несущий в качестве лорд-сенешала длинный белый жезл. Рядом с ним — герцог Норфолк в короне, с обер-гофмаршальским жезлом. На обоих — цепи ордена Подвязки. 7. Под балдахином, который несут бароны Пяти портов, — королева Анна в коронационном туалете, в короне на богато украшенных жемчугом волосах. По одну сторону от нее епископ Лондонский, по другую — Уинчестерский. 8. Старая герцогиня Норфолкская в золотом, отделанном цветами венце, несущая шлейф королевы. 9. Несколько леди и графинь, увенчанных простыми золотыми обручами, без цветов.

Второй дворянин

Парад-то пышный! Этих вот я знаю.
А кто со скипетром?

Первый дворянин

А это Дорсет.
А тот, с жезлом серебряным, — граф Сери.

Второй дворянин

Вельможа видный. Это герцог Сеффолк?

Первый дворянин

Он самый, сенешал.

Второй дворянин

А герцог Норфолк
С ним рядом?

Первый дворянин

Да.

Второй дворянин

(глядя на королеву)

Спаси тебя Господь!

Прелестнее лица я не видал. —

Клянусь душою, сэр, ведь это ангел!

Вся Индия в объятьях короля,

Когда он эту леди обнимает.

Пожалуй, я корить его не стану.

Первый дворянин

Те, кто несет над нею балдахин,

Пяти портов бароны — их четыре.

Второй дворянин

Счастливы, да и все, кто рядом с нею.

А дама знатная, что шлейф несет,

Не старая ли герцогиня Норфолк?

Первый дворянин
Ну да. И остальные все — графини.

Второй дворянин
Видать по их венцам. Они как звезды...
Падучие иной раз.

Первый дворянин
Ну, довольно!
Шествие удаляется под громкие звуки фанфар.

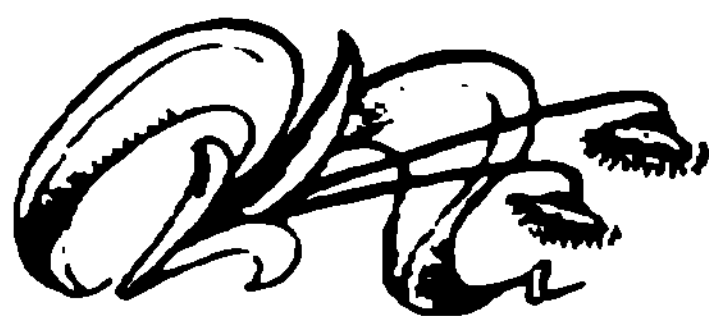
Входит третий дворянин.
Храни вас Бог! Вы страшно запыхались.
Багровый весь! Скажите, вы откуда?

Третий дворянин
В аббатстве был. Толпа и теснота
Такая, что и пальца не просунешь.
От их веселья чуть я не задохся.

Второй дворянин
Всю церемонию видали?

Третий дворянин
Видел.

Первый дворянин
Понравилась?

Т р е т и й д в о р я н и н

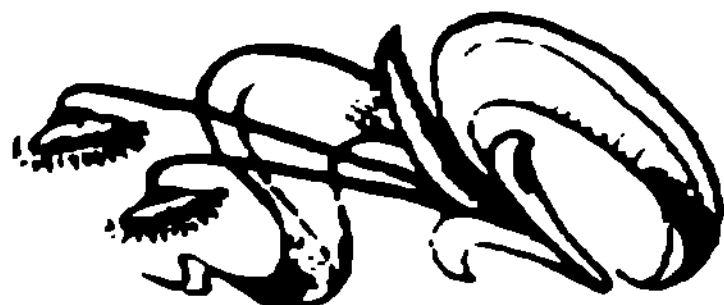
Да, стоит посмотреть.

В т о р о й д в о р я н и н

Любезный сэр, вы нам уж расскажите.

Т р е т и й д в о р я н и н

Попробую. Блистательный поток
Вельмож и дам доставил королеву
К назначенному месту в алтаре.
Затем чуть-чуть отхлынул от нее.
Она же там сидела, отдыхая,
Примерно с полчаса иль в этом роде
В роскошном тронном кресле, предоставив
Народу любоваться на нее.
Поверьте, сэр, что никогда с мужчиной
Прелестней не была жена на ложе.
Когда увидел это все народ,
Тогда кругом такой поднялся грохот,
Как в вантах корабля во время бури —
Скрип, гул и на любые голоса.
Плащи и шляпы, даже и камзолы
Летели в воздух. Если бы и лица
Отстегивались, их бы растеряли.
Таких восторгов я еще не видел:
Беременные женщины, которым
Носить осталось три-четыре дня,

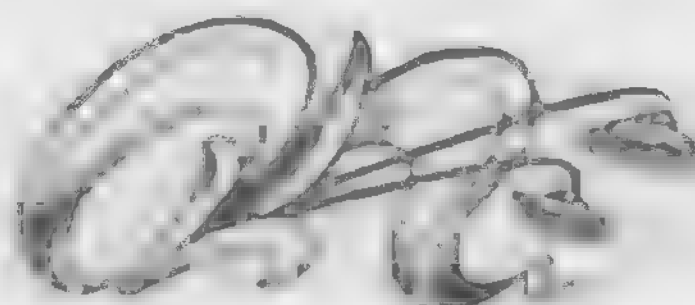

The Lady Ratclif

С картины художника Ганса Гольбейна Младшего

Подобные таранам в древних войнах,
Себе в толпе прокладывали путь.
Мужья в толпе не узнавали жен,
Все перепуталось.

Второй дворянин

И что же дальше?

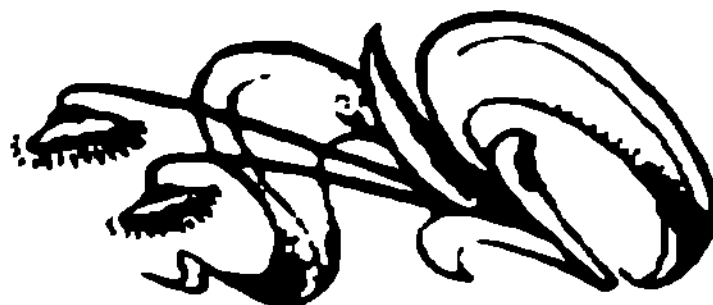
Третий дворянин

Ну, королева встала и смиренно
Приблизилась теперь уж к алтарю.
И, как святая, взор воздела к небу,
И на коленях вознесла молитву,
Вновь встала и народу поклонилась.
Затем архиепископ подал ей
Все то, что подобает королеве:
Елей священный, а затем корону,
Что исповедник Эдуард носил,
И жезл, и голубя, и все эмблемы
Пристали ей! Когда обряд был кончен,
То хор под звуки лучшего оркестра
Пропел *Te Deum*¹. Тут она ушла
И с той же самой свитой возвратилась
В дворец йоркский, где начнется пир.

Первый дворянин

Уже он не йоркский, как был раньше.
Пал кардинал, и взял король дворец,
Теперь он называется Уайтхолл.

¹ Тебя, Боже, (славим) — католическая месса.

Т р е т и й д в о р я н и н

Я знаю, но по-старому его
Все называю.

В т о р о й д в о р я н и н

Рядом с королевой
Шли два епископа. Их как зовут?

Т р е т и й д в о р я н и н

Стоксли и Гардинер. Из них второй
Уинчестерский, он был секретарем
У короля до получения сана.
А Стоксли в Лондоне.

В т о р о й д в о р я н и н

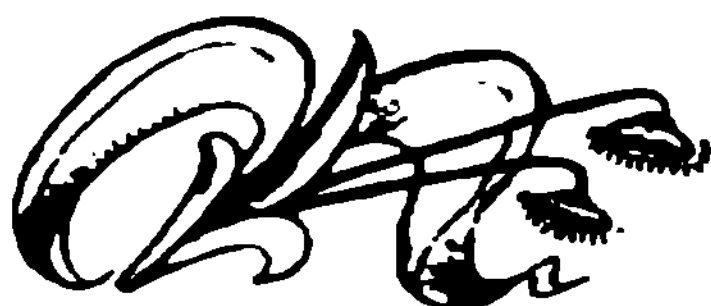
Как говорят,
Опять у Гардинера не в почете
Наш дорогой архиепископ Кранмер.

Т р е т и й д в о р я н и н

Да, это знает вся страна. Однако
Меж ними острой нет еще вражды.
А вспыхнет, так у Кранмера есть друг,
Который от него не отвернется.

В т о р о й д в о р я н и н

А кто же он, скажите?

Т р е т и й д в о р я н и н

Томас Кромвель,
Которого король высоко ценит.
Он верный и достойный друг. Король
Ему дал пост хранителя алмазов,
Назначив членом тайного совета.

В т о р о й д в о р я н и н

Он большего достоин.

Т р е т и й д в о р я н и н

Несомненно.
Пойдемте, господа, сейчас ко мне.
Я там живу. Вас, дорогих гостей,
Кой-чем я угощу. А по дороге
Все доскажу.

О б а д в о р я н и н а

Мы очень рады, сэр.

Уходят.

Сцена 2

Кимболтон.

Гриффит и Пейшенс вводят Екатерину.

Г р и ф ф и т

Как ваша милость чувствует себя?

Е к а т е р и н а

О Гриффит, я больна уже смертельно.
 Как ветви, отягченные плодами,
 Уж ноги пригибаются к земле,
 Желая сбросить бремя. Дай мне стул.
 Вот так. Теперь как будто стало легче.
 Ты, кажется, мне только что сказал,
 Что кардинал, великой чести сын,
 Скончался?

Г р и ф ф и т

Да, но думал я, что в горе
 Вы просто не расслышали об этом.

Е к а т е р и н а

Скажи, любезный Гриффит, как он умер?
 И если тихо, то примером мне
 Послужит он.

Г р и ф ф и т

Да, говорят, что тихо.
 Как только грозный граф Нортемберленд
 Его под стражу заключил в Йорке
 И предложил предстать перед судом
 Под гнетом очень тяжких обвинений,
 Он сразу захворал настолько сильно,
 Что даже сесть не мог на мула.

Е к а т е р и н а

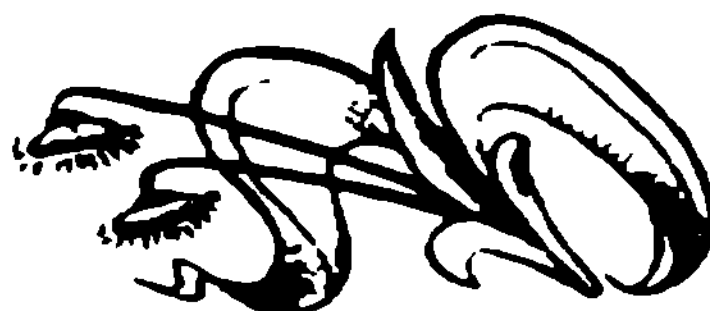
Бедный!

Г р и ф ф и т

До Лестера он наконец добрался
И там в аббатстве был с почетом встречен
Почтенным настоятелем и братьей,
И он ему сказал: "Святой отец!
Старик, разбитый ураганом власти,
Пришел, усталый, кости здесь сложить,
Из милости ему могилу дайте!"
Он слег. Его болезнь не утихала,
И вот через три дня, в восьмом часу,
Как он и сам себе предрек заране,
Исполненный раскаянья и слез,
Благочестивых мыслей и печали,
Все почести он миру возвратил,
А душу — небу, и скончался тихо.

Е к а т е р и н а

Да успокоится он, грешник, с миром!
И все же, Гриффит, я хочу сказать
О нем без злобы. Он надменен был,
Всегда себя равняя с королями,
Стремился он страну держать в узде,
Твердил, что симония допустима,
А мнение свое считал законом.

Способен был порою лгать в глаза
И быть двуличным и в словах и в мыслях.
И лишь к тому, кому готовил гибель,
Выказывал притворное участие.
Он в обещаньях был могуч, как раньше,
А в исполненьях, как теперь, ничтожен.
Плоть услаждал свою, тем духовенству
Худой пример давая.

Г р и ф ф и т

Госпожа,
Дела дурные мы чеканим в бронзе,
А добрые мы пишем на воде.
Нельзя ли мне сказать в его защиту?

Е к а т е р и н а

Да, Гриффит. Незлопамятна же я.

Г р и ф ф и т

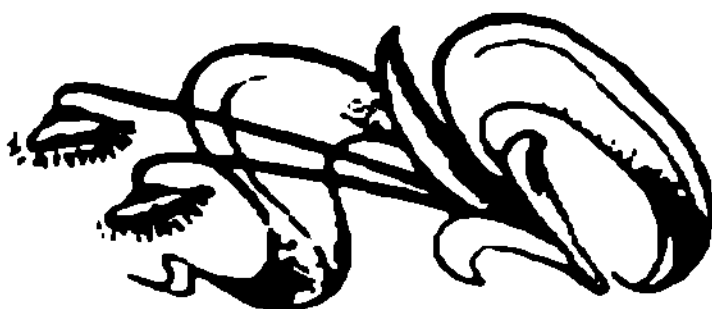
Был кардинал из низкого сословья,
Но с колыбели предназначен к славе.
Он был ученый, зрелый и глубокий,
Весьма умен, блистательный оратор,
Надменен и суров он был с врагами,
Как лето, ласков был к своим друзьям,
И хоть в стяжанье был он ненасытен
(Я знаю, это грех), но, госпожа,
Он в щедрости зато не знал предела.

Свидетельствуют на века о том
Ипсуич и Оксфорд. Первый пал с ним вместе,
Как бы с творцом желая умереть.
Другой же, недостроенный, известен
Великолепьем и растущей силой.
В столетьях слава будет жить о нем.
Паденье Вулси счастье принесло,
Теперь он только и познал себя,
В судьбе ничтожной обрета блаженство.
Себя он большей честью увенчал,
Чем люди были дать ему способны,
И в страхе Божьем так скончался он.

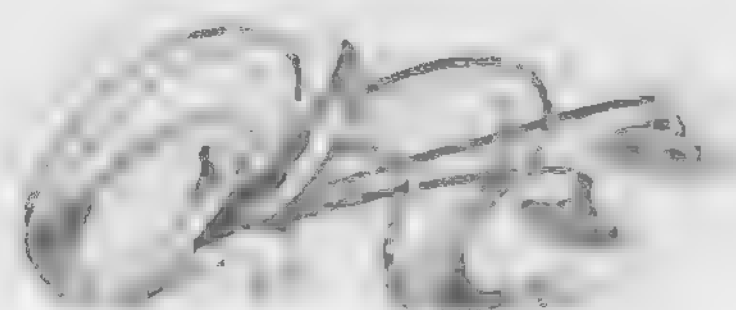
Е к а т е р и н а

Мне после смерти лучшего герольда
Иль восхвалителя моих деяний,
Чем этот честный летописец Гриффит,
Не надо, чтобы честь спасти от скверны.
Тот, кто мне был при жизни ненавистен,
Отныне мною чтится как мертвец.
Вот плод речей твоих благочестивых!
Пусть мирно он вкушает вечный сон! —
Будь рядом, Пейшенс, сдвинь меня чуть-чуть,
Тебе не много уж хлопот осталось...
Любезный Гриффит, пусть мне музыканты
Мелодию печальную сыграют,
Что мне звучит, как похоронный звон,

Английская актриса Сидонис в роли королевы Екатерины

А я пока мечтам своим предамся
О музыке небес, куда спешу я.

Грустная и торжественная музыка.

Г р и ф ф и т

Она уснула... Посидим спокойно.
Мне не хотелось бы ее будить...
Потише, Пейшенс, милая, потише!

Видение. Торжественно входят одна за другою ш е с т ь ф и г у р в белых одеяниях, с лавровыми венками на головах, золотыми масками на лицах, пальмовыми или лавровыми ветвями в руках. Сначала они кланяются Екатерине, затем танцуют, и при определенных фигурах танца первые две держат скромный венок над ее головой, между тем как остальные четверо принимают различные почтительные позы. Затем державшие венок передают его следующей паре, которая повторяет ту же фигуру танца, держа над головой спящей венок. Далее повторяет ту же фигуру третья пара. Спящая при этом, как бы зачарованная, в порыве радости поднимает руки к небу. Затем они, танцуя, исчезают, унося с собою венок. Музыка продолжается.

Е к а т е р и н а

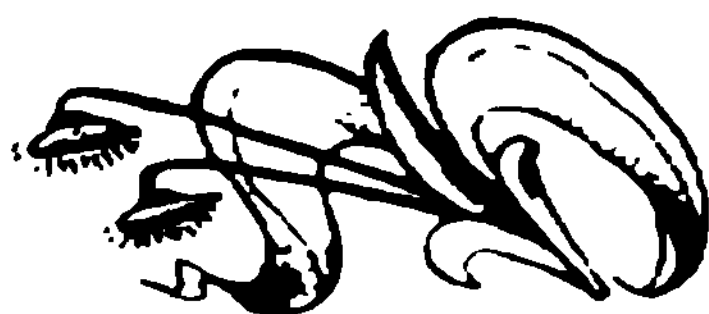
О, где вы, духи мира? Вы исчезли?
В несчастье вы покинули меня?

Г р и ф ф и т

Мы здесь, миледи.

Е к а т е р и н а

Я зову не вас.
Никто, пока спала я, не входил?

Г р и ф ф и т

Нет.

Е к а т е р и н а

Вы не видели — сонм серафимов
Зовет меня на пир, их лики светлы,
Как солнце, мечут тысячи лучей
И обещают вечное блаженство.
Они сюда несут венки мне, Гриффит,
Их я носить покуда недостойна,
Но вскоре сделаюсь достойной их.

Г р и ф ф и т

Я рад, сударыня, что сны такие
Вы видите.

Е к а т е р и н а

Пусть музыка умолкнет.
Мне режет слух она.

Музыка прекращается.

П е й ш е н с
(тихо, Гриффиту)

Вы посмотрите,
Как госпожа внезапно изменилась,
Как заострились все черты! И бледность
Землистая в лице! А взор какой!

Г р и ф ф и т
(тихо)

Она отходит. Девушка, молись!

П е й ш е н с
Над ней да смилуется небо!

Входит слуга.

С л у г а
Позвольте, ваша милость...

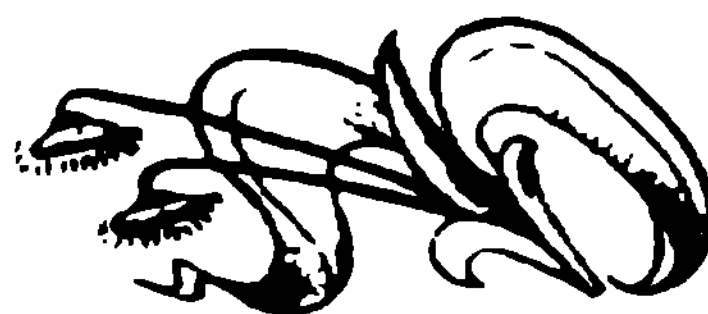
Е к а т е р и н а
Дерзок ты!
Ужель я уважения не стою?

Г р и ф ф и т
Болван! Ведь с саном ей расстаться больно!
А ты, каналья, живо на колени!

С л у г а
У вашего высочества прощенья
Прошу смиренно. В спешке был я груб.
Посланец короля явился к вам.

Е к а т е р и н а
Пусть, Гриффит, он войдет. Но вот его
Чтоб никогда я больше не видала.

Гриффит и слуга уходят.

Г р и ф ф и т возвращается с Ка п у ц и у с о м.

Е к а т е р и н а

Ах, если мне не изменяет зренье,
Прислал вас император, мой племянник.
Капуциус зовут вас. Вы посол?

К а п у ц и у с

Он самый, госпожа, к услугам вашим.

Е к а т е р и н а

Ах, сэръ, и титулы и времена,
С тех пор как мы увиделись впервые,
Все изменилось. Что же вам угодно?

К а п у ц и у с

Во-первых, госпожа, я ваш слуга.
Затем, король просил вас навестить,
Весьма скорбит он о болезни вашей,
И посылает вам привет сердечный,
И просит вас утешиться в печали.

Е к а т е р и н а

Ах, добрый лорд, не поздно ль утешенье?
Оно как бы прощенье после казни.
Пораньше бы лекарство помогло.
Теперь не утешенья, а молитвы
Нужны мне. Как здоровье короля?

Капуциус

Он чувствует себя теперь отлично.

Екатерина

Пусть вечно будет, вечно будет так.
А я уж скоро буду жить с червями,
Об имени моем в стране забудут.—
Скажите, Пейшенс, вы письмо послали,
Что написать я вам велела?

Пейшенс

Нет.

(Подает ей письмо.)

Екатерина

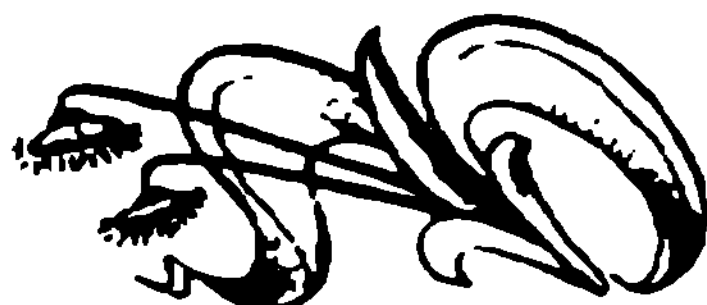
Сэр, я прошу вас это передать
Его величеству.

Капуциус

Весьма охотно.

Екатерина

В нем доброте его я поручаю
Дочь юную; как знак любви чистейшей,
Роса небес, пролейся изобильно
Благословениями на нее.

Пусть строгое он даст ей воспитанье,
Она юна, скромна и благородна,
Надеюсь, что она того достойна.
Пусть он ее ну хоть немножко любит,
Хоть ради матери ее, любившей
Его Бог знает как. Вторая просьба —
Чтоб с жалостью отнесся бы король
К моим служанкам бедным, очень долго
Служившим мне в беде и в счастье верно.
Я смею утверждать — и я не лгу, —
Что все они заслуживают счастья
За добродетель, красоту души,
За честность и смиренность обхожденья,
Мужей хороших, даже пусть из знати,
И счастливы же будут их мужья!
Последняя — о слугах самых бедных,
Но бедность от меня их не отторгла,
Пусть жалованье им сполна заплатят,
С доплатою — на память обо мне.
Когда б мне дольше жить сулило небо
В богатстве, мы бы не расстались так.
Вот это все. Теперь, мой добрый лорд,
Во имя самого для вас святого,
Во имя опочивших с миром душ,
Для этих всех несчастных станьте другом
И выполнить склоните короля
Последний мой завет.

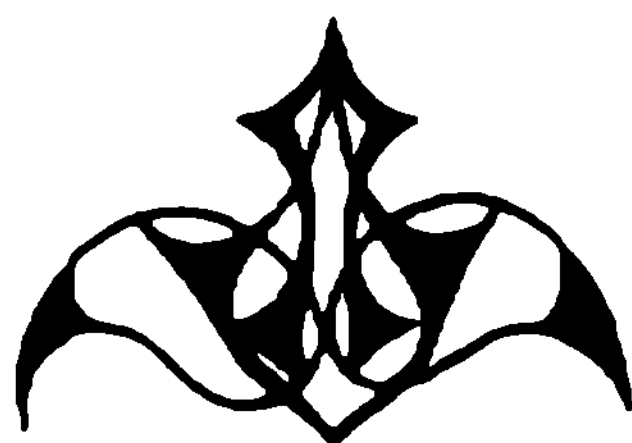
Капуциус

Я в том клянусь!
Иль пусть утрачу образ человека!

Екатерина

Благодарю вас, лорд. Привет прощальный
Смиренно передайте королю.
Скажите, что из мира исчезает
Забота, тяготившая его.
Скажите, что ему на смертном ложе
Свое благословенье посылаю.—
В глазах темнеет.— Ах, милорд, прощайте;
Прощайте, Гриффит.— Пейшенс, здесь побудь.
Я лечь хочу в постель. Зови служанок...
Когда умру, пусть почесть мне окажут:
Цветами девственными пусть осыплют,
Чтоб знали все, что чистою женой
Всю жизнь я оставалась, до могилы.
Мой прах набальзамируйте потом.
Развенчанную, но как королеву,
Дочь короля, меня похороните.
Вот это всё...

Ее уводят.

АКТ V

Сцена 1

Лондон. Галерея во дворце.

Входят Гардинер, епископ Уинчестерский, и перед ним — паж с факелом. Навстречу им входит сэр Томас Ловел.

Гардинер
(пажу)

Уж пробил час, малыш, не так ли?

Паж

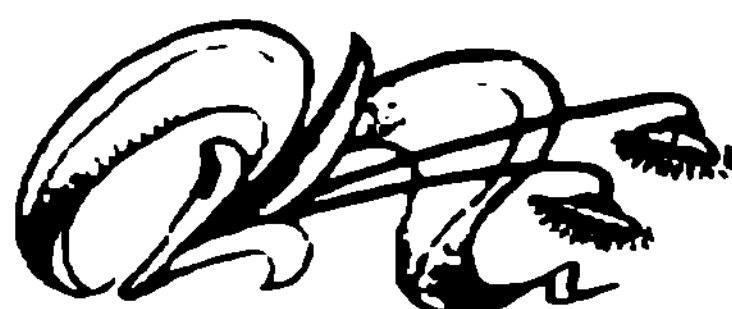
Да.

Гардинер

Часы такие посвящать бы сну,
А не разгулу. Отдых дать себе,
А не растрачивать бесплодно силы, —
Сэр Томас, доброй ночи вам желаю.
Куда так поздно?

Ловел

Вы от короля?

Г а р д и н е р

Да, он играет с герцогом Сеффорком
В примеро.

Л о в е л

К королю иду и я.
Он скоро ляжет спать. Пока прощайте!

Г а р д и н е р

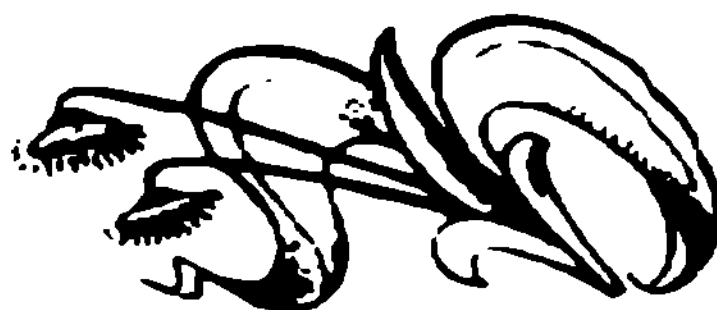
Сэр Томас, стойте. Что у вас за дело?
Вы, кажется, спешите. Я прошу
Простить мне любопытство. Я вам друг.
Скажите, что за дело там у вас.
Как призраки, блуждающие в полночь,
Тревожностью полны дела такие
В отличие от дневных.

Л о в е л

Я вас люблю,
И я решился бы доверить вам
И не такую тайну. Королева,
Как говорят, лежит в тяжелых родах.
За жизнь ее боятся.

Г а р д и н е р

Я молюсь,
Чтоб выжил плод для будущего счастья.

Что ж дерева касается, сэр Томас,
Пусть гибнет.

Л о в е л

Тут и я аминь сказал бы.
Но совесть-то мне все-таки твердит,
Что эта очень милая девица
Заслуживает лучших пожеланий.

Г а р д и н е р

Послушайте, сэр Томас, мы ведь с вами
Не мыслим разное. В вас есть светлый ум,
Вы набожны. Позвольте вам сказать,
Добру не быть, поверьте мне, сэр Томас,
Покуда Кранмер, Кромвель и она
В могиле не уснут.

Л о в е л

Вы, сэр, назвали
Двух самых видных в королевстве лиц.
Ведь Кромвель и хранителем сокровищ
Назначен и начальником архивов.
Он также королевский секретарь.
Он на пути и к почестям иным,
Там будет видно. Наш архиепископ,
Он королю — десница и язык.
Да кто ж о нем сказать посмеет худо?

Гардинер

Да, да, сэр Томас, дерзкие найдутся.
Я сам о нем высказывался смело.
Как раз сегодня (вам я доверяю)
Мне удалось, так полагаю я,
В волненье привести почти всех лордов
Совета, заявив, что этот Кранмер
(Хоть это все и мне и им известно)
Гнуснейший еретик, чума страны.
Они сейчас же с этим к королю,
И нашей жалобе он внял мгновенно
И по своей монаршей доброте,
Заботясь лишь о благе государства,
Предвидя зло, изложенное нами,
Велел совету он собраться завтра.
Сей плевел надо выполоть, сэр Томас!
Но я вас задержал. Спокойной ночи!

Ловел

И вам ночей спокойных. Ваш слуга.

Гардинер и паж уходят.

Входят король Генрих и Сеффолк.

Король Генрих

Чарлз, я сегодня больше не играю.
Рассеян я, а вы игрок отличный.

С е ф ф о л к

Я раньше не выигрывал у вас.

К о р о л ь Г е н р и х

Да, мало, Чарлз.

И дальше вы меня не победите,
Когда играть внимательно я буду.—
Что нового о королеве, Ловел?

Л о в е л

Я не сумел ей лично изложить,
Что вы велели, но через служанку
Я передал ей ваше порученье.
Она покорно вас благодарит
И просит вас молиться за нее.

К о р о л ь Г е н р и х

Что ты сказал? Молиться за нее?
Да что ты? Разве начались уж роды?

Л о в е л

Так говорит служанка. Королева
В мучительнейших схватках.

К о р о л ь Г е н р и х

Ах, бедняжка!

С е ф ф о л к

Дай Боже ей родить благополучно
И без труда и радость вам доставить
Наследником.

К о р о л ь Г е н р и х

Уж било полночь, Чарлз!
Иди же спать. И помолись, прошу я,
За королеву бедную. Ступай!
А я здесь должен кое-что обдумать
В уединенье.

С е ф ф о л к

Государь, желаю
Спокойной ночи. Госпожу мою
Я помяну в молитвах.

К о р о л ь Г е н р и х

Доброй ночи.

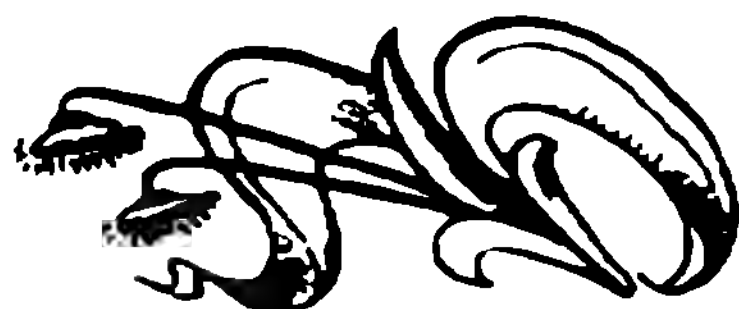
Сеффолк уходит. Входит сэр Энтони Денни.
Что скажете?

Д е н н и

Сэр, лорд архиепископ привезен,
Как вы велели.

К о р о л ь Г е н р и х

А, Кентерберийский?

Денни

Да, государь.

Король Генрих

Прекрасно. Где он, Денни?

Денни

Ждет здесь, за дверью.

Король Генрих

Приведи его.

Денни уходит.

Ловел

(в сторону)

Об этом-то и говорил епископ.

Пришел я кстати.

Входит Денни с Кранмером.

Король Генрих

Уходите все

Из галереи.

Ловел молчит.

Я сказал. Идите!

Ловел и Денни уходят.

Ну!

К р а н м е р
(в сторону)

Мне так страшно. Отчего он хмур?
Ведь это признак гнева. Дело худо!

К о р о л ь Г е н р и х

Ну что, милорд? Хотите вы узнать,
Зачем я вызвал вас сюда?

К р а н м е р
(преклоняя колени)

Мой долг —
Ждать изъявления вашей воли.

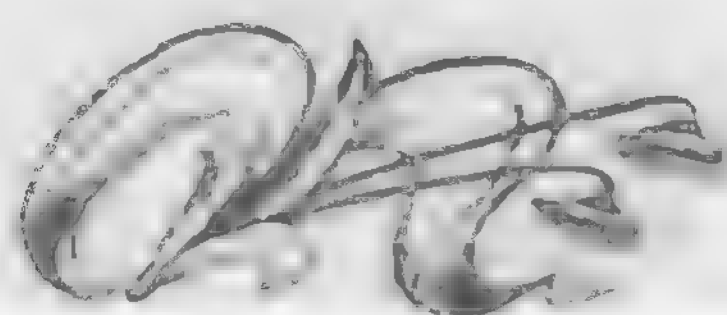
К о р о л ь Г е н р и х

Встаньте,
Любезный, добрый лорд Кентерберийский.
Пройдемся и немного потолкуем.
Есть новости. Приблизьтесь, дайте руку.
Ах, добрый лорд, как жаль мне говорить,
Как грустно повторять такие вещи.
Недавно я с досадой превеликой
Услышал много тяжких, да, заметьте,
Услышал много тяжких обвинений.
Их рассмотрев, и я и мой совет
Вас нынче утром допросить решили.

Кранмер. Портрет из Лондонской национальной портретной галереи

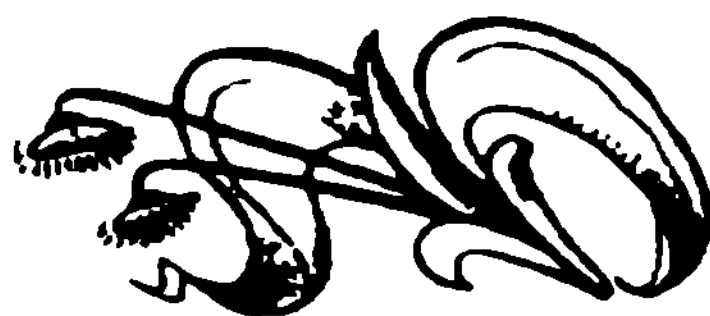
Но сразу ведь вам трудно оправдаться,
И вот, покуда разберется суд
В ответах ваших всех на обвиненье,
Вам следует терпенье проявить
И ненадолго в Тауэр удалиться.
Вы брат наш, так и надо поступить,
Не то ведь против вас и не найдешь
Свидетелей.

К р а н м е р
(преклоняя колени)

Спасибо, государь.
Я очень рад, что случай подвернулся
Мне нынче через веялку пройти,
В себе зерно очистив от мякины.
Я знаю — никого клеветники
Не травят, как меня.

К о р о л ь Г е н р и х

Встань, Кентербери!
Я знаю, что ты верен, неподкупен.
Дай руку, встань, пройдемся, я прошу.
Ох, Господи, что ты за человек!
Милорд, я думал, будете просить
Вы здесь меня сейчас об очной ставке
С врагами, обвиняющими вас,
Чтоб выслушал я ваши оправданья.

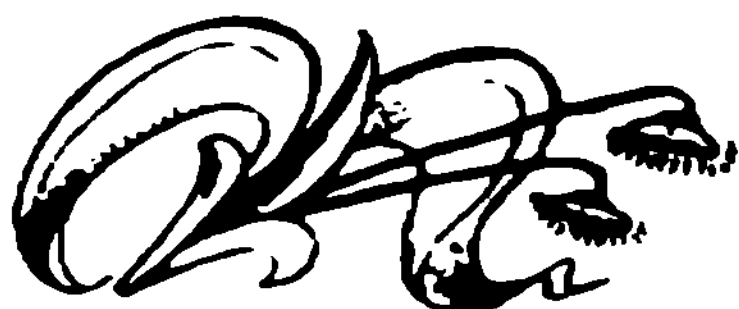

К р а н м е р

О грозный государь, мой путь один,
Мой символ веры — преданность и честность.
Без них готов я с недругами вместе
Торжествовать победу над собой.
Без добродетелей чего я стою?
Я никаких наветов не боюсь.

К о р о л ь Г е н р и х

Ужель вам совершенно неизвестно,
Как судит мир о вас, да, целый мир?
У вас врагов опасных очень много,
Не менее опасны козни их.
Суд не всегда при ясном ходе дела
Выносит справедливый приговор.
Ведь так легко клеветникам продажным
Найти столь же продажных подлецов,
Свидетельствовать против вас готовых.
Мой друг, случались же дела такие!
Враги сильны, коварство их безмерно.
В защите против ложных обвинений
Хотите быть счастливей, чем Господь,
Которому вы ревностный слуга?
Ему досталось в этом мерзком мире!
Ну полно, полно, вы убеждены,
Что в пропасть можно прыгнуть безопасно.
Вы смерти ищете.

К р а н м е р

Господь и вы
Невинности погибнуть не дозволят,
Иначе мне не миновать ловушки.

К о р о л ь Г е н р и х

Не бойтесь! Мы им ходу не дадим.
Тревожиться не надо. Завтра утром
Прошу я вас пожаловать в совет.
И если там начнут вас обвинять
И пожелают вас в тюрьму отправить,
Пустите в ход все доводы защиты,
Какие только вам подскажет ум,
А если вам все это не поможет,
Тогда им этот перстень предъявите,
Им станет ясно — вам защитой я!—
Смотрите-ка, расплакался, бедняга!
Нет, нет, он честен, честью я клянусь!
Да, дева пресвятая, он правдив!
Вернейший человек во всей стране.—
Ступай и сделай все, как я сказал.

Кранмер уходит.

Задушены его слова слезами!

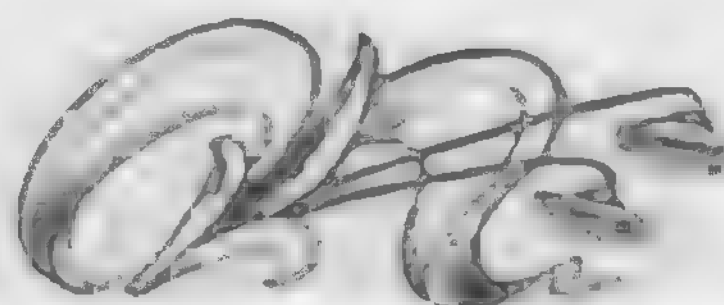
П р и д в о р н ы й
(за сценой)

Назад! Что надо?

Кранмер и Генрих VIII. С картины художника Р.Вестоля

Входит пожилая леди.

П о ж и л а я л е д и

Я не пойду назад. Я весть несу,
Которая простит любую дерзость.
О ангелы благие, осените
Высокую особу короля
На миг благословенными крылами!

К о р о л ь Г е н р и х

По взгляду твоему я догадался...
Ужели королева разрешилась?
Скажи, что да! И мальчиком, конечно?

П о ж и л а я л е д и

Да, государь, мальчишкой превосходным,
Благослови ее Господь навек!
Хоть это и девчонка, но она
Мальчишек вам в дальнейшем обещает.
Вас очень хочет видеть королева
И познакомить с новым существом,
На вас похожим — ну точь-в-точь две вишни!

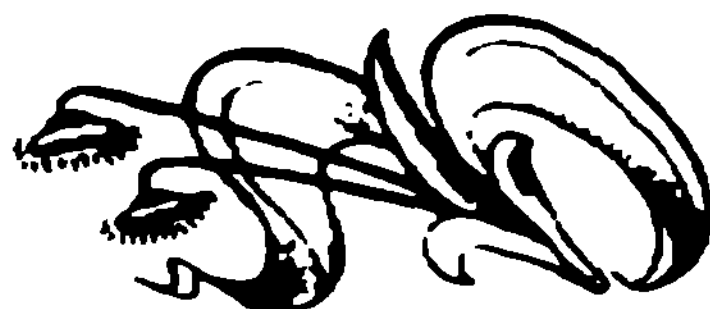
К о р о л ь Г е н р и х

Эй, Томас Ловел!

Входит Ловел.

Л о в е л

Сэр, что вам угодно?

К о р о л ь Г е н р и х

Дай ей сто марок. Я иду к жене.

(Уходит.)

П о ж и л а я л е д и

Сто марок! Черт возьми, мне маловато,
Ведь это же подачка для лакея.

Я вытяну побольше из него:

Что дочь похожа на него — он слышал,

Пусть больше даст, не то узнает сразу,

Что на него и вовсе не похожа.

Железо куй, покуда горячо!

Уходят.

Сцена 2

Передняя перед залом совета.

Слуги. Привратник и прочие ждут у дверей.

Входит Кранмер, архиепископ Кентерберийский.

К р а н м е р

Я полагаю, я не опоздал.

Ведь джентльмен, посыльный из совета,

Меня упрашивал поторопиться.

Что? Заперто? Гм, что же это значит? —

Эй! Кто там? Ты ведь знаешь же меня?

П р и в р а т н и к

Да, знаю, но помочь-то не могу.

К р а н м е р

Как!

П р и в р а т н и к

Подождите — вызовут.

К р а н м е р

Ах, вот что!

Входит доктор Бетс.

Б е т с

(в сторону)

Они ведь издеваются над ним.

Как хорошо, что здесь я очутился.

Король мгновенно это все поймет.

(Уходит.)

К р а н м е р

(в сторону)

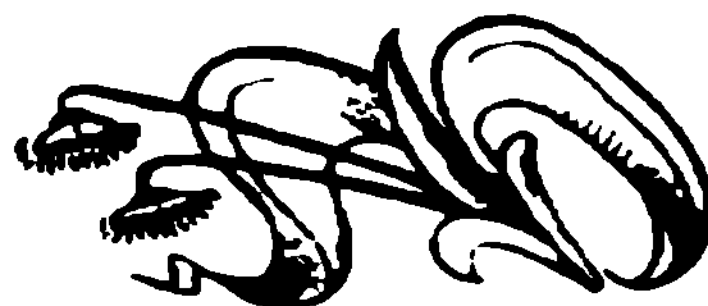
Вот это королевский доктор Бетс,

Прошел и на меня взглянул так странно...

Вдруг разгласит о том, что я в опале?

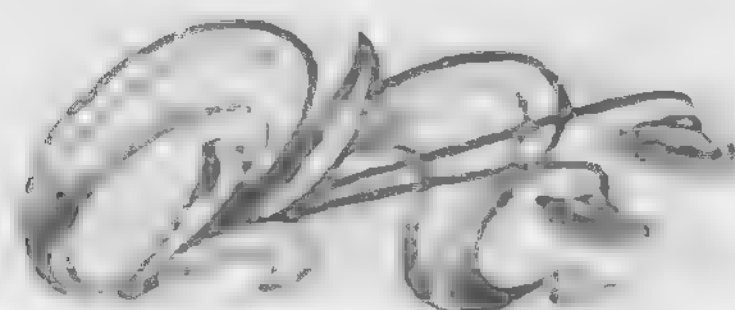
Конечно, все измышлено врагами,

Бог им судья! Я зла от них не ждал.

Доктор Бетс. Портрет из Лондонской национальной портретной галереи

И вот теперь они не постыдились
Заставить ждать здесь, у дверей, меня,
Им равного советника, вельможу,
Среди пажей, прислужников, лакеев...
Пусть будет так — придется потерпеть!

Наверху, у окна, появляются король Генрих и Бетс.

Бетс

Вот, не угодно ль, зрелище...

Король Генрих

Какое?

Бетс

Таких уж видеть много вам пришлось.

Король Генрих

Да, где же, черт возьми?

Бетс

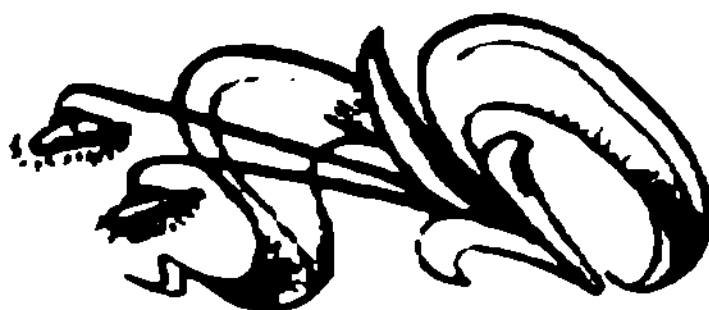
Вот, государь:

Архиепископ, в новом, высшем чине,
За дверью ждет — среди пажей, лакеев,
Просителей...

Король Генрих

Ага! Да, это он!

Вот как они друг друга почитают!

Как хорошо, что кто-то есть над ними!
Я думал, что у них хватает чести
Или учтивости, чтобы не дать
Вельможе, столь ценимому монархом,
Томиться, ожидая их приказов,
Здесь, у дверей, как будто он лакей.
Клянусь святой Марией, это гнусность!
Черт с ним, Бетс, задерни занавеску.
Еще не то услышим вскоре мы.

Уходят.

Сцена 3

Зал совета.

Уходят лорд-канцлер, герцог Сеффолк, герцог Нор-
оук, граф Серри, лорд-камергер, Гардинер и Кром-
вель. Лорд-канцлер садится в верхнем конце стола слева; одно кресло по-
сле него, предназначенное для архиепископа Кентерберийского, остается
занятым. Остальные садятся по обе стороны; Кромвель на нижнем конце
в качестве секретаря.

Канцлер

Лорд-секретарь, совету доложите
Порядок заседания.

Кромвель

Первым — дело
Мы слушаем милорда Кентербери.

Гардинер

Он вызван?

Кромвель

Да.

Норфолк

А кто там ожидает?

Привратник

За дверью?

Гардинер

Да.

Привратник

Милорд архиепископ,
Уж полчаса он ждет распоряжений.

Канцлер

Пускай войдет.

Привратник

Теперь, милорд, входите.

Входит Кранмер и подходит к столу.

Канцлер

Мне очень жаль, милорд архиепископ,
Здесь заседать и видеть ваше кресло
Сейчас пустым. Но все мы просто люди,

Как слаб наш дух, как бrenна наша плоть!
Святых, пожалуй, нынче редко встретишь.
Служить должны вы были нам примером,
Но вы по слабости и неразумью
Проступков совершили очень много
Пред королем и перед всей страной.
Вы сами, да и ваши капелланы
По всей стране сейчас распространили —
Так нам сказали — новые воззренья,
Опасную и пагубную ересь.
И этот вред должны исправить мы!

Г а р д и н е р

Исправить, и немедленно притом.
Ведь, укрощая диких лошадей,
Чтоб их смирить, мы их не водим шагом,
А вздергиваем морду удилами
И шпорим их, пока не покорятся.
И если мы дадим из добродушья
И глупой жалости к каким-то лицам
Свирепствовать опаснейшей заразе,
Тогда к чему лекарство? Что тогда?
Начнется смута, бунт... Над государством
Нависнет беспрестанная угроза.
Недавно нам немецкие соседи
Напомнили об этом очень ясно.
Об этом память все еще свежа.

К р а н м е р

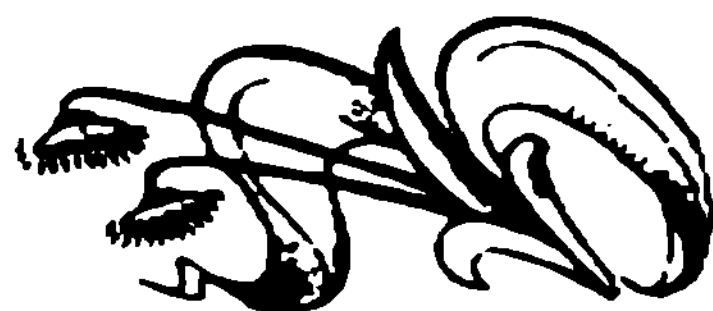
Милорды, я пытался до сих пор
И в жизни и в трудах следить за тем,
Как властью облеченное лицо,
Чтобы к добру вело мое ученье.
На свете нет, пожалуй, никого
(Я с чистой совестью скажу вам это).
Кто пагубных зачинщиков крамолы
И люто ненавидел бы и с ними
Так враждовал, как это делал я,
Как в помыслах, так и по долгу службы.
Дай Бог, чтоб никого король не встретил,
Кто менее бы предан был ему!
Завистники и хитрые злодеи
Дерзают ведь достойнейших кусать,
Я вас прошу, милорды, в ходе дела,
Кто б ни был ныне обвинитель мой,
Пусть в очной ставке пред судом предстанет
И пусть меня открыто обвинит.

С е ф ф о л к

О нет, милорд, нет, это невозможно!
Вы член совета, и пока никто
Вас обвинять поэтому не смеет.

Г а р д и н е р

Милорд, у нас сегодня много дел,
Мы будем кратки. Воля короля

(А мы согласны с нею), чтобы вас
Для лучшего ведения процесса
Перевели на это время в Тауэр.
И вас тогда, как частное лицо,
Любой смелее будет обвинять.
Услышите такие нарекания,
О коих вы и не предполагали.

К р а н м е р

Милорд Уинчестерский, благодарю вас.
Всегда вы были мне хорошим другом.
Вы будете судьей и присяжным,
Вы очень милосердны. Ваша цель —
Моя погибель. Но любовь и кротость
Духовному лицу гораздо больше
Приличествует, нежели тщеславье.
Овец заблудших кротко наставляйте,
А не гоните прочь. Я оправдаюсь,
Как долго бы меня вы ни терзали.
Я так же мало в этом сомневаюсь,
Как вы стыдитесь каждый день грешить.
Сказать я мог бы больше, но молчу,
Я ваши полномочья уважаю.

Г а р д и н е р

Милорд, милорд, вы просто еретик!
В том нет сомненья. Ваш наружный блеск

Скрывает под собой слова пустые
И слабость духа — это видно всем.

К р о м в е л ь

Милорд Уинчестерский, вы слишком резки!
Людей достойных, хоть виновных в чем-то,
За прошлое должны вы уважать.
Ведь павших оскорблять — бесчеловечно!

Г а р д и н е р

Лорд-секретарь, любезнейший, спасибо!
Из всех присутствующих здесь не вам бы
Мне это говорить.

К р о м в е л ь

А почему?

Г а р д и н е р

Не знаю разве я, что эту ересь
Вы поощряли? Сами вы грешны.

К р о м в е л ь

Кто, я?

Г а р д и н е р

Ну да, и вы не без греха.

Кромвель

Будь вы хоть вполовину так же честны,
За вас молились бы, а не боялись.

Гардинер

Я эту дерзость вам еще припомню.

Кромвель

Припомните и собственную дерзость.

Канцлер

Ну, это слишком, постыдитесь, лорды.

Гардинер

Я кончил разговор.

Кромвель

Я тоже кончил.

Канцлер

Теперь о вас, милорд. Согласны все,
Что в Тауэр вам отправиться бы надо
И оставаться там, пока король
Своей дальнейшей воли не объявит.—
Милорды, вы согласны с этим все?

Все

Да.

К р а н м е р

Неужели так немилосердно
Вы в Тауэр отправляете меня?

Г а р д и н е р

Чего еще от нас вы ожидали?
Ведь это глупо! Вы нам надоели!—
Зовите стражу взять его.

К р а н м е р

Меня?

Ужель уйду отсюда, как предатель?

Входит стража.

Г а р д и н е р

Берите и ведите прямо в Тауэр!

К р а н м е р

Постойте, господа, сказать мне дайте!
Извольте-ка взглянуть сюда, милорды!

(Показывает перстень.)

Всей силой перстня этого я вырву
Свою судьбу из цепких лап злодеев
И королю вручу ее бесстрашно,
Судье и господину своему.

К а м е р г е р

Да, перстень королевский.

Семья канцлера Томаса Мора. Рисунок пером Ганса Гольбейна Младшего

Серри

Без подделки.

Сеффолк

Клянусь, что этот перстень настоящий.
Я говорил вам всем, когда впервые
Мы этот страшный камень покачнули,
Что он на нас обрушится.

Норфолк

Милорды,

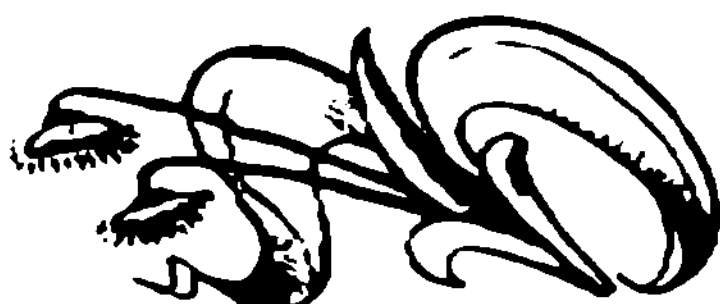
Ужель вы думаете, что король
Хотя б его мизинец даст в обиду?

Камергер

Теперь нам это совершенно ясно:
Он жизнь его гораздо больше ценит!
Тут дай нам Бог лишь ноги унести.

Кромвель

Мой разум мне подсказывал, что вы,
Выдумывая разные наветы
Против него, внушающего зависть
Лишь дьяволу с его учениками,
Раздули опалившее вас пламя.
Теперь пеняйте сами на себя!

Входит король Генрих, окидывает их гневным
взором и садится.

Г а р д и н е р

О государь, мы Богу благодарны,
Нам давшего такого короля.
Он добр, и мудр, и полон благочестья,
Он церкви сын послушный, видя в ней
Несокрушимость своего величья.
И, чтя ее глубоко, ныне сам
Сюда пришел он, чтоб услышать тяжбу
Меж нею и хулителем ее!

К о р о л ь Г е н р и х

Вы славились всегда искусством лести,
Милорд Уинчестерский, но, знайте, я
Пришел сюда не похвалам внимать,
Не скроете вы ими вашей злобы.
Меня не проведете! Как левретка,
Виляя языком, вы льстите мне!
Что хочешь думай обо мне, я знаю —
Ты жаждешь крови, человек жестокий!

(Кранмеру.)

Садитесь, милый. Посмотрю-ка я,
Кто здесь так смел, чтоб вас хоть пальцем тронуть.
Клянусь, пусть лучше он, как пес, издохнет,
Чем думает, что здесь вы не на месте.

Серри

Угодно ль вам...

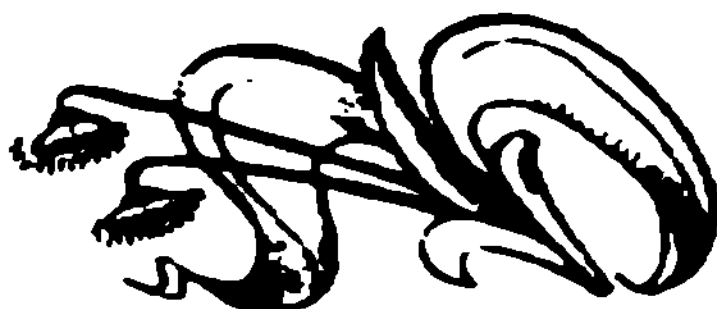
Король Генрих

Нет, сударь, не угодно!

Я думал, что со смыслом и умом
В моем совете люди, — но их нет!
Прилично ли такого человека,
Такого доброго — каких меж вами мало, —
Такого честного, заставить ждать
У двери, словно вшивого мальчишку!
А он по знатности ведь равен вам!
Какой позор! Да разве дал я право
Забиться вам до степени такой?
Я властью вас облек судить его,
Но как советника, а не лакея.
Тут кое-кто, я вижу, был бы рад,
Скорей по злобе, чем во имя правды,
До смерти затравить его судом.
Нет, не бывать тому, пока я жив!

Канцлер

Великий государь, позвольте мне
Сказать в защиту всех, кто собран здесь,
Что это заключение в тюрьму
Задумано совсем ведь не по злобе,

А только для законного суда
И чтобы оправдать его пред всеми.

К о р о л ь Г е н р и х

Да, да, милорды, вы его любите
И уважайте, он того достоин.
И даже больше я готов сказать:
Король бывает подданному редко
Обязан так за службу и любовь.
Довольно ссор, его вы обнимите!
Друзьями станьте!— Лорд Кентерберийский,
Вы не откажете мне в скромной просьбе —
Отцом быть крестным девочки прелестной,
Которую нам надо окрестить.

К р а н м е р

Славнейший из монархов оценил бы
Такую честь. Достоин ли ее
Я, ваш слуга ничтожный и смиренный?

К о р о л ь Г е н р и х

Ну, ну, милорд, на ложки трат немного!
Две благородных дамы будут с вами:
Почтеннейшая герцогиня Норфолк
И с нею госпожа маркиза Дорсет.
Я думаю, вы будете довольны!—
Милорд Уинчестерский, прошу еще раз
Обнять и полюбить его навек.

Гардинер

Да, я готов обнять его по-братски.

Кранмер

Свидетель Бог, вот это мне приятно.

Король Генрих

О добрый человек! Как эти слезы
Нам говорят о широте души!
Недаром же молва идет в народе:
“Кто разобидит лорда Кентербери,
Тому навеки другом станет он!”
Пойдемте, лорды! Мы теряем время,
Хочу скорее дочку окрестить...
Я рад, что к дружбе вас сумел привести:
Ведь в этом мощь моя и ваша честь!

Уходят.

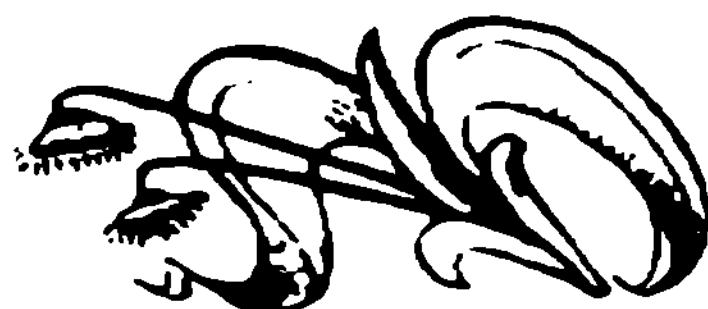
Сцена 4

Двор королевского дворца.

За сценой шум толпы.

Входят привратник и его помощник.

П р и в р а т н и к. Да тише вы там, каналы! Тут вам королевский дворец, а не Парижский сад! Хватит орать, подлецы вы такие!

Г о л о с з а с ц е н о й. Добрейший господин привратник, я числюсь за придворной кухней.

П р и в р а т н и к. За виселицей бы тебе числиться, да и повиснуть на ней, бездельник! Что, тут место орать, что ли? Притащите-ка мне с десяток яблоневого палок, да покрепче, эти для них — только хлыстики. Вот я вас по башке-то и огрею. Им, извольте видеть, надо поглазеть на крестины! Захотелось небось пива да пирогов, каналы вы подлые!

П о м о щ н и к

Спокойней, сэр! Никах их не прогонишь!
Вот разве залп из пушки дать по ним!
Скорее вы заставите их спать
Все утро в майский праздник беспробудно
Иль сдвинете собор святого Павла.

П р и в р а т н и к

Как эти дьяволы сюда пробрались?

П о м о щ н и к

Не знаю! Как врывается прилив?
Что сделать в силах был дубинкой крепкой
В четыре фута, постарался я,
И вот обломки.

П р и в р а т н и к

Черта с два ты сделал!

Помощник

Ну, я не Гай, не Кольбранд, не Самсон,
Чтоб их косить. Но если пощадил
Я старика башку, или мальчишки,
Иль рогача, или его супруги,
Той, что рога наставила, то пусть
Мне больше в жизни не есть бифштекса.
Я этого бы страсть как не хотел,
Хоть мне пошли корову сам Господь.

Голос за сценой. Послушайте, господин привратник!

Привратник. Сейчас я к тебе приду, господин щенок. — Эй ты, малый, держи ворота на запоре.

Помощник. А что прикажете мне делать?

Привратник. Да просто вали их десятками, и всё! Что это, Мурское поле, чтобы здесь толпами собираться? Или ко двору прибыл какой-нибудь невиданный индеец с такой огромной снастью, что все бабы прямо-таки осаждают нас? Господи спаси, ну и блудливая же рыбешка толпится у ворот! Клянусь верой Христовой, эти крестины породят тысячи других! Тут тебе и настоящие отцы и крестные — все что угодно.

Помощник. Тем больше ложек будет, сэр. Вон там стоит у ворот парень, по роже видно, что медник. У него ей-ей, вроде как двадцать жарких летних дней в носу. И те, кто рядом с ним, уже словно под экватором, других адских мук им и не надо. Я три раза уже стукнул этого огненного дракона по башке, и его нос трижды выпускал по мне залп. Он стоит тут

как мортира, готовая разнести нас вдребезги. А рядом с ним какая-то полоумная жена галантерейщика все честила меня за то, что я разжег этаким пожар в государстве, пока у нее с головы не съехала ее суповая миска. Я хотел звездануть с размаху этот метеор, да промазал и нечаянно съездил эту бабу по затылку, а она возьми да заори: “Палок сюда.” И сразу ей на помощь кинулось человек сорок палочников со Стренда, где она квартирует. Все они напали на меня, а я ну отбиваться, и дело наконец дошло до рукопашной. Я все-таки не сдавался, но тут вдруг ватага мальчишек, откуда ни возьмись, запустила в меня сзади таким градом камней, что мне пришлось поступиться своей честью и покинуть поле битвы. Я думаю, сам дьявол, ей-же-ей, был с ним вместе.

П р и в р а т н и к. Это те ребята, что вопят да орут в театрах и дерутся из-за яблочных огрызков. Их никто не терпит, кроме Тауэрхиллской компании да любезных братцев ее из Лаймхауза. Кое-кого из них я уже засадил в Limbo Patrum¹, и там они могут на свободе отплясывать эти три дня, пока два сторожа не пропишут им плетей на закуску.

Входит лорд-камергер.

К а м е р г е р

О Боже мой, что за толпа собралась?

И все растет, бегут со всех сторон,

¹ Дословно: “В преддверии ада, где помещаются патриархи”; здесь — в значении: “в тюрьму”.

Как будто бы на ярмарку. А где же
Привратники?— Бездельники, лентяи!
Вот так вы исполняете свой долг!
Какой же сброд сюда вы напустили?
Все это ваши верные дружки
С окраин города. Нет, надо нам
Очистить место для придворных леди,
Когда они с крестин пойдут обратно.

П р и в р а т н и к

Позвольте, сэр, мы все здесь просто люди.
Мы сделали, что было в наших силах,
Не дав себя им разорвать в куски.
Тут с ними ведь не справится и войско.

К а м е р г е р

Ну, если разбранит меня король,
Клянусь, я всех вас закую в колодки,
Я вам, мерзавцам, головы обрею!
Вы тут у бочек винных суетитесь,
А службу забываете нести.
Вы слышите? Уже играют тубы!
Уже идет процессия с крестин.
Ступайте, оттесните эти толпы
И шествию дорогу проложите,
А то для вас найдется Маршалси,
Где вам плясать два месяца придется.

П р и в р а т н и к

Дорогу для принцессы!

П о м о щ н и к

Ты, верзила,
Назад, а то как двину по башке!

П р и в р а т н и к

Эй ты, в камлоте, отойди к воротам,
А то через решетку полетишь.

Уходят.

Сцена 5

Во дворце.

Входят играющие трубачи; затем два олдермена. Лорд-мэр, первый герольд, Кранмер, герцог Норфолк с маршальским жезлом, герцог Сеффолк, двое вельмож с большими чашами на ножках — подарками новорожденной, затем четверо вельмож вносят балдахин, под которым идет с младенцем на руках герцогиня Норфолкская, крестная мать, одетая в богатую мантию и т.д. — шлейф ее несет леди; за нею следуют маркиза Дорсет, вторая крестная мать, и другие леди. Шествие обходит сцену, затем первый герольд возглашает.

П е р в ы й г е р о л ь д. Да дарует небо в своей бесконечной благодати долгую, спокойную, вечно счастливую жизнь высокой и могущественной принцессе английской Елизавете!

Трубы.

Входит король Генрих со свитой.

К р а н м е р
(преклонив колени)

За вас, о государь, и королеву
Мы молимся — две крестные и я.
Пускай все радости и утешенья
Дарует небо этой милой леди,
Чтоб счастье в ней родители нашли.

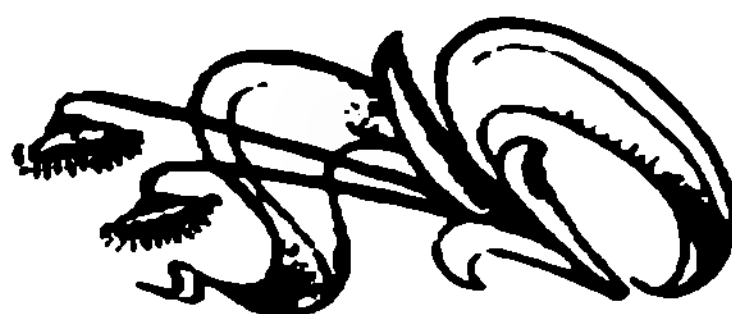
К о р о л ь Г е н р и х
Благодарю, милорд-архиепископ!
Назвали как?

К р а н м е р
Елизаветой.

К о р о л ь Г е н р и х
Встаньте!

(Целует младенца.)
Прими благословенье с поцелуем.
Да защитит тебя Господь навеки.
Ему тебя вверяю я!

К р а н м е р
Аминь!

Крестины Елизаветы. С картины художника Петерса

Король Генрих

За вашу щедрость, крестные отцы
И матери, благодарю сердечно.
И то же скажет вам и эта леди.
Едва лишь по-английски лепетать
Она начнет.

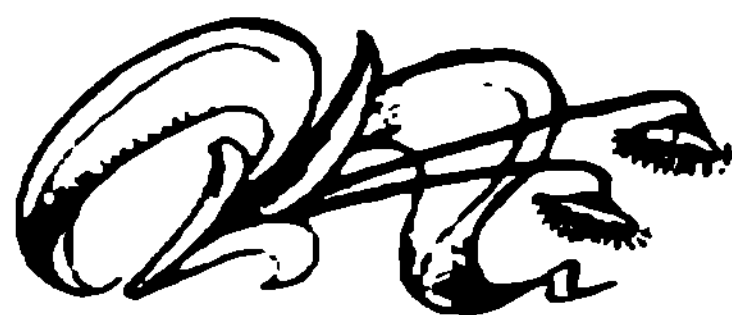
Кранмер

Позвольте мне сказать:

Мне речь внушает Бог, в моих словах
Любой найдет не лесть, а только правду.
Сей царственный младенец (с небесами
Пока что не утративший единства).
Уже и в колыбели обещает
Британии поток благодеяний.
Со временем откроются они,
Не многие из нас увидят это.
Она послужит образцом монархам
Ее эпохи и годов грядущих.
Она царице Савской не уступит
В добре и мудрости. Все благородство
И добродетель,— спутница добра,
Все, что царицу эту отличало,
Умножится в сем царственном младенце.
Ей истина кормилицею будет,
Советником ей станет благочестье,
Ее любить, ее бояться будут:

Друзья ей вознесут благословенья,
Враги же, как побитые колосья,
Дрожа, поникнут в горе головой.
С ней расцветет добро, и будет каждый
В тени своих садов и без боязни
Вкушать плоды того, что он посеял,
И петь своим соседям гимны мира,
И Господа все истинно познают.
Она научит подданных своих
Всем подлинным понятиям о чести,
Чтоб в них — не в знатности — обрести величье.
И не померкнет с нею вечный мир!
Как девственница-феникс, чудо-птица,
Себя сжигая, восстает из пепла
Наследником, прекрасным, как сама, —
Так и она, вспорхнув из мрака к небу,
Свои заслуги передаст другому,
Который из ее святого пепла
Взойдет в сиянье славы, как звезда,
Ее навек незыблимый наследник.
Мир, изобилье, правда, страх, любовь,
Служившие избраннице-младенцу,
Вокруг него возрастут лозой покорной.
Повсюду, где сияет солнце в небе,
И честь, и имени его величье
Пребудут, страны новые создав.
Он будет славен, будет процветать,

Как горный кедр, свои раскинув ветви.
Почтят, увидев это, наши внуки
Хвалой Творца.

К о р о л ь Г е н р и х

Ты чудеса пророчишь!

К р а н м е р

На благо Англии ей предстоит
Жить много лет, но будет каждый день
Из тысяч дней увенчан добрым делом.
Не знать бы больше мне! Но умереть
Ей должно, в сонм святых вступая девой.
Чистейшей лилией сойдет она
В могилу, и весь мир ее оплачет.

К о р о л ь Г е н р и х

О лорд-архиепископ,
Ты мне вернул достоинство мужчины!
До этого счастливого младенца
Не создал я на свете ничего.
Так радостно мне это предсказанье,
Что и с небес хотел бы видеть я
Деянья дочери, хваля Творца.
Я всех благодарю. — А вам, лорд-мэр,
С помощниками я весьма обязан:
Меня почтили вы своим приходом.

Но благодарным я умею быть.—
Пойдемте же, милорды. Королева
Вам выразить признательность желает,
А то ей не поправиться. Вы нынче
Не скоро разойдетесь по домам,
Сегодня даст малютка праздник вам!

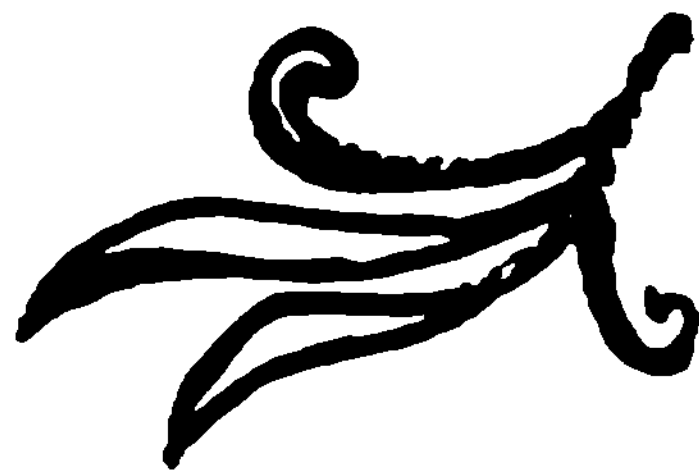
Уходят.

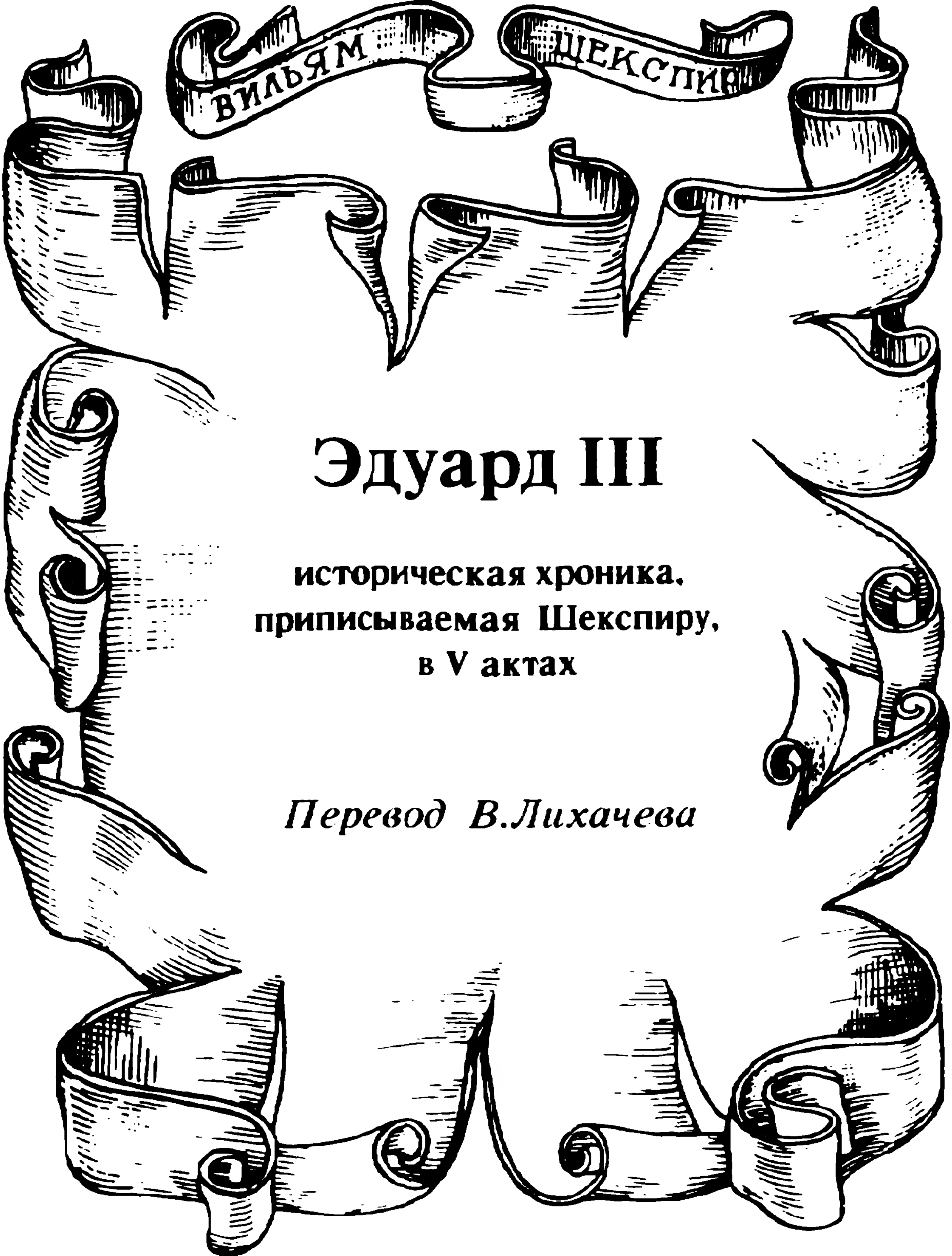

ЭПИЛОГ

Ручаюсь я, что в зале эта пьеса
Не вызвала большого интереса.
Одни пришли, чтоб мирно подремать,—
Их громом труб могли мы напугать.
Они воскликнут: “Чушь!” Другим по нраву,
Когда весь город осмеют на славу...
Но ведь сатиры не найдешь у нас!
Так вот боюсь я, что на этот раз,
Как видно, мы услышим, к сожаленью,
Лишь от достойных женщин одобренье.
Есть в пьесе образ женщины такой...
А там улыбки дам и взор мужской
К нам привлекут. Ведь стыдно после драмы
Ломаться, если хлопать просят дамы.

A decorative border composed of various scrolls and ribbons, some of which contain text. At the top, a ribbon reads "Вильям Шекспир". The border frames the central text.

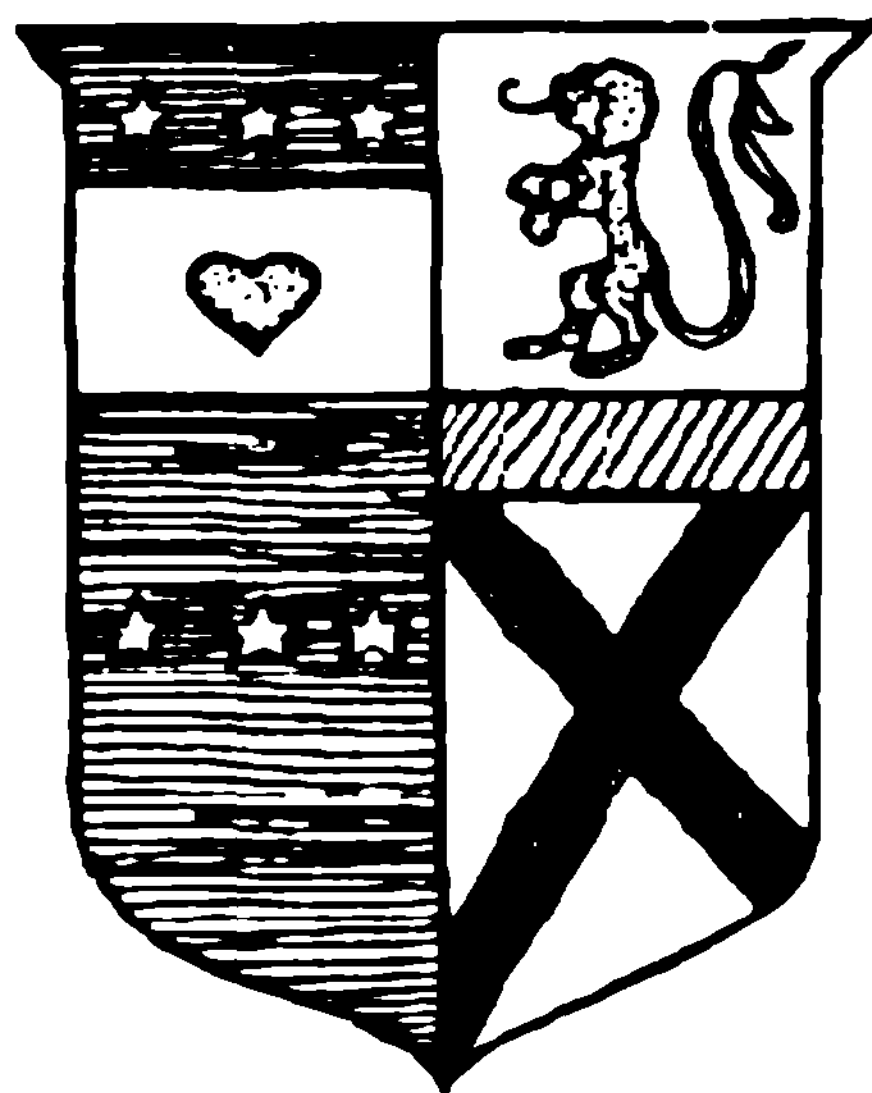
Вильям

Шекспир

Эдуард III

историческая хроника,
приписываемая Шекспиру,
в V актах

Перевод В.Лихачева

Действующие лица

Король Эдуард III.

Эдуард, принц Уэльский, его сын.

Граф Уорик.

Граф Дерби.

Граф Солсбэри.

Лорд Одлей.

Лорд Перси.

Людовик, наперсник короля Эдуарда.

Сэр Вильям Монтегью.

Сэр Джон Копленд.

Два щитоносца и четыре герольда,
англичане.

Роберт, именующий себя графом Артуа.

Граф Монфор.

Гобин де Грей.

Иоанн, король Франции.

Карл	его
Филипп	сыновья.

Герцог Лотарингский.

Вильер, французский вельможа.

Король Богемии	союзники
Польский военачальник	короля Иоанна.

Шесть граждан Кале.

Французский военачальник
и несколько бедных жителей
того же города.

Другой военачальник; матрос.

Три французских герольда.

Давид, король Шотландии.

**Граф Дуглас и два шотландских
вестника.**

Филиппа, жена короля Эдуарда.

Графиня Солсбэри.

Французская женщина и двое детей.

**Лорды и другие придворные; герольды, офицеры,
солдаты и пр.**

*Действие происходит в Англии, во Фландрии
и во Франции.*

АКТ I

Сцена 1

Лондон. Зала во дворце.

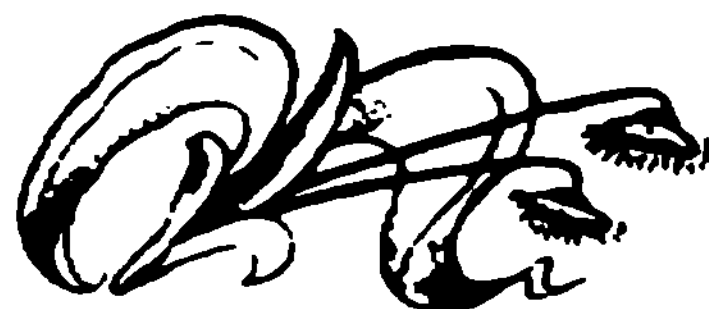
Трубы. Входит король Эдуард со свитой, принц Уэльский, Уорик, Дерби, Одлей, Артуа и другие.

Король Эдуард

**Роберт, граф Артуа, хотя ты изгнан
Из Франции, страны твоей родной,
Но вотчину достаточно большую
Получишь ты от нас: тебя мы графом
Ричмондским повелим именовать.
Теперь мы речь о нашей родословной
Продолжим. Кто наследовал Филиппу
Красивому?**

Артуа

**Три сына; друг за другом
Они престол отцовский занимали,
Потомства ж не оставил ни один.**

К о р о л ь Э д у а р д

Но наша мать сестрой им доводилась?

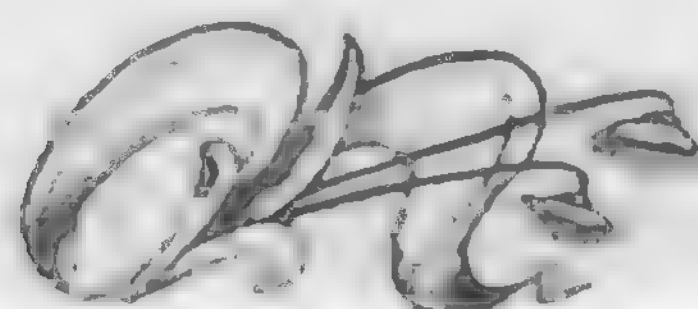
А р т у а

Конечно, государь; она была
Единственной дочерью Филиппа —
И после ваш отец на ней женился.
Плодом ее утробы цветоносной
Явилась ваша милость, для Европы
Желанный вождь французского народа.
Но злобу душ крамольных вы заметьте!
Когда угас Филиппов род, французы
О праве вашей матери, ближайшей
Наследницы, смолчавши, — возложили
Венец на Иоанна Валуа.
Во Франции, они толкуют, много
Владельческих особ — и ею править
Мужская ветвь должна лишь — не иначе;
Вот по какой причине, государь,
И вы устранены несправедливо.
Их доводы, однако, не прочнее,
Чем насыпи из рыхлого песка, —
В чем скоро им придется убедиться.
Сочтете вы предательством, быть может,
Что я, француз, разоблачаю это;
Но небо мне свидетелем пусть будет,
Что не враждой развязан мой язык

Титульная рамка эпохи Ренессанса

И не обидой личной, а любовью
К отечеству и совестью моею.
Вы — нашего покоя страж законный,
А Валуа, как тать, к венцу подкрался.
Не долг ли верноподданных открыто
Стоять за государя своего?
Не наш ли долг уговорить спесивца
И подлинного пастыря дать стаду?

К о р о л ь Э д у а р д

Пока тебя я слушал, Артуа, —
Как нива пред дождем, мой сан воспрянул.
Зажег ты речью пламенной отвагу
В душе моей; блуждавшая во тьме,
Теперь, на златозарных крыльях славы,
Она даст мощь потомку Изабеллы
Согнуть крутые спины тех французов,
Которые противятся его
Державной власти.

Слышен рожок.

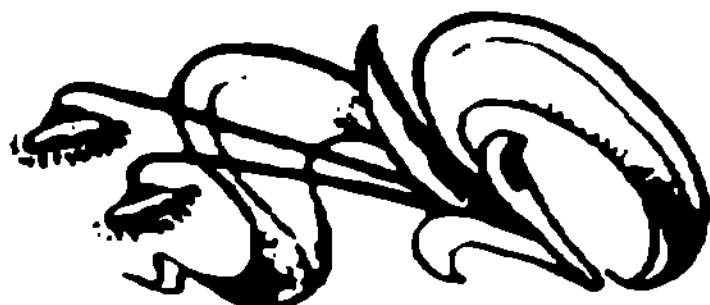
Вестник? Лорд Одлей!

Узнай, откуда.

Одлей уходит и возвращается.

О д л е й

Герцог Лотарингский,

Прибывший морем, с вами объясниться
Желает, государь.

К о р о л ь Э д у а р д

Впустите, лорды.

Какие-то мы новости услышим!

Лорды уходят. Король занимает свое место. Л о р д ы возвращаются
с герцогом Лотарингским и его свитой.

Скажи, что привело тебя к нам, герцог?

Г е р ц о г Л о т а р и н г с к и й

Славнейший из властителей, король
Французский Иоанн, меня с приветом
Послал к тебе и с требованием также
Присягу принести ему за то,
Что герцогством Гиенским ты владеешь
С его соизволения; явиться
Обязан ты в сорокадневный срок
И данником французского престола
Признать себя торжественно; иначе
Владенных прав лишишься ты — и область
Останется за нашим королем.

К о р о л ь Э д у а р д

Однако мне везет на удивленье:
Едва я переплыть пролив надумал,
Как тут и зов — не приглашенье даже,

А прямо приказанье, под угрозой!
Отказываться было б сумасбродством —
И вот ответ мой Иоанну, герцог:
Явиться не замедлю я — но как?—
Не на поклон к нему, как раб смиренный,
А требуя поклона от него,
Как мощный победитель. Измышления
Убогие его насквозь я вижу;
Личины нет — и наглость вся открыта.
Так от меня он вправду ждет присяги?
Скажи ему, что мой венец он носит
И должен гнуть колени, где ни ступит.
Не герцогство ничтожное мне нужно,
А все его владенья; если ж в этом
Он вздумает упорствовать — тем хуже:
Все перья оборву тогда на нем
И на простор спроважу нагишом.

Г е р ц о г Л о т а р и н г с к и й

Так слушай, Эдуард: я перед всеми
Тебе в лицо бросаю вызов.

П р и н ц У э л ь с к и й

Вызов?

Возьми его назад — заткни им глотку
Владыке своему. С почтеньем должным
К отцу и королю и к нашим лордам,

Скажу тебе, француз: твоё посольство
Считаю я лишь выходкой грубейшей,
Пославшего ж тебя — негодным трутнем,
В орлиное гнездо хитро заползшим;
Но так его мы вытряхнем оттуда,
Что и других пример его проучит.

У о р и к

И львиную бы шкуру снял он кстати:
Как в поле с настоящим львом столкнется —
Тот в клочья разорвет его за дерзость.

А р т у а

Совет бы я дал герцогу разумный:
Откланяться, пока не попросили.
Чем меньше мы противимся обиде,
Тем меньше в ней для нас и униженья.

Г е р ц о г Л о т а р и н г с к и й

А, гнусное отродье! Перебежчик!
Змея страны — кормилицы твоей!

(Обнажая меч.)

И ты туда же?

К о р о л ь Э д у а р д

Г е р ц о г Л о т а р и н г с к и й!

Взгляни на меч, как тонко он отточен.

(Обнажает меч.)

Души моей горячее желанье
Куда острей, чем это лезвие!
И, как нельзя от песни соловьиной
Забиться сном, так от его уколов
Не буду знать я отдыха, пока
Знамен своих не распушу по ветру
Во Франции. Довольно — уходи.

Герцог Лотарингский

Не так я удручен угрозой здешней,
Как видом гада этого: весь мир
Стань истиной — он в нем остался б ложью.

(Уходит со своей свитой.)

Король Эдуард

Возврата нет. Война начнется скоро —
Не скоро лишь окончится.

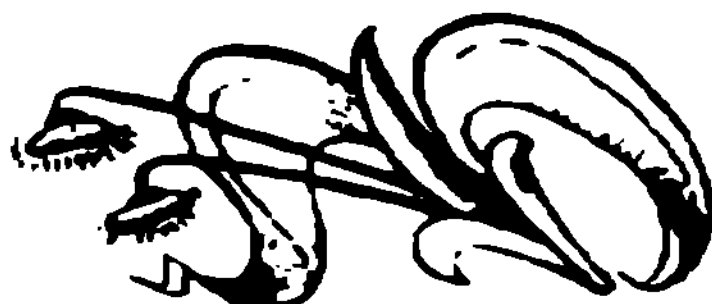
Входит сэр Вильям Монтегью.

Нежданный

К нам гость — сэр Монтегью. Ну, как идет
Союз, что заключили мы с шотландцем?

Монтегью

Дал щели и распался, государь.
Едва король-клятвопреступник сведал,
Что отбыли от войска вы обратно,

Как все забыл и принялся нещадно
Окрестности громить: сперва взял Бервик,
Потом Ньюкастл опустошил и отнял
И наконец добрался, кровопийца,
До замка Роксборо, где угрожает
Погибелью графине Солсбэри.

К о р о л ь Э д у а р д

Ведь это дочь твоя — не так ли, Уорик?
А муж ее служил в Бретани долго,
Владычество Монфора укрепляя?

У о р и к

Да, государь.

К о р о л ь Э д у а р д

Давид! Какая подлость!
Иль, кроме глупых баб, тебе стращать
Оружием уж некого? Но скоро
Улиточьи рога твои примну я.
Начнемте же! Одлей, ты набирай
Пехоту, чтоб хватило для вторженья
Во Францию. Ты, Нэд, ступай по графствам
И составляй особые отряды;
Чтоб на подбор все были молодцы
И лишь пятна бесчестия боялись:
Война ведь не на шутку — и противник

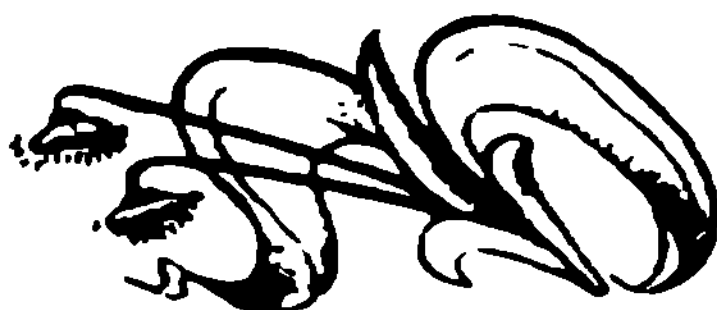

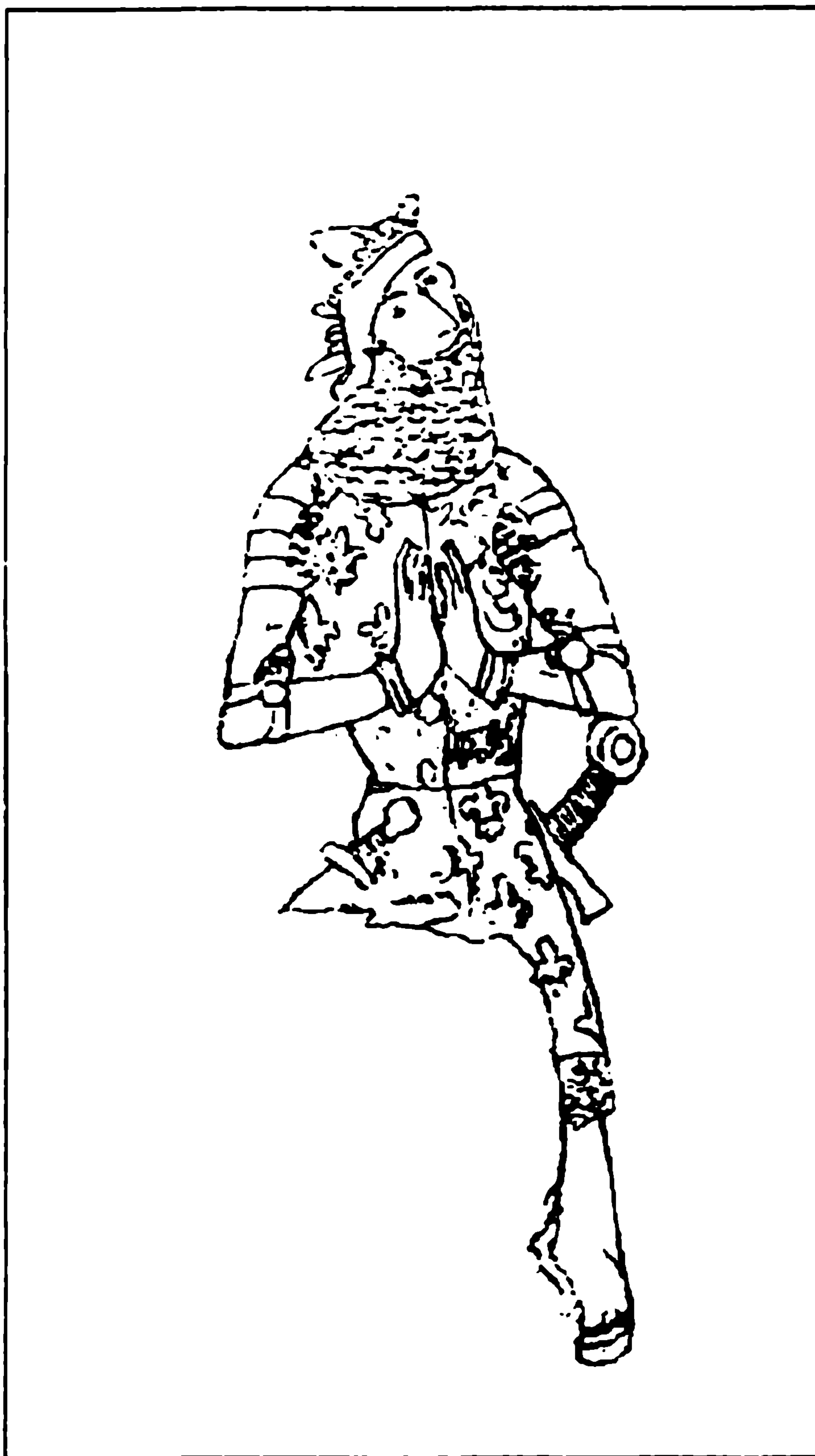
Не шуточный у нас, — запомни это.
Поможет нам и тесть наш, князь Голштинский:
Послом к нему ты, Дерби, отправляйся —
О нашем начинании поведай
Да попроси, чтоб он, уговорившись
С союзниками фландрскими, привлек
Властителя Германии к союзу.
А я вас ждать не стану: сколько рати
Собрать сейчас удастся, с той и двинусь
Отбросить вновь шотландцев двоедушных.
Но, господа, глядеть уж надо в оба:
Враги кругом. Прощайся, Нэд, надолго
С наукою и с книгами — и плечи
К увесистым доспехам приучай!

П р и н ц У э л ь с к и й

Для юноши военная тревога
Звучит такой же музыкой, какой
Звучат нововенчанным государям
Ликующие крики: "ave, Caesar!".
Я в этой школе чести научусь,
Как смерти обрекать врагов отчизны
Иль жертвовать собой без укоризны.
Смелей вперед! У каждого из нас
Особый путь — и дорог каждый час.

Уходят.

Эдуард , принц Уэльский. Остатки древней фрески, датируемой 1356 г.

Сцена 2

Роксборо. Перед замком.

Графиня Солсбэри и часть населения появляются на стенах.

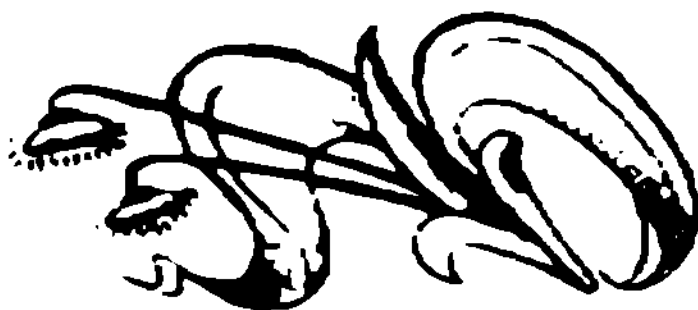
Графиня Солсбэри

О бедные глаза мои! Напрасно
Глядите вы, не видно ли подмоги
От короля. Боюсь я, Монтегью,
Боюсь, мой брат, что не сумел ты тронуть
Горячими мольбами государя.
Ты не сказал, что ждет меня в позорном
Плену, когда шотландец грубый станет
В любезностях мужичьих изощряться
Иль чванство приправлять мерзейшей бранью;
Ты не сказал, как северяне на смех
Поднимут нас, когда восторжествуют,
И как в веселье диком о своей
Победе и о нашем пораженье
Пролают, всколыхнувши мертвый воздух.

Входит король Давид, с войском; его сопровождают Дуглас,
герцог Лотарингский и другие.

Скорей уйти — мой лютый враг подходит.
Но спрячусь я поближе, чтоб послушать
Их наглую, тупую болтовню.

(Отходит за укрепления.)

К о р о л ь Д а в и д

Привет от нас любезнейшему брату,
Которого мы чтим из христианских
Правителей превыше всех. О том же,
На что король ответа ждет, скажите,
Что с Англией вести переговоры
И сделки заключать мы не желаем;
Напротив, будем жесть их города
Соседние до Йорка и за Йорком.
Не скоро наши конники уймутся:
Ни удилам, ни шпорам молодецким
В бездействии заржаветь не дадут,
Позолоченных панцирей не сложат
И вязовых упругих копий мирно
На стены городские не повесят;
Из перевязей кожаных не вынут
Своих мечей-кусак, пока не скажет
Ваш государь: "Довольно! Пощадите!"
Счастливого пути. Еще добавьте,
Что с нами вы простились перед замком,
Которого последний час уж пробил.

Г е р ц о г Л о т а р и н г с к и й

Ответ ваш, столь приятный, его
Величеству я передам дословно.

(У х о д и т .)

К о р о л ь Д а в и д

Теперь, Дуглас, наш разговор продолжим:
Как верную добычу поделить.

Д у г л а с

Мне, государь, хозяйку — и довольно.

К о р о л ь Д а в и д

Полегче, сэр. Я первый выбираю —
И уж она не в счет.

Д у г л а с

Тогда ее

Уборы драгоценные возьму я.

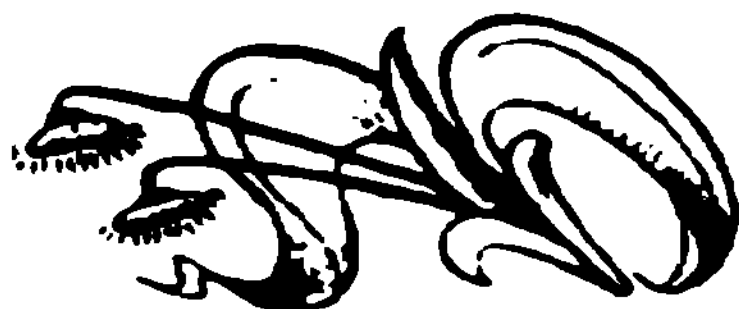
К о р о л ь Д а в и д

Уборы ей принадлежат и, значит,
Владельцу вместе с нею достаются.

Поспешно входит вестник.

В е с т н и к

Отправились мы в горы, государь,
Кой-чем на пропитание разжиться —
И видим вдруг, что много-много войска
Идет сюда. На копьях и кольчугах
Так солнце и горит: кольчуг не счесть,

А копий целый лес. Не вышло б худа!
Часа через четыре уж наверно
Последние ряды их подоспеют.

К о р о л ь Д а в и д

Скорее прочь! То английский король.

Д у г л а с

Эй, Джемми! Эй! Буланого мне — живо!

К о р о л ь Д а в и д

Ты в бой, Дуглас? Нам их не одолеть.

Д у г л а с

Я знаю, государь,— и удираю.

Г р а ф и н я С о л с б э р и
(выходя из-за прикрытия)

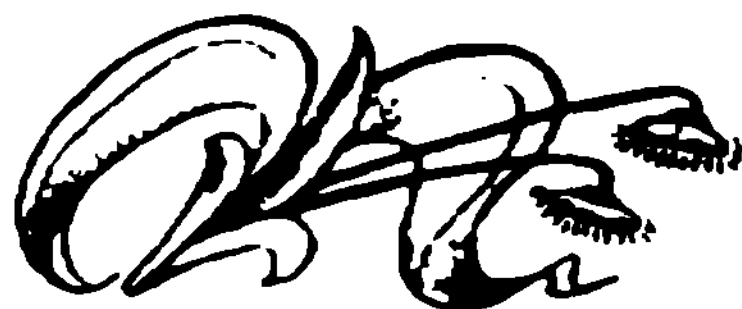
Чем угощать прикажете вас, лорды?

К о р о л ь Д а в и д

Глумится ведь, Дуглас! Я не стерплю.

Г р а ф и н я С о л с б э р и

Так кто же, господа, берет хозяйку
И кто — ее уборы? Вы отсюда
Не поделась, надеюсь, не уйдете.

К о р о л ь Д а в и д

Все слышала она — и вот теперь
Злорадствовать изволит.

Входит другой вестник.

В е с т н и к

Государь,
К оружию! Врасплох на нас напали.

Г р а ф и н я С о л с б э р и

Велите, государь, догнать француза —
Сказать ему, что вам уж не до Йорка:
Конь захромал — как быть!

К о р о л ь Д а в и д

И это знает
Проклятая! Ну, женщина, прощай.
Теперь спешить я должен...

Г р а ф и н я С о л с б э р и

Не со страху, —
Конечно, нет, — но все ж вы убежали.

Шум битвы. Шотландцы уходят.

О, будь благословенна эта помощь!
Хвастун самоуверенный, что клялся
У этих стен не отступать, хотя бы

Восстало на него все государство —
Уж не лицом, спиною к нам, навстречу
Полуночному ветру поскакал,
Едва призыв к оружию раздался.

Входят Монтегью и другие

Графиня Солсбэри

И Монтегью? Вот праздник мне сегодня!

Монтегью

Как тетушки здоровье? Что же это?
Ворота на замке! Мы не шотландцы.

Графиня

Уж мне ли не приветствовать того,
Кто вовремя спасти меня явился!

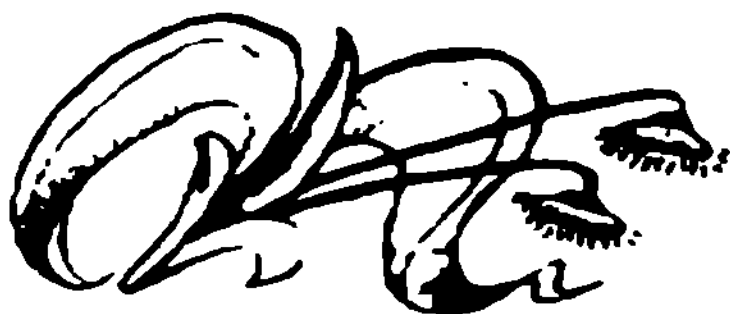
Монтегью

Здесь, тетя, сам король: сойди его
Величество с прибытием поздравить.

Графиня Солсбэри

Какими же словами государю
Я выразить могу почет и верность!

(Сходит со стены.)

Трубы.

Входят король Эдуард, Уорик, Артуа и другие.

Король Эдуард

Не дождались блудливые лисицы,
Чтоб мы на них спустили гончих.

Уорик

Правда;

Но гончие ретивы, государь,
И вихрем за лисицами несутся.

Снова входит графиня Солсбэри со свитой.

Король Эдуард

Графиня Солсбэри это, Уорик?

Уорик

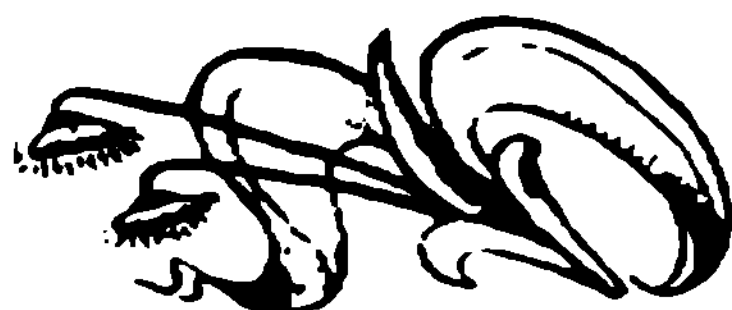
Да, государь. Тиран ее красу,
Как майский цвет губительные ветры,
Развеял, иссушил и обездолил.

Король Эдуард

Ужель она была еще прекрасней?

Уорик

Ах, государь! Красавицей наверно
Ее вы не назвали бы, увидев
С ней рядом ту, какую знал я прежде.

К о р о л ь Э д у а р д

Каких же чар неотразимых были
Полны ее чудесные глаза,
Когда на них, теперь уж потускневших,
В величии державном я смотрю,
Как подданный, с восторгом несказанным.

Г р а ф и н я С о л с б э р и

Земля мне не дает склонить колени,
Как долг велит, и я склоняю сердце,
Чтоб изъяснить вам, государь, хоть долю
Безмерной благодарности моей
За то, что весть о вашем приближенье
От бед войны избавила мой замок.

К о р о л ь Э д у а р д

Встань, леди. Я к тебе явился с миром,
Но нажил неожиданно войну.

Г р а ф и н я С о л с б э р и

Войну? О государь! Не для себя же?
Шотландцев нет — им только бы укрыться.

К о р о л ь Э д у а р д

Томиться здесь в постыдной страсти? Полно!
В погоню за шотландцами — вперед!

Графиня Солсбэри

Прошу тебя, мой государь, помедли
И соизволь, чтоб мощный повелитель
Почтил наш кров. Супруг мой на войне —
Как счастлив будет он, узнав об этом!
Не поскупись своим высоким саном
И, будучи у стен, войди в ворота.

Король Эдуард

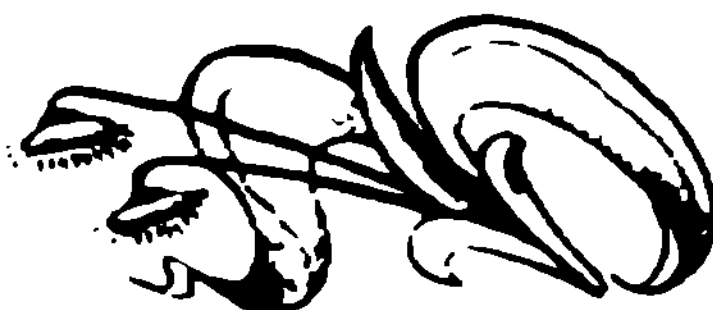
Не гневайтесь, графиня, — не войду я:
Измена снилась мне — боюсь.

Графиня Солсбэри

Измена,
Есть или нет, — от этих стен далеко.

Король Эдуард
(в сторону)

Не дальше, чем в глазах, которых стрелы
Напоены отравой; ни рассудок,
Ни врач ее из сердца не изгонят.
Свет отнимать у смертных глаз дано
Не солнцу одному. Вот две дневные
Звезды передо мной: от них ослепнуть
Мне радостнее было б, чем от солнца.
Хочу я любоваться! а любуюсь —

Эдуард III. Остатки древней фрески, датируемой 1356 г.

Хочу любить!—Эй, Уорик! Артуа!
Садиться на коней — мы едем дальше!

Графиня Солсбэри

Что мне сказать, чтоб государь остался?

Король Эдуард

К чему язык таким глазам, в которых
Вся сила красноречия земного!

Графиня Солсбэри

Не будь же, государь, апрельским солнцем,
Что землю приласкает и исчезнет!
Наружных стен коснулся отблеск твой —
Так пусть же он и внутренних коснется
Наш дом на простолюдина похож:
Под грубой, неприглядной оболочкой,
Так мало обещающей, таится
Сокровищница доблести заветной.
Где золото в земле погребено,
Там почва лишена красы природной
И кажется засохшей и бесплодной;
А где благоуханной пестротой
Тщеславится земля — снимите слой:
Увидите, что все ее цветение —
Гниющих нечистот произведение.
Без дальних слов, по виду стен моих

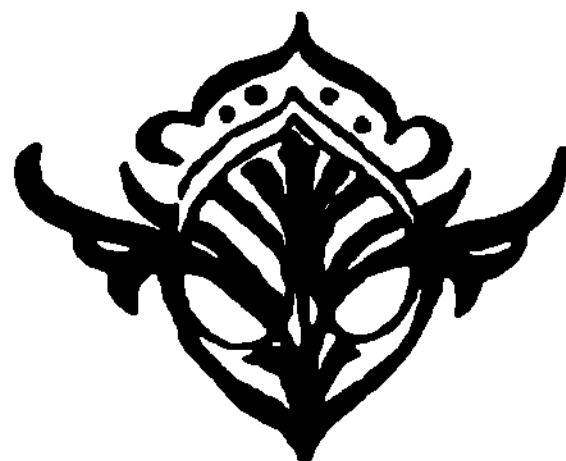

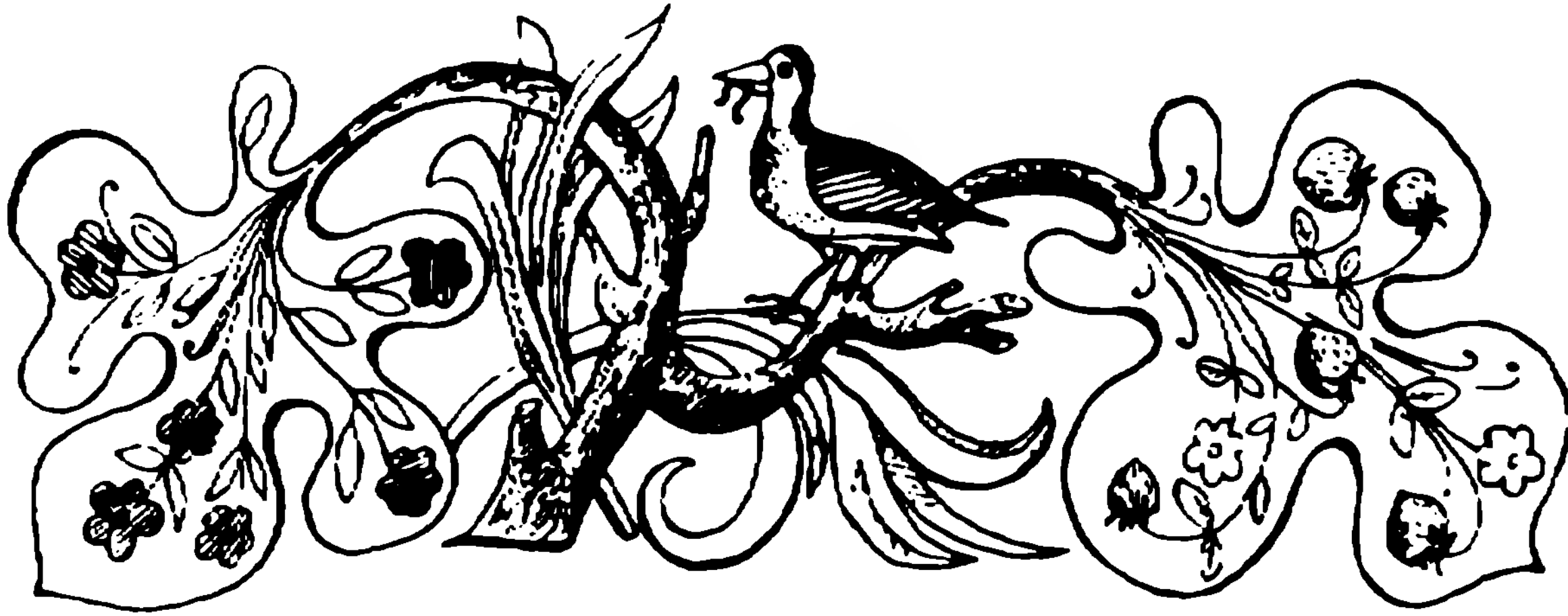
Нельзя судить о внутренности их;
Как в непогоду плащ, они защитой
Лишь служат для красы, за ними скрытой.
Так помоги же мне, властитель мой,
Склонить тебя, чтоб побыл ты со мной!

К о р о л ь Э д у а р д
(в с т о р о н у)

Ум равен красоте. Он — сторож верный:
Зачем же мне еще о долге помнить?
Хотя и ждут меня дела, графиня,
Но мне до них, пока я здесь, нет дела.
Ночую в замке я — за мною, лорды!

Уходят.

АКТ II

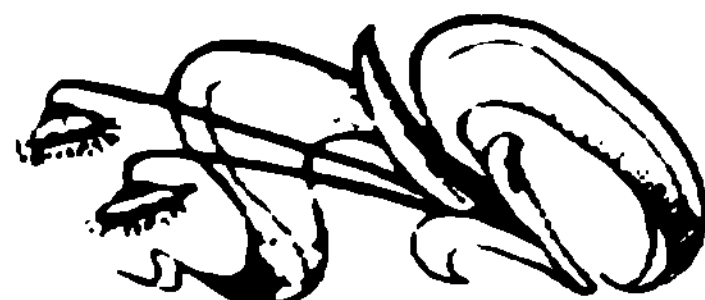
Сцена I

Роксборо. Сады при замке.

Входит Л ю д о в и к.

Л ю д о в и к

Я вижу, что глаза ее своими
Он так и ест и с губ, как мед, впивает
Ее слова; лицо ж его подобно
Тем облакам, что по ветру несутся
И тают, очертания меняя.
Когда она краснеет, он бледнеет,
Как будто кровь его волшебной силой
Влечет она к себе; а побледнеть
Случится ей в почтительной боязни —
Он вспыхнет всей красой своей багряной,
Похожей на ее румянец чистый,
Как на коралл кирпич, как смерть на жизнь.
Чем объяснить такое состязание?
Ее вгоняет в краску скромный стыд
От близости особы венценосной;

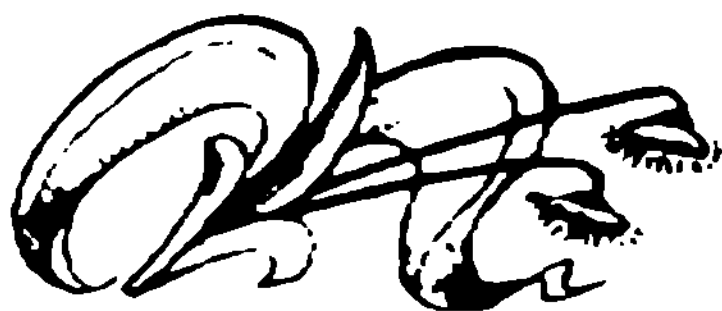

Его же — стыд нескромный, от сознания,
Что он, король, глядит куда не надо.
Она при нем, как женщина бледнеет,
Невинный страх к величию питая;
А он — переживая страх вины
Перед своим достоинством державным.
Прощай, война! Придется нам, пожалуй,
В осаде сердца стойкого завязнуть.
Вот и король, бродящий одиноко.

Входит король Эдуард.

Король Эдуард

При мне она еще прекрасней стала;
Что слово у нее — то гибче ум
И серебристей голос. Как забавно
Давида и шотландцев представляет!
“Вот, что он мне сказал”, — такой же говор
И обороты все такие ж, но выходит
Получше, чем шотландцы говорят.
“А вот, что я сама ему сказала”. —
И кто ж подобно ей сказал бы это!
Когда врагов она в глаза хулила,
Не ангельский ли клич со стен был слышен?
Заговорит о мире — посылает
Войну в темницу словно; о войне —
Воскрес бы Цезарь сам, чтоб с нею слиться
В воинственном восторге. Мудрость только

В ее речах не глупостью звучит —
И лишь в ее наружности прекрасной
На красоту природа не клеветает.
Приветлива она — нет лета жарче;
Сурова — холоднее нет зимы.
Мне ль осуждать шотландца за осаду
Ценнейшего из всех сокровищ края!
Но трусом он себя явил бесспорно,
Покинувши добычу так позорно.
Людовик здесь? Чернила и перо!

Л ю д о в и к

Несу, мой повелитель.

К о р о л ь Э д у а р д

Да скажи

Там лордам, чтобы в шахматы играли
Спокойно: я один хочу остаться.

Л ю д о в и к

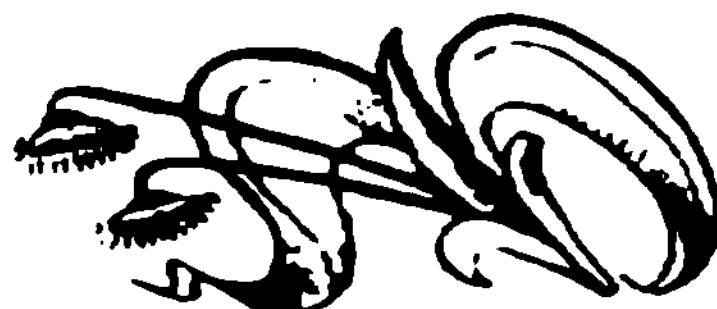
Исполню, государь.

(Уходит.)

К о р о л ь Э д у а р д

Молодчик этот

Порядочно в поэзии начитан
И шустр умом. Я страсть ему свою

Хочу открыть: пусть он ее повесит
Покровом из батиста, сквозь который
Царица над царицами красы
Увидела б свое изображение.

Л ю д о в и к возвращается.

Все есть? перо, чернила и бумага?

Л ю д о в и к

Все, государь.

К о р о л ь Э д у а р д

Тогда садись со мною
Под эту сень. Вообразим, что в зале
Совета мы. Совет наш будет зелен,
Как мысли наши зелены; когда ж
Мы снимем бремя с них, нам станет легче.
Теперь нужна мне золотая муза:
Зови ее сюда с пером волшебным.
Начнешь вздыхать — должны быть вздохи слышны;
Скорбеть начнешь — должны быть слышны стоны;
А где дойдет до слез — должна быть речь
Мольбами так окутана, чтоб очи
Татарина увлажнились и жалость
Кремневым сердцем скифа овладела.
На это власть дана перу поэта —
И, если ты поэт, будь властен так же,
Любовью государя вдохновившись.

Созвучье струн налаженных способно
Вооружить вниманьем уши ада:
Тем более душа поэта может
Привлечь к себе отзывчивое сердце.

Л ю д о в и к

К кому же речь держать, милорд?

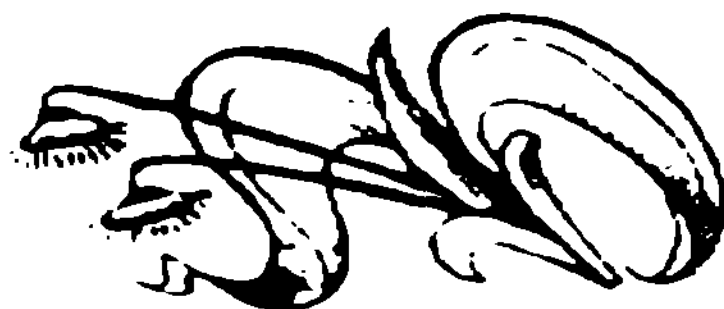
К о р о л ь Э д у а р д

К той,

Кто в силах пристыдить красу любую
И мудрость в глупость превратить; чье тело —
Всех женских чар сияние, прекрасней
Прекраснейшего: вот тебе начало.
Красивому название дай еще
Красивее и, им же восторгаясь,
Превозноси его как можно выше.
За льстивость осуждения не бойся:
Будь твой восторг хоть вдесятеро больше,
Все ж вдесятеро десять тысяч раз
Действительность окажется ценнее.
Пиши, а я предамся созерцанью.
Не позабудь сказать, что от ее
Красы я изнываю в муках страсти.

Л ю д о в и к

Так, значит, это женщина?

Король Эдуард

Какой же

Иной красе я покориться мог бы?
Кому же, как не женщинам, поем
Мы о любви? Иль думал ты, что лошадь
Я воспевать хочу?

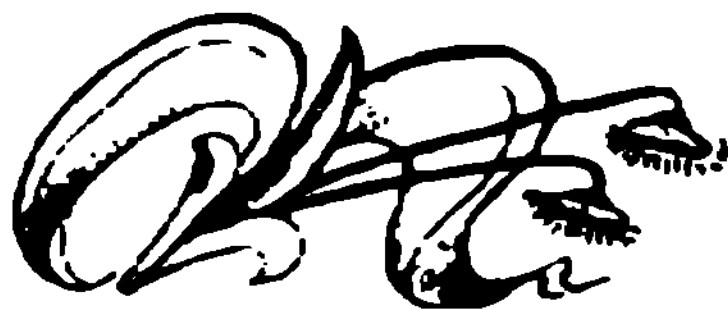
Людовик

Необходимо

Еще мне знать сословие иль сан.

Король Эдуард

Престол — вот сан ее; а мой — скамейка,
Которую она небрежно топчет.
По этому могуществу ты можешь
Судить и о сословии. Пиши,
Пока я размышляю. Не сказать ли,
Что голос у нее, как соловей?
Но каждый ведь пастух весной про то же
Твердит своей зазнобе черномазой;
И к месту ли тут соловей, поющий
О горестях супружеской измены?
Нет, прочь его! Хоть грех — все грех, — но слыть
Грехом не хочет он: ему приятно
Слыть доблестью, как доблести — обратно.
О волосах сказать, что мягче шелка
И янтаря желтее в отражении

Угодливого зеркала. Нет, лучше
Я с зеркалом сравню ее глаза:
Они, скажу, в себя вбирают солнце,
Горячими его лучами брызжут
На грудь мою и зажигают сердце.
О, сколько вариаций порождает
В моей душе мелодия любви!
Что ж, превратил ты в золото свои
Чернила? Нет? Моей богини имя
Лишь крупно напиши: позолотит
Оно бумагу вмиг. Читай скорее!
Давно открыл я уши, чтобы звуки
Твоей поэзии ловить.

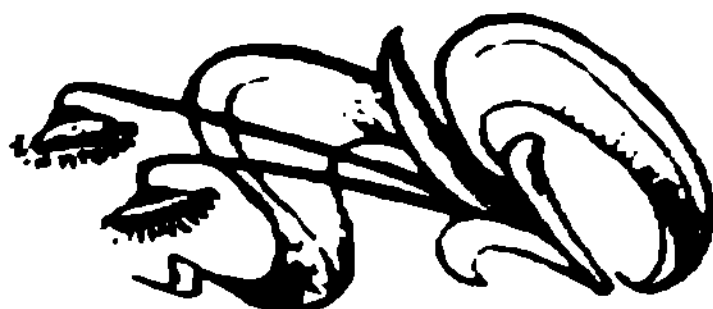
Л ю д о в и к

Еще

Периода хвалы я не закончил.

К о р о л ь Э д у а р д

Хвале, как и любви моей, нет меры;
Они так бурны обе, что в период
Законченный вмещаться не желают.
Краса ее равна моей лишь страсти:
Там — целый мир, здесь — тот же мир с прибавкой;
Ее хвалить трудней, чем в море капли
Пересчитать, — чем обратить в песчинки
Огромный холм и каждую запомнить.

Так что же ты с периодом суешься,
Когда о восхваленье бесконечном
Идет вопрос? Я слушаю, читай.

Л ю д о в и к

“Прекрасней и скромней царицы ночи...”

К о р о л ь Э д у а р д

И сразу же две грубые ошибки.
Сравнил ее ты с тою, чье сияние
Во мраке лишь мы светом почитаем;
При солнце же она огарком жалким
Нам кажется. Моя любовь и в полдень
Перед небесным оком устоит:
Сними с нее покров — затмит и солнце.

Л ю д о в и к

Еще ошибка в чем, мой повелитель?

К о р о л ь Э д у а р д

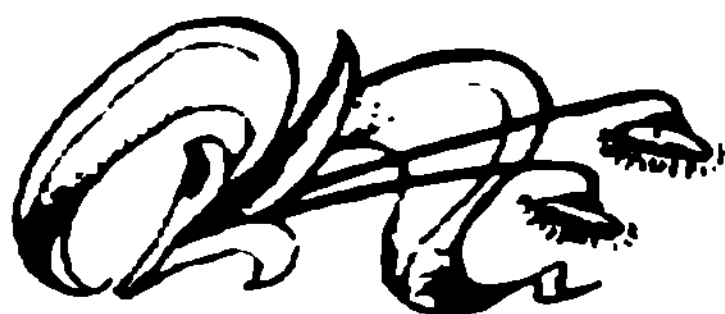
Перечитай.

Л ю д о в и к

“Прекрасней и скромней...”

К о р о л ь Э д у а р д

Скромней! Я не велел тебе копаться
В ее душе. Мне было бы приятней
Скоромницу, чем скромницу в ней видеть.

Все вычеркни — луны я не желаю.
Уподобь ее ты лучше солнцу;
Скажи: она в три раза ярче солнца,
Соперничает качествами с солнцем,
Родит благоухания, как солнце,
Смягчает стужу зимнюю, как солнце,
Пестрит убранство летнее, как солнце,
Смотрящих на нее слепит, как солнце, —
И, так во всем ее равняя с солнцем,
Проси и щедрой быть подобно солнцу,
Которое к ничтожной травке так же
Благоволит, как и к пахучей розе.
Теперь, что за луной идет, посмотрим.

Л ю д о в и к

“Прекрасней и скромней царицы ночи
И в твердости отважней...”

К о р о л ь Э д у а р д

Ну, отважней?

Чем кто?

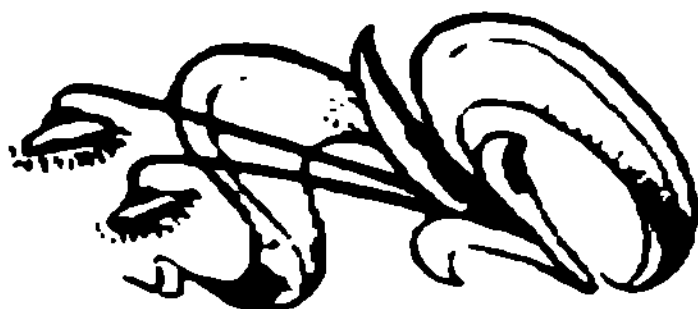
Л ю д о в и к

“Отважней, чем Юдифь...”

К о р о л ь Э д у а р д

Вот стих

Чудовищный! Недостает меча:

Тогда бы я ей голову подставил.
Долой! Долой! Послушаем, что дальше.

Л ю д о в и к

Я дальше ничего пока не сделал.

К о р о л ь Э д у а р д

Спасибо, что, хоть плохо, да немного, —
Плохого же довольно за глаза.
Нет, пусть уж о войне боец толкует,
О тягостях неволи — заключенный;
Страдания лучше всех больной опишет,
Голодный — сладость пиршества, прозябший —
Живительное действие огня
И каждый горемыка — прелесть счастья.
Уж попытаюсь сам, давай-ка.

Входит графиня Солсбэри.

Тссс!

Сокровище души моей идет.
Негоден никуда твой план, Людовик, —
И неуч ты изрядный в этом деле.
Разведчики, летучие отряды —
Все, все не там, где следует.

Г р а ф и н я С о л с б э р и

Простите

За смелость, повелитель: из одной

Лишь преданности я пришла проведать,
Как добрый государь мой поживает.

К о р о л ь Э д у а р д

Ступай и переделай все.

Л ю д о в и к

Иду.

(У х о д и т).

Г р а ф и н я С о л с б э р и

Мне больно, что король наш так печален:
Чем подданная верная могла бы
Тоску, к тебе приставшую, прогнать?

К о р о л ь Э д у а р д

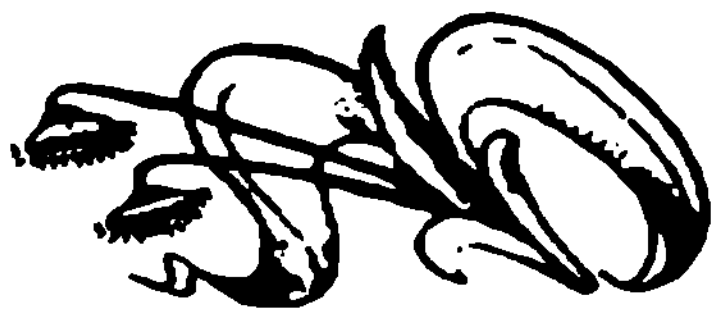
Ах леди! Не способен я, тупица,
Стыд прикрывать цветами утешения.
Здесь не живу я — мучаюсь, графиня.

Г р а ф и н я С о л с б э р и

Чтоб здесь могли тебе не угодить —
Избави Бог! О государь мой добрый,
Скажи, скажи мне, чем ты недоволен?

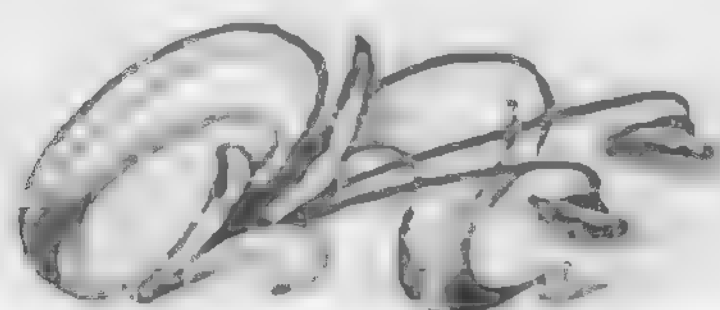
К о р о л ь Э д у а р д

Приблизусь ли тогда я к исцелению?

Средневековая миниатюра

Графиня Солсбэри

Настолько же, властитель мой, насколько
Могу ручаться в том я женской властью.

Король Эдуард

Ну, если это верно, я спасен.
Лишь поручись, что ты вернешь мне радость,
И радостен я буду вновь, графиня;
Иначе — смерть.

Графиня Солсбэри

Все сделать я готова.

Король Эдуард

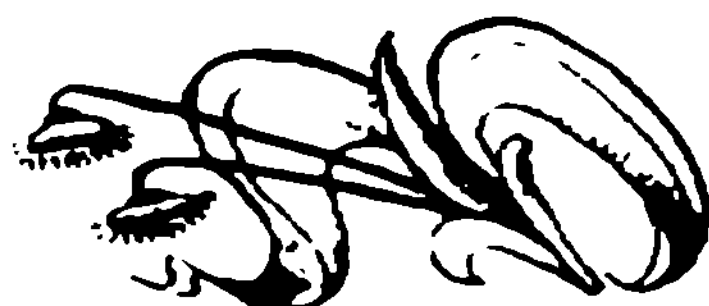
Клянись.

Графиня Солсбэри

Клянусь святыми небесами.

Король Эдуард

Теперь поговори сама с собою;
Шепни, что есть король, в тебя влюбленный,
Что ты властна его счастливым сделать,
Что поклялась ты радость мне вернуть
Своею женской властью, — сделай это
И объяви: когда я буду счастлив?

Графиня Солсбэри

Все сделано, мой грозный государь.
Что из любви моей отдать я вправе,
То получил ты с преданностью вместе:
Приказывай — тебе я повинуюсь.

Король Эдуард

Ведь я сказал, что я тебя люблю.

Графиня Солсбэри

Нужна тебе краса? Бери, коль можешь:
Хотя она и очень мало стоит,
Ее ценю я вдесятеро меньше.
Иль честь тебе нужна? Бери, коль можешь:
В расходе честь растет. Что дать я в силах
И что ты в силах взять — бери.

Король Эдуард

Хочу

Я взять красу твою.

Графиня Солсбэри

О, будь она
Личиной разрисованной, охотно
Я стерла бы ее и отдала бы;
Но, государь, она с моею жизнью

Так слита, что брать уж надо обе:
Краса моя — лишь тень от солнца жизни.

К о р о л ь Э д у а р д

Но ты ее займы, для наслаждения,
Могла бы дать.

Г р а ф и н я С о л с б э р и

Как невозможно душу,
Живым оставив тело, дать займы,
Так невозможно дать займы и тело,
Сберегши в нем живую душу. Тело —
Обитель, храм, престол души; она же —
Божественный, бесплотный, чистый ангел:
Тебя впустить в ее жилище — значит
Убить ее и быть убитой ею.

К о р о л ь Э д у а р д

Но ты клялась мне дать, что захочу я.

Г р а ф и н я С о л с б э р и

Дать, что могу, клялась я, государь.

К о р о л ь Э д у а р д

Мне нужно только то, что дать ты можешь;
Я не прошу: скорее — покупаю.

Любви твоей хочу и за нее
Плачу ценой своей любви безмерной.

Г р а ф и н я С о л с б э р и

Из уст, не столь священных, осквернила б
Такая речь любви святое чувство.
Любовь, что вы сулите мне, — не ваша:
У цезаря есть цезаря супруга;
И я своей любви не госпожа:
У Сарры есть владыка. За подделку
Печати вашей смертью вы казните;
Дерзнете ль долг и клятву преступить
Вы, царь земной, перед Царем Небесным?
Дерзнете ль на металле запрещенном
Подобие Его вы отчеканить?
Священных брачных уз не признавая,
Вы большему величию, чем ваше,
Наносите удар: сан мужа старше,
Чем короля, — ваш праотец Адам,
Единственный тогда владыка мира,
Был Богом возведен в мужья, но не был
Им в короли помазан. Нарушитель
Не вами даже изданных законов
Считается преступником: насколько ж
Преступнее попать закон, скрепленный
Десницею Господнею! Я знаю,
Что государь испытывает только

Жену того, кто честно исполняет
Свой долг в рядах бойцов, к словам любви
Преклонит слух она иль не преклонит?
От этих слов и удаляюсь я:
Не государь мне страшен, а судья.

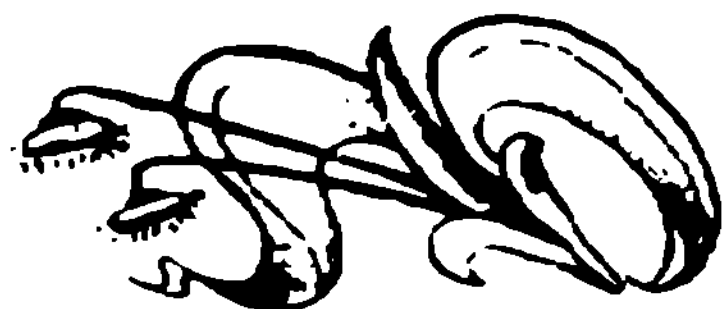
(Уходит.)

К о р о л ь Э д у а р д

Краса ль ее от слов небесной стала?
Слова ль ее красу смиренно славят?
Как прелесть придает ветрилу ветер,
Ветрило же нам ветра прелесть кажет, —
Так и она себя словами красит,
Слова — собой. Завистливый паук,
Вбирающий смертельный яд порока,
О, почему я не пчела, чтоб медом
Душевной чистоты ее питаться!
Но для красы столь нежной — долг суровый
Не чересчур ли строгий надзиратель?
Ах, будь она моей, как этот воздух!
Да так и есть: хочу ее обнять —
И самого себя лишь обнимаю.
Добыюсь я своего — заставит смолкнуть
Любовь моя и разум и рассудок.

Входит У о р и к.

Ее отец! Подговорю его,
Чтоб стал моей любви он знаменосцем.

У о р и к

Что моего властителя печалит?
Дозволено ли будет мне узнать,
Чтоб мог я мрак души его рассеять,
Коль старых сил моих на это хватит?

К о р о л ь Э д у а р д

По доброте ты мне сулишь в подарок
То самое, что выпросить хотел я;
Но для чего — о мир, кормилец лести! —
Ты золотишь язык наш, а поступки
Свинцом отягощаешь и ко лживым
Обетам нас неволишь? Если б мы
Могли читать в закрытой книге сердца,
Чтоб сдерживать язык, когда он хочет
Сказать не то, что там!

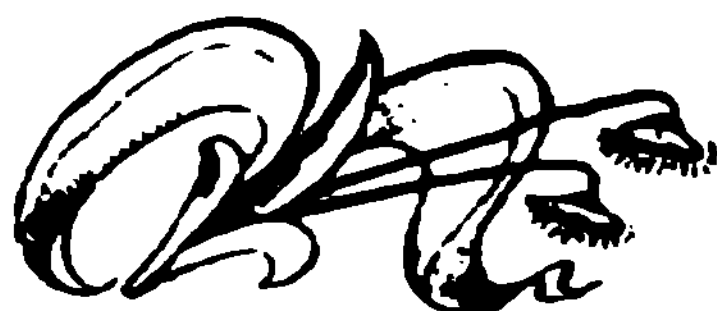
У о р и к

Не доведись

Мне, государь, в летах моих преклонных
За золото платить свинцом! Мой возраст
Скорее груб, чем льстив, — и повторяю:
Лишь знал бы я причину вашей грусти
Да силы бы мои не изменили —
На муки сам пойду, чтоб вас утешить.

К о р о л ь Э д у а р д

Обманщиков знакомая повадка:

Что словом задолжали — не платить.
Ты мне и клятву дашь, не сомневаюсь;
Когда ж узнаешь правду, — как отрыжку,
Проглотишь необдуманное слово
И в помощи наверное откажешь.

У о р и к

Клянусь вам, государь: подставьте меч —
Готов на нем я жизнь свою пресечь!

К о р о л ь Э д у а р д

А для того, чтоб мне помочь, решился б
Ты на потерю чести?

У о р и к

Если средства

Иного нет у вас, потерю эту
Я прибылью считал бы для себя.

К о р о л ь Э д у а р д

Не можешь ты поклясться и отречься?

У о р и к

Нет, не могу; а мог бы — не хотел бы.

К о р о л ь Э д у а р д

Возможно все. Что мне тогда сказать?

У о р и к

Что говорят обычно негодяю,
Который святость клятвы нарушает.

Э д у а р д

Что ты ему сказал бы?

У о р и к

Я сказал бы,
Что изменил и Богу он и людям,
И отмечен и Богом и людьми.

К о р о л ь Э д у а р д

Уговорить кого-нибудь нарушить
Святой обет — кто мог бы это сделать?

У о р и к

Не человек, а дьявол только мог бы.

К о р о л ь Э д у а р д

Так сослужи мне дьявольскую службу
Иль стань клятвопреступником — порви
Все узы между мною и собою.
Коль господин ты и себе и клятве,
Ступай сейчас же к дочери своей
И прикажи, уговори, как хочешь —

Заставь, чтоб на любовь мою любовью
Ответила она. Без возражений!
Пусть твой обет ее обет убьет —
Иначе знай, что твой король умрет.

(Уходит.)

У о р и к

О, подлый долг пред королем безумным!
Велик соблазн: ведь он меня заставил
Поклясться Божьим именем — обет,
Во имя Бога данный, уничтожить.
Поклялся бы я правою рукою
Отрезать руку правую! Не лучше ль
Святыню осквернить, чем ниспровергнуть?
Ни то, ни это, нет. Сдержу я клятву
И отрекусь пред дочерью моей
От всех благочестивых наставлений:
Скажу, что позабыть супруга надо
И королю объятия открыть;
Скажу, что преступить обет не трудно,
Но трудно получить потом прощенье;
Скажу, что вправду добр лишь тот, кто любит,
Но доброта не есть еще любовь;
Скажу, что сан ее бесчестье смоем,
Но от греха все царство не избавит;
Скажу, что я обязан убеждать,
Но ей вольно со мной не соглашаться.

Входит графиня Солсбэри.

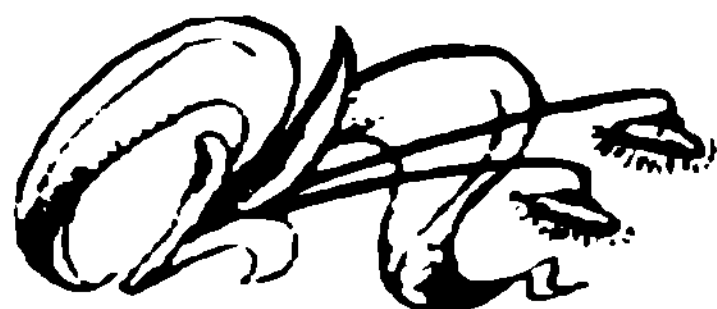
Вот и она. Найдется ли другой
Злодей, как я, для дочери родной?

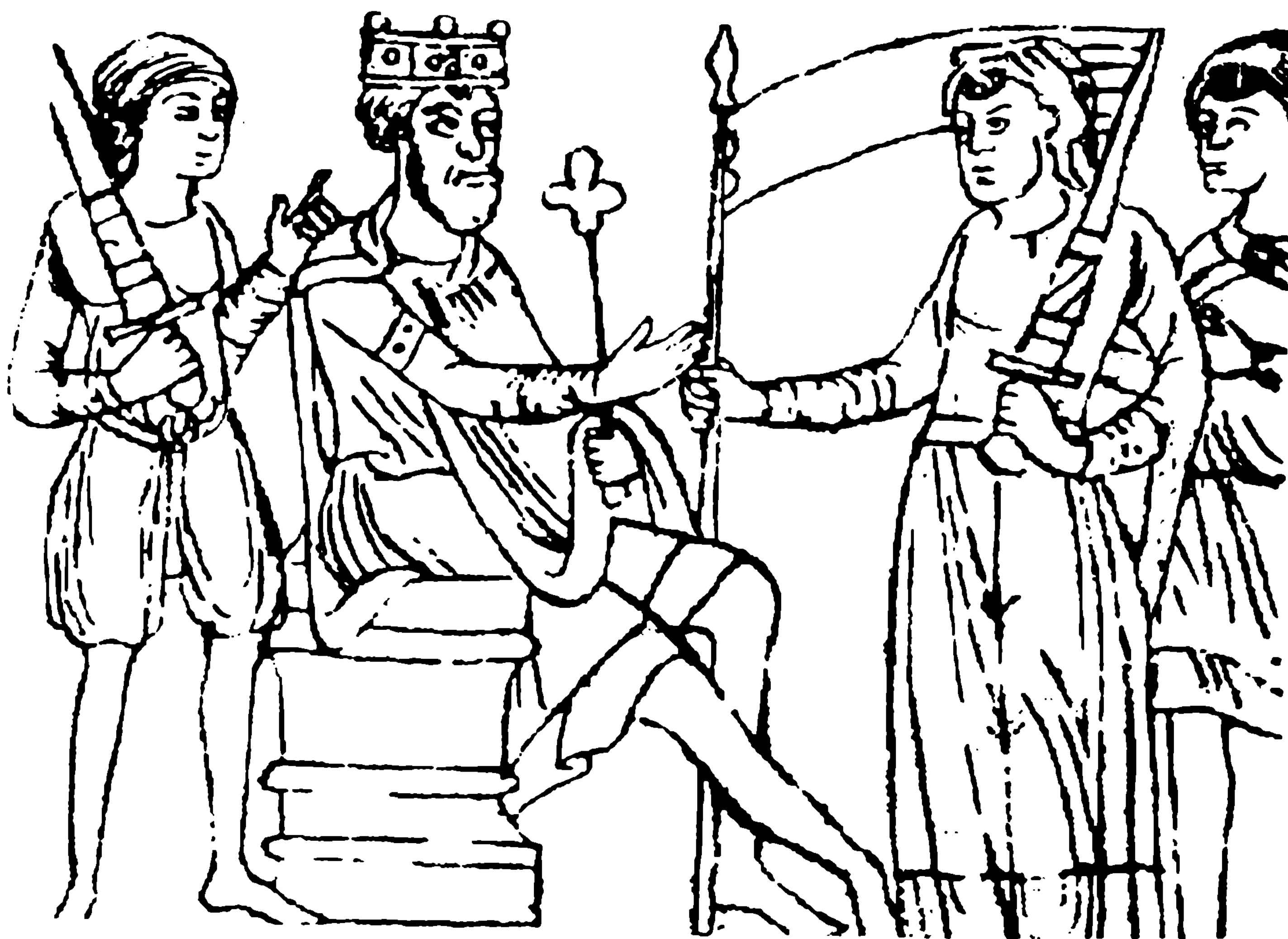
Графиня Солсбэри

Я вас ищу, отец. И мать и пэры
Меня послали к вам с усердной просьбой,
Чтоб вы его величество старались
От мрачных размышлений отвлекать.

Уорик
(в сторону)

Как быть мне с порученьем злополучным?
Начать: "мое дитя"? Хорош отец,
Склоняющий дитя свое к соблазну!
Женою Солсбэри ли мне ее назвать?
Но мы друзья: хорош и друг, что дружбу
Способен обокрасть! — Ты мне не дочь
И моему испытанному другу
Ты не жена. Не Уорика ты видишь,
А стряпчего по дьявольским делам:
Я в Уорика преобразился только,
Чтоб короля исполнить порученье.
Великий наш король в тебя влюблен;
Он властен у тебя взять жизнь, как властен
Отнять и честь, — так соглашайся лучше
В залог оставить честь, чем жизнь: из чести

Церемония инвеституры фьефа сеньором вассалу.

Средневековая миниатюра

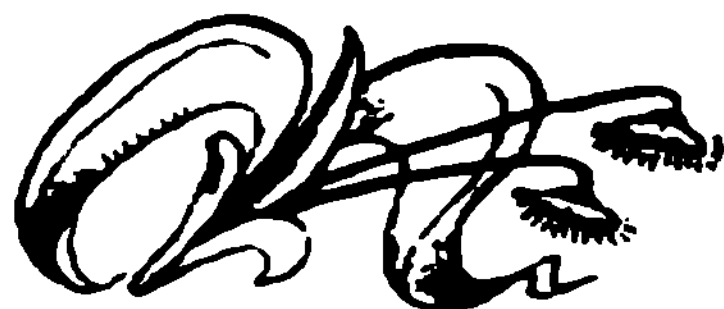
Что потеряешь — вновь найти ты можешь,
А жизни мы лишаемся навеки.
От солнца сохнет сено, но траву
Оно живет; король, позоря, славит.
Ахилл своим копьём целил те раны,
Что наносил: для сильных мира, ясно,
Зло исправлять добром легко. Мы знаем,
Как с подданными кроток сытый лев;
Поэтому-то он для нас прекрасен

И с пастью окровавленной. Король
Величием своим твой стыд покроет:
Кто высмотреть тебя за ним захочет,
Тот зрения лишится, как от солнца;
И что за вред от капли яда морю,
Когда оно в своих пучинах может
Все утопить и сделать яд безвредным?
Священнейшее имя государя
Смягчит твой грех и горькому напитку
Упреков даст приятнейшую сладость;
И нет греха в деянии, когда
Его не совершить нам без позора.
Так, моему властителю радея,
Одел я добродетелью порок
И от тебя ответа ожидаю.

Графиня Солсбэри

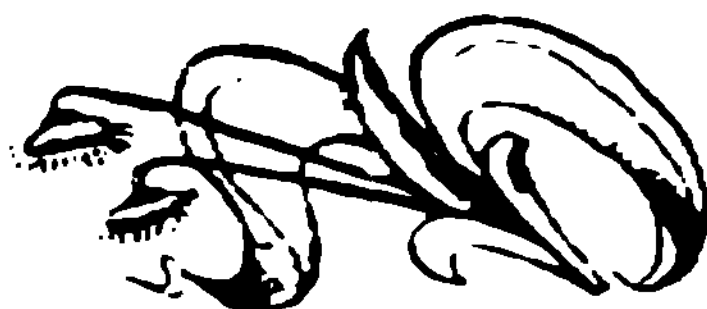
В осаду из осады! Для того ли
Я от врагов напасти избежала,
Чтоб вдесятеро горшую напасть
Изведать от друзей? Иль опорочить
Не мог он кровь мою, не совращая
На грех того, чья кровь во мне течет?
Не диво, что полны заразой ветви,
Когда и корень заражен; не диво,
Что гибнет прокаженное дитя,
Когда в сосцах у матери отравя.

А если так — пусть будет грех свободен;
Пусть молодость живет, узды не зная:
Долой все запрещения закона!
Долой закон Господен, воздающий
Стыдом за стыд и карою за грех!
Нет, лучше умереть, чем согласиться
Стать жертвою нечистых вожделений!

У о р и к

Вот это речь желанная; теперь
И я могу от слов своих отречься.
Почетная могила стоит больше
Срамной опочивальни короля;
Чем выше человек, тем все поступки
Его видней — хорошие, дурные ль;
На солнце и ничтожная пылинка —
Для нас как бы существенное нечто;
Чем жарче день, тем, будто бы целуя,
Скорей он разлагает мертвечину;
Могуч топор — могучи и удары;
Тяжеле в десять раз тот грех, который
В священном месте совершен; дурное
Деяние особы властной вводит
В соблазн других; одень ты обезьяну:
От красоты наряда станет только
Уродливей она. Я много мог бы
Сравнений привести, соизмеряя

Величье короля с твоим позором:
Так, в кубке золотом отрава гаже,
При молнии черней ночная тьма,
Гниющие лилеи сорных трав
Зловоннее, — и честь, к греху склонясь,
Втройне твое сияние бесславит.
Я уйду — пока с благословением, —
Но может стать оно проклятьем, если
Ты чистой пожертвуешь своей
Тому, чего на свете нет грязней.

(Уходит.)

Графиня Солсбери

Я за тобой — и обрекаю душу
На вечный ад, когда свой долг нарушу!

(Уходит.)

Сцена 2

Там же. Комната в замке.

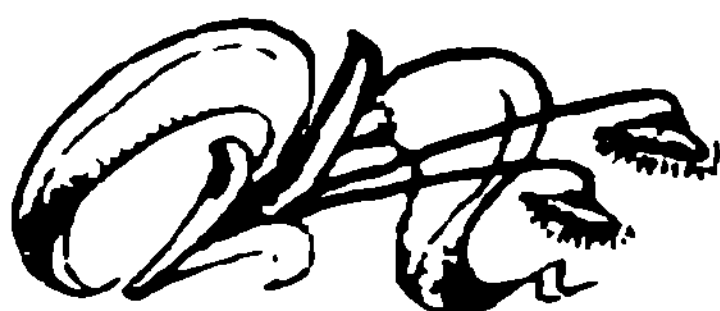
Входят Дерби и Одлей, встречаясь.

Дерби

Как рад я с благороднейшим Одлеем
Здесь встретиться! Что — государь и пэры?

Одлей

Не видел государя я с тех пор,

Как он меня отправил на вербовку;
Приказ его исполнил я — доставил
Ему солдат, прекрасно снаряженных.
А ладно ль с императором у нас?

Д е р б и

Так ладно, как не может быть ладнее:
Помочь его величеству готовый,
Он всех своих владений назначает
Наместником его. Итак — вперед,
Во Францию великую!

О д л е й

И что же?
Обрадовался очень государь?

Д е р б и

Он ничего пока еще не знает:
Сидит в своих покоях, огорченный,
А чем — Бог весть! — и приказал себя
До самого обеда не тревожить.
И на кого ни взглянешь — на графиню,
На Уорика, на Артуа, — все хмуры.

О д л е й

Уж что-нибудь здесь кроется наверно.

За сценой трубы.

Д е р б и

Ага, трубят! Теперь он вышел, значит.

Входит король Эдуард.

О д л е й

Сюда его величество идет.

Д е р б и

Да будет все по воле государя.

К о р о л ь Э д у а р д

Ах, если б ты владел волшебным словом!

Д е р б и

Привет от императора сердечный.

(Подает письма.)

К о р о л ь Э д у а р д

(в сторону)

Не от нее!

Д е р б и

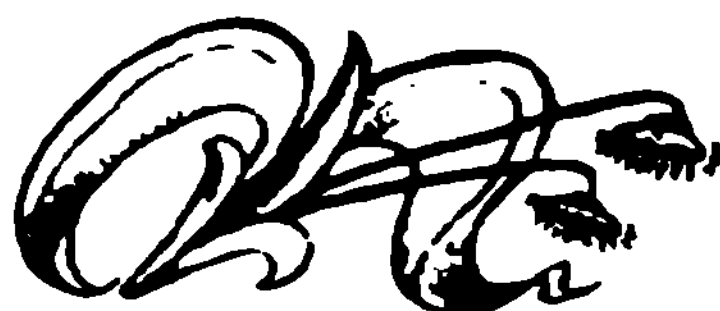
Исполнены теперь

Все вашего величества желания.

К о р о л ь Э д у а р д

(в сторону)

Неправда, не исполнены. Но если б!

О д л е й

Владыке моему — любовь и верность.

К о р о л ь Э д у а р д
(в с т о р о н у)

Что мне в твоей любви! — Какие вести?

О д л е й

По вашему приказу, и пехота
И конница готовы, государь.

К о р о л ь Э д у а р д

По нашему отказу, пусть пехота
На четырех ногах обратно скачет.
Взгляну, что мне графиня пишет, Дерби.

Д е р б и

Графиня, государь?

К о р о л ь Э д у а р д

Ну, император.

Оставь меня.

О д л е й

Что в мыслях у него?

Д е р б и

Уйдем, пока в таком он настроении.

(У х о д я т .)

Король Эдуард

Так от избытка чувств уста глаголят:
Вдруг, вместо императора, графиня!
Ну что ж? Она и есть мой император,
А я — вассал коленопреклоненный,
Обязанный по взгляду понимать,
Довольна ли она иль недовольна.

Входит Людовик.

Что Цезарю сказать велела та,
С которой не сравняться Клеопатре?

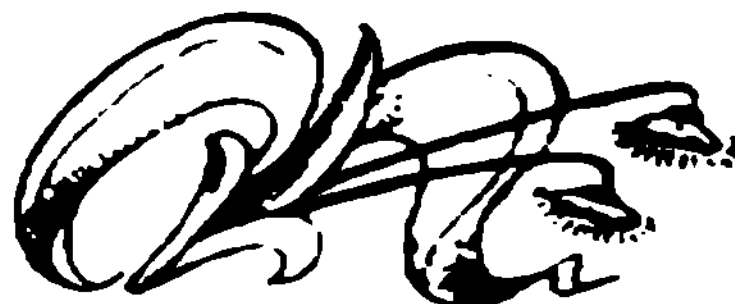
Людовик

Что нынче же ответит государю.

За сценой барабаны.

Король Эдуард

С чего там растрещался барабан,
В моей груди пугая Купидона?
Вот шкуре то несчастной достается!
Поди, избавь бедняжку от злодея;
Я нежными строками устелю
По ней дорогу в грудь небесной нимфы:
Бумагой писчей мне она послужит —
И барабан сварливый превратится
В глашатая, в любезного посла
От мощного властителя к богине.

Невежду поучи играть на лютне
Иль удави ремнем от барабана:
Сдается мне, сегодня непристойно
Нескладной трескотней тревожить небо.
Ступай.

Людовик уходит.

В бою, к которому я рвусь,
Себя своим рукам лишь поручаю:
Пусть моему врагу спешат навстречу
Под бурный марш проникновенных стонов;
Глаза мне будут стрелами, а вздохи
Сослужат службу ветра и до цели
Все выстрелы из сердца донесут.
Но солнца для меня уж нет: ведь солнце —
Она сама! Вот почему поэты
Зовут слепым крылатого буяна:
Любовь — наш вождь, пока от страсти зренья
Не лишена.

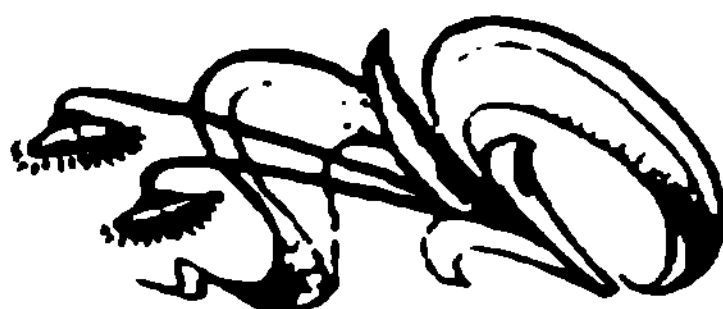
Л ю д о в и к возвращается.

Ну, что там?

Л ю д о в и к

Государь,
Веселый треск о вашем храбром сыне,
О принце Эдуарде, возвещает.

Входит принц Уэльский. Людовик отходит к двери.

К о р о л ь Э д у а р д
(в с т о р о н у)

Вот он — весь в мать! Ее черты зовут
На правый путь, увещевают сердце
И глаз журят за алчность: уж смотрел бы
На то, что есть, не зарясь на чужое!
Гнуснее всех тот вор, который даже
Не может и на бедность-то сослаться.
Ну, мальчик мой, что скажешь?

П р и н ц У э л ь с к и й

Дорогой

Отец и повелитель! Я собрал
Все лучшее, что Англия вскормила,
Для нашего похода и явился
Принять от государя указанья.

К о р о л ь Э д у а р д
(в с т о р о н у)

Как ни гляжу, все матери лицо
В нем вижу. Да, глаза ее как будто
Впились в меня — и я уже краснею;
Укрыться грех не может: страсть — огонь,
А люди, словно фонари, свет страсти,
Зажженный в них, наружу пропускают.
Прочь, суетности шелковые путы!
Не мне ли суждено расширить грани
Британии прекрасной? И в клетушку

Души моей владыкой не войду я? —
Подайте панцирь мне из вечной стали:
Иду на королей! Чтоб добровольно
Склонился я и недруга стал другом?
Немыслимо. Вперед, мой Нэд! Пусть наши
Знамена воздух Франции полощат.

Л ю д о в и к

(подойдя к королю и шепча ему на ухо)

С улыбкою приветливою просит
К вам доступа графиня, государь.

К о р о л ь Э д у а р д

Вот и пропало все! Одна улыбка
Освобождает Францию из плена
И нам дарит свободу. — Милый мальчик,
Оставь меня — иди, пируй с друзьями.

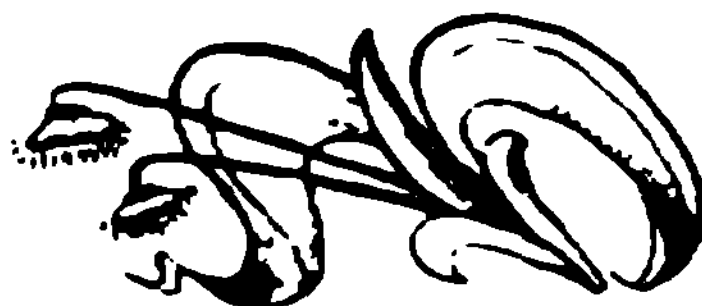
Принц уходит.

(В сторону).

Что в матери твоей? Черна — и только;
А ты напоминаешь мне об этом.
Введи сюда графиню — пусть рассеет
Над нами тучи зимние: покорны
Ее красе и небо и земля.

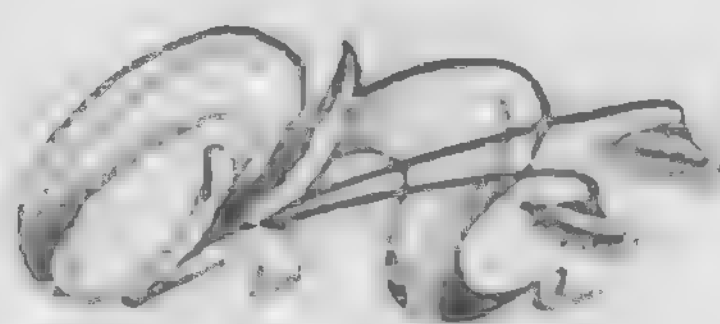
Людовик уходит.

Грешнее бедный люд рубить и резать,
Чем обнимать на любодейном ложе

Эдуард, принц Уэльский. Посмертная статуя в Кентерберийском соборе

Сосуд сокровищ редкостных: поднесь
От ветхого Адама так ведется.

Людовик возвращается с графиней Солсбэри.

Иди, залезь в мой кошелек, Людовик:
Мотай, швыряй, играй, бесчинствуй — делай,
Что хочешь, лишь оставь меня на время.

Людовик уходит.

Души моей подруга! Ты явилась
Откликнуться небесным словом “да”
На жалобы любви моей нежнейшей?

Графиня Солсбэри

Отец благословил меня...

Король Эдуард

Чтоб ты

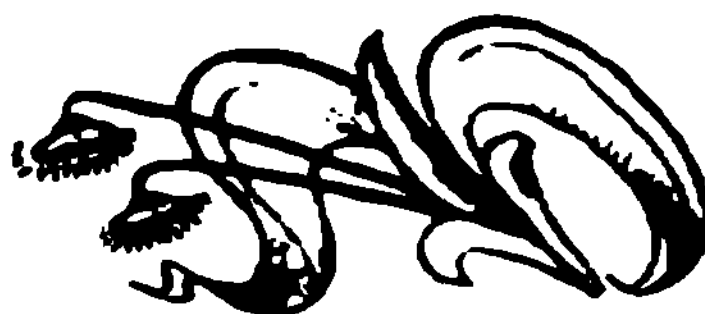
Мне уступила?

Графиня Солсбэри

То, что вам по праву
Принадлежит, возлюбленный властитель.

Король Эдуард

Не меньше, значит, чем за право — право
И за любовь — любовь.

Графиня Солсбэри

Чем зло за зло

И ненависть за ненависть. Но вижу:
Ни мой отказ, ни мужняя любовь,
Ни ваш высокий сан, ничто святое
Не властно мне помочь в борьбе с величием,
Святого ничего не признающим;
И потому должна я несогласье
В согласие обратить и “не желаю”
Заставить быть “желаю”, — если только
Вы сами те препоны удалите,
Что стали между нашею любовью.

Король Эдуард

Лишь назови: клянусь, что их не будет!

Графиня Солсбэри

Хотела уничтожить я те жизни,
Что стали между нами, мой властитель.

Король Эдуард

Чьи жизни, леди?

Графиня Солсбэри

Вашей королевы

И графа моего: пока они

В живых, распоряжаться мы не смеем
Их собственностью — нашею любовью.

К о р о л ь Э д у а р д

Ты хочешь преступления!

Г р а ф и н я С о л с б э р и

Как и вы:

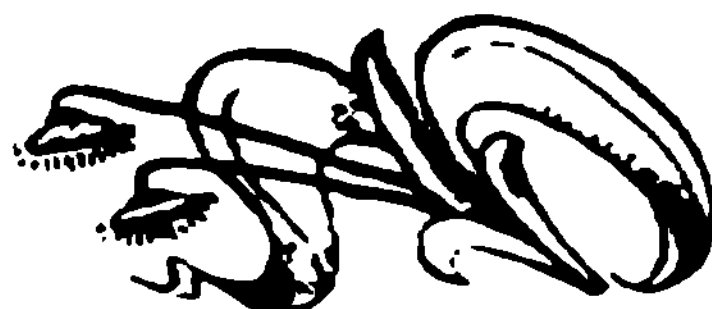
Уж если строгий ваш закон исполнить
Мешает вам одно, то пусть он также
Вам запретит другого домогаться;
Могу ли я любви поверить вашей,
Когда не соблюдаете вы клятвы?

К о р о л ь Э д у а р д

Довольно! И она и он — умрут.
Ты превзошла красою Геро, я же
Сильнее безбородого Леандра:
Он переплыл пролив пустячный, — я же,
Чужую кровь пролив, достигну Сеста,
Где ждет меня возлюбленная Геро.

Г р а ф и н я С о л с б э р и

Вы сделаете больше: создадите
Реку из крови сердца двух супругов,
Разлучников двух любящих сердец.

Король Эдуард

В твоей красе — вина супругов этих,
И в ней же — смерть обоих; их судья,
Им смертный приговор я объявляю.

Графиня Солсбэри

Преступная краса! Судья неправый!
Когда в палату звездную над нами
Всемирный суд нас призовет к ответу
За это зло — мы оба затрепешем.

Король Эдуард

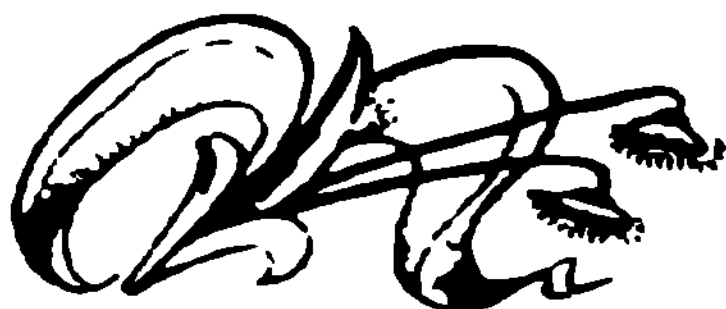
Что говорит моя любовь? Решилась?

Графиня Солсбэри

Решилась — кончено. Сдержи лишь слово,
Великий государь, и я — твоя.
Стой, где стоишь, я отступлю немного —
И посмотри, как буду отдаваться.

*(Быстро поворачивается к нему и показывает
два кинжала, висящие у пояса.)*

Вот два ножа венчальные — ты видишь?
Возьми один, убей им королеву,
А где ее найти — сейчас узнаешь;
Другим покончу я с любимым мужем,
Который спит спокойно в этом сердце.

Свершится — полюблю тебя. Ни с места.
Державный похотник! Моя решимость
Проворней, чем усердие твое
Меня спасти, — и, сделай лишь движение,
Вонжу я нож; поэтому стой смирно
И слушай, что даю тебе на выбор:
Иль поклянись от мысли нечестивой
И от меня навеки отказаться,
Иль, вот клянусь, —

(На коленях.)

— той кровью, что хотел
Ты запятнать, в мгновение запятнится
Твоя земля. Клянись, король, клянись —
Иль здесь же я умру! Не шевелись!

К о р о л ь Э д у а р д

Клянусь той высшей силой, что дает
Мне силу пристыдить себя, — навеки
Уста мои для просьб таких замкнуты!
Встань, истинная английская леди:
Тобой гордиться может остров больше,
Чем древний Рим гордился той, чей клад
Утраченный стольких стараний вздорных
И множества такого перьев стоил.
Встань, леди, — добродетели твоей
Мой тяжкий грех грядущей славой будет:
От суетного сна я пробудился.

Нэд, Уорик, Дерби, Артуа, Одлей,—
Куда вы, удалыцы запропалились?

Входят принц и лорды.

Ты, Уорик, будешь север сторожить;
Ты, принц, и ты, Одлей,— скорее к морю:
В Нью-Гевене часть войска мне оставьте;
Мы ж трое через Фландрию проедем
И дружескую помощь обеспечим.
Едва лишь этой ночи хватит мне
Прощение снискать в моей вине:
Поход наш так приветствовать мы будем,
Что солнце раньше времени разбудим.

Уходят.

АКТ III

Сцена 1

Фландрия. Французский лагерь.

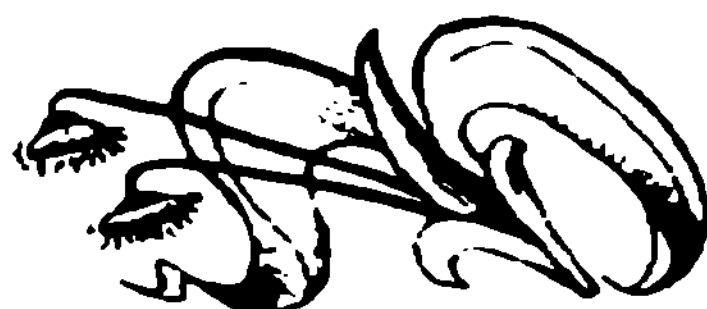
**Входят король французский Иоанн, два его сына,
Карл и Филипп, герцог Лотарингский и другие.**

Король Иоанн

**Пока наш флот из тысячи судов
Подносит неприятелю гостинцы,
Дождемся здесь мы вести о победе.
Что слышал ты об Эдуарде, герцог?
В достаточной ли мере он снабжен
Оружием и войском для похода?**

Герцог Лотарингский

**Скажу вам без утайки, государь,
Не обольщая вас надеждой ложной,
Что он, как мне доподлинно известно,
Явился к нам, прекрасно снаряженный:
Вся Англия стремится на войну,
Как на веселый праздник.**

К а р л

Этот остров

Всегда приютом был для недовольных,
Мятежных, кровожадных Катилин,
Для мотов и для тех, кому бы только
Мутить да совершать перевороты:
Так может ли на них он положиться?

Г е р ц о г Л о т а р и н г с к и й

На всех, за исключением шотландцев:
Как вашему величеству известно,
Те поклялись торжественно не класть
Меча и не вступать в переговоры.

К о р о л ь И о а н н

Вот на кого надежда остается!
Зато, как вспомню я о Нидерландах,
Где Эдуард нашел себе друзей,
Об этих, пивом налитых, голландцах,
Всегда с губами, мокрыми от пены,
Готовых пить без отдыха,— как вспомню,
Так все и закипит во мне. Его
Поддерживает также император:
Толкуют, что наместником он будет.
Ну что ж! Чем многочисленней противник,
Тем большая и слава от победы.
Мы не одни: суровые поляки,

Отважные датчане, короли
Богемии, Сицилии — все это
Союзники заведомые наши
И к нам теперь торопятся наверно.

За сценой барабаны.

Да вот и барабаны их я слышу:
Они уж здесь — я не ошибся, значит.

Входит король Богемский с войском и с подкреплениями из датчан,
поляков и русских.

Король Богемский
Король французский Иоанн! По долгу
Союза и соседства, я с войсками
Своими поспешил к тебе на помощь.

Польский военачальник
Я также из великой, страшной туркам
Московии и благородной Польши
Привел с собой усердных слуг, готовых
Сражаться за тебя.

Король Иоанн
Привет сердечный
Тебе, король, и прочим всем. Столь важной
Услуги я не позабуду. Кроме
Тех крон, что вы получите в избытке,
Вас ждет еще награда: нам грозит
Народ, прикрывший спесью трусость зайца,

Солдат. Гравюра на меди Ганса Бургкмайера

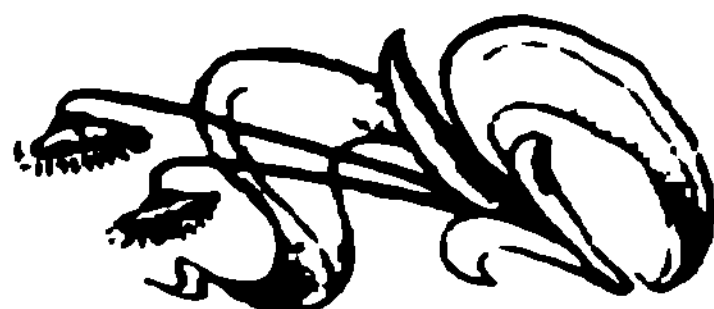
И от него втройне мы поживимся,
Исполнилась теперь моя надежда:
Мы на море могучи, как под Троей
Войска Агамемнона, а на суше
Равны мы рати Ксеркса, для которой
Понадобились реки, чтоб напиться;
И, стало быть, с Баярдом самозванным
Покончено у нас: пойдет на дно
Иль будет на куски разрублен, если
На высадку решится.

Входит матрос.

М а т р о с

Государь!

На вахте находясь, я видел близко
Кичливую армаду Эдуарда.
Сперва она была подобна роще
Засохших старых сосен; но, когда
Приблизилась, — по блеску кораблей,
По пестрым развевающимся флагам,
Мне лугом показалась разноцветным,
Скрывающим нагую грудь земли.
Суда идут величественным строем,
Рогатый полумесяц представляя;
На корабле под адмиральским флагом,
А также и на тех, что образуют
Как бы его почетную охрану, —

Красуются обоих королевств
Гербы соединенные. И, бодро
Пучину бороздя, под свежим ветром
Армада надвигается на нас.

К о р о л ь И о а н н

До золотых уж лилий он добрался?
Мед высосан из них — и в листьях только
Для паука остался яд, надеюсь.
А наш-то флот? Готовы ли суда
Навстречу стае воронов подняться?

М а т р о с

Об этом извещенные, они
Снялись тотчас же с якоря и, словно
Не ветром вздувши паруса, а гневом, —
Вперед рванулись: так орел голодный
Кидается на первую добычу.

К о р о л ь И о а н н

Вот, получи за вести. Воротись
Теперь на свой корабль и, если цел
Останешься, приди сюда обратно
Отдать отчет подробный о сраженье.

Матрос уходит.

Следить нам лучше порознь, господа,
Чтоб высадки не сделал неприятель.

Немедленно, мой брат, расположите
Богемцев ваших по равнине; герцог
Нормандский, старший сын мой, на высоты
Взойдет с противной стороны: мы оба —
Я и Филипп, мой младший сын, — займем
Средину побережья, между вами.
Итак, друзья, на стражу — в добрый час:
Всей Франции судьба в руках у вас!

Карл, герцог Лотарингский, король Богемский и войско уходят.

Что скажешь ты, Филипп, о притязаниях
Противника?

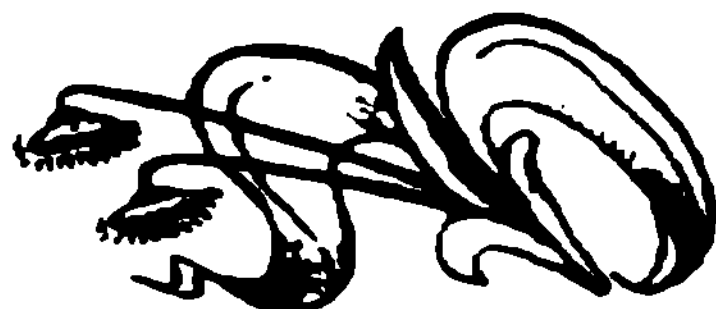
Ф и л и п п

Скажу я, государь:
Чего бы Эдуард не домогался,
Откуда бы свой род ни выводил он,
Венец на вас — и этого довольно,
Чтоб им владеть; а хоть бы и не так,
Я все ж не покорюсь ему: иль кровью
Сам изойду, иль проходимцев наглых
В обратный путь спроважу.

• К о р о л ь И о а н н

Молодчина!

Вели-ка дать нам хлеба и вина:
Когда мы подкрепим свои желудки,
Тогда в лицо врагу смелее взглянем.

Вносят накрытый стол; король с сыном садятся за него. Вдали слышна стрельба.

Сегодня морю будет жарко. Бейтесь,
Французы, бейтесь — как в берлоге бьются
За медвежат медведицы! А ты,
О Немезида, правь кормилом так,
Чтоб вражий флот огнем смертельной злобы
Был без следа разметан и потоплен!

Снова стрельба.

Ф и л и п п

Отец, какая музыка! И как
Она пищеваренью помогает!

К о р о л ь И о а н н

Теперь ты, мальчик, слышишь сам весь ужас
Борьбы за власть державную. Земной
Утробы сокрушительные вздохи
Иль в небесах сверкающие взрывы
Скопившихся паров страшны не меньше,
Чем распря королей, излить готовых
Взаимный гнев.

Трубят отступление.

Вот и конец — один
Противник поражен: что, если это
Французы? О! Поворотись к нам, счастье,
И ветру так вели поворотиться,

Чтоб небо даровало нам победу,
Врагов же наших в бегство обратило.

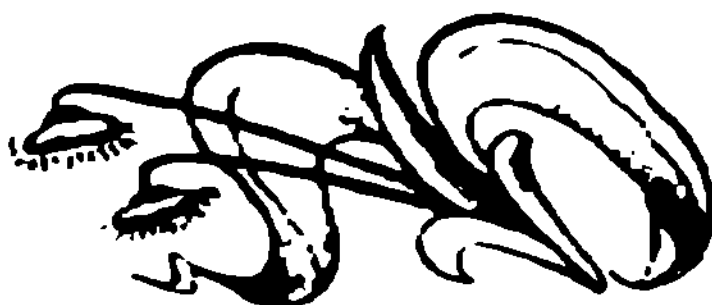
Входит матрос.

Недоброе предчувствую. Скажи
Нам, бледной смерти зеркало, за кем
Сегодня честь? О тяжком поражении,
Прошу тебя, поведай, если хватит
Дыханья у тебя.

Матрос

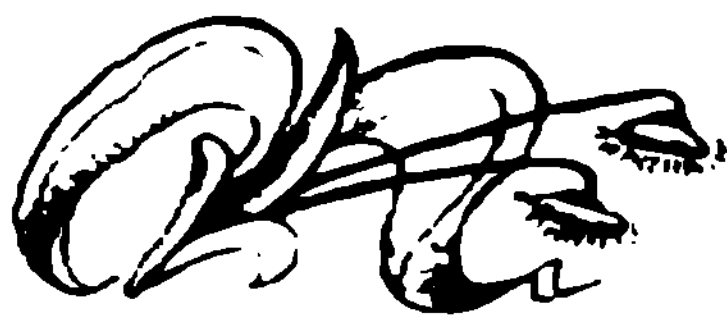
Да, государь.

Беда на долю Франции досталась:
Бахвалу Эдуарду удалось
Победу одержать. пылая гневом,
Надеждою и страхом, оба ряда
Судов железногрудых поспешили
Построиться один перед другим.
Корабль их адмиральский сразу начал
По нашему стрелять без перерыва;
Тогда все остальные, увидав,
Что этим двум гибель угрожает, —
Как ярые драконы, друг на друга
Величественно ринулись, о смерти
Гонцами скоролетными вешая.
И ясный день сменился ночью темной:
Окутал мрак могильный и живых,
И тех, что перестали быть живыми;

Друзья не успевали попрощаться,
А кто и успевал — таков был грохот! —
Уподоблялся тот глухонемому.
Кругом от крови раненых все море
Окрасилось в багряный цвет так быстро,
Как будто кровь широкими ручьями
Из кораблей простреленных лилась.
Здесь голова оторванная, там
Поломанные руки, ноги, словно
Сухая пыль, подхваченная вихрем, —
По воздуху летели и кружились.
Вы наблюдать могли бы, как суда
Расщепленные в волны погружались.
Пока не исчезали их верхушки.
Все средства нападения и защиты,
Все проявленья храбрости и страха,
Решимости и трусости, — все было
В ходу и на виду: одни сражались
Для славы, а другие поневоле.
Не мало “Nonpareil”¹ наш отличился,
А также и булонский “Черный Змий”,
Которому из кораблей нет равных.
Но тщетно! Ветер, волны, вся природа
Восстала против нас, врагам на счастье —
И к берегу пришлось открыть им путь.

1 Несравненный (фр.).

Тут и конец. Моргнуть мы не успели,
Как разгромили нас и одолели.

К о р о л ь И о а н н

Теперь одно спасенье нам: собрать
Остатки сил и по врагам ударить,
Пока они не выстроились к бою.
Уйдем, Филипп! Уйдем скорее прочь!
Сердечной боли мне не перемочь.

Уходят.

Сцена 2

Пикардия. Поле около Кресси.

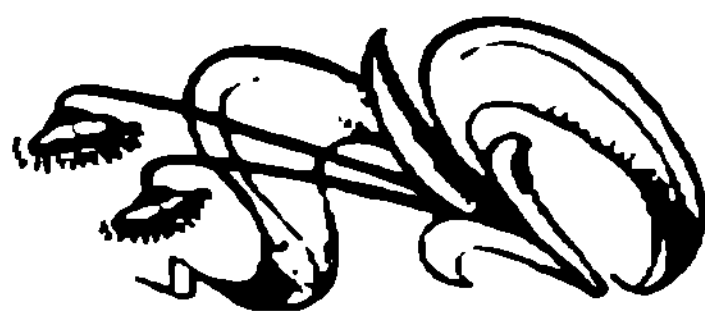
Входит француз; навстречу ему другие, в том числе женщина
с двумя детьми, нагруженные домашним скарбом, как беглецы.

П е р в ы й ф р а н ц у з

Здорово, господа. Какие вести?
И почему вы так нагружены
Пожитками? Иль нынче день заветный —
Из дома в дом обычный переезд?

В т о р о й ф р а н ц у з

Да, переезд! Боюсь, не переел бы
Нас лютый Эдуард, как волк баранов.
Вы новости-то слышали?

Первый француз

Какие?

Третий француз

Французский флот разбит — и англичане
Уж высадились на берег.

Первый француз

Так что ж

Из этого?

Второй француз

Вы говорите: что ж?

Да разве не пора бежать, когда
И враг и смерть так близко?

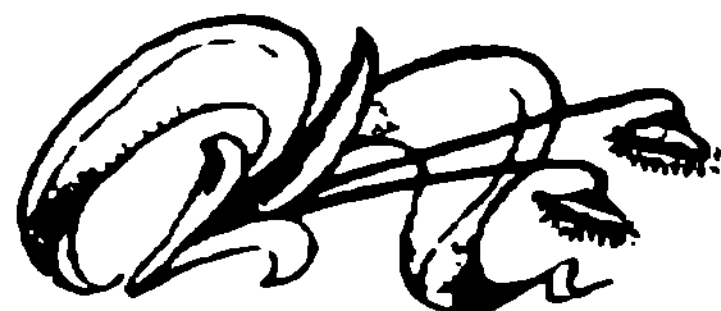
Первый француз

Успокойтесь,

Приятель: враг еще не так-то близко —
И, прежде чем он в глубь страны проникнет,
Себе он сломит голову, ручаюсь.

Второй француз

Да, так и стрекоза живет беспечно,
Пока зима не стала; а щипнет
Ее морозец — все отдать готова,
Чтоб воротить потерянное время.

Кто о плаще заботится, когда
Уж видит, что накрапывает дождик,
Тому немудрено промокнуть раньше,
Чем спохватиться он успеет. Нам,
И скарбом и семьей обремененным,
Зевать нельзя: понадобится помощь,
А мы ее, глядишь, и упустили.

П е р в ы й ф р а н ц у з

В удачу вы изверились, я вижу,
И ждете поражения.

Т р е т и й ф р а н ц у з

Кто знает!

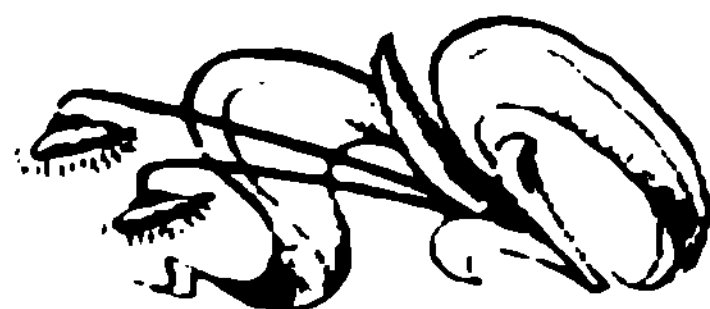
На худшее рассчитывать-то лучше.

П е р в ы й ф р а н ц у з

Нет, лучше биться, чем бросать в беде
Родной очаг, забывши долг сыновний.

В т о р о й ф р а н ц у з

Да что ж! У нас и так довольно войска
В сравненье с жалкой горсточкой врагов;
Но правда не на нашей стороне —
Не нам и побеждать: ведь по родству
Всех ближе Эдуард, родной племянник;
А Иоанн — из третьего колена.

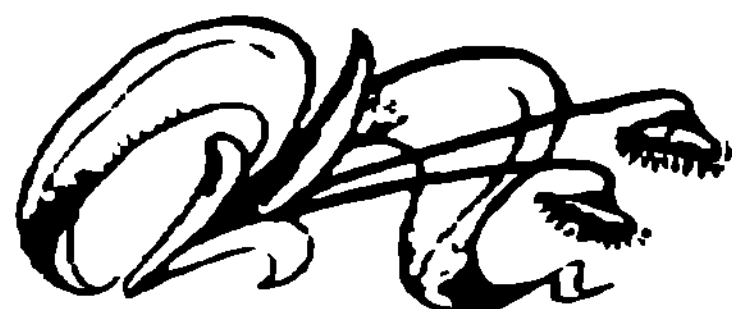
Ж е н щ и н а

И много о пророчестве толкуют,
Что сказано одним монахом бывшим, —
А уж не раз предсказывал он верно;
Пророчество такое: скоро, скоро
С заката лев появится у нас
И лилию французскую утащит.

Поспешно входит еще один ф р а н ц у з.

Ч е т в е р т ы й ф р а н ц у з

Бегите, земляки мои, французы!
Цветущий мир, счастливой жизни корень,
Покинут и совсем из края изгнан:
Взамен его разбойница-война,
Как воронье, на крышах примостилась;
Убийство и грабеж, все разрушая,
По улицам гуляют невозбранно, —
В чем я сейчас наглядно убедился
На этой вот горе. Насколько взора
Хватило моего, огнем объятых
Пять городов увидел я, — как печь,
Поля и виноградники пылали;
А там, где дым рассеивался ветром,
Я различал и жителей несчастных,
Хоть от огня и спасшихся, но тут же
На английские пики попадавших.

Бичи судьбы разгневанной тремя
Дорогами несут нам страх и гибель:
Правей идет король победоносный,
Левей — неудержимо пылкий принц,
А посредине — цвет английской рати;
Все врозь еще пока, но за собою
Везде опустошенье оставляют.
Бегите же, коль вы благоразумны,
Подальше укрывайтесь, чтоб сквозь слезы
Не увидеть, как ваших жен подвергнут
Бесчестию, а вас самих ограбят.
Уж буря надвигается — спешите!
Скорей! Скорей! Я слышу барабаны.
Боюсь я — о несчастная страна! —
Что рухнешь ты, как шаткая стена.

Уходят.

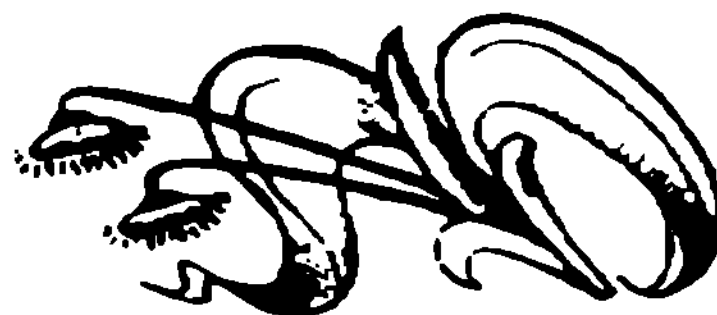
Сцена 3

Там же.

Барабаны. Входят король Эдуард, Дерби и другие, во главе
марширующего войска, — и Гобинде Грей.

Король Эдуард

Где тот француз, который так искусно
Нас бродом через речку переправил
И показал, как переехать море?

Г о б и н д е Г р е й

Здесь, государь.

К о р о л ь Э д у а р д
А как тебя зовут?

Г о б и н д е Г р е й

Гобин де Грей зовусь я, ваша милость.

К о р о л ь Э д у а р д

Так вот, Гобин, за важную услугу
Тебя мы на свободу отпускаем —
И, кроме этого, еще в награду
От нас пятьсот червонцев ты получишь.
Но почему мы с сыном до сих пор
Не встретились? Его я жажду видеть.

Входит А р т у а.

А р т у а

Я с доброй вестью, государь: за мною —
И принц, и лорд Одлей, и все другие,
С кем нам сойтись никак не удавалось.

Барабаны. Входят принц Уэльский, Одлей и войска.

К о р о л ь Э д у а р д

Здорово, милый принц. Как шли дела
С тех пор, как ты на берегу французском?

П р и н ц У э л ь с к и й

Благодаря Всевышнему успешно.
Достались нам столь сильные твердыни,
Как Ло, Гарфлэр, Кротаж и Карентан;
И прочих городов мы не щадили,
Повсюду оставляя за собою
Широкое для разоренья поле.
Покорность изъявивших мы, конечно,
Прощали — но упорных и строптивых
Обуздывали карой беспощадной.

К о р о л ь Э д у а р д

О Франция! Зачем ты отвергаешь
Объятия друзей своих? Как нежно
Хотели мы груди твоей коснуться —
Ступить на землю мягкую твою!
А ты, в своей заносчивой гордыне,
Как жеребец, уздою не смиренный, —
Отпрянув, нас лягнула. Нэд, скажи-ка:
Французского престола похититель
Не встретился ль тебе?

П р и н ц У э л ь с к и й

Да, государь.
Часа лишь два тому назад, не больше,
Я с берега реки его увидел

На противоположном берегу —
И до ста тысяч воинов с ним было.
Боялся я, что нашей слабой рати
Пришел конец; но он, лишь нас приметил,
Тотчас же отступил к полям Кресси,
Где видимо, судя по строю войска,
Нам хочет дать сражение.

К о р о л ь Э д у а р д

Добро

Пожаловать: мы ждем нетерпеливо.

Барабаны. Входят король Иоанн, Карл и Филипп, его сыновья,
король Богемский, герцог Лотарингский и войска.

К о р о л ь И о а н н

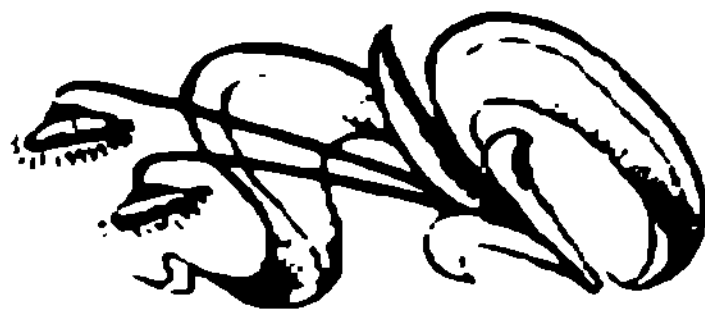
Знай, Эдуард, что истинный король
Французский, Иоанн, с негодованием
Взирая на твое к нему вторжение,
На грабежи твои и на убийства, —
Плюет тебе в лицо; а дальше слушай,
Что на словах он к этому прибавит.
Начну с того, что назову тебя
Разбойником, бродягой, оборванцем,
Которому приткнуться даже негде,
А ежели и есть, то на земле,
Лишенной трав и злаков, — и который
Живет лишь воровством; потом скажу,

Что, вместе с долгом верности, нарушив
Наш договор, ты поступил, как самый
Последний негодяй; а напоследок,
Хоть и постыдно мне с такою мразью
В сношение входить, — но, так как ты
За золотом лишь гонишься, стремишься
Лишь страх внушить, а не любовь, то ведай:
Чтоб накормить вдвойне твою утробу,
Принес с собой я множество сокровищ —
И жемчуга и денег. Прекрати же
Преследование слабых, покажи,
Оружие с оружием скрестивши,
Что ты, по мелочам воруя, можешь
И честно завоевывать добычу.

К о р о л ь Э д у а р д

О, если бы полынь иль желчь имели
Приятный вкус, была бы слаще меда
Мне речь твоя; но, так как вкус их гадов,
То и твои слова полны отравой —
И вот тебе ответ на бранный лепет.
Коль честь мою хотел ты запятнать
Иль омрачить мой род блестящий — ведай:
Я посмеюсь над этим волчьим воем.
Коль ты хотел снискать людскую милость
И жалкими румянами блудницы
Прикрыть свое презренное деянье —

Слиняют краски скоро, будь уверен,
И грязь твоей души наружу выйдет;
Но, если раздражить меня ты думал,
Считая, что имеешь дело с трусом
Иль с байбаком, нуждающимся в шпорах, —
Сообрази, как на море я медлил,
Как города не разгромлял на суше
И как, остановившись на побережье,
Беспечному покою предавался.
Ведь, если я тебе не подражаю,
Не ясно ль, что ищу я не добычи?
Дал клятву я сорвать с тебя венец —
Иначе одному из нас конец!

П р и н ц У э л ь с к и й

Не ожидай от нас ответной брани
Иль злобного глумленья и проклятий:
Пусть жалят языками между скал
Таящиеся змеи — за себя же
Мы говорить мечи свои заставим.
Но вот что с позволения отца
Скажу тебе: как у тебя из глотки
Выходит только ложь и клевета,
А мы стоим за правду, — так сегодня
Окончиться должна и наша битва;
Один торжествовать победу будет,
Другой стяжает вечное бесчестье.

К о р о л ь Э д у а р д

Пустые пререкания! Я знаю,
Что совесть говорит ему иное.
Готов ли ты отречься, Валуа,
Покуда серп не тронул ржи иль в пламя
Не превратилась вспыхнувшая ярость?

К о р о л ь И о а н н

Я знаю, Эдуард, твои права;
Но, прежде чем я отрекусь постыдно,
Равнина станет озером кровавым
И в бойню вся окрестность превратится.

П р и н ц У э л ь с к и й

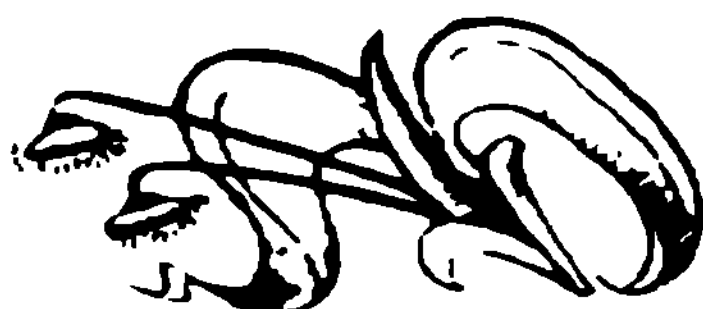
Теперь ты весь нам виден: не отец,
Не государь, не пастырь ты, а изверг
Родной страны, — как лютый тигр, ее
Терзающий и кровь ее сосущий.

О д л е й

И вы, вельможи Франции, идете
За тем, кто вашу жизнь ни в грош не ставит!

К а р л

За кем же им идти, мозгляк несчастный,
Как не за их законным государем?

К о р о л ь Э д у а р д

Ужель его коришь ты тем, что время
Лицо ему изборозило? Знай,
Что опыта маститые питомцы,
Как дубы, нерушимы, — молодые ж
Деревья не выдерживают бури.

Д е р б и

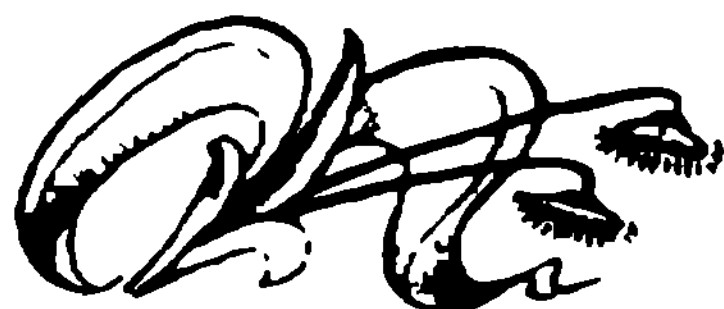
В твоей семье, с отцовской стороны,
Кто до тебя носил венец державный?
А Эдуарда род владел престолом,
По женскому колену, пять столетий!
Так кто ж из них — мятежники, судите, —
Ваш истинный король; тот или этот?

Ф и л и п п

Довольно слов, отец: ведь англичане
Хотят лишь время выиграть болтая,
Чтоб ночью улизнуть от поражения.

К о р о л ь И о а н н

Возлюбленные подданные, час
Настал всю вашу силу обнаружить —
И вам, друзья, лишь взвесить остается:
За кем идете вы: тут ваш земляк,
А на кого идете — чужеземец;
За кем идете вы, тот правит вами,
Как добрый, снисходительный возничий,

А на кого идете — коль победа
Останется за ним, — рабами вас
Поделает и тяжкою рукою
Желанную свободу вашу сломит.
Поэтому, чтоб защитить отчизну
И короля, сердец отважных надо
Не менее, чем есть отважных рук, —
И мы тогда бродяг прогоним быстро.
Кто этот Эдуард, как не пьянчуга,
Не похотник расслабленный, еще
Намедни от любви чуть не умерший?
И кто его сподвижники лихие?
Лишите их говяжьего жаркого
Да выньте из-под них пуховики —
Заезженными клячами все станут.
Не дайте ж им господствовать: напротив,
Свяжите их, как пленников французских!

Французы

Vive le roi!¹ Простри десницу, Боже,
Над королем французским Иоанном!

Король Иоанн

Построимся теперь на той равнине —
Ты ж, Эдуард, коль смеешь, начинай!

¹ Да здравствует король! (фр.)

Король Иоанн, Карл, Филипп, герцог Лотарингский, король Богемский
и войска уходят.

К о р о л ь Э д у а р д

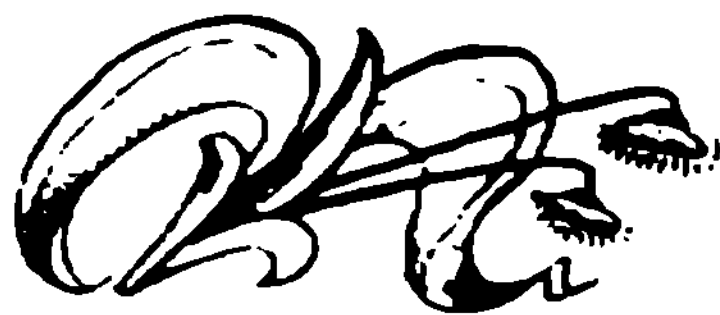
Недолго ты прождешь нас, Иоанн
Французский!— День решительный, милорды:
Иль с происками гнусными покончить
Иль с честью лечь в могилу — выбирайте.
Итак, мой Нэд, ты в первый бой вступаешь;
Поэтому, как требует обычай,
Издревле существующий,— чтоб стал
Ты рыцарем, торжественно должны мы
Тебе вручить оружие.— Герольды!
Подайте нам, по правилам, доспехи
Для принца, сына моего.

Трубы.

Входят четыре герольда, несущие латы, шлем, копье и щит;
первый геральд подносит латы королю Эдуарду, который надевает
их на сына.

Во имя

Господне, Эдуард Плантагенет!
Как эти латы грудь твою покроют,
Так стойкая отвага да послужит
Прикрытием для сердца твоего,
Чтоб неизменных страстей оно не знало:
Сражайся и носи с собой победу!
Теперь за вами очередь, милорды.

Д е р б и*(беря шлем у второго герольда)*

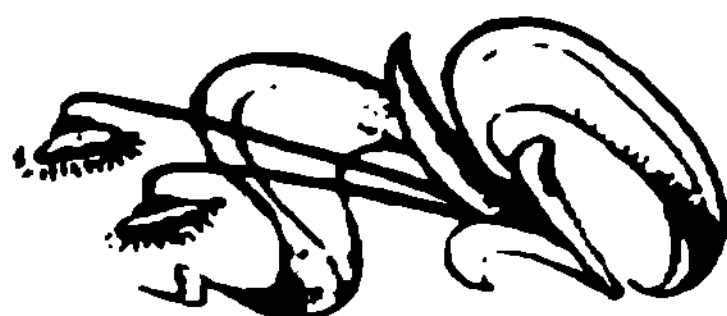
Принц Уэльский, Эдуард Плантагенет!
Как этот шлем отныне увенчает
Твою главу, сокровищницу мозга,
Так лаврами победными Беллона
Чело твое навеки да украсит:
Сражайся и носи с собой победу!

О д л е й*(беря копье у третьего герольда)*

Принц Уэльский, Эдуард Плантагенет!
В свою десницу доблестную это
Копье возьми, чтоб, как пером железным,
Чертил ты планы битв и в книгу чести
Записывал деяния свои:
Сражайся и носи с собой победу!

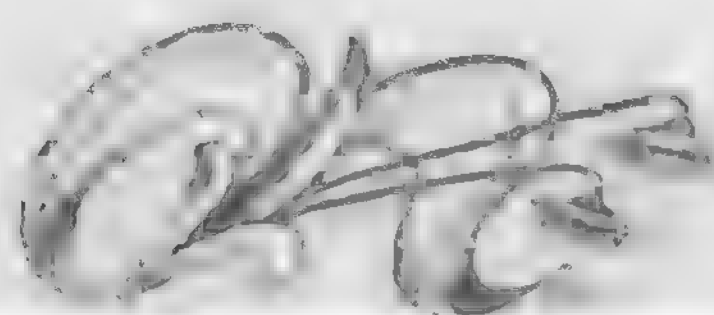
А р т у а*(беря щит у четвертого герольда)*

Принц Уэльский, Эдуард Плантагенет!
Вооружись щитом; как щит Персея,
Пусть в недругов, глядящих на него,
Вселяет ужас он и превращает
Их в образы окаменелой смерти:
Сражайся и носи с собой победу!

Эдуард III. Посмертная статуя в Вестминстерском соборе

Король Эдуард

А рыцарское звание придется
Завоевать уж самому.

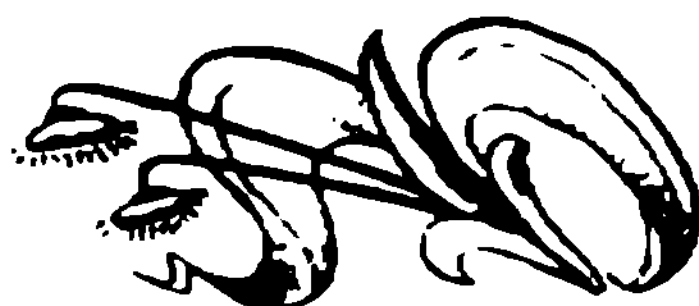
Принц Уэльский

Отец

Великодушный! Доблестные пэры!
Та честь, что вы сейчас мне оказали,
Живит моей незрелой силы всходы
Отрадою примет благоприятных,
Как древнего Иакова слова,
Которыми детей благословил он.
Коль оскверню священные даянья
Иль обращу их не во славу Божью,
Не на защиту нищих и сирот,
Не Англии на пользу: пусть колени
Отнимутся мои, повиснут руки,
Завянет сердце, — чтобы своим бессильем
Являл я воплощение позора!

Эдуард

Да будет так с железной нашей ратью:
Ты, Нэд, бери передовой отряд,
А чтоб сдержать твой юный пыл, разделит
С тобою власть Одлей благоразумный —
И вы, соединив с отвагой опыт,
Прекрасного дадите полководца

В двух лицах; центр останется за мною,
Тебе же, Дерби, тыл я поручаю.
Скорее по местам, и на коней —
Одари нас, Боже, милостью твоей!

Уходят.

Сцена 4

Там же.

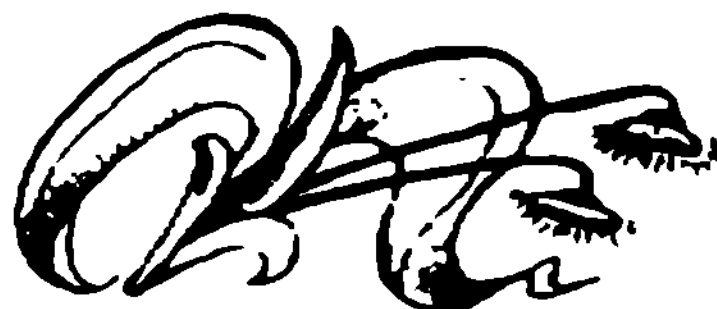
Шум разгорающейся битвы. Пробегает много французов; принц и англичане гонятся за ними; затем входят король Иоанн и герцог Лотарингский.

Король Иоанн

О герцог! Что же значит это бегство?
Ведь численный за нами перевес.

Герцог Лотарингский

Смятение, государь, от генуэзцев
Произошло: ропща на то, что их
В бой повели без отдыха с дороги,
Чуть заняли они во фронте место,
Как стали отступать, — на них же глядя,
И остальные все бежать пустились;
При этом началась такая давка,
Что от нее неизмеримо больше
Погибло, чем от вражеских ударов.

К о р о л ь И о а н н

Нежданная беда! Но, может быть,
Удастся их еще остановить.

Уходят.

Сцена 5

Там же.

Барабаны. Входят король Эдуард и Одлей.

К о р о л ь Э д у а р д

Пока наш сын в погоне за врагами,
Поставьте, лорд Одлей, войска на эту
Возвышенность: мы отдохнем немного.

О д л е й

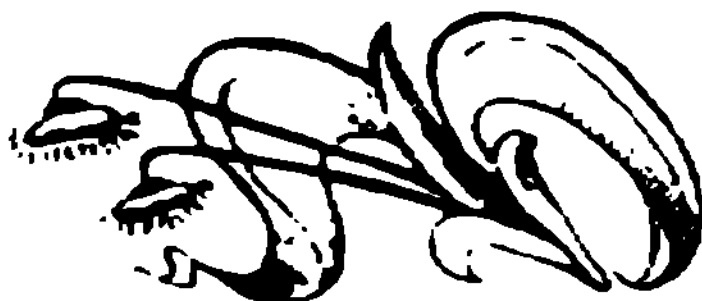
Исполню, государь.

(Уходит.)

Трубят отступление.

К о р о л ь Э д у а р д

Судья небесный,
Чьи мудрые решения нашим грубым
Умом нельзя постигнуть,— как должны
Мы прославлять Тебя за то, что нынче
Ты правду защитил и нечестивцев
Заставил о самих себя споткнуться!

Поспешно входит А р т у а.

А р т у а

Скорей, король! Скорей на помощь к сыну!

К о р о л ь Э д у а р д

На помощь, Артуа? В плену он разве?
Иль сброшен с лошади?

А р т у а

Нет, государь;

Но теми же французами, которых
Преследовал, он окружен вплотную —
И нет ему спасенья, если ваше
Величество не выручите.

К о р о л ь Э д у а р д

Вздор!

Оружие дано ему не даром —
Он рыцарство добыть себе обязан.

Поспешно входит Д е р б и.

Д е р б и

Наш принц! Наш принц! О государь, не медли!
Он целым миром недругов охвачен.

К о р о л ь Э д у а р д

И славы целый мир он завоюет,
Коли отбиться сможет; а не сможет —

Что делать! Остальные сыновья
Нам в старости послужат утешением.

Поспешно входит О д л е й.

О д л е й

О Эдуард преславный, умоляю:
Позволь мне поспешить с отрядом к принцу,
Которому гибель угрожает!
Подобно муравьям, кишат французы
Вокруг него; а он, как лев, попавший
Во вражеские сети, иступленно
Их дергает, грызет, — но все напрасно:
Не вырваться ему!

К о р о л ь Э д у а р д

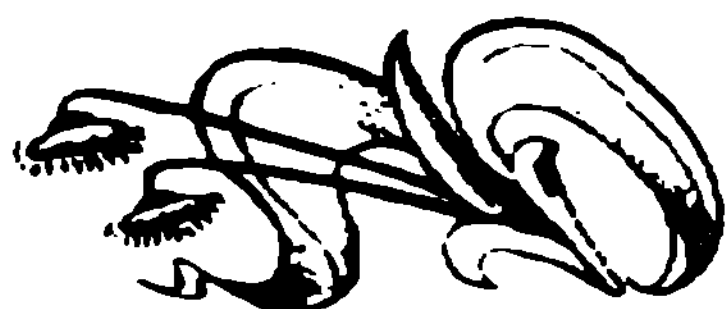
Одлей, довольно!

Ты жизнью отвечаешь, если к принцу
Пошлешь хоть одного солдата. Нынче
Его отваге юной суждено
Созреть и закалиться: проживи
Он столько же, как Нестор, — будет помнить
Всю жизнь о славном подвиге.

Д е р б и

Увы!

Не проживет.

К о р о л ь Э д у а р д

Тогда его прославим
Мы надписью надгробною.

О д л е й

Отдать

На жертву кровь его, когда возможно
Ее сберечь, — не произвол ли это,
Добрейший государь?

К о р о л ь Э д у а р д

Молчи! Кто скажет

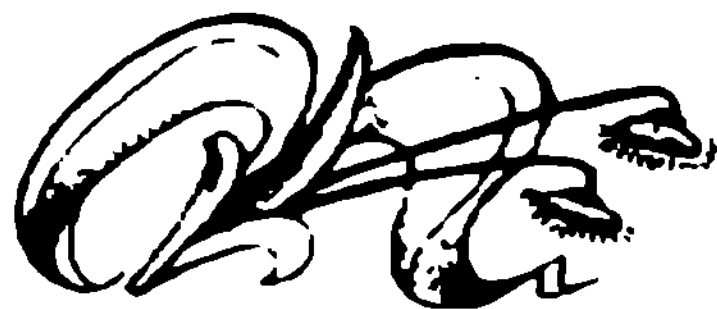
Наверняка, что мы ему поможем?
Что он уж не убит иль не в плену?
Спугните-ка вы сокола на взлете —
В какую он ворону обратится!
Удастся нам спасти его, допустим, —
Так и вперед он станет ждать того же;
Спасется ж сам — бояться смерти будет
Не больше, чем ребенка иль раба.

О д л е й

Безжалостный отец! Прощай, наш принц!

Д е р б и

Прощай, надежда рыцарства!

А р т у а

О, если б
Я жизнью мог купить его у смерти!

Э д у а р д

Постойте! Я как будто слышу трубы —
Зловещий звук отбоя. Ведь не все же,
Надеюсь, там погибли: кто-нибудь
С хорошей иль дурной вернется вестью.

Трубы. Торжественно входит п р и н ц У э л ь с к и й, держа в руке разбитое копье; перед ним несут его меч и погнувшиеся латы, а за ним — тело короля Богемии, завернутое в знамена. Лорды спешат к принцу с объятиями.

О д л е й

Жив победитель! Жив!

Д е р б и

О принц отважный!

Привет тебе.

К о р о л ь Э д у а р д

Привет Плантагенету.

(Обнимает его).

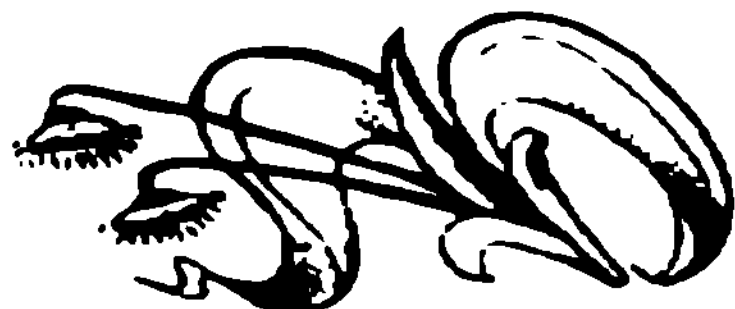
П р и н ц У э л ь с к и й

Сначала долг исполню я.

(Преклоняет колени и целует руку отца.)

Привет

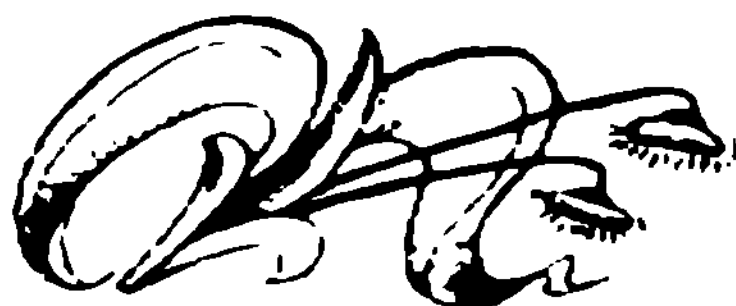
И благодарность вам от сердца, лорды.

Ландскнехт. Гравюра на дереве Петра Флетнера

Преодолев и зимние невзгоды,
И ярость волн морских, уйдя от бездн
Зияющих, от скал вооруженных, —
Привел корабль я к пристани желанной,
Где все мои надежды и награда;
И вот я здесь, коленопреклоненный,
А вот и жатва первая меча,

Которую я снял в преддверье смерти, —
Король Богемский, мной самим сраженный.
Его войска меня кругом теснили:
Для их мечей, как молоты тяжелых,
Мой шлем был наковальней, — но поддержку
Я в мраморной своей отваге черпал;
Когда же утомившиеся руки
Мне стали изменять, как дрвосеку
Топор перед громадою дубов,
Тогда я тут же вспомнил и о ваших
Дарах и о своем обете пылком:
Отвага мне вернула бодрость духа,
Я силой прорубил себе дорогу —
И враг бежал. Десница Эдуарда,
Как видите, свершила то, что ей
Велели вы и долг.

К о р о л ь Э д у а р д

Да, Нэд, бесспорно
Ты рыцарское званье заслужил.
Твоим мечом, еще доныне теплым

*(Взяв меч у солдата и коснувшись им
коленопреклоненного принца.)*

От крови тех, кто смерть тебе готовил, —
Тебя я посвящаю. Встань же, рыцарь!
Сегодня праздник мне: в тебе обрел я
Достойного наследника престола.

П р и н ц У э л ь с к и й

Вот перечень подробный, государь,
И принцев именитых, и баронов,
И рыцарей французской рати: двести
Одиннадцать легло в сражение, всех же
Убито тридцать тысяч — в тридцать раз
Потеря больше нашей.

К о р о л ь Э д у а р д

Слава Богу!

Теперь ты, Иоанн, едва ли скажешь,
Что Эдуард — пьянчуга, похотник
Расслабленный, собравший под знамена
Не воинов, а кляч. Куда ж король
Укрылся?

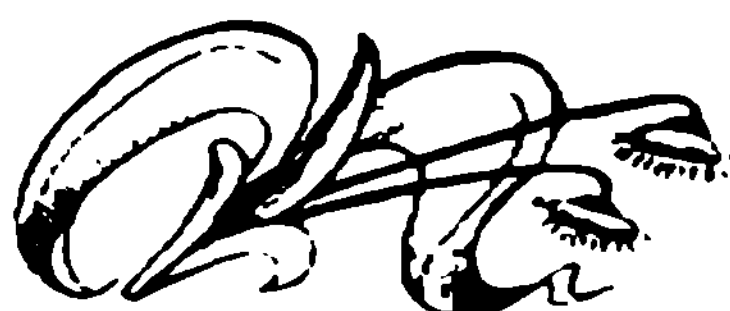
П р и н ц У э л ь с к и й

В Пуатье — со всем потомством.

К о р о л ь Э д у а р д

Ты, Нэд, и ты, Одлей, — за ним вдогонку;
А я и Дерби — прямо на Кале:
Осаде мы подвергнем этот город.
Недалека развязка, бейте зверя,
Пока он на бегу. Скажите, что
Изображает это?

(Указывает на знамя.)

П р и н ц У э л ь с к и й**Пеликана.**

**Он клювом раздирает грудь и кровью,
Из сердца исходящею, питает
Детенышей; девиз же: “Sic et vos”, —
По-нашему: “Вы так же поступайте”.**

Трубы. Все торжественно уходят.

АКТ IV

Сцена 1

Бретань. Лагерь англичан. Палатка Солсбэри.

Войска Солсбэри. Входит Солсбэри; к нему подходит Монфор, со свитой, — в руках у него герцогская корона.

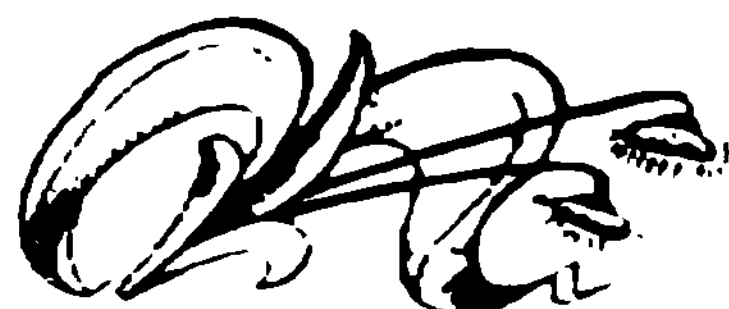
Монфор

Я вам обязан тем, лорд Солсбэри,
Что недруг мой Карл де Блуа сражен
И герцогством Бургундским я владею
По-прежнему. В признательность и вам
И государю вашему за помощь
Решился я стать подданным его
Величества: прошу вас передать
Ему корону эту вместе с клятвой
Быть преданным слугою Эдуарда.

Солсбэри

Беру, Монфор. Недолго уж, надеюсь,
Нам ждать, чтоб все французские владенья
Его руке победной подчинились.

Монфор и свита уходят.

Не знаю, как пробраться безопасней
В Кале, чтоб государя повидать:
Мне в письмах сообщают, что с войсками
Туда теперь он двинуться намерен.
Пожалуй, так; да, это лучший способ.
Эй, кто там! Привести ко мне Вильера.

Входит Вильер.

Солсбэри

Вильер, тебе известно, что отныне
Ты пленник мой — и от меня зависит
На волю отпустить тебя за выкуп
В сто тысяч франков иль в плену оставить.
Но так теперь выходит, что свободу
Купить за плату меньшую ты можешь;
А именно: добудь мне только пропуск
От герцога Нормандского, чтоб я
Через его владенья до Кале
Доехал беспрепятственно (нетрудно,
Я думаю, тебе устроить это:
Ты говорил ведь, помнится, что с Карлом
Учились вместе вы); добудешь пропуск —
На все четыре стороны. Что скажешь?
Берешься ли?

Вильер

Берусь, милорд; но должен
Для этого я герцога увидеть.

Солсбэри

Само собой. Так на коня скорее —
И в путь, — с условием, однако: честью
Мне поклянись, что, если неудачу
Потерпишь, — в плен немедленно вернешься;
Мне большего ручательства не надо.

Вильер

Согласен на условие, милорд,
И выполняю его без отступления.

Солсбэри

Тогда — прощай, Вильер.

Вильер уходит.

Хочу раз в жизни
Над верностью француза сделать опыт.

(Уходит.)

Сцена 2

Пикардия. Английский лагерь перед Кале.

Входят король Эдуард и Дерби, с солдатами.

Король Эдуард

Они не принимают наших мирных
Условий и ворот не отпирают;
Поэтому должны мы осадить

Проклятый город, чтобы ни припасы,
Ни войско не могли в него проникнуть:
Мечам покой — и пусть воюет голод.

Д е р б и

Им помощи не будет: подкрепления
Другим путем направлены — и скоро
Раскаются они в своем упорстве.

Входят несколько бедных французов.

Кто эти оборванцы, государь?

К о р о л ь Э д у а р д

Спроси, должно быть, горожане.

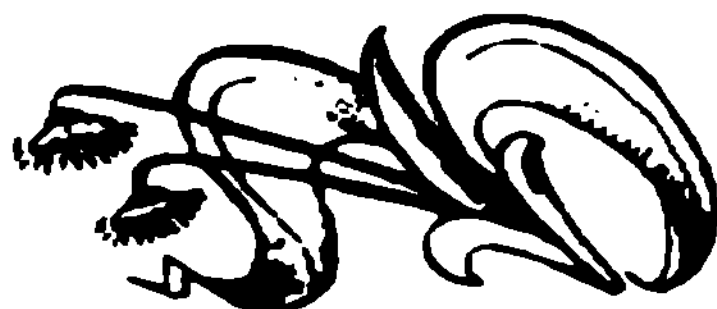
Д е р б и

Кто вы,

Носители отчаянья и горя?
Живые ли вы люди, или тени,
Что выползли на землю из могил?

П е р в ы й ф р а н ц у з

Не тени мы, милорд: мы дышем жизнью
Тягчайшею, чем тихий смертный сон;
Мы — бедные, больные горожане,
В отчаяние впавшие калеки.
К военной службе мы негодны стали —

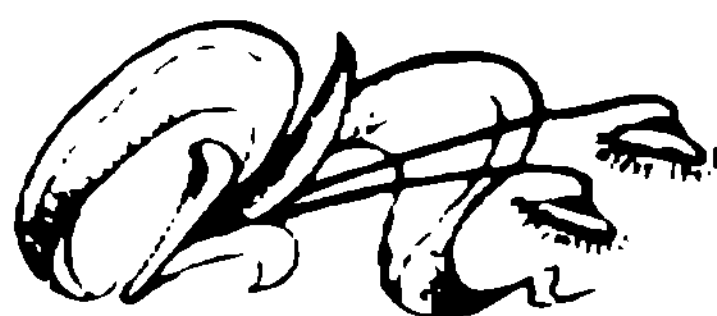

Средневековый город. Французская миниатюра XIV в.

И выгнал нас из города начальник,
Припасами съестными дорожа.

Король Эдуард

Вполне и милосердно, и похвально.
Но что ж теперь вы думаете делать?
Мы с вами во вражде — и нет иного

Нам выбора, как вас казнить: зачем
Вы мирные условия отвергли!

Первый француз

Коль ваша милость так решить изволит —
Мы примем смерть, как приняли бы жизнь.

Король Эдуард

Им горше от беды, чем от обиды!
Займись-ка, Дерби, этими глупцами:
Вели снабдить их пищей, а потом
Дай каждому пять крон.

Дерби и французы уходят.

Такой добычи,
Что в рот сама суется, льву не надо —
И Эдуардов меч питаться должен
Лишь теми, чье упорство принуждает
К насилию.

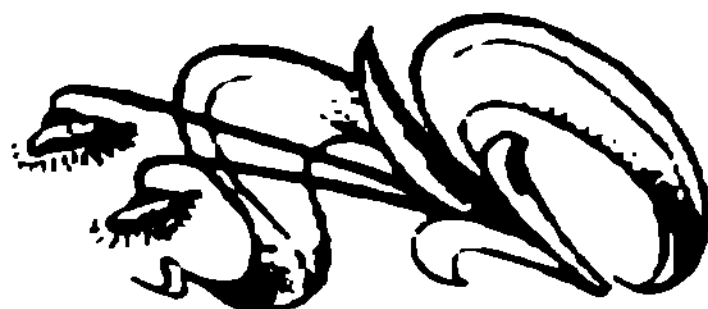
Входит Перси, прибывший из Англии.

Король Эдуард

А, Перси! Что привез?

Перси

Поклон вам, государь, от королевы
И от нее же, с вице-королем,
Отрадное известье о победе:

Восставший против вас Давид Шотландский
(Рассчитывал он пользу, вероятно,
Из вашего отсутствия извлечь),
Благодаря усердной службе пэров
И личному участием королевы,
Беременностью даже пренебрегшей, —
Уж не король, а ваш военнопленный.

К о р о л ь Э д у а р д

Сердечное спасибо за такое
Известье. Кто ж взял в плен его?

П е р с и

Эсквайр

Сэр Джон Копленд; на просьбы королевы
Решительным отказом отвечая,
Он лично вашей милости намерен
Свою добычу выдать, чем ее
Величество огорчено немало.

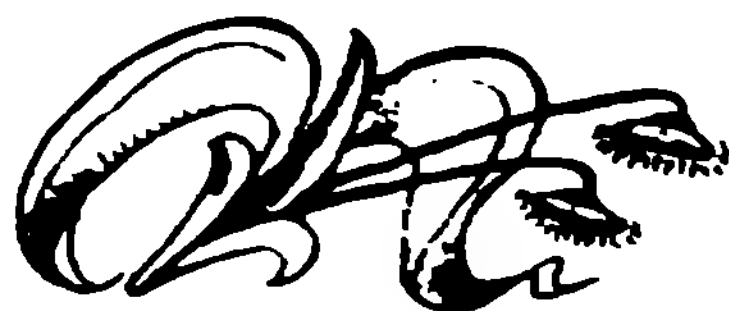
К о р о л ь Э д у а р д

Тогда сейчас же мы гонца отправим
И вызовем Копленда: пусть с собою
И пленника прихватит.

П е р с и

Королева

Сама теперь уж в море, государь:

Она в Кале сойти предполагает,
Чуть ветра лишь попутного дождется.

К о р о л ь Э д у а р д

Я буду очень рад — и в ожидании
Велю шатер на берегу раскинуть.

Входит французский военачальник.

Ф р а н ц у з с к и й в о е н а ч а л ь н и к

Король всевластный! Граждане Кале
Решили на совете добровольном
Сдать город вам и крепость с тем однако,
Условием, что государь изволит
Им даровать и жизнь, и достояние.

К о р о л ь Э д у а р д

Вот как! Тогда пускай мне шлют указы,
Решают все дела и правят сами.
Нет, молодец! Скажи им, что, отвергнув
Предложенную милость, навсегда
Они ее лишились: в ход отныне
Огонь и меч пущу я — разве только
В течение двух суток шестерых
Из самых именитых граждан вышлют
Ко мне в одних рубашках полотняных,
С веревкою у каждого на шее,
Чтоб, распростершись ниц, готовы были

Принять побои, смерть — что пожелаю.
Так их степенствам и скажи.

Король Эдуард и Перси уходят.

Французский военачальник

Что значит

На сломанный-то посох опираться!
Не будь мы так уверены, что помощь
Окажет нам король, не стали б так
Упорствовать. Но каяться уж поздно:
На жертву отдавая шестерых,
От смерти мы спасаем остальных.

(Уходит.)

Сцена 3

Пуату. Поля близ Пуатье. Французский лагерь. Палатка герцога
Нормандского.

Входят Карл и Вильер.

Карл

Дивлюсь, Вильер, что ты мне докучаешь,
Радея о враге смертельном нашем.

Вильер

Не за него, великодушный принц,
Являюсь я ходатаем усердным:
Свой выкуп я уплачиваю этим.

К а р л

Твой выкуп? Да зачем же он тебе?
Ты разве не свободен? Не должны ли
За шиворот хватать мы каждый случай,
Нам первенство дающий над врагами?

В и л ь е р

Не каждый, добрый принц, а лишь на праве
Основанный; иначе это будет
Уж низостью. Но спор завел бы нас
Далеко. Соизволите ли ваше
Высочество пожаловать мне подпись?

К а р л

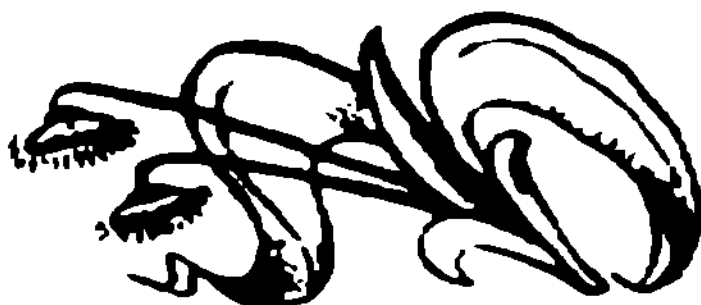
И не хочу и не могу, Вильер.
Нельзя дать столько воли Солсбэри,
Чтоб требовать он пропуска был вправе.

В и л ь е р

Тогда один мне путь: опять в тюрьму
Отправиться, откуда я к вам прибыл.

К а р л

Опять в тюрьму? Ты этого, надеюсь,
Не сделаешь, Вильер? Какая ж птица,
Случайно из сетей освободившись,

Не станет их вперед остерегаться?
Какой же человек, едва избегнув
Опасности, в нее ползет снова?

В и л ь е р

Но я дал клятву, принц: ее нарушить
Не позволяет совесть мне — иначе
Меня назад и царство не сманило б.

К а р л

А разве ты во всем повиноваться
Не клялся государю своему?

В и л ь е р

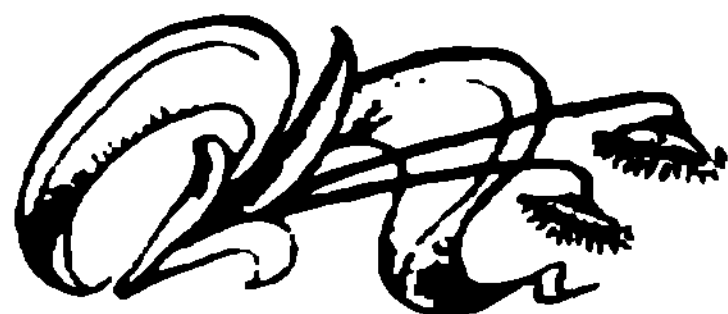
Повиноваться в том, что справедливо;
Когда же убеждением или насильем
Меня неволят слову изменить —
Тогда повиноваться я не должен.

К а р л

Так ближнего убить — проступок меньший,
Чем данную врагу нарушить клятву?

В и л ь е р

Когда мы убиваем на войне,
Мы мстим за нанесенные обиды —
И нет в таком убийстве преступления,

Добрейший принц; но клясться мы должны
Обдуманно, а раз уж дали клятву —
Блюсти ее хотя б ценою жизни.
Поэтому в тюрьму я отправляюсь
С такою же охотою, как в рай.

(Хочет идти.)

К а р л

Остановись, Вильер. Твоя душа
Высокая достойна преклонения.
Просить тебе уж больше не придется:
Давай сюда бумагу — подпишу.

(Подписывает и возвращает.)

Я до сих пор любил в тебе Вильера —
Теперь себя второго обнимаю.
Останься же под кровом благосклонным!

В и л ь е р

Благодарю смиренно вашу милость.
Немедленно отправлю к графу пропуск —
И в вашу власть предам себя.

(Уходит.)

К а р л

Ступай —

С такими молодцами Карлу можно
Глядеть в лицо всем бедам бестревозно.

Входит король Иоанн.

Король Иоанн

Вперед! Вперед! Попался Эдуард:
Принц Уэльский окружен совсем вплотную
И вырваться ему уж не удастся.

Карл

Как, государь? Вторичный бой сегодня?

Король Иоанн

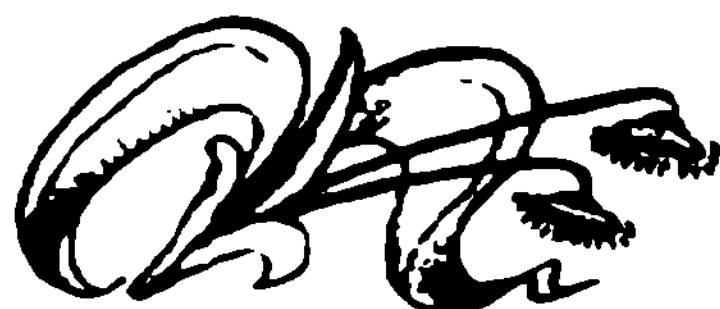
Еще бы, Карл! У них лишь тысяч восемь,
У нас же мало-мало шестьдесят.

Карл

Я, государь, прочту вам предсказание,
О том, какая предстоит удача
Нам в этой омерзительной войне:
Мне дал его в Кресси, на поле битвы,
Живущий там отшельник престарелый.

(Читает.)

“Как только рать твоя от птиц вся задрожит
И градом на нее посыплются каменья,
Так вспомни ты о том, кто правды не таит:
То будет страшный день стенанья и смятенья;
Но в сердце Англии и ты — настанет миг —
Проникнешь, как твой враг во Францию проник”.

К о р о л ь И о а н н

Да, это нам победу предвещает.
Как допустить немыслимо, чтоб камни
Побили наше войско или птицы
Вогнали в дрожь его, так допустимо
Вполне, что мы избегнем пораженья;
А если нет, то все же напоследок
Прогоним мы врага и разорим
Его страну, как разорил он нашу;
В потерях нас утешит месть. Однако
Все это — вздор, мечты; лишь верно то,
Что сын сидит в тенетах наших прочно.
Теперь отца поймать бы так же точно.

Уходят.

Сцена 4

Там же. Английский лагерь.

Входят принц Уэльский, Одлей и другие.

П р и н ц У э л ь с к и й

Повсюду мы, Одлей, в объятьях смерти:
Одна утеха нам, что тяжелой данью
Мы доступ к лучшей жизни покупаем.
На поле у Кресси французских мошек
Рассеяли мы дымом боевым;
Теперь же их миллионы закрывают
Прекрасное пылающее солнце,

Не оставляя нам иной надежды,
Как на слепую тьму зловещей ночи.

О д л е й

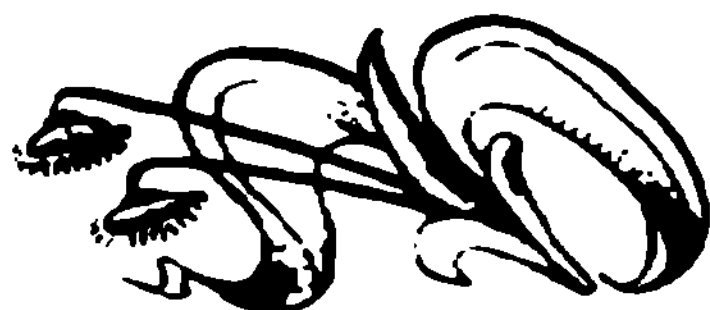
На диво, принц, в такой короткий срок
Они собратся с силами сумели.
Король стоит в долине перед нами:
В руках его вся мощь земли и неба —
Один отряд всей нашей рати больше.
Его наследник храбрый, Карл Нормандский,
Украсил холм, от нас лежащий вправо,
Броней блестящей так, что он подобен
Серебряному шару, а поверх
Знамена и бесчисленные флаги
От ветра отбиваются, который,
Их пестрядью нарядною прельстившись,
Все льнет к ним с поцелуями. Налево
Расположился младший сын, Филипп —
И холм его уже в ином убранстве:
Прямые позолоченные копья
Похожи на деревья золотые,
Знамена же — на листья; между ними
Красуются гербы, как в гесперидских
Садах плоды диковинные. Холм,
Что за спиной у нас (ведь мы объаты
Рогатым полумесяцем, открытым
С одной лишь стороны), тот холм унизан

Стрелками смертоносными — и боем
Там Шатильон свирепый руководит.
Вот наше положение: долину
Король нам замыкает, по бокам
Нас оба сына стерегут, а сзади
Мы под дозором смерти неминучей,
Наемницы усердной Шатильона.

П р и н ц У э л ь с к и й

Страшнее слово “смерть”, чем смерть на деле,
И, сосчитав подробно вражьи силы,
Ты их преувеличил. Как ни много
В моей руке песчинок, все же это
Лишь пригоршня, которую легко мне
Подбросить вверх и по ветру пустить;
Но, если я песчинку за песчинкой
Начну считать, то затуманю память
И тысячу миллионов насчитаю
Того, что для меня лишь единица.
Все лагеря, полки и эскадроны
За нами, перед нами и с боков, —
Одна лишь только рать. У человека
Есть сила в голове, в руке, в ноге:
Как будто бы и много сил, а вместе
Все взятое, Одлей, для нас не больше,
Чем сила человека одного;
Пускаясь в дальний путь, считаешь мили,

Томас Вудсток, младший сын Эдуарда III. Остатки древней фрески

А сосчитай шаги — впадешь в унынье;
Числа нет каплям, падающим с неба,
А это что такое? — дождь. Одна
Есть Франция, и у нее один же
Единственный король, — других не знаем;
Один король — и рать одна; мы тоже
Имеем рать: тут сила против силы —
И, стало быть, мы силами равны.

Входит герольд.

Что, вестник, скажешь? Коротко и ясно.

Герольд

Мой государь привет свой посылает
Через меня тебе, врагу, принц Уэльский:
Коль отберешь ты сто особ знатнейших,
Сто лордов, сквайров, рыцарей и прочих,
И с ними сам падешь к его ногам, —
То сложит он кровавые знамена
И выкуп лишь возьмет с тебя за павших;
Иначе вы прольете крови больше,
Чем вашей всей землей поглощено.
Как отзовешься ты на эту милость?

Принц Уэльский

Лишь небо, что над Францией простерлось,
Смиренно я о милости молю;
Но, чтоб у человека я постыдно

Вымаливал ее, — избави Боже!
Скажи ты государю своему,
Что у меня язык стальной и будет
О милости просить, стуча по шлему.
Что и у нас знамена так же красны,
И так же смелы воины, и крепко
Оружие. Неси обратно вызов —
Ступай.

Герольд

Иду.

(Уходит.)

Входит еще один герольд.

Принц Уэльский

Ты с чем явился?

Герольд

Герцог

Нормандский, господин мой, сожалея
Об юности, на гибель обреченной,
Тебе шлет быстрого коня,
Какого под тобою не бывало;
Его совет — немедленно бежать:
Смерть поклялась тебя не выпускать.

Принц Уэльский

Животное — животному обратно.
Не сяду я, скажи, на клячу труса;

Пусть скачет сам, а я пущусь вдогонку,
Искровяню коня и кровью шпоры
Вдвойне позолочу: так и скажи
Задорному мальчишке. Убирайся.

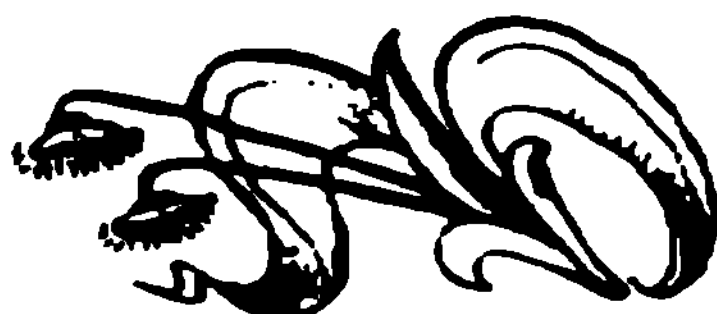
Второй герольд уходит. Входит третий герольд.

Г е р о л ь д

Принц Эдуард! Второй сын короля
Державнейшего Франции, Филипп,
Уверенный, что смертный час твой близок,
И движимый любовью христианской,
Молитвослов тебе вручает — с тем,
Чтоб ты благочестивым размышленьям
Остаток жизни посвятил и душу
К переселенью в вечность подготовил.
Исполнил я приказ — и возвращаюсь.

П р и н ц У э л ь с к и й

Снеси же от меня поклон Филиппу:
Все доброе приму я от него;
Но, обо мне забота, бедный мальчик,
Пожалуй, самого себя обидел?
Сдается, он иначе, как по книжке,
Молиться не умеет. Возврати
Молитвенник ему, чтоб в час невзгоды
Был под рукой; моих грехов к тому же
Не знает он и потому не может

Решать, какие мне нужны молитвы.
Пока еще светло, пусть молит Бога,
Чтоб слух мой преклонил к его молениям.
Так наглецу скажи. Ступай.

Герольд

Иду.

(Уходит.)

Принц Уэльский

Что значит много их! Вот и зазнались.
Теперь, Одлей, спроси свои седины;
Пусть мудрость убеленная свой опыт
Поведает нам в этот час тяжелый.
Немало битв ты в жизни перенес —
И на твоём челе пером железным
Записаны минувших лет уроки.
С бедой повенчан ты; меня же искус
Пугает, как стыдливую невесту:
Как быть мне, научи.

Одлей

И жизнь и смерть
Естественны равно; жизнь достается
Нам случаем, а смерть гоньбой усердной:
Чуть начали мы жить, за смертным часом
Уж начался наш бег. Сперва мы — почки,

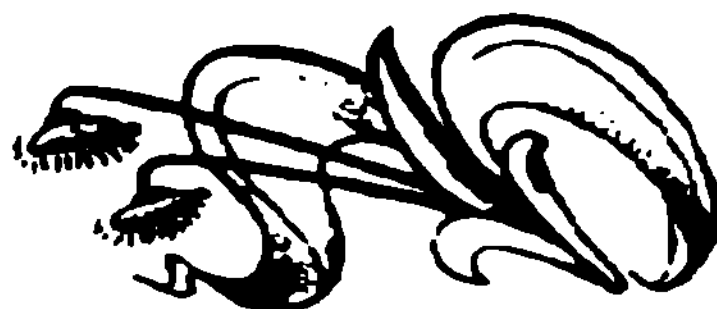

Потом — цветы и напоследок — семя;
Тогда мы отпадаем и за смертью
Идем вослед, как тень идет за телом.
Но почему, боясь, ее мы ловим?
Иль почему, ловя, ее боимся?
Боязнию ведь мы помогаем только
Тому, чего боимся, нас поймать;
А если нет боязни, то судьбы
Предельной грани нам ничем не сдвинуть:
Созрев иль перезрев, мы отпадаем
По жребию — не позже и не раньше.

П р и н ц У э л ь с к и й

А, старина! Я тысячи кольчуг
От слов твоих почувствовал на теле.
Как жизнь глупа в твоём изображенье:
Искать, чего боишься! Да и смерть
С ее победой царственной не лучше:
Когда за нею гонятся все жизни,
А не она за ними, — что за слава!
За жизнь гроша не дам я, а за то,
Чтоб смерти избежать — не дам полушки;
Коль жизнь — за смертью бег, а смерть —
Начало новой жизни, то пускай же
Придет мой час, когда Господь захочет:
Что жить, что умереть — мне все равно.

Уходят.

Сцена 5

Там же. Французский лагерь.

Входят король Иоанн и Карл.

Король Иоанн

Внезапный мрак окутал небо, ветры
От страха залегли в свои пещеры,
Не шелохнутся листья, лес притих,
Не слышно птиц и ласково не шепчут
Привета берегам ручьи живые.
Молчание нам чудо предвещает
И словно ждет пророчества от неба:
В чем, Карл, иль в ком молчания причина?

Карл

Разинув рты и выпучив глаза,
Солдаты наши друг на друга смотрят
И ничего не говорят друг другу:
От ужаса немого день стал ночью —
И речи спят, когда вокруг природа
Вся бодрствует.

Король Иоанн

Чуть выглянуло солнце
На мир из колесницы золотой —
И спряталось опять. Земля похожа

Теперь на гроб: темна, мертва, безмолвна —
И вся полна какой-то жутью.

Слышен крик воронов.

Слышишь?

Что за зловещий крик?

К а р л

Вот брат Филипп

Спешит сюда.

К о р о л ь И о а н н

И в ужасе, я вижу.

Входит Ф и л и п п.

Какую весть убийственную ты,
Встревоженный, приносишь?

Ф и л и п п

Гибель! Гибель!

К о р о л ь И о а н н

Что это значит, трус? Не нам ли гибель?
Ты лжешь: погибнуть мы не можем.

Ф и л и п п

Гибель!

К о р о л ь И о а н н

Приди в себя, воспрянь упавшим духом
И объясни, откуда этот страх,
Тебя уподобляющий видению.
Ну, в чем же дело?

Ф и л и п п

Гибель воронья

Летает, гнусно каркая, над войском
То треугольной, то квадратной стаяей,
Смотря по строю части; в то же время
Густой туман поднялся от земли,
Завесив пеленой тяжелой небо
И полдень превратив в глухую полночь,
Повисшую над миром уstraшенным.
Оружие солдаты побросали,
Стоят, как истуканы, неподвижно
И, бледные, лишь смотрят друг на друга.

К о р о л ь И о а н н

Сбывается пророчество, но страху
Не должен поддаваться я.— Вернись
И ободри смятенные их души,
Скажи, что воронье их увидало,
Готовыми разить бродяг голодных,
И, падалью обильною прельстившись,

Заранее слетелось на обед.
Мы видим умирающую лошадь:
Она еще жива, но, в ожидании,
На ней уж птицы хищные уселись.
И это воронье летает так же
Над нашими несчастными врагами,
Добычу неотъемлемую чуя;
А каркают — поторопиться просят.
Ступай, воспламени моих солдат,
Вели трубить погромче и невинным
Обманом сотвори большое дело.

Филипп уходит

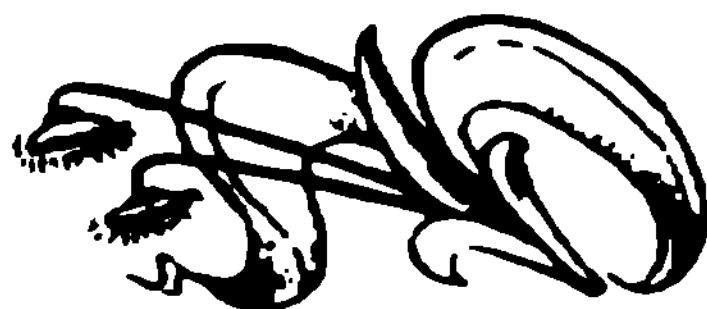
Шум снаружи. Входит французский военачальник
со взятым в плен Солсбэри.

Французский военачальник

Вот этот рыцарь, государь, и сорок
Других, то убежавших, то убитых,—
Насильно проложить себе дорогу
Хотели к оцепленному их принцу:
Теперь в твоей он власти, повелитель.

Король Иоанн

Ступай — и первый сук, что попадется,—
Им опогань: для английского вора
Считаю я великой честью быть
Повешенным на дереве французском.

С о л с б э р и

Но у меня от герцога есть пропуск,
Мне всюду открывающий дорогу.

К а р л

Вильер тебе достал, не так ли?

С о л с б э р и

Да.

К а р л

Так, значит, можешь ты идти свободно.

К о р о л ь И о а н н

Да, можешь, без помехи и задержки —
На виселицу прямо. Увести!

К а р л

Надеюсь, государь не опозорит
И силы не лишит мою печать:
Он может предъявить вам обещанье,
Подписанное этою рукою, —
И лучше мне не называться принцем,
Чем слово, принцем данное, нарушить.

К о р о л ь И о а н н

Как сын мой, ты подвластен мне со всеми
Своими обещаньями; не вправе ль

Я всякое нарушить? Что постыдней:
Ослушаться отца иль обещания
Не выполнить? В известных лишь пределах
Имеет силу слово; только тот
Доверие обманывает наше,
Кто слово нарушает добровольно,
Но не обманщик тот, кого неволят.
Повесьте же его! Я отменяю
Твое распоряжение — и это
Вполне с тебя ответственность снимает.

К а р л

Какой же я тогда солдат! Прощай,
Оружие, — борьба пойдет иная:
Могу ли я снять пояс или должен
Спросить опекуна, который властен
Мне это запретить и разрешить?
Когда б всем нашим рыцарям дал пропуск
Принц Уэльский через английские земли,
Отец его — я в том готов поклясться —
Не только б не препятствовал проходу,
Но, сына уважая, угостил бы
И рыцарей и свиту их по-царски.

К о р о л ь И о а н н

Примерами корить меня ты вздумал?
Да будет так. — Ты кто же, англичанин?

Солсбэри

В отчизне граф, здесь пленник, а для тех,
Кому известен лично, — Солсбэри.

Король Иоанн

Куда же ты, Солсбэри, держишь путь?

Солсбэри

В Кале, где Эдуард, мой повелитель.

Иоанн

В Кале? Так убирайся, Солсбэри,
А королю скажи, чтоб рыл могилу
Для царственного сына своего.
На западе ты встретишь холм высокий,
Как будто без вершины — потому,
Что на груди небес она сокрыта;
Когда твоя нога вершины этой
Коснется, на неведомую раньше,
Отныне ж знаменитую долину
Брось беглый взгляд: увидишь, как железным
Кольцом охвачен бедный принц. Оттуда
Спеши в Кале, к отцу, — пусть знает он,
Что сын расплющен мной, а не сражен,
И что над ним еще беда витает:
Явлюсь к нему, когда он и не чает.

Ступай! Врагов мы дымом уморим,
Коль ядрами не попадем по ним.

Уходят.

Сцена 6

Там же. Часть боевого поля. Шум битвы.

Входят принц Уэльский и Артуа.

А р т у а

Не ранены вы, принц?

П р и н ц У э л ь с к и й

Нет, Артуа:

Я просто здесь от пыли и от дыма
Передохнуть хочу.

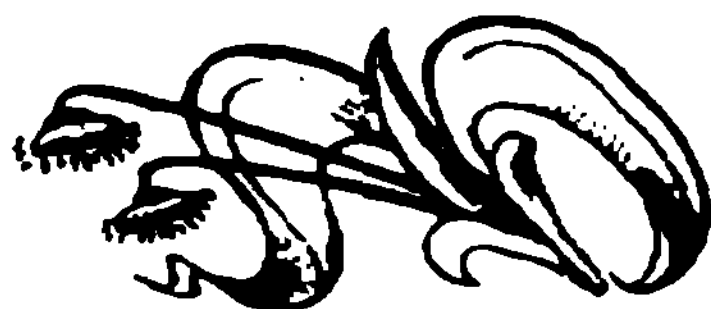
А р т у а

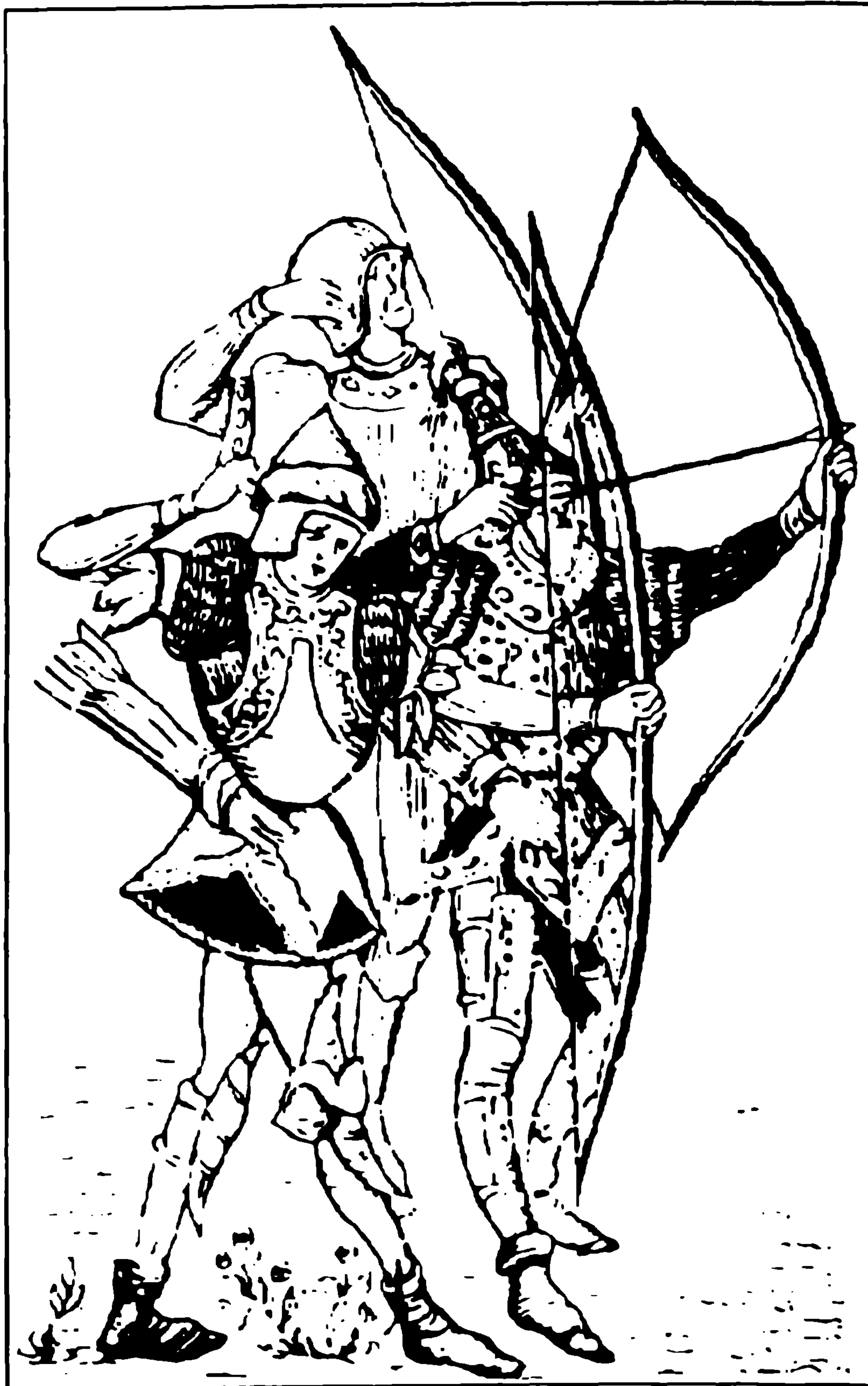
Передохните —

И в бой опять! Французы растерялись,
Глазея на ворон, — и, если б наши
Колчаны вновь наполнились стрелами,
То стал бы этот день для нас днем славы:
Побольше стрел, милорд, — вот что нам нужно!

П р и н ц У э л ь с к и й

Кой черт нам, Артуа, в стрелах пернатых.
Когда у нас пернатых тварей столько!

Английские лучники. Средневековая миниатюра

К чему нам в пот вгонять себя, сражаясь,
Когда врагов пугает крик вороний!
Сама земля вооружает нас
Кремнями огненосными; вели же
Стрелкам из тиса гибкого французов
Каменьями разить. Смелей — вперед!
Душа моя победы нынче ждет.

(Уходят.)

Шум битвы; отдельные стычки.

Входит король Иоанн.

Король Иоанн

Средь наших войск само собой возникло
Смятение; боязнь грядущих бед
Распространила вдруг холодный ужас —
И изменные души ищут в бегстве
Защиты от малейшей неудачи.
Как сталь перед свинцом, я перед ними;
Но, помня предсказание и видя
Из вражьих рук летящие на нас
Родные наши камни, — сам поддался
Я страху малодушному невольно.

Входит Карл.

Карл

Беги, отец! Французы бьют французов —
И стойкие преследуют бегущих;

От барабанов лишь растет унынье,
А трубы о бесчестии вещают;
Дух страха, перед смертью лишь дрожащий,
Торопится навстречу смерти сам.

Входит Ф и л и п п.

Ф и л и п п

Глаза нам надо вырвать, чтоб не видеть
Позора дня! Один Давид убогий
Прикончил двадцать мощных Голиафов:
Кремнями двадцать тощих проходимцев
Смутили и расстроили ряды
Бойцов, на удивленье снаряженных.

К о р о л ь И о а н н

Mordieu!¹ Они швыряют в нас каменья —
И сорока холопами побиты
Отборных сорок тысяч копьеносцев!

К а р л

Зачем я не в иной стране родился!
Французы опозорены сегодня —
Теперь над ними все глумиться будут.

К о р о л ь И о а н н

Ужель надежды нет?

1 Черт возьми! (фр.)

Ф и л и п п

Одна надежда
На то, что смерть наш стыд в земле схоронит.

К о р о л ь И о а н н

Тогда — продолжим бой! Двадцатой доли
Оставшихся в живых у нас довольно
На горсть врагов.

К а р л

Идем же! Если небо
Не против нас — мы счастье отвоюем.

К о р о л ь И о а н н

За мной! За мной!

(Уходят.)

Шум битвы.

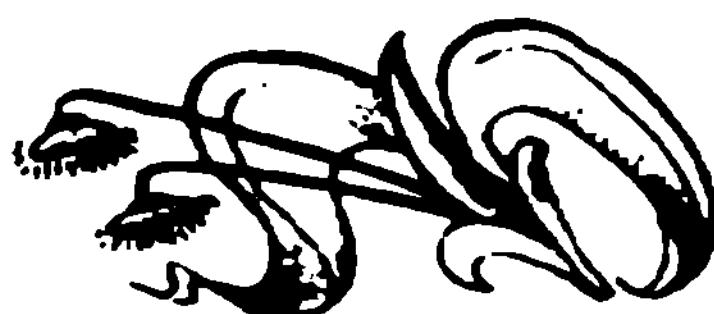
Входят раненый О д л е й и два освободившие его щ и т о н о с ц а.

П е р в ы й щ и т о н о с е ц

Как чувствуете вы
Себя, милорд?

О д л е й

Как чувствует себя
На пиршестве кровавом побывавший.

Второй щитоносец

Надеюсь, не смертельна ваша рана?

О д л е й

А хоть бы и смертельна! На худой
Конец одним лишь смертным станет меньше.
Теперь меня вы к принцу Эдуарду
Сведите, чтобы я, в венце кровавом,
От сердца мог приветствовать его
И весело сказать, что эта рана —
Последний плод из жатвы ветерана.

Уходят. Шум новых стычек; потом — отступление.

Сцена 7

Там же. Английский лагерь.

Трубы. Торжественно входит п р и н ц У э л ь с к и й, ведя за собою взятых
в плен короля Иоанна и сына его Карла; офицеры, солдаты и прочие
с распущенными знаменами.

П р и н ц У э л ь с к и й

Ну, где ж твои знамена, Иоанн,
Во Франции уж ставший не Французским?
Давно ль и ты, надменный Карл Нормандский,
Мне присылал коня для бегства? Оба
Вы милости теперь моей подвластны.
Ах, господа! Не стыдно ли, что вам

Чужие безбородые мальчишки
На вашей же земле, один на двадцать,
Такое поражение наносят!

К о р о л ь И о а н н

Не мощь твоя, а счастье победило.

П р и н ц У э л ь с к и й

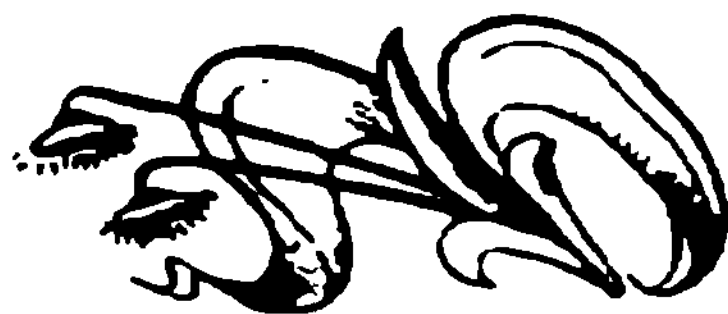
Кто прав, тому и небо помогает.

Входит Артуа с Филиппом.

Смотрите: Артуа — и с ним усердный
Печальник о душе моей! Добро
Пожаловать. Кому ж из нас, Филипп, —
Тебе иль мне нужны теперь молитвы?
По нашей-то пословице и вышло:
День вечером, а утро днем хвали.

Входит О д л е й, которого ведут два щитоносца.

А это что за призрак мрачной скорби?
О, сколько тысяч рук лицо Одлея
Отметили печатью роковою?
Ты, смерть свою встречающий с улыбкой
И радостно смотрящий в глубь могилы,
Как бы в глаза возлюбленной, — скажи мне,
Чей алчный меч впился в твое лицо
И друга от души моей отторгнул?

Пленение французского рыцаря в битве при Пуатье.
Средневековая миниатюра

О д л е й

О принц! В твоей от сердца речи слышу
Я погребальный звон перед кончиной.

П р и н ц У э л ь с к и й

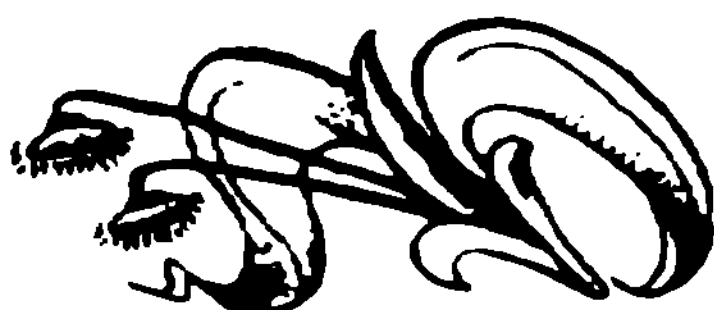
Коль мой язык вещает смерть Одлею,
Могилой пусть мои объятья будут.
Как мне спасти тебя? Твоим убийцам
Чем отомстить? Ты крови королевской
На жаждешь ли? Иль мне испить прикажешь?
Я здравицу провозглашу тотчас же.
Иль, может быть, почет тебя излечит?
Тогда всю славу нынешнего дня
Возьми себе — и сам в живых останься.

О д л е й

Победоносный принц, — да, короля
Пленив, как Цезарь, ты победоносен! —
Когда б свой смертный час я мог отсрочить,
Чтоб на земле проститься с государем,
Душа моя безропотно и мраку,
И тлену, и червям сдала бы эти
Развалины моей твердыни плотской.

П р и н ц У э л ь с к и й

Бодришь, храбрец! Ты слишком горд душою,
Чтоб из-за вздорной бреши сдать твердыню:

Небесную жену земного мужа
Способен ли прогнать французский меч?
Прими же от меня, мой друг, лекарство —
Три тысячи земельного дохода.

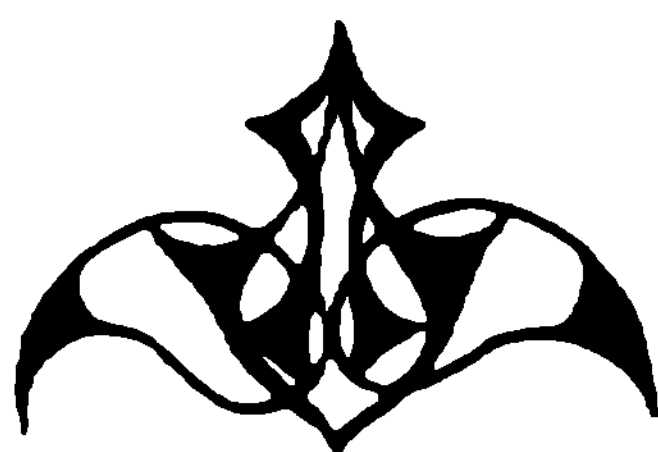
О д л е й

Приму, чтоб долг священный уплатить:
Рискуя жизнью, эти щитоносцы
Меня освободили от французов;
И, если, принц, меня ты вправду любишь —
Да подтвердит согласие твое
Последнее желание мое.

П р и н ц У э л ь с к и й

Живи, Одлей мой благородный: вдвое
Дарю тебе — для них и для тебя, —
И что ты отдашь им, то навеки
Закреплено за их потомством будет.
Теперь — идем: испытанного друга
Положим на удобные носилки
И двинемся торжественно в Кале,
К державному отцу, с трофеем славным —
Прекраснейшей страны вождем державным.

Уходят.

АКТ V

Сцена 1

Пикардия. Английский лагерь близ Кале.

**Входят король Эдуард с королевой Филиппой и Дерби;
офицеры, солдаты и прочие.**

Король Эдуард

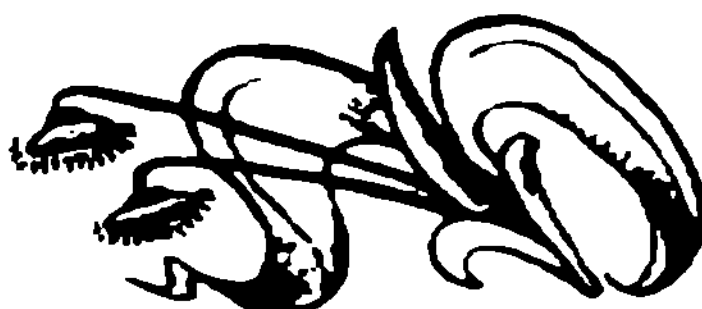
**Довольно, королева, успокойся;
Копленд, коль оправдаться не сумеет,
Прочтет неодобренье в нашем взоре.
Теперь должны мы взять упрямый город:
Вперед! Я больше медлить не хочу
И лживым проволочкам не поддамся;
Рубите все и всех — добыча ваша!**

Сигнал к наступлению.

**Из города выходят шесть г р а ж д а н, в одних рубашках, босиком,
с веревками на шеях.**

Граждане

Пощады, милосердный государь!

К о р о л ь Э д у а р д
Пощады запросили, негодяи?
Я глух к молениям вашим. Барабаны!

Барабаны бьют наступление.

Мечи долой!

П е р в ы й г р а ж д а н и н
Могучий повелитель,
Повремени и выслушай, что скажем!
Мы к слову королевскому взываем:
Двухдневный срок еще не миновал —
И мы пришли, готовые подвергнуть
Себя и карам всяческим, и мукам,
Народ бы лишь трепещущий спасти.

К о р о л ь Э д у а р д
Двухдневный срок? Да, я его назначил,
Но требовал при этом, чтоб с повинной
Ко мне явились шесть знатнейших граждан.
А вы-то кто? Холопы, может статься?
Преступники, грабители морские,
Которых, если б строгость в нас умолкла,
На казнь бы, все равно, пришлось вести?
Нет, нет! Вам ложью нас не оплести.

В т о р о й г р а ж д а н и н
То солнце, грозный государь, что гаснет
На западе сейчас, нас видит горем

Униженных; но в утреннем багрянце
Оно сияло нам, как знатым людям.
Когда мы лжем, пусть нас Господь накажет.

К о р о л ь Э д у а р д

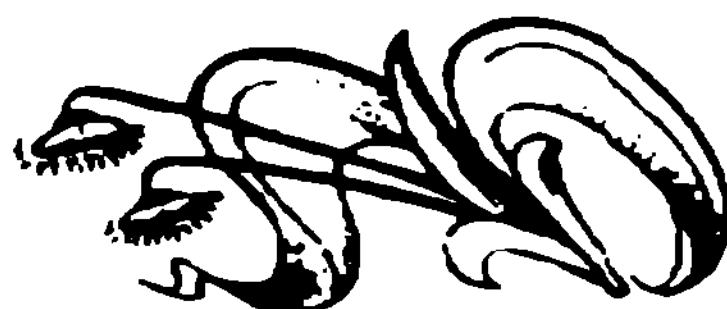
Коль так, то обещанье наше в силе
Останется: займем мы город мирно;
Но вы на снисхожденье не надейтесь.
Как наше правосудие решило,
Вкруг стен тела проволокутся ваши
И будут четверованы мечом.
Наш приговор, солдаты, исполняйте!

К о р о л е в а Ф и л и п п а

Ах, сжался над явившими тебе
Покорность! Сеять мир — благое дело, —
И к Богу приближаются цари,
Даруя жизнь и безопасность людям.
Желаешь ты быть королем французским —
Так береги же подданных своих:
Что меч сразил иль пламя истребило,
То нашим достояньем уж не будет.

К о р о л ь Э д у а р д

Хотя и учит опыт нас, что мир
Тогда лишь благоденствие приносит,
Когда в конец истреблено все злое;
Но для того, чтоб стало всем известно,

Средневековый французский город Каркассонн, XIII век

Как, силою меча других смиряя,
Мы и в себе смирать умеем страсти,—
Да будет, как желаешь ты, Филиппа:
Пускай живут и славят нашу милость,
Тиранство же пускай грозит тиранству.

Гражд а н е

Пошли Господь вам счастья, государь!

К о р о л ь Э д у а р д

Вы можете вернуться: если вашу
Любовь снискал я этим добрым делом,
То докажите мне и вашу верность.

Граждане уходят.

Теперь бы нам узнать о положении
Военных дел: тогда бы мы войска
На зимнюю стоянку разместили.
Кто это к нам идет?

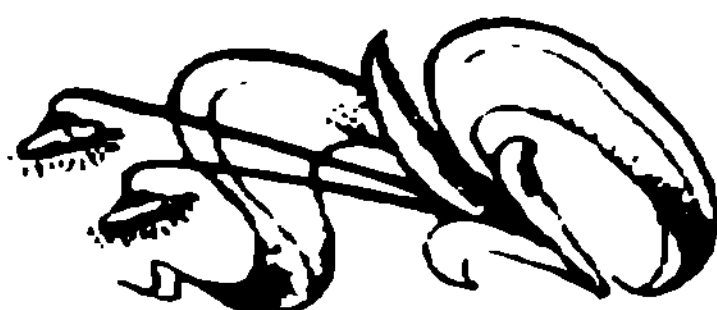
Входят Копленд и король Давид.

Д е р б и

Копленд, милорд,
И с ним Давид, король шотландский.

К о р о л ь Э д у а р д

Эт о л ь
Тот северный — спесивый, дерзкий — сквайр,
Что пленника не выдал королеве?

К о п л е н д

Я сквайр, милорд, — но дерзким и спесивым,
Сдается мне, я не был никогда.

К о р о л ь Э д у а р д

Так почему же ты с таким упорством
Противился желанью королевы?

К о п л е н д

Тут не было упорства, повелитель,
А действовали право и закон:
Я короля пленил в единоборстве
И, как солдат, ни с кем не пожелал
Заслуженным отличием делиться.
По вашему ж приказу не замедлил
Копленд прибыть во Францию и вам
Отдать поклон плодом своей победы.
Прими же, государь высокочтимый,
Усердных рук мое приобретение,
Которое давно ты получил бы,
Когда б изволил дома находиться.

К о р о л ь Э д у а р д

Но, все же, повеленья государя
От имени его ты не исполнил.

К о п л е н д

Я имя чту, но больше чту лицо:

Во всем покорный имени, смиренно
Перед лицом колени я склоняю.

К о р о л ь Э д у а р д
Уж положи, Филиппа, гнев на милость:
И он и речь его мне по душе;
Кто, совершая подвиги, от славы,
Ему принадлежащей, отречется?
Как реки все стремятся к морю, так
Стремится к королю Копленда верность.
Склонись же, сквайр, и рыцарем восстань;
А чтоб свой сан ты соблюдал достойно,
Дарю тебе пять тысяч марок в год.

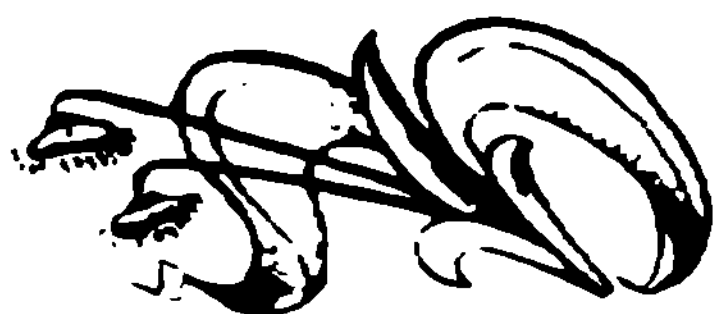
Входит Солсбэри.

Здорово, лорд. Что нового в Бретани?

С о л с б э р и
Бретань — твоя, великий государь:
Граф Иоанн Монфор, ее правитель,
Твоей державной власти подчиняясь,
Тебе свою корону посылает.

К о р о л ь Э д у а р д
Благодарим за службу, храбрый лорд;
Мы у тебя в долгу.

С о л с б э р и
Но после этой
Отрадной вести, государь, я должен,

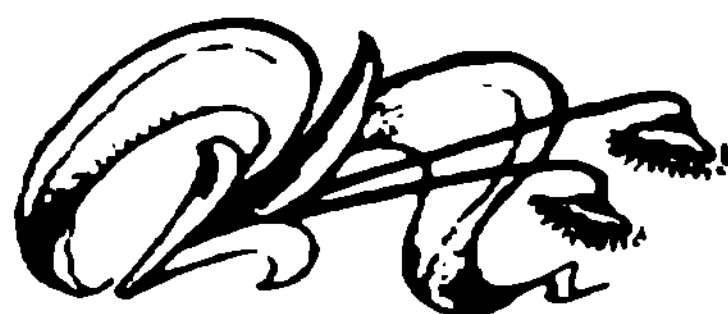
На скорбный лад свой голос перестроив,
О горестных событиях вещать.

Э д у а р д

При Пуатье разбиты? Или принцу
Не устоять перед врагом сильнейшим?

С о л с б э р и

Да, именно. Когда я с сорока
Сподвижниками верными своими
И с грамотой охранной от дофина
На поле битвы к принцу пробирался,
Отрядом копьеносцев были взяты
Мы в плен и к королю приведены.
Добычею довольный, приказал он
Нам головы снести долой тотчас же —
И всем бы нам конец, когда б от казни
Нас не избавил герцог, благородством
Значительно отца превосходящий.
А Иоанн промолвил нам вдогонку:
Пусть ваш король, что нужно, приготовит
Для погребенья принца; меч над ним
Уж занесен — да и с отцом скорее
Сочтемся мы, чем он предполагает.
Мы молча удалились, унося
Отчаянье в сердцах и взорах. Быстро
Достигли мы высокого холма —

И наша скорбь, хотя она и раньше
Была сильна, сильнее втрое стала,
Чуть в истине пришлось нам убедиться;
Там, государь, — о, там расположение
Обеих армий нам предстало ясно.
Кольцом идут французские траншеи,
А каждое открытое местечко
Заполнено орудиями густо.
Вот десять тысяч конницы ретивой,
За нею вдвое больше копьеносцев,
Подальше — из луков смертоносных
Искусные стрелки, а посредине,
Как белая на небосклоне точка,
Как пузырек, на океане всплывший,
Как лиственная ветвь в лесу сосновом,
Как на цепи медведь, — наш принц прекрасный,
Готовый каждый миг к тому, что будет
Французскими собаками растерзан.
И начался вдруг смертный перезвон:
Пальба пошла такая, что под нами
С протяжным гулом холм заколыхался.
Вот и труба; за ней другая, третья;
Войска сошлись; когда же мы не в силах
Уж были различать, где друг, где недруг
(Так все перемешалось и слилось), —
Тогда застлала взоры нам слезами
Мрачнее дыма черного кручина.

Боюсь, чтоб не был мой рассказ — рассказом
О полном пораженье Эдуарда.

Королева Филиппа

Таков-то мне от Франции привет!
Зачем же я о встрече с милым сыном
Лелеяла мечту! О Нэд бесценный!
Уж лучше б матери твоей лежать
На дне морском, не зная тяжелой скорби!

Король Эдуард

Филиппа, успокойся: не слезами
Вернуть нам сына, если он погибнет.
Утешься, милая, как я, надеждой
На адское, неслыханное мщенье.
Да, я о погребенье позабочусь:
Всей Франции вельможи облекутся
В печальные одежды и до капли
Кровавыми слезами изойдут;
На их костях воздвигнется гробница,
От городов их пепел путь усыплет,
В колокола их глотки превратятся
И, вместо факелов могильных, будут
Сто пятьдесят их башен пламенеть,
Пока не перестанем мы скорбеть.

Трубы снаружи.
Входит герольд.

Герольд

Возрадуйся и царствуй, государь!
Несокрушимый Эдуард, принц Уэльский,
Наперсник мощный Марса в ратном деле,
Гроза французов и отчизны слава,
Сюда, как триумфатор римский, едет,
А у стремян его идет смиренно
Плененный Иоанн Французский с сыном:
Корону принц тебе везет, чтоб ею
Венчался ты как Франции король.

Король Эдуард

Довольно: осуши глаза, Филиппа!
Приветствуйте Плантагенета, трубы!

Громкие трубы. Входят принц Уэльский, Одлей, Артуа
с королем Иоанном и Филипп.

Король Эдуард

Как снова обретенная утрата,
Мой сын живет родительское сердце,
Лишь миг назад скорбевшее по нем.

(Спешит к принцу и обнимает его.)

Королева Филиппа

Вот все, что в силах сделать я.

(Целует принца.)

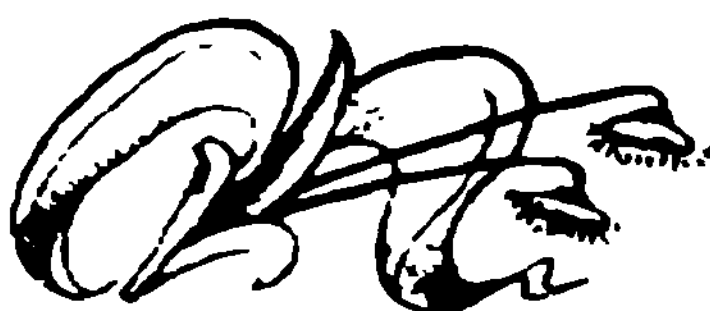
Восторг

Моей души меня лишает речи.

Королева Филиппа. Остатки фрески, датируемой 1356 г.

П р и н ц У э л ь с к и й

Вручаю дар тебе, отец державный.

(Передаёт ему корону короля Иоанна.)

Пусть эта драгоценная награда,
Добытая с опасностью не меньшей,
Чем что-либо доныне добывалось, —
Тебя в правах законных восстановит,
Двух пленников тебе вручаю также,
Виновников главнейших нашей распри.

К о р о л ь Э д у а р д

Вы, Иоанн Французский, верны слову:
Сказали, что прибудете скорее,
Чем мы предполагаем, — так и вышло;
А сделали бы раньше это — сколько
В сохранности стояло б городов,
Теперь дотла разрушенных! И сколько
Спасли бы человеческих вы жизней,
Безвременно погибших!

К о р о л ь И о а н н

Эдуард!

Чего нельзя вернуть — о том ни слова;
Скажи, какой ты выкуп назначаешь?

К о р о л ь Э д у а р д

О выкупе речь впереди; сначала
Ты в Англию отправишься, чтоб видеть,

Какая там нас встреча ожидает:
Наверно уж она не будет хуже
Того, что мы во Франции нашли.

К о р о л ь И о а н н

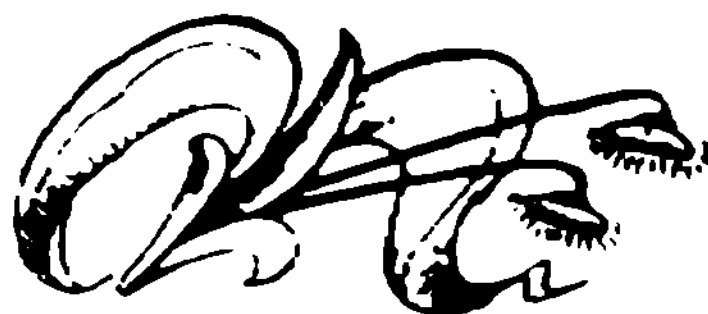
Проклятый человек! Вот — предсказание:
Я дал ему иное толкование.

П р и н ц У э л ь с к и й

Склонись, отец, на просьбу Эдуарда.

(Преклоняет колени.)

Тебя, чья милость мне была охраной,
Чьей волей избран я всю нашу силу
Явить врагам, — тебя я умоляю:
Дозволь, чтоб и другие также принцы,
На острове увидевшие свет,
Могли себя победами прославить;
А что меня касается, пускай бы
И этих ран кровавых, и тяжелых,
Без отдыха, ночей, и ярых стычек,
Мне гибелью грозивших непрестанно,
И холода, и зноя было больше
Хоть в двадцать раз — в пример моим потомкам,
Чтоб их сердца исполнились отвагой
И чтоб они не Франции одной,
А всем, какие есть на свете, странам,
Которым на себя навлечь пришлось бы

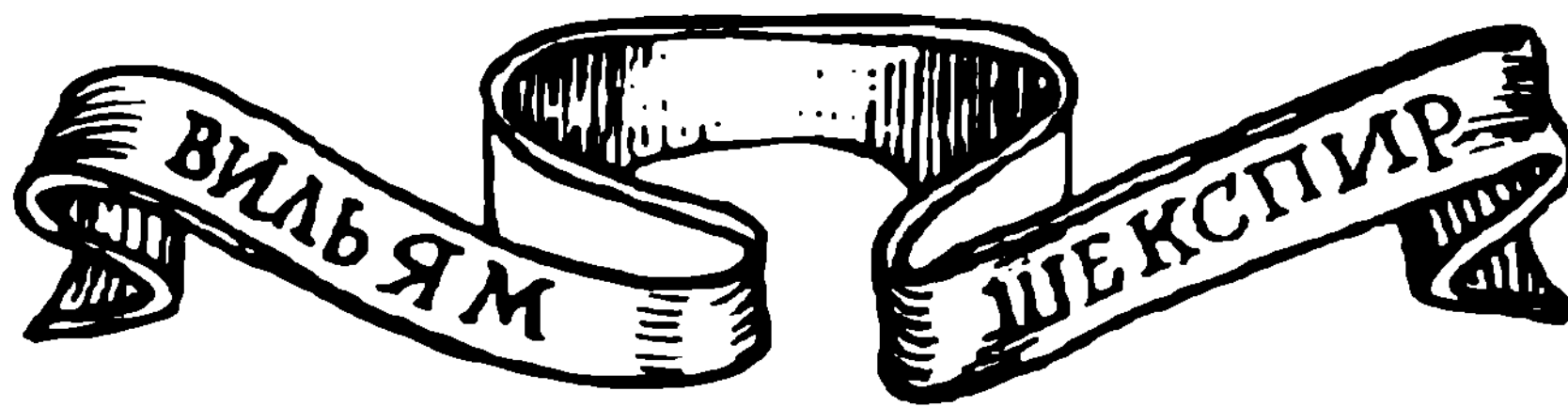
Наш справедливый гнев, — лишь смертоносным
Оружием блеснув на их глазах,
Могли внушить неодолимый страх.

К о р о л ь Э д у а р д

Итак, война окончена, милорды:
Вложите меч в ножны, передохните,
Оправьтесь, осмотритесь, посчитайте
Военную добычу: день иль два
Здесь проживем и, с помощью Господней,
Направимся домой, куда, надеюсь,
Мы пятеро — два короля, два принца
И королева — счастливо прибудем.

Уходят.

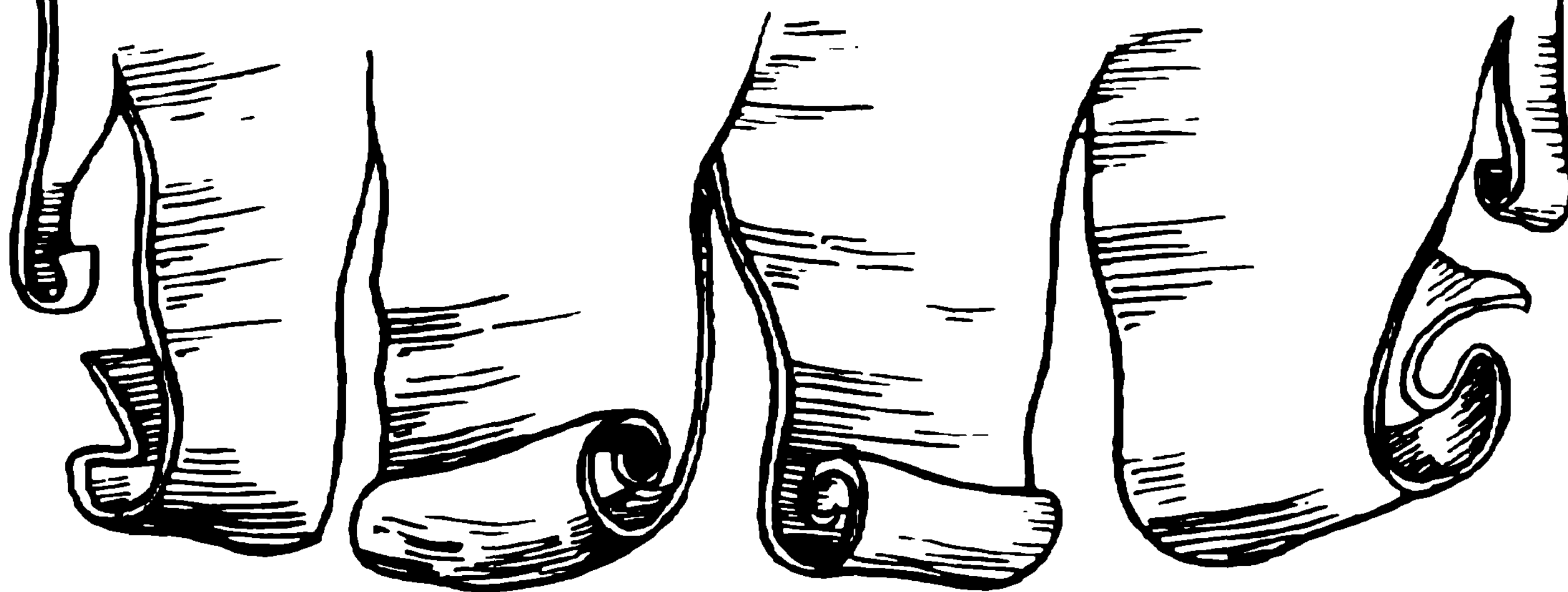

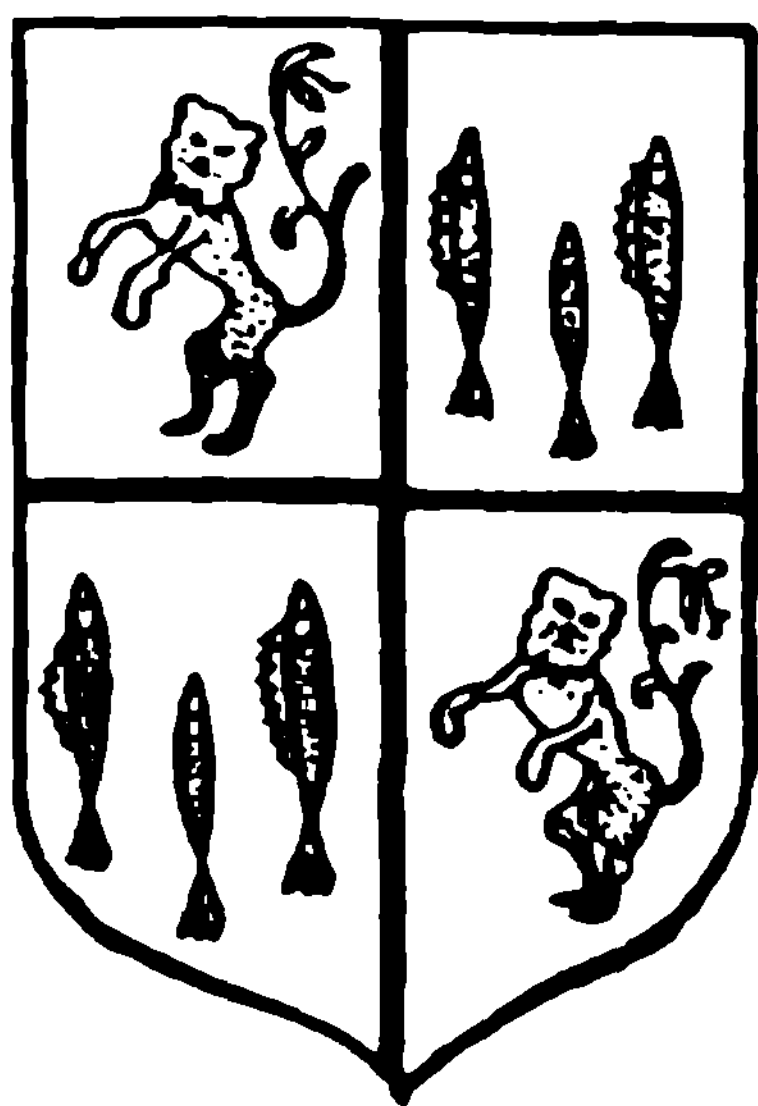

Два знатных родича

драма,
приписываемая Шекспиру,
в V актах

Перевод Н. Холодковского

Действующие лица

Тезей, герцог Афинский.

Пиритой, афинский генерал.

Артезий, афинский капитан.

Паламон		племянники Креона,
Аркит		короля Фивского.

Валерий, фивский дворянин.

Шесть рыцарей.

Герольд.

Тюремщик.

Дочь тюремщика.

Жених дочери тюремщика.

Доктор.

Брат и друзья тюремщика.

Дворяне.

Джеррольд, школьный учитель.

Ипполита, амазонка, невеста Тезея.

Эмилия, ее сестра.

Три королевы.

Служанка Эмилии.

Крестьяне, гонцы, лицо, изображающее Гименей, мальчик, палач, стража, свита, девушки - поселянки, женщины, изображающие нимф.

Действие происходит в Афинах и окрестностях Афин, кроме части первого акта, где действие происходит в Фивах и их окрестностях.

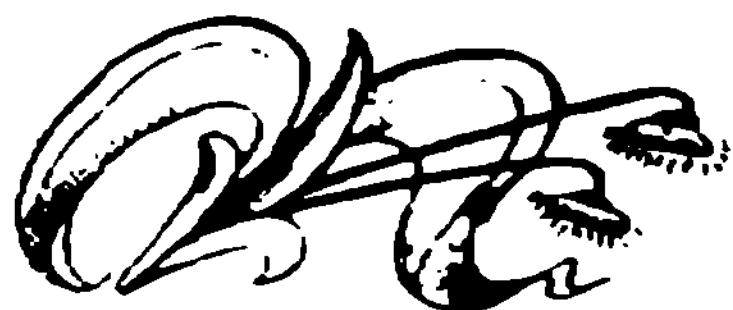

ПРОЛОГ

Трубы.

Судьба девиц и новых пьес сходна:
Поклонники и деньги к ним стремятся,
Пока заветы чести в них хранятся;
Так, если пьеса дельная скромна, —
То в брачный день — в день первый
представленья —

Она полна невольного смущенья,
Дрожит за честь свою, подобно той,
Кто, брак святой свершив и первой ночи
Страх пережив, стыдливо клонит очи
И кажется девицей, не женой.
И с нашей пьесой, если вам угодно,
Пусть будет так; прекрасно, благородно
Ее рожденье: автор был — поэт,
Какого знаменитей в мире нет
От тех краев, где вьется По, как лента,
До берегов серебряного Трента.
Тот автор — Чосер; он нам тему дал
И всем векам в наследье завещал.
И если мы с наследьем этим чистым

Не справимся, и встретите вы свистом
Дитя усилий наших, чуть на свет
Оно родится, — то в гробу поэт
Невольно содрогнется и застонет:
“О кто мне даст защиту, кто прогонит
Пустую эту болтовню писак,
Испортивших мои творения так,
Что Робин Гуд серьезней их стократно!”
Вот что нам страшно! Было бы превратно
И безнадежно нам мечтать о том,
Чтоб с ним сравняться собственным трудом,
И может быть, что на свое лишь горе
Отважились поплыть мы в это море;
Но протяните руку нам: тогда
Мы выплывем, быть может, без вреда, —
Дадим ряд сцен, хоть и не превосходных,
Как дал бы Чосер, но вполне пригодных,
Чтоб час — другой занять вас. Мир костям
Поэта! Радость и веселье — вам!
Но если вас развлечь мы не сумеем,
Так докучать вам долго не посмеем.

(Трубы.)

АКТ I

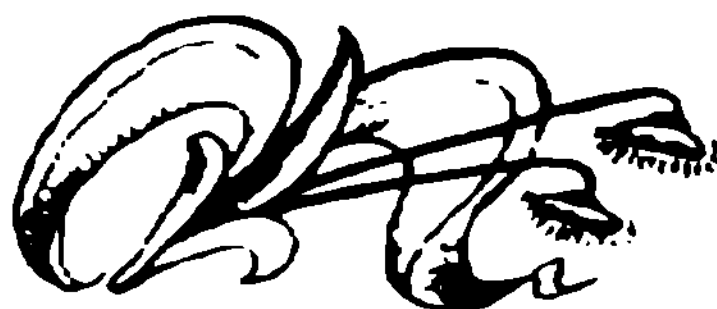
Сцена I

Афины, перед храмом.

Входит Г и м е н е й с горящим факелом; перед ним мальчик в белом платье, разбрасывающий цветы; за Гименеем н и м ф а с распущенными волосами и в венке из колосьев; за нею Т е з е й между двумя нимфами в венках из колосьев; затем И п п о л и т а, невеста, с распущенными волосами, в сопровождении П и р и т о я и другого лица, держащего над нею венок; позади нее Э м и л и я, поддерживающая ее шлейф, А р т е з и й и свита.

Х о р
(под музыку)

Ароматнейшие розы,
Без шипов и без занозы,—
По красе им равных нет;
Маргаритки, видом скромны,
И гвоздики, нежно-томны,
И тимьянной травки цвет;
Первоцвет, весны рожденье,
Ранний вестник наслажденья,—
Колокольчиков пучок;
Белых буквиц цвет и почки,

Ноготки — моги́л цветочки, —
Синий шпорника́ цветок, —
Все, природы́ милой дети,
Собирайтесь в пышном цвете
Пред невестой с женихом!

(Хор разбрасывает цветы.)
Хор воздушных духов — птички,
Сладкогласные певички,
Все слетайтесь здесь кругом!

Но ни ворон, ни сорока,
Ни кукушка — вестник рока, —
Пусть не жалуют сюда,
Не грозят чете прекрасной,
Не тревожат мир согласный,
Но бегут отсель всегда!

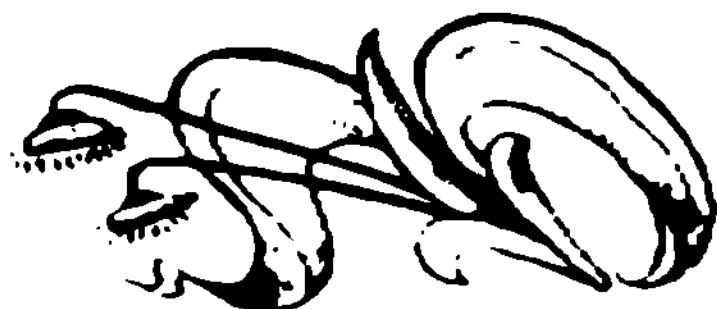
Входят три королевы, в трауре, с черными вуалями, в коронах. Первая королева падает к ногам Те з е я, вторая — к ногам И п п о л и т ы, а третья — перед Э м и л и е й.

П е р в а я к о р о л е в а

Во имя милосердия и чести
Ты выслушай и пожалей меня!

В т о р а я к о р о л е в а

Во имя матери твоей, во имя
Детей, которых ты зачнешь во чреве, —
Ты выслушай и пожалей меня!

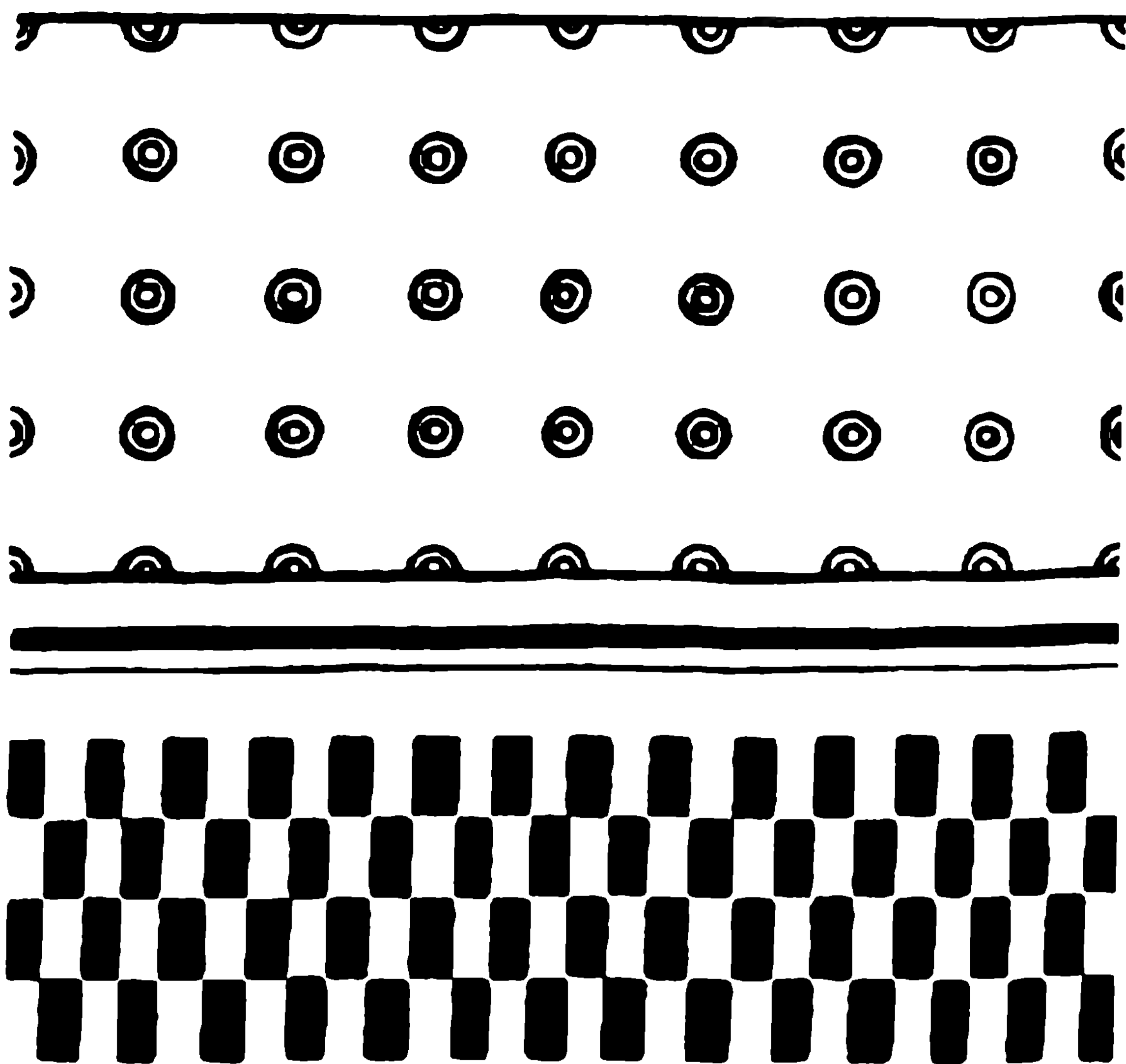
ДВА ЗНАТНЫХ РОДИЧА

Драма в пяти действиях

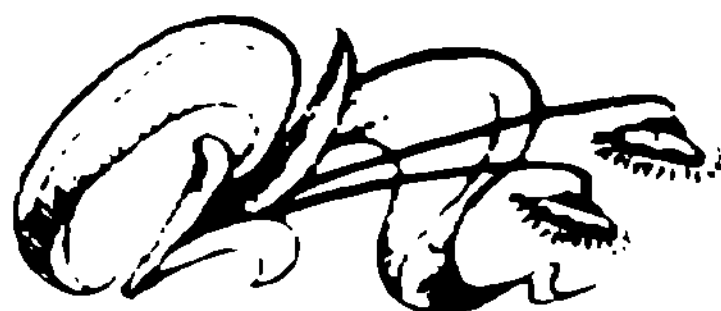
ПРИПИСЫВАЕМАЯ ШЕКСПИРУ

переводъ Н. А. ХОЛОДКОВСКАГО

съ предисловіемъ П. И. Водина

Мотив занавеса в древнегреческом стиле.
Постановка "Эдипа" Софокла в Александрийском театре, 1901 г.

Т р е т ь я к о р о л е в а

О, заклиная суженым, который
С тобой разделит ложе, — заклиная
Твоею чистой девственностью: будь
Заступницей в тяжелом нашем горе!
Все, в чем ты только погрешить могла б,
За добрый подвиг тот тебе простится.

Т е з е й

Встань, грустная жена.

И п п о л и т а

Прошу я, встань.

Э м и л и я

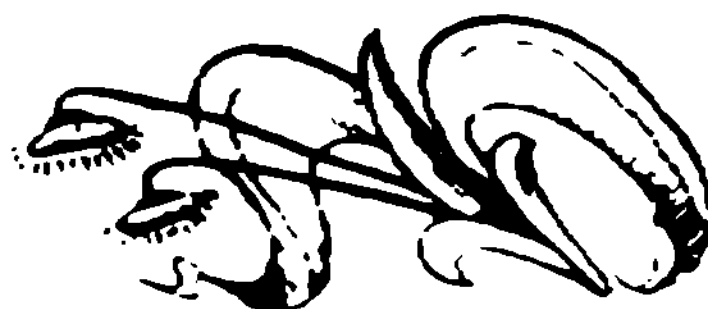
Не преклоняй колен передо мною:
Когда я вижу женщину в беде, —
Сама невольно сердцем к ней склоняюсь.

Т е з е й

В чем ваша просьба, расскажите нам!

П е р в а я к о р о л е в а

Пред вами здесь три скорбных королевы,
Мужья которых пали жертвой злобы
Жестокого Креона, — их тела
Лежат добычей коршунов когтистых
И пищею слетевшихся ворон

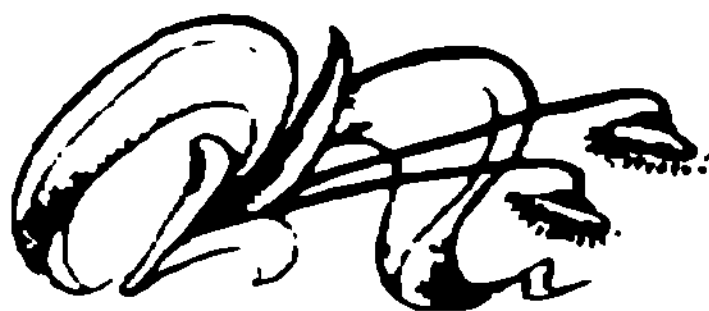
В полях нечистых Фив. Тиран свирепый
 Не позволяет нам их трупы сжечь
 И в урны пепел их собрать, чтоб ветер
 Зловонье их окрест не разносил,
 Чтоб светлый Феб благословенным оком
 Не созерцал бы тленья мертвых тел.
 О, сжался, герцог! Мира очиститель,
 Ты извлеки за нас твой грозный меч,
 Которым столько благ ты сделал миру!
 Нам возврати тела супругов наших,
 Чтоб мы могли гробницам их отдать!
 И, в благости своей неизреченной,
 Воззри на то, что мы, нося короны,
 Увы, иного крова лишены,
 Как свод небесный, кровлею служащий
 Медведю, льву, — и общий тварям всем!

Т е з е й

Прошу, колен своих не преклоняйте!
 Услышав вашу речь, я возмущен;
 Мне ваших жаль колен, во прах склоненных.
 Супругов ваших гибель мне известна,
 И столько же о ней я сожалел,
 Насколько воспылал я жаждой мести.

(Первой королеве.)

Твой муж — король был славный Капаней:
 В тот день, когда с тобою в брак вступал он,

В такое ж время года, как теперь, —
Пред Марса алтарем его я встретил.
Как ты была прекрасна! Плащ Юноны
Был не пышней кудрей твоих роскошных!
В тот день колосья брачного венца
Рассыпаться, увянуть не грозили:
Фортуна сладко улыбалась вам;
Сам Геркулес, мой родственник, — столь слабый
Пред взорами очей твоих прекрасных, —
Покорно булаву свою сложил
И, шкурой льва Немейского прикрывшись,
Свою вам кротко клятву приносил.
О, грозная печаль и злое время,
Как жадно вы готовы все пожрать!

П е р в а я к о р о л е в а

О, кажется, что некий бог внушает
Тебе, герою, милосердным быть!
Тебе он силу даст, чтоб был ты нашим
Заступником.

Т е з е й

О, встань, вдова, прошу!
Молись у ног Беллоны шлемоносной
Ты обо мне, о воине своем!
О, как смущен мой дух!

(Отворачивается.)

Вторая королева

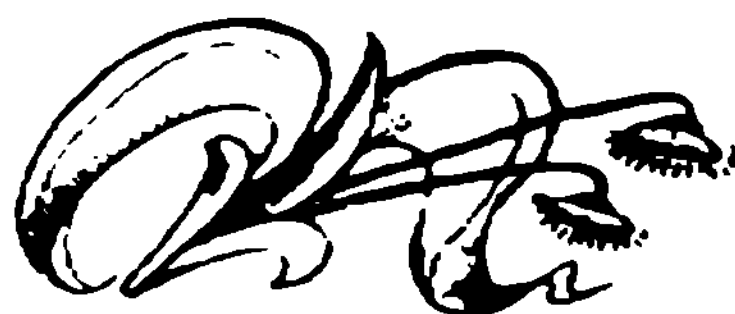
О Ипполита!

Ты, амазонка грозная, чьей силой
Сражен клыкастый вепрь; ты, чья рука
Настолько же сверкает белизною,
Насколько мощной силою полна;
Ты, чья отвага подчинить грозила
Пол сильный слабому, и подчинила б,

Геракл побеждает Немейского льва

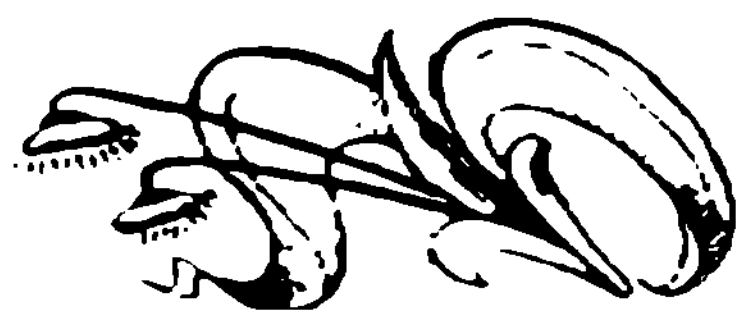
Когда б тебя властитель твой, — который
Рожден на то, чтоб всюду водворять
Все естество в природные границы, —
Вновь не заставил подчиниться узам,
Которые ты сбросить порывалась,
Пленив тебя и силой, и любовью;
Воительница смелая, чей гнев
Настолько ж страшен, как прекрасна милость;

Ты, кто теперь, — я знаю, — больше власти
Имеешь над властителем своим,
Чем над тобой когда-либо имел он, —
Он рад служить по слову твоему,
О женственности чистое зеркало!
Проси его, чтоб мы, огнем войны
Жестоко опаленные, под сенью
Меча его, простертого над нами,
Могли б прохладу сладкую найти!
Моли его, как женщина лишь может
Молить, такая ж, как одна из нас!
Плачь перед ним, склони пред ним колена, —
Хоть ненадолго, хоть на краткий миг,
Достаточный, чтоб встрепенулся голубь,
Которому головку отрывают;
Скажи ему, что сделала бы ты,
Когда бы он лежал в кровавом поле,
Оскалив мертвый рот навстречу солнцу,
Ослабившись недвижно на луну!

И п п о л и т а

Несчастливая, умолкни, успокойся!
Настолько же охотно я пойду
За вами вслед, как шла в тот путь, который
Прервали вы, — а в этот путь я шла
Всего охотней в жизни. Мой властитель
Глубоко тронут вашим горем. Дайте

Ему обдумать; после я за вас
Замолвлю слово.

Третья королева
(Эмили)

О, я вижу, просьба
Моя была подобна льду, который,
Не растопленный жгучею печалью,
Лишь слабо каплет. Скорбь в моей груди
Бесформенною массою сдавилась.

Э м и л и я

Встань, встань, прошу я! На твоих щеках
Начертаны следы твоей печали.

Третья королева

На них ее не можешь ты прочесть;
Она едва-едва видна сквозь слезы;
Так камни дна кремнистого ручья
Виднеются сквозь струйки волн прозрачных.
Кто хочет знать земли все тайны, — должен
В ее проникнуть недра; тот, кто хочет
Хоть малую рыбешку в мире скорби
Моей поймать, — тот пусть свою уду
В пучину сердца моего забросит.
Жестокая лишь крайность побуждает
Меня к сравненьям странным прибегать.
Я, кажется, с ума сойти готова.

Э м и л и я

Умолкни же! Я чувствую все это;
Кто под дождем не чувствует дождя,
Тот понимать, конечно, не способен
Различья между мокрым и сухим.
Поверь мне: если б ты была картиной,
У живописца, я б тебя купила,
Чтоб сердце тяжким зрелищем терзать
И упражнять его в борьбе со скорбью;
Но я слаба, как женщине обычно
Быть слабою, и грустный твой рассказ
Меня так больно в сердце ударяет,
Что, отразясь, удар тот сердцу брата,
Конечно, передастся и заставит
Его невольно жалость ощутить,
Хотя б то сердце было тверже камня.
Утешься ж, успокойся.

Т е з е й

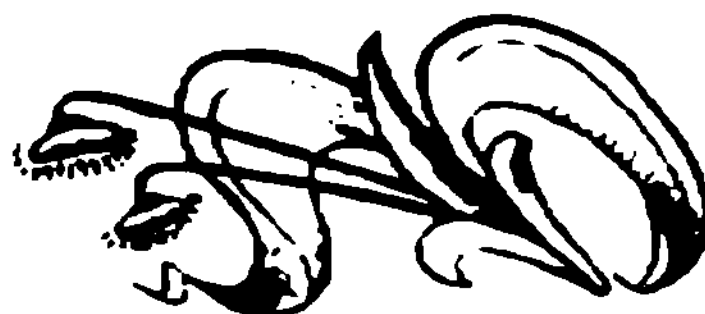
Поспешим

Скорее в храм! Ни йоты не пропустим
В священной церемонии.

П е р в а я к о р о л е в а

Увы!

Все эти торжества продлятся дольше
И стоят вам дороже той войны,

Которую начать теперь мы молим!
О, вспомните, что имя ваше славно,
Что скоро поступить — для вас не значит
Быть опрометчивым, что ваши думы
Сильней вполне обдуманых решений

Подвиги Тезея. Рисунок на вазе

Других всех смертных; что решения ваши
Могучее, чем действия других;
Деянья ж ваши, — о клянусь Зевесом, —
Быстрее орла, хватающего рыбу,
Едва возникнут, — к цели уж придут.
О, вспомни, герцог, вспомни, что за ложе
Дано убитым нашим королям!

В т о р а я к о р о л о в а

Как грустно наше ложе, на котором
Супругов наших нет!

Т р е т ь я к о р о л е в а

И даже ложа,
Приличного для мертвых, нет у них!
О, даже те, кому свет милый солнца
Наскучил, кто ужасной умер смертью,
Убив себя веревкою, кинжалом
Иль ядом, или бросившись с горы, —
И те имеют мир и тень могилы,
Не лишены гробов!

П е р в а я к о р о л е в а

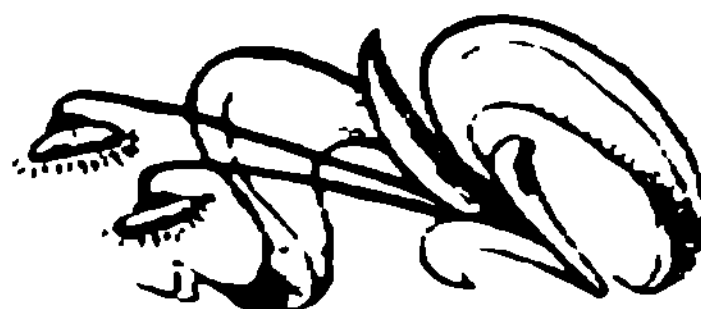
Супруги ж наши
Лежат, под жгучим солнцем разлагаясь,
При жизни ж это были короли!

Т е з е й

Вы правы; я исполню вашу просьбу
И дам могилы вашим королям,
Для этого иметь придется дело
С Креоном.

П е р в а я к о р о л е в а

И немедленно теперь
Свершить тебе удобно это дело;

До завтра зной улежся; труд усталый
Испариной себя вознаграждает,
И в полной безопасности себя
Тиран считает; он далек от мысли,
Что мы стоим здесь пред тобой, стараясь,
Чтоб ты прочел мольбу у нас в очах.

В т о р а я к о р о л е в а

Он упоен теперь своей победой.

Т р е т ь я к о р о л е в а

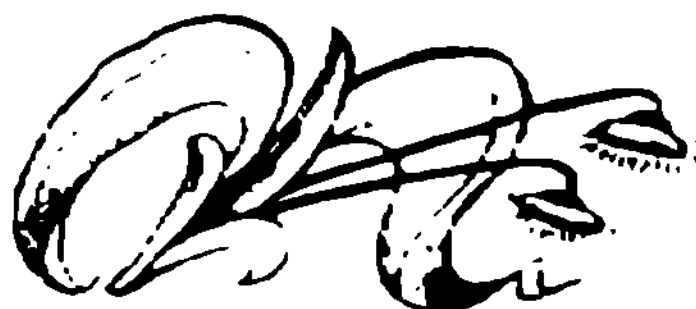
Насытась, отдыхает вражья рать.

Т е з е й

Артезий, ты всех лучше понимаешь,
Что нужно делать в этом предприятии,—
С чего начать и сколько войск собрать;
Устрой же это все как можно лучше,
А мы скорей приступим к исполнению
Торжественного акта нашей жизни,—
В супружество свершим мы смелый шаг.

П е р в а я к о р о л е в а

Подруги вдовы, дайте руки: будем
Оплакивать втроем свое вдовство;
Отсрочка нас томиться осуждает
Голодною надеждою.

Все королевы**Прощай!****Вторая королева**

Не вовремя явились мы; но разве
Печаль способна рассуждать спокойно,
Как ум, ничем не мучимый, — когда
О помощи просить всего удобней?

Тезей

Как, что вы говорите? Акт священный,
К которому хочу я приступить,
Серьезней всяких войн; он мне важнее
Всех дел, какие прежде я свершил,
И всех, какие совершу в грядущем.

Первая королева

Я знаю: как бы ни молили мы,
Все наши просьбы будут безуспешны.
Когда она лилейными руками,
Которые увлечь могли бы Зевса
С высот Олимпа, шею обовьет
Тебе в ночной тиши, при лунном свете, —
Когда две вишни этих алых губ
К устам твоим, любовью опьяненным,
Прильнут, — ужели будешь думать ты

О королях гниющих, королевах
Заплаканных? Как можешь думать ты
О том, чего не чувствуешь? Кто может
Вновь пробудить воинственного Марса,
Чтоб он ударил в барабан войны?
О, если с нею проведешь ты сладко
Одну лишь ночь, — то час один той ночи
Залогом будет ста таких ночей!
И с той поры ты будешь думать только
О новых наслаждениях!

И п о л и т а

Нет, о, нет!

(Преклоняет колени.)

О государь! Быть может, прогневлю я
Тебя печальной просьбою своей;
Но если б я отсрочить отказалась
Тот сладкий час, к которому всем сердцем
Стремлюсь я, чтобы тем уврачевать
Скорбь этих вдов несчастных, — навлекла бы
Я на себя проклятия всех женщин.
Итак, теперь решаюсь испытать,
Имеют ли немного силы просьбы
Мои перед тобой, иль, может быть,
От просьб должна навек я отказаться.
Отложим наше дело! Подыми
Свой щит, надень сверкающие латы

На плечи, дорогие мне! Охотно
Готова я их одолжить для дела
Несчастных этих королев.

Все королевы
(Эмилии)

Проси,
Проси за нас! Обида наша просит
Коленопреклоненья твоего!

Э м и л и я
(преклоняя колени)

О повелитель, если не исполнишь
Того, о чем сестра моя просила,
С готовностью и смелой быстротой,—
То никогда и ни о чем не буду
Тебя просить я; даже не отважусь
Себе супруга выбрать.

Т е з е й

Встаньте, встаньте!

Я сам решил исполнить то, о чем
Вы просите так слезно. Пиритой!
Сопровождай невесту! Помолитесь
Богам прилежно о победе нашей
И скором возвращенье. Торжества
Свершить все без изъятья! Королевы,

Идите вслед за воином своим!
 Артезий, как тебе велел я раньше,
 Сбирай войска; у берегов Авлиды
 Меня ты встретишь с половиной рати,
 Достаточной и для труднейших дел.
 Итак, спешу! Дозволь же, дорогая,
 Запечатлеть мне на устах румяных
 Прощальный поцелуй!

(Целует Ипполиту.)

Храни его,
 Как мой завет. Скорее же в дорогу,
 Скорей!

Артезий уходит.

Прощай, красавица сестра!
 Ты ж, Пиритой, заботься, чтобы праздник
 Своим порядком шел и ни на час
 Не сократился б.

П и р и т о й

Государь, дозволю мне
 Идти с тобой; не в праздник будет праздник,
 Пока ты не вернешься.

Т е з е й

Нет, кузен!
 Прошу не делать из Афин ни шагу.

Надеюсь я, что мы вернемся раньше,
Чем кончится ваш пир; прошу его
Не сокращать. Еще раз, все прощайте!

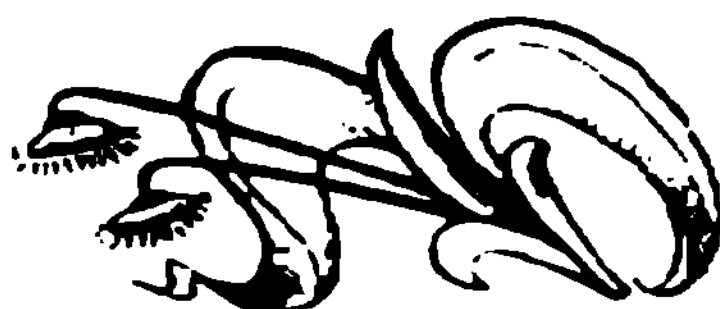
Первая королева
Весь мир тебя восславит!

Вторая королева
Равным Марсу
Ты станешь божеством!

Третья королева
Быть может, выше:
Затем, что ты, хоть смертный, но смиряешь
Любовь перед божественною честью.
Как говорят, такое испытанье
Едва выносят даже боги.

Тезей
Мы же,
Как люди, это выдержать должны.
Когда своим страстям мы уступаем,
Мы недостойны имени людей.
Прощайте же; иду за вас на битву.

Трубы.
Все уходят.

Сцена 2

Фивы. Двор перед дворцом.

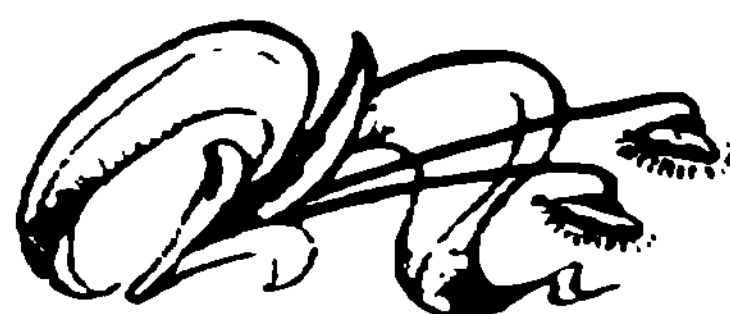
Входят П а л а м о н и А р к и т.

А р к и т

О Паламон, друг милый, мне родной
По сердцу даже больше, чем по крови,
С невинной, неиспорченной душой!
Кузен, покинем этот город — Фивы
Со всеми их соблазнами, пока
Еще чиста, без пятен наша юность!
Оставшись здесь, обречены мы оба
На стыд, когда останемся воздержны,
И также — если бросимся в разврат.
Не плыть с течением — значит погрузиться
И потонуть в борьбе бесплодной с ним;
А если мы теченью подчинимся,
Оно нас унесет в водоворот,
В котором мы погибнем иль насилу
Лишь выбьемся, ослаблены навек.

П а л а м о н

Ты прав; примеры привести не трудно.
С тех пор, как мы с тобой учились в школе,
Как изменился город наш родной,
Какое всюду видно разоренье!

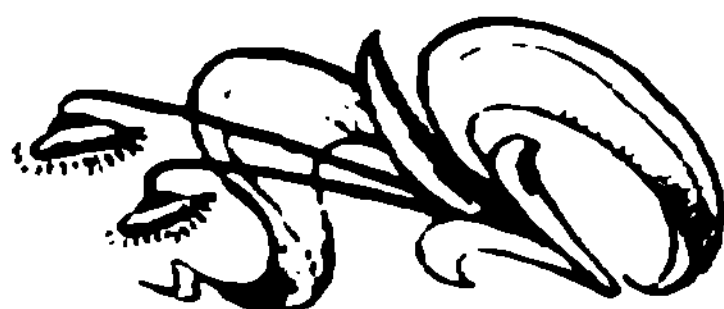
Везде вокруг — лишь камни да трава;
Вот все, что приобрел завоеватель,
Поставивший своею гордой целью
Почет и слитки золота; и вот —
Того уж нет, за что борьба кипела!
И кто же смеет Марсу предложить
Такой алтарь позорный? Право,
кровью

Все сердце обливается, когда
Я вижу это. О, как я хотел бы,
Чтобы опять великая Юнона
Прониклась прежней ревностью своей,
Чтоб воин снова получил работу,
Очистил бы презренный этот мир
От гнусного обжорства, чтобы снова
Его смягчилось сердце, в эти годы
Сильнее загрубевшее, чем было
Среди войны и тяжких битв.

Аркит

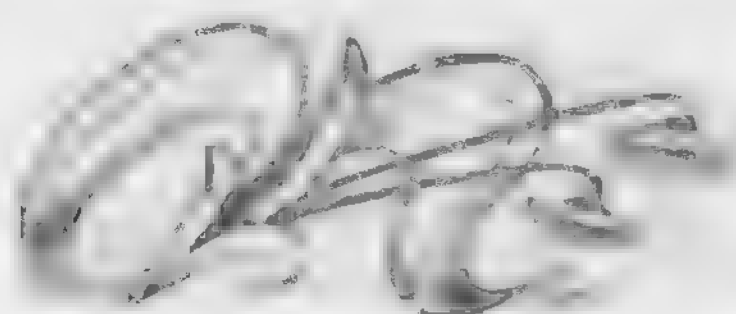
И только?

Не видишь ты иного разоренья,
Как лишь паденье в Фивах духа войн?
Когда ты начал говорить, казалось,
Что и в другом упадок видишь ты.
Ужель жалеть нам не о чем, как только
О том, что дух военный здесь в упадке?

Голова Ареса (Марса). Из собрания греческой скульптуры
в Государственном Эрмитаже

П а л а м о н

Мне жаль всего, что здесь в пренебрежение,
Но более всего жаль тех, кому,
За жаркий пыл труда их ради чести,
Здесь платят льдом, чтоб пыл тот охладить.

А р к и т

Я не об этом говорил, а только
О том, что добродетель в наших Фивах
Не ценится; я говорил о том,
Как было б нам опасно здесь остаться,
Когда хотим мы честность сохранить.
Здесь зло имеет вид добра, добро же
Считается за зло; не быть мерзавцем
Здесь значит быть чужим, а быть таким,
Как все другие — значит быть уродом.

П а л а м о н

Все это так; но, право, в нашей власти —
Вести себя, как надо; стоит только
Не брать примера с обезьян. Кто может
Меня принудить, чтобы я пошел
Чужим путем, идущим мимо чести?
Кто б мог меня заставить перенять
Чужой язык, когда своею речью
Могу я все, что нужно, изъяснить?
Чем связан я, чтоб следовать безумцу,

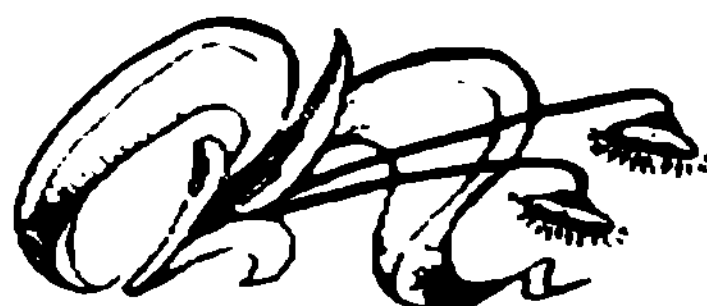
Следящему прилежно за портным,
Пока портной за ним следить не станет?
Чем худ мой брадобрей, а вместе с ним
Мой бедный подбородок, если бреюсь
Я не пред модным зеркалом? Какой
Закон меня заставит, снявши шпагу
С бедра, к руке ее привесить? Я
Хочу быть первой лошадью в упряжке,
Иль вовсе не везти. Все эти вещи
Так вздорны, так ничтожны, маловажны, —
Что стоит ли заботиться о них?
Другая мысль меня терзает, мучит
Мне сердце; это...

А р к и т

Дядя наш Креон.

П а л а м о н

Да, он, тиран, забывший честь и меру!
Его успехи повели к тому,
Что гнев небес стал никому не страшен;
Все негодяи думают, что нет
Могущества сильнее их гнусной власти;
Он даже веру подорвать готов,
Боготворя лишь гнусную удачу;
Чужие силы, ум чужой он ценит
Своих лишь ради прихотей и целей;

Добычу, почесть, славу,— все себе
Он рад присвоить; зла он не боится,
Добро ж творить не смеет. Всю ту кровь,
Какая есть во мне ему родная,
Хотел бы я, чтоб высосали пьявки
Из жил моих, освободив меня
От этой злой заразы!

А р к и т

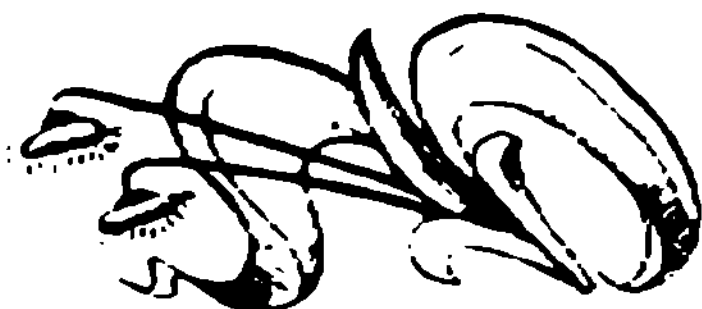
Ум твой ясен,
Мой дорогой кузен; уйдем отсель,
Чтоб не делить бесчестья со злодеем!
Ведь может наше молоко принять
Вкус пастбища; придется подчиниться
Всем гнусностям иль отказать ему
В покорности; не можем быть родными
Ему мы ни по крови, ни по духу.

П а л а м о н

Да, это так; согласен я с тобой.
Мне кажется, что оглушил он небо
Злодействами своими, так что боги
Не слышат вопля вдов. Но вот Валерий!

В а л е р и й

Король к себе зовет вас; но идти
К нему не торопитесь: пусть немного
Его утихнет ярость. Крики Феба,

Которыми он погонял коней
На лучезарной колеснице солнца,
Сломавши бич свой, эти крики — шепот
В сравнении с ревом гнева короля.

П а л а м о н

Его и слабый ветер потрясает!
Но что ж могло случиться с ним?

В а л е р и й

Тезей,

Которого угрозы не напрасны,
Ему прислал сегодня грозный вызов
И обещает Фивы разорить.
Он двинулся в поход уж, чтоб исполнить
Свои слова.

А р к и т

Пускай себе идет;
Лишь гнев богов в нем страшен нам, а сам он
Нимало нас не может испугать.
Но как стоять за честь свою, — а это,
Конечно, неизбежно, — если ясно,
Что право не нашей стороне?

П а л а м о н

Теперь об этом рассуждать не время:
Не за Креона мы стоим, — за Фивы.

Держаться в стороне — бесчестно было б,
Сопротивляться — было б мятежом.
А потому должны мы быть с ним вместе
И покориться случаю, который
Застал нас в это время вместе с ним.

А р к и т

Да, это верно. Что же, началась ли
Уже война, иль, может быть, начнется,
Когда Креон условий не исполнит,
Поставленных противником?

В а л е р и й

Война

Уж началась; гонец принес известие
Об этом вместе с вызовом.

П а л а м о н

Итак,

Идемте ж к королю. О, если б чести
Хоть четверть было в нем, в сравнении с честью
Врага его, то кровь свою с отрадой
Могли б пролить мы! Жертвой нашей жизни
Мы принесли бы пользу. Но увы!
Теперь сражаться будут наши руки,
А сердце будет чуждо им; смерть наша
Не принесет ни пользы, ни вреда.

А р к и т

Пусть будет рок судьбою; он единый
Не делает ошибок никогда.
Мы знаем только, что велит нам совесть,
Судьба же пусть творит, что суждено.

(Уходят.)

Сцена 3

Перед воротами Афин.

Входят Пиритой, Ипполита и Эмилия.

П и р и т о й

Прошу вас дальше не идти.

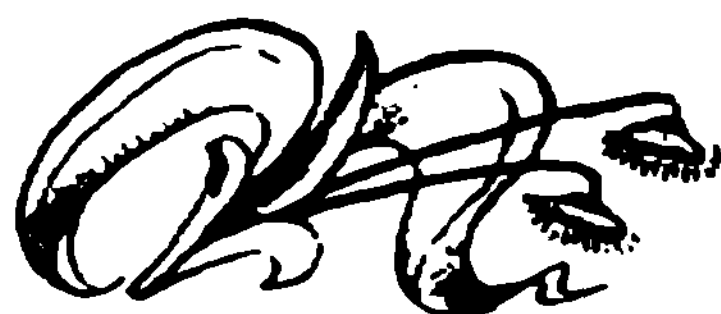
И п п о л и т а

Прощай же

И государю передай привет наш.
Не смею я питать сомнений робких
В его успехе; буду лишь желать
Ему избытка мужества и силы
В опасностях. Спешу к нему скорей:
Как ни искусен полководец,— помощь
Излишнею не будет никогда.

П и р и т о й

Хоть океан его могучей силы
В содействии моих немногих капель,

Конечно, не нуждается, но все же
Я дань свою обязан принести.

(Эмили.)

Достойнейшая дева! Все, что небо
Дает своим созданьям лучшим в дар, —
Все те дары царят на пышном троне
В прекрасном сердце девственном твоём!

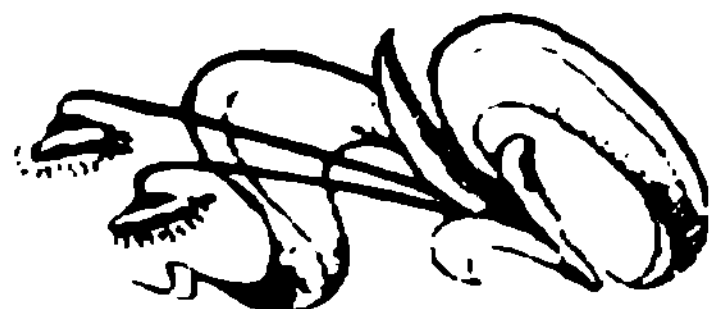
Э м и л и я

Благодарю, и царственному брату
Прошу привет мой передать. Я буду
Великую Беллону умолять
Помочь ему, и, так как просьбы смертных
Без жертвы не доходят до богов, —
Я поспешу узнать, какая жертва
Приятна ей. Душой мы с государем
В бою, в его палатке.

И п п о л и т а

В нем самом!

Мы сами были воины; не станем
Мы плакать, если в шлемах на войну
Идут друзья иль в море отплывают;
Мы слез не льем, услышав о младенцах,
На копья воткнутых, о матерях,
Которые детей своих варили
И, съев их, горько плакали о них;

Будь мы такими пряжами простыми, —
Мы б вас не отпустили от себя.

П и р и т о й

Пошли вам небо мир, пока я буду
Там, на войне: надеюсь, что тогда
Исход ее вам не внушит сомнений.

(Уходит.)

Э м и л и я

Как он стремится к другу своему!
С тех пор, как нет Тезея с нами, — в играх
Хотя, как прежде, ловок Пиритой,
Но мало к ним внимателен; удача
Не льстит ему, а промах — безразличен;
Руками совершает он одно,
А на уме его — совсем другое;
Так принужден он думать о вещах,
Несходных меж собою. Наблюдала ль
Его ты в это время?

И п п о л и т а

Да, конечно;
И мне он дорог стал. Они с Тезеем
Вдвоем живали в диких захолустьях,
Неся нужду, рискуя каждый миг
Своею жизнью; бурные потоки,

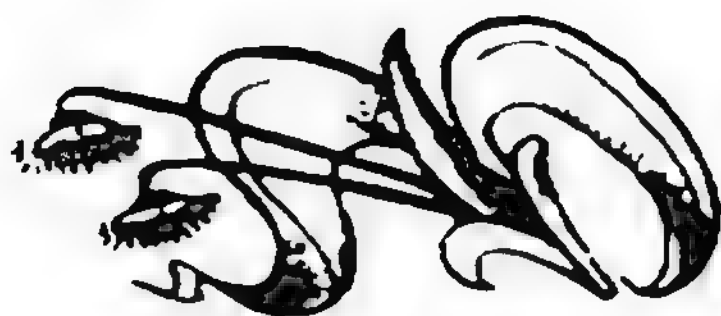

Из коих наименьший был ужасен
Неистовою силою своей —
Они вдвоем переплывали; вместе

Кратер с изображением воинов. Микены, XII в. до н. э.

Они сражались там, где смерть гнездилась,
И вместе грозный рок их пощадил.
Их прочная любовь узлу подобна,
Который и завязан и запутан
Искуснейшими пальцами так сложно,

Что может быть разрублен, но нельзя
Его ослабить. Кажется мне даже,
Что сам Тезей, когда б он мог раздвоить
Свое сознание и затем сравнить
Ту и другую часть, — решить не мог бы,
Которую он любит больше.

Э м и л и я

Правда!

Но некто есть, кого он любит больше,
И это — ты, конечно. Я сама
Была дружна с одной подругой детства;
Ты на войне была, когда она —
Увы, так рано — в гроб легла печальный,
В роскошную, но грустную постель,
Простившись с милым месяцем, который,
Казалось, от разлуки побледнел.
Одиннадцать ей было лет, мне также.

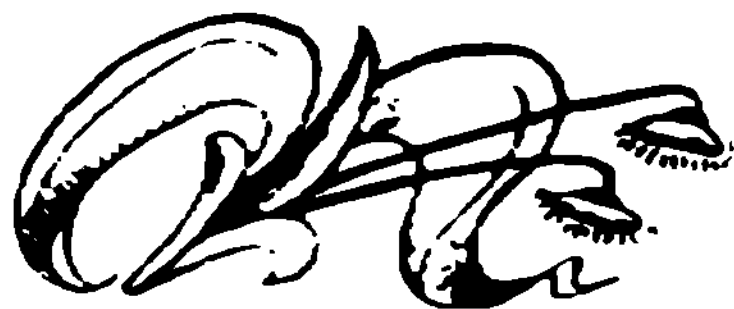
И п п о л и т а

Я помню: то была Флавина.

Э м и л и я

Да.

О дружбе Пиритоя и Тезея
Ты говорила; эта их любовь
Взаимная — серьезна и разумна,

Возникла в зрелом возрасте она;
Ее могла бы я сравнить с водою,
Повсюду пропитавшей разветвления
Корней их дружбы, тесно меж собою
Сплетенных. Наша ж детская любовь, —
Любовь моя и той, о ком, вздыхая,
Сейчас с тобою говорила я, —
Была едва сознательна, невинна
И все-таки сильна и глубока;
Как действуют стихии, — без рассудка,
Не зная, что, и как, и почему, —
И все ж творят великое, — так точно
Стремились сердцем мы одна к другой.
Что любо было ей, — мне было любо
Без рассужденья; если я срывала
Цветок, чтоб меж грудей моих воткнуть, —
Тогда еще едва лишь припухавших
Вокруг сосцов, — старалась и она
Найти цветок такой же и спешила
Вложить его в такую ж колыбель
Невинную, где сладко умирал он,
Благоухая, фениксу подобный.
Любила ль я уборы головные, —
Они и ей служили образцом;
Любила ли она покроем одежды, —
Всегда изящный, хоть порой небрежный, —
И мне покроем тот нравился всегда;

Когда я чутким уловляла ухом
Мотив и напевала что-нибудь,—
Старалась и она его запомнить,
И тот напев ее не покидал:
Сквозь сон его Флавина напевала.
Вся эта речь, столь длинная,— как это
Понятно всем, кто чист душой,—
Лишь плод побочный сладкого былого,
И цель ее лишь в том, чтоб показать,
Что и любовь простая девы к деве
Порой сильнее, чем зрелая любовь.

И п п о л и т а

Ты — вне себя. Ты хочешь этой речью,
Столь быстрою и страстною,— сказать,
Что никогда не будешь ты мужчину
Любить так нежно, с силою такой,
Как девочку Флавину ты любила.

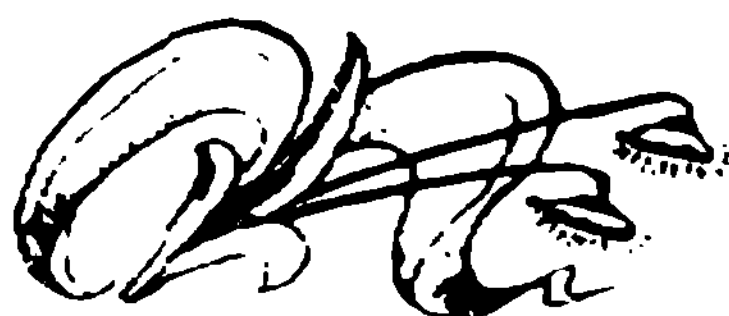
Э м и л и я

Да, в этом я уверена.

И п п о л и т а

Увы,

Сестренка, в этом я тебе не верю,
Как не поверю, чтобы аппетит
Мог быть совместен с отвращением к пище.

Но если б я могла тебе поверить,
Меня ты оттолкнула б от руки
Героя благородного — Тезея,
О счастья которого теперь
Готова я молиться, твердо веря,
Что царствую я в сердце у него
Прочней, чем Пиритой.

Э м и л и я

Не стану спорить,
Но при своем я мнении останусь.

Звуки рожков. Ипполита и Эмилия уходят.

Сцена 4

Поле близ Фив.

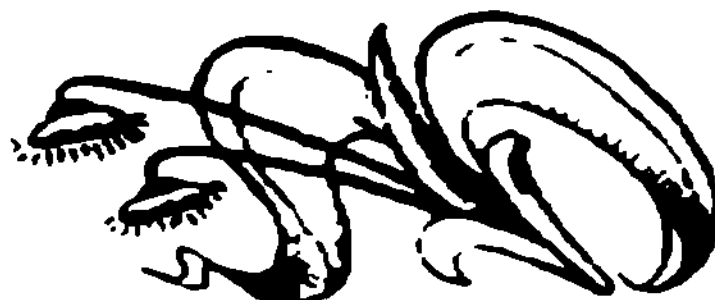
За сценой шум битвы. Отбой. Трубы.
Входят Тезей, одержавший победу, герольд и свита.
Три королевы встречают Тезея и падают
перед ним ниц.

П е р в а я к о р о л е в а

Звезда твоя вовек да не затмится!

В т о р а я к о р о л е в а

Земля и небо да благословят
Тебя навеки!

Т р е т ь я к о р о л е в а

Кто ни пожелал бы
Тебе всех благ,— воскликну я: аминь!

Т е з е й

С высот небесных боги беспристрастно
На смертных нас взирают и творят
Свой правый суд, карая по заслугам.
Идите же теперь, чтоб разыскать
Тела супругов ваших; погребенье
Им воздадим мы с торжеством тройным.
Пусть в пышности скорей избыток будет,
Чем недостаток. Мы пошлем людей,
Которые в правах законных ваших
Вас водворят и все устроят вам,
Чем лично мы заняться здесь не можем
По недостатку времени. Прощайте ж
И да хранят вас небеса!

Королевы уходят.

Вносят П а л а м о н а и А р к и т а, они без сознания,
на носилках.

Кто это?

Г е р о л ь д

Судя по их значению в войске,— лица
Высокие. Я слышал, что они

Из знати Фив, двоюродные братья
И короля племянники.

Т е з е й

Клянусь
Шеломом Марса; я в бою их видел!
Как пара львов, добычу жадно рвущих,
Они себе прокладывали путь
В рядах врага, во всех вселяя ужас.
Я не сводил с них глаз: они являли
Мне зрелище, достойное богов.
Что пленник мне сказал, когда спросил я,
Как их зовут?

Г е р о л ь д

Зовут их, сколько помню, —
Аркит и Паламон.

Т е з е й

Так, это верно;
Припоминаю. Живы ли они?

Г е р о л ь д

Не живы и не мертвы; если взяты
Они в то время, как нанести собирались
Последние удары, — может быть,
Они еще очнутся. Оба дышат
И сохраняют звание людей.

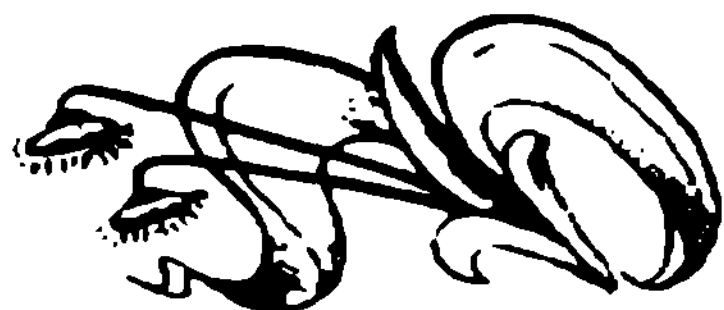

Тезей заставляет Марафонского быка склонить выю перед Афиной

Тезей

Тогда прошу я с ними обращаться,
Как с честными людьми. Во много раз
Такие дрожжи лучше и ценнее,
Чем зрелое вино в лице других.
Пусть наши все хирурги им помогут;
Целительных бальзамов — не жалеть!
Жизнь этих двух — дороже нам, чем Фивы.
Конечно, если б, полные здоровья
И сил, они остались на свободе, —
Я предпочел бы мертвыми их видеть;
Но в сорок тысяч раз приятней мне
Теперь в плену их сохранить живыми.
Несите ж их отсюда прочь скорее,
От нашего лица: хотя мы к ним
И благосклонны, — нам они враждебны.
Служите им, как люди могут людям
Служить, и даже больше — для меня!
С тех пор, как мне все ужасы знакомы, —
Гнев, ярость, заклинания друзей,
Свободы жажда, бешенства порывы,
Любовь и ревность и супруги просьбы, —
Все это наложило на меня
Свою печать, — природа не могла бы
Ее без принужденья наложить:
Я мягче стал в своих веленьях; больше
Рассудок с волей борется во мне.

Итак, во имя Аполлона, ради
Любви моей, — что лучшего есть в нас, —
Пусть это все сослужит службу лучшим
Их качествам! Теперь пойдемте в Фивы;
Исполнив там, что нужно, мы обратно
Пойдем в Афины во главе полков.

Трубы. Все уходят. Свита уносит Паламона и Аркита.

Сцена 5

Другая часть того же поля, далее от Фив.

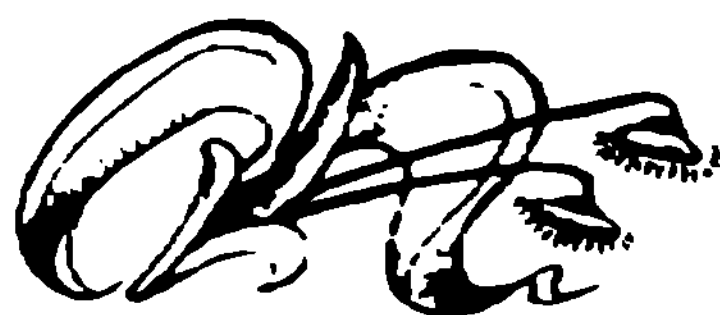
Торжественная похоронная процессия. Входят к о р о л е в ы, сопровождая
носилки с телами королей.

Хор

Все урны, все благоуханья
Пусть унесут отсюда прочь!
Пусть стоны, плач и воздыханья
День ясный превращают в ночь!

Мрачнее смерти скорби наши,
Мы погребальный льем бальзам,
Слезами наполняем чаши
И шлем стенанья к небесам!

Прочь, быстроокая отрада!
Печаль, веселья враг, приди!
Прочь утешения, — их не надо;
Лишь скорбь лелеем мы в груди!

Т р е т ь я к о р о л е в а

Здесь к нашим усыпальницам дороги
Расходятся. Пусть снова радость к вам
Придет, а к мертвым — тихий мир.

В т о р а я к о р о л е в а
(первой)

Вот там

Твоя дорога.

П е р в а я к о р о л е в а
(второй)

Там — твоя.

В т о р а я к о р о л е в а

Хоть боги

Ведут всегда по разным нас путям,
Но всех к концу приводят роковому.

Т р е т ь я к о р о л е в а

Наш мир подобен городу большому,
Где много улиц к площади ведут:
Та площадь — смерть, и все туда придут.
(Расходятся).

АКТ II

Сцена 1

Афины; сад; на заднем плане — тюрьма.

Входят тюремщик и жених его дочери.

Тюремщик. На мой век мне довольно малого; кое-что я оставляю вам, но немного. Что делать! Я служу при тюрьме, назначенной для важных узников, но такие здесь редко бывают: пока попадется семга, наловишь множество пескарей. Обо мне ходят слухи, что я богаче, чем это есть на деле; мне хотелось бы, чтобы я был таким, как обо мне рассказывают. Как бы то ни было, я клянусь, что завещаю моей дочери все имущество после моей смерти.

Жених. Я ничего не требую, кроме того, что вы сами обещаете, и со своей стороны исполню все, что обещал вашей дочери.

Тюремщик. Ладно, мы поговорим об этом подробнее, когда все торжества окончатся. Но имеете ли вы согласие моей дочери? Если да, то я согласен.

Жених. Я имею ее согласие. Вот идет она сама.

Входит дочь тюремщика.

Т ю р е м щ и к. Мы с твоим другом говорили здесь об известном тебе деле. Теперь не будем больше говорить об этом, пока суматоха при дворе не пройдет; тогда мы побеседуем окончательно. Будь внимательна к узникам: я слышал, что это принцы.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а. Вот эти покрывала назначены для их комнаты. Право, жаль, что они в тюрьме; впрочем я пожалела бы тоже, если бы их здесь не было. Мне кажется, что своим терпением они могут посрамить всякое несчастье; сама тюрьма гордится ими, а они в своей комнате вмещают целый мир.

Т ю р е м щ и к. Говорят, что они оба — просто совершенство.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а. Я готова поклясться, что всякая слава мала для них: они стоят гораздо выше всяких рассказней.

Т ю р е м щ и к. Я слышал, что в битве они одни только и сражались храбро.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а. Весьма вероятно; это благородные страдальцы. Воображаю, как прекрасны были бы они, если бы остались победителями, — с таким благородством они остаются свободными, несмотря на тюрьму, превращая свое горе в веселье и подшучивая над своим несчастьем.

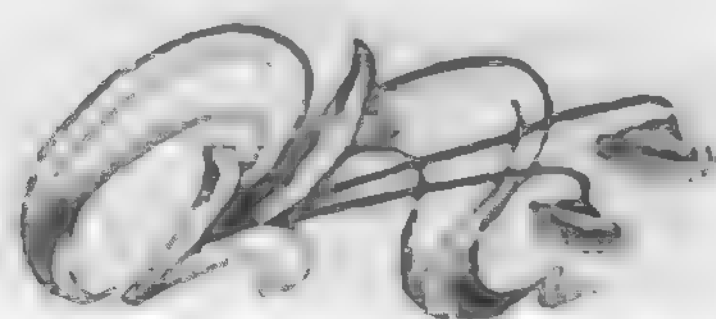
Т ю р е м щ и к. Неужели?

Д о ч ь т ю р е м щ и к а. У них такой вид, как будто они так же мало знают о своей неволе, как я об афинском правительстве. Они хорошо едят, смотрят весело и разговаривают обо всем, кроме своего плена и своей беды. Лишь изредка у одного из них вырывается вздох, как бы рожденный в муках; тогда другой сейчас же упрекает товарища, но так нежно, что

Дорифор. Статуя работы Поликлета. IV в. до н. э.

мне самой хотелось бы вздохнуть, чтобы быть так наказанной, или, вернее сказать, чтобы вздох принес мне такое утешение.

Жених. Я никогда не видал их.

Тюремщик. Ночью сам герцог тайно приходил сюда, и они вели себя точно так же. Не знаю, что это значит.

В окне тюремной башни показываются Паламон и Аркит.

Смотрите, вон они; это выглядывает Аркит.

Дочь тюремщика. Нет, это Паламон; Аркит пониже ростом, и его почти не видно.

Тюремщик. Довольно, не показывайте на них пальцами; не нужно, чтобы они нас видели. Уйдем отсюда.

Дочь тюремщика. Смотреть на них — просто праздник. О боги! Как люди бывают различны! (*Уходят.*).

Сцена 2

Там же.

Входят Паламон и Аркит

Паламон

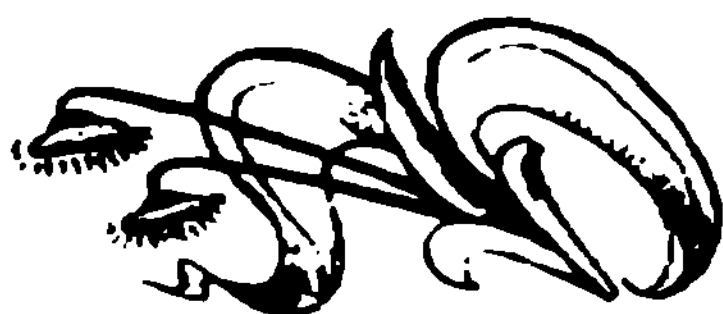
Как поживаешь, дорогой кузен?

Аркит

Как ты живешь?

Паламон

Во мне осталось силы
Довольно, чтоб смеяться над несчастьем

И жребий несть, войною данный нам.
Мы узники, кузен, — боюсь — навеки.

А р к и т

Да, кажется, что так; и я готов
Покорно ждать велений злой судьбины.

П а л а м о н

О, дорогой Аркит мой! Что-то Фивы?
Что с нашими друзьями и родными?
Как грустно знать, что родины прекрасной
Мы больше не увидим никогда;
Не будем мы на играх благородных
Смотреть на смелых юношей фивян,
Несущих гордо бант от дамы сердца
И мчащихся, подобно кораблям
На парусах; не будем становиться
Мы с ними в ряд, чтоб ринуться вперед
Быстрее, чем восточный буйный ветер,
И за собой соперников оставить,
Как стаю туч, и в беге быстрых ног
При возгласах восторженных народа
Добыть венцы победы скорей,
Чем пожелать победы нам успеют!
Не будем мы, как чести близнецы,
В бою с врагом отважно биться рядом;
Не будут кони гордые под нами,

Как море, волноваться и кипеть!
Увы, мечи сверкающие наши, —
Сам бог войны кровавыми очами
Меча грозней и лучше не видал, —
Мы их лишились! Их судьба — заржаветь,
Состарившись; они украсят храмы
Богов, которым ненавистны мы!
Извлечь их нам не суждено, чтоб в битве
Толпу врагов, как молнией, разить!

А р к и т

Нет, Паламон; увy, надежды эти —
В плену, как мы; увянет наша юность
В тюрьме, как слишком ранняя весна.
Нас старость здесь застанет, Паламон,
И, что всего ужаснее, — безбрачных.
Объятий сладких любящей жены,
Вооруженных чарами Амура, —
Увы, не будут шеи наши знать;
Потомства не оставим мы; не будем
Смотреть на повторенье наших лиц
В утеху нашей старости, не будем
Учить своих прекрасных сыновей,
Как молодых орлят, бесстрашным оком
Смотреть на блеск мечей: “Не забывайте,
Кто ваш отец; старайтесь победить!”
Оплачут нас прекраснейшие девы

И будут в грустных песнях проклинять
Судьбу слепую, чтобы устыдилась
Она несправедливости своей,

Орнамент в древнегреческом стиле

Сгубившей нашу радостную юность.
Вот весь наш мир! Здесь будем видеть мы
Друг друга лишь; о горе нашем тяжком
Лишь бой часов рассказывать нам будет;

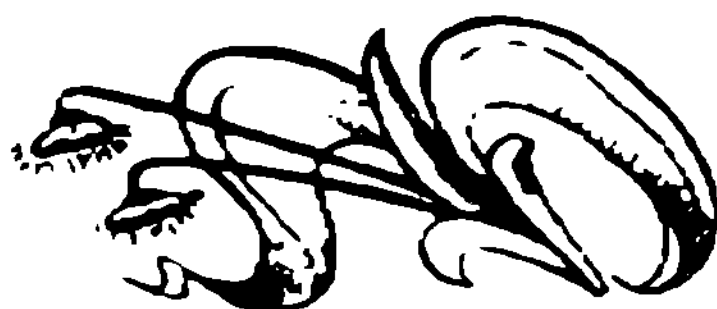
Не суждено нам видеть, как на воле
Созреет виноград; настанет лето
И принесет всем радости, — а здесь
Царить зима в жилище нашем будет.

П а л а м о н

Ты прав, Аркит. Фиванских верных псов,
Леса родные оглашавших лаем,
Не будем мы, как прежде, громко звать;
Метать не будем острых копий наших
В свирепых вепрей, в ужасе пред нами
Бегущих, как парфянские стрелки,
Не поразим их нашей острой сталью!
Вся мужества отрада, все утехы
Отважных душ — умрут для нас навек,
И, что всего ужаснее для чести,
Угаснем мы в бездействии пустом,
Как дети плена, грустно и безвестно.

А р к и т

Все это так. Но все же я скажу,
Что даже в этой бездне злого горя
Из этих всех ударов злой судьбы
Две выгоды большие происходят:
Во-первых, если боги соизволят,
Свою мы твердость можем показать,
А во-вторых — мы здесь вдвоем с тобою.

Пусть пропаду я, если эти стены
Считать я буду за тюрьму, пока
Мой Паламон со мною!

П а л а м о н

Да, конечно,
Мы счастливы, что нас судьба связала.
Две честные, высокие души,
Два благородных тела оживляя,
Сумеют злобе случая слепого
Противостать, пред горем не падут,—
Пасть не должны, хоть, право, и могли бы:
Лишь стоит умереть,— конец всему!

А р к и т

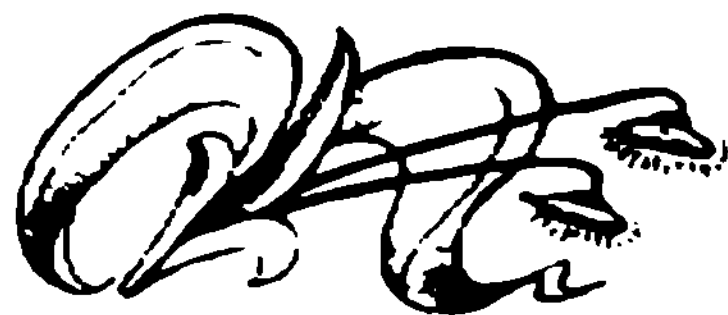
Не можем ли найти мы долю счастья
Средь этих стен, столь ненавистных всем?

П а л а м о н

Но как, кузен?

А р к и т

Вообразим себе,
Что мы живем в святилище, чтоб скрыться
От злых людей, которые могли бы
Испортить нас влиянием своим;

Мы молоды, идем путями чести,
Свобода же и разговор пустой —
Яд чистых душ; они могли б, пожалуй,
Нас соблазнить, как женщины, — и вот
Мы сбились бы с пути. А здесь — чего
Воображеньем мы достичь не можем?
Мы без конца принадлежим друг другу;
Ты для меня жена, — я для тебя,
И оба мы все вновь и вновь рожаем
Детей любви; друг другу мы — отец,
Друзья, семья, знакомство; мы друг другу
Наследники, наследство ж — эти стены;
Их никакой насильник не отнимет;
Вооружась терпением, мы можем
Здесь долго жить, любовью наслаждаясь;
От пресыщения мы здесь изъяты;
Нам не грозит война, и волны моря
Не поглотят нас. Будь мы на свободе, —
Должны б мы были время разделять
С женой, с делами; нашего знакомства
Искали бы дурные люди; мог бы
Я захворать, а ты бы мог не знать,
Что болен я; и я бы умер, ты же
Своею благородною рукой
Мне не закрыл бы глаз, не помолился б
Богам при этом. Тысяча причин
Вне этих стен могла бы разлучить нас!

П а л а м о н

Благодарю, Аркит! Твои слова
Мне сделали мой плен — почти отрадой!
Как грустно было б жить мне где-нибудь
Вне этих стен: я б походил на зверя!
Тюрьма — дворцом прекрасным стала мне;
Все развлеченья суеты блестящей,
Весь мир — я вижу — только тень пустая;
Которую уносит, проходя,
Седое время. Что бы случилось с нами,
Когда б мы жили при дворе Креона,
Где грех — закон, а прихоть и разврат —
Всей знати доблесть! О Аркит мой милый!
Когда бы боги нас не привели
Сюда, в темницу, — мы, в грехах состарясь,
Как все другие, умерли б; никто бы
Нас не оплакал; надписью надгробной
Проклятие народа было б нам!
Сказать еще?

А р к и т

Я слушаю.

П а л а м о н

Возможно ль,
Скажи, чтоб были где-нибудь два друга,

Которых дружба пламенней была б,
Чем наша?

А р к и т

Нет, конечно, невозможно.

П а л а м о н

Нет ничего на свете, что б могло
Разрушить наш союз.

А р к и т

Пока мы живы,
Он будет жить, а после нашей смерти
Туда придем мы, где любовь вечна.

Внизу в сад перед тюрьмой входит Э м и л и я в сопровождении
с л у ж а н к и.

Э м и л и я

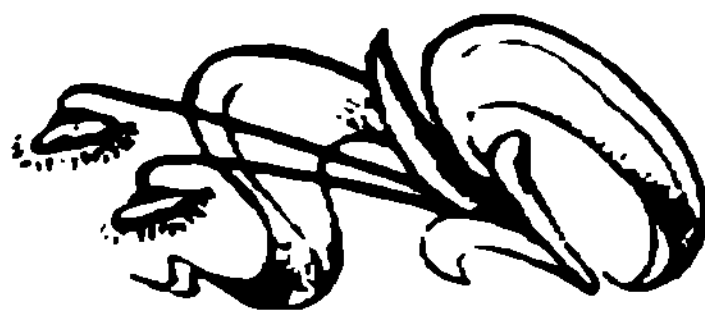
Прекрасный сад! Здесь целый мир отрады!
Как этот называется цветок?

С л у ж а н к а

Сударыня, его зовут нарциссом.

Э м и л и я

Нарцисс... Прекрасный юноша он был,
Но так безумен, что в себя влюбился.
Иль мало было девушек тогда?

А р к и т

(стараясь заглянуть в окно, в которое смотрит Паламон)

Пусти, кузен.

П а л а м о н

Сейчас.

Э м и л и я

Иль, может быть,
Они жестоки были все?

С л у ж а н к а

Возможно ль
Жестокой быть перед таким красавцем?

Э м и л и я

Ты не могла б?

С л у ж а н к а

И даже не должна бы.

Э м и л и я

Хорошая девица! Постыдись,
Немного хоть припрячь свою готовность!

С л у ж а н к а

Но почему ж?

Э м и л и я

Мужчины нам опасны.

А р к и т

Пусти ж меня, кузен!

Э м и л и я

Умеешь ты

Цветы такие вышивать шелками?

С л у ж а н к а

Умею, госпожа.

Э м и л и я

Так я хочу,

Чтоб ими было вышито все платье, —

Вот этими, — и эти так красивы!

Неправда ли, как славно будет ими

Весь борт украсить?

С л у ж а н к а

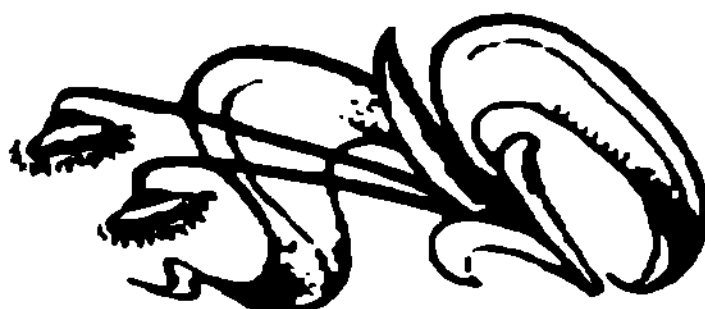
Дивно, госпожа!

А р к и т

Кузен, кузен мой, Паламон: что скажешь?

П а л а м о н

Теперь лишь вижу, что в темнице я!

А р к и т

Нет, какова она, скажи?

П а л а м о н

Прелестна!

Клянусь я небом, — это божество!

А р к и т

А!

П а л а м о н

Будь, Аркит, почтителен и сдержан:
Богиня пред тобой!

Э м и л и я

Из всех цветов,
Мне кажется, прекраснее всех — роза.

С л у ж а н к а

Осмелюсь ли спросить я: почему?

Э м и л и я

Она — эмблема девственности чистой:
Когда ее Зефир ласкает нежно,
Она цветет так скромно, распускаясь,
Румяная, под солнцем золотым;
Когда ж Борей нетерпеливый грубо

Касается ее, — она стыдливо
Сжимается, скрывая всю красу
В зеленой почке: пусть Борей ласкает
Простой терновник.

С л у ж а н к а

Право, госпожа,
Такая скромность иногда чрезмерна:
Не гибнуть же из-за нее цветам!
Мне кажется, порядочной девице
Совсем не стоит с розы брать пример.

Э м и л и я

Бесстыдница!

А р к и т

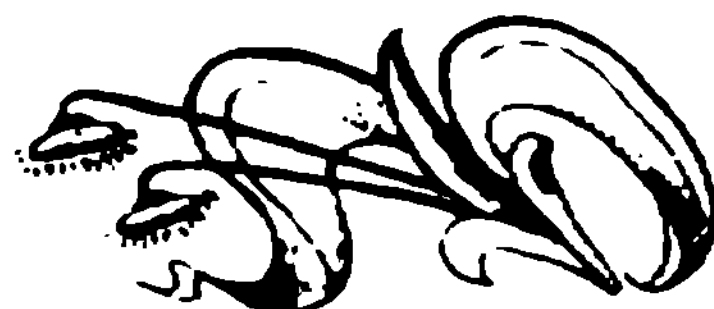
О, как она прекрасна!

П а л а м о н

Вся красота соединилась в ней!

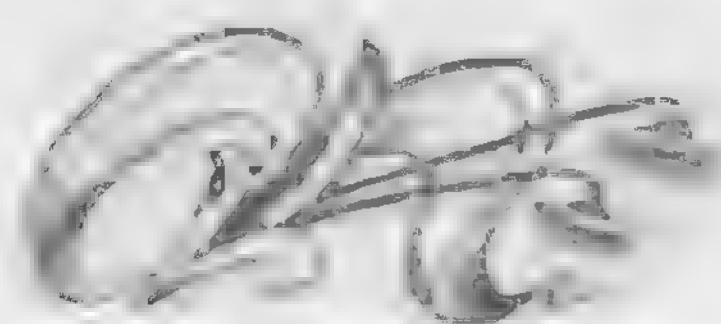
Э м и л и я

Уж солнце высоко, — пора домой.
Возьми цветы: посмотрим мы, насколько
Искусство может подражать их краскам.
Не знаю, отчего мне так легко,
Так весело, так хочется смеяться!

Голова амазонки. Из собрания греческой скульптуры
в Государственном Эрмитаже

С л у ж а н к а

А я не прочь бы лечь.

Э м и л и я

И положить

Кого-нибудь с собой?

С л у ж а н к а

Пожалуй, если

Мы сговоримся.

Э м и л и я

Что же, сговорись!

(Уходят.)

П а л а м о н

Что скажешь ты об этой красоте?

А р к и т

Она на редкость хороша.

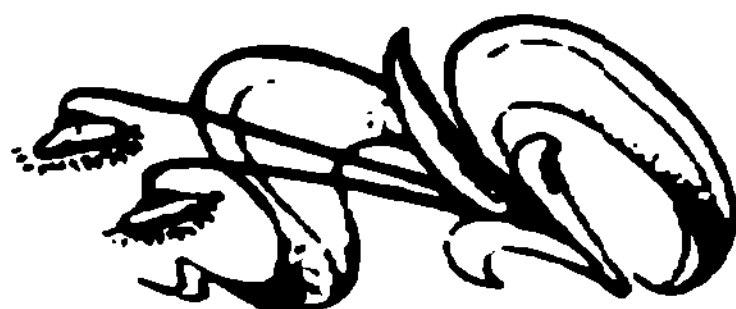
П а л а м о н

На редкость?

И только!?

А р к и т

Да, прекрасна, несравненна.

П а л а м о н

Ведь голову возможно потерять,
В нее влюбившись?

А р к и т

Право, я не знаю,
Что ты бы сделал,— я ж готов поклясться,
Что голову уже я потерял.

П а л а м о н

Ее ты любишь?

А р к и т

Можно ль не любить?

П а л а м о н

Владеть ты ею хочешь?

А р к и т

Да! Свободы

Дороже мне она!

П а л а м о н

Но все ж я первый
Ее увидел.

А р к и т

Что же из того?

П а л а м о н

Нет, это важно.

А р к и т

Но я тоже видел

Ее!

П а л а м о н

Не должен ты ее любить!

А р к и т

Да, я не буду на нее молиться,
Как ты, не буду называть богиней
Небесною: хочу ее любить
Как женщину, чтоб ею наслаждаться.
Так оба можем мы любить.

П а л а м о н

Не смей

Любить ее совсем!

А р к и т

Как? Чтоб не смел я
Любить ее? Но кто ж мне запретит?

П а л а м о н

Я запрещу! Ее увидел первый я;
Мой глаз впервые завладел красою,

Которую в ней небеса открыли
Для смертных! Если будешь ты, Аркит,
Любить ее и тем грозить надеждам
Любви моей, — тогда изменник ты,
Ты так же лжив, как не имеешь права
Любить ее! От дружбы, от родства,
От всякой нашей связи отрекись я,
Когда посмеешь думать ты о ней!

А р к и т

Да, я ее люблю, и всею жизнью
Своей готов я это доказать!
Люблю ее душой, любить я должен!
И если это поведет к разрыву
Между тобой и мною, Паламон, —
Тогда прощай! Люблю я, повторяю!
И утверждаю, что ее любви
Достоин я и что любить я волен
И столько ж прав имею на нее,
Как Паламон какой-нибудь, как всякий,
Кого мужчины сыном мы зовем!

П а л а м о н

Тебя ль я другом звал?

А р к и т

И был я другом!
Зачем ты так волнуешься? Позволь

Поговорить с тобою хладнокровно:
Не я ль — часть плоти и души твоей?
Не сам ли ты твердил еще недавно,
Что ты — Аркит, я ж — Паламон?

П а л а м о н

Так, так!

А р к и т

А если так, то разве не могу я
Участие принять в твоей любви,
В твоих печалях, радостях и страхе,
Во всех страданиях?

П а л а м о н

Да, ты это можешь.

А р к и т

Так почему ж так злобно, так коварно
Ты смотришь, точно ты мне стал чужим
И не в родстве со мною благородном?
Ее один желаешь ты любить!
Скажи мне прямо: разве недостойн
Я на нее смотреть?

П а л а м о н

Достоин ты,
Но ты не прав, стремясь ее увидеть.

А р к и т

Как? Потому, что кто-нибудь заметит
Врага скорей, чем я, — обязан я
Спокойно ждать, о чести забывая,
Не нападать?

П а л а м о н

Да, если враг один.

А р к и т

А если враг грозит мне нападением?

П а л а м о н

Пусть сам он скажет это, — и тогда
Свободен ты; теперь же, если станешь
Преследовать ее, — будь проклят ты,
Как враг страны, как негодяй клейменный.

А р к и т

Ты сумасшедший.

П а л а м о н

Буду сумасшедшим,
Пока ты стоишь этого, Аркит,
И если в этом бешенстве удастся
Мне погубить тебя, — я буду прав.

А р к и т

Фуй, фуй! Себя ведешь ты, как ребенок.
Ее любить я буду, смею, должен,
Имею право!

П а л а м о н

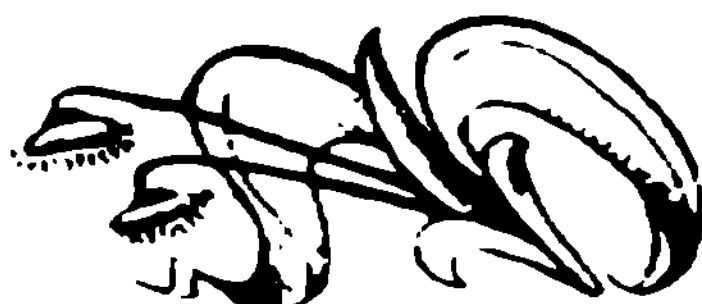
О, когда б судьба
Нам даровала только час свободы
И наши добрые мечи, чтоб мог
Ты, лживый друг, сойтись со мной лицом к лицу!
Тебе тогда я скоро б показал,
Что значит похищать любовь у друга!
Ты сердцем ниже, чем презренный вор!
Посмей хоть раз лишь выглянуть в окошко:
Клянусь, тебя к нему я пригвозжу!

А р к и т

Ты этого не смеешь, полоумный!
Ты этого не можешь, ты бессилен!
Я выгляну не только головой,
А высунусь всем телом; в сад я прыгну,
Когда ее увижу, — отдохну
В ее объятьях для твоей досады!

П а л а м о н

Молчи пока: сюда идет тюремщик;
Живи, чтоб мог я череп раздробить
Тебе вот цепью этою.

А р к и т

Попробуй!

Входит тюремщик.

Т ю р е м щ и к

Прошу прощения, господа.

П а л а м о н

Что нужно,
Почтеннейший тюремщик?

Т ю р е м щ и к

Принц Аркит,
К себе вас герцог требует, — причина
Мне неизвестна.

А р к и т

Я готов, тюремщик.

Т ю р е м щ и к

Принц Паламон, я принужден лишить
Вас общества прекрасного кузена.

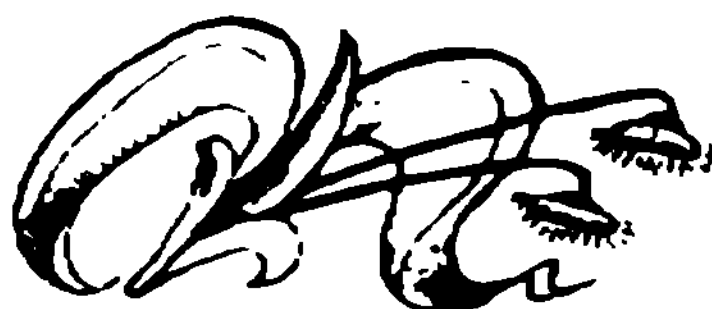
П а л а м о н

Лиши меня хоть жизни, — все равно!

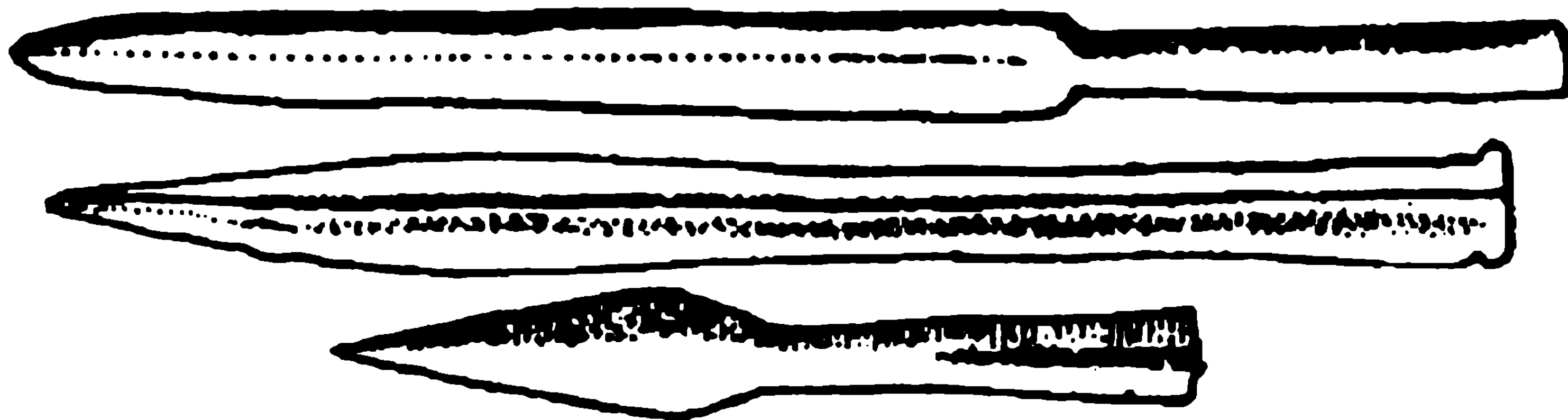
Тюремщик и Аркит уходят.

Зачем его отсюда отозвали?

Возможно, что он женится на ней:

Быть может, герцог о происхождении
Его, о красоте его узнал...
Но до чего коварен он! Возможно ль,
Чтоб друг так друга предавал? О, если
Такую благородную жену,
Красавицу такую он получит, —

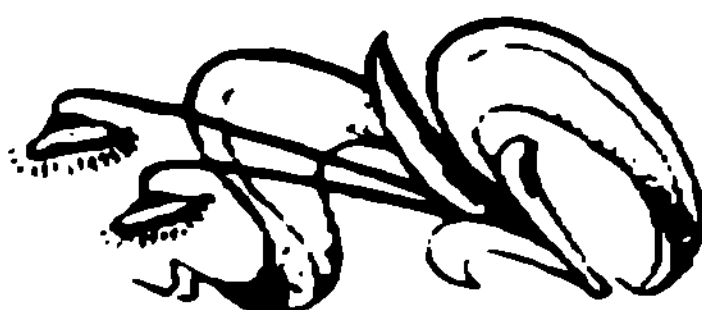

Наконечники древнегреческих бронзовых копий
То честному не стоит и любить!
О, если бы хоть раз еще единый
Увидеть мне ее!

(Смотрит в окно.)

Счастливый сад!

Твои цветы блаженствуют в сиянии
Очей ее прекрасных! О, когда бы, —
Хотя б ценою будущей всей жизни, —
Я мог стать этим малым деревцом,
Цветущим абрикосом! Как я рос бы,
Как жадно ветви простираю бы я
К ее окну! Плоды я приносил бы,

Достойные стола самих богов;
Отведав их, она цвести бы стала
Еще пышней, еще прекрасней вдвое,
И, если эта дева не богиня,
Она подобна стала бы богам
Настолько, что они бы устрашились.
Наверное за это все она
Меня бы полюбила!

Входит тюремщик.

А, тюремщик!

Что, где Аркит?

Т ю р е м щ и к

Он изгнан из страны.

Принц Пиритой ему освобождение
Доставил, но с условием одним, —
Чтоб он поклялся жизнью своею,
Что никогда ногой он не коснется
Земли афинской.

П а л а м о н
(в сторону)

Он счастливец! Фивы
Увидит он опять, собрать он может
Опять, как прежде, юношей отважных,
Которые, когда прикажет он,

Сражаться будут пламенно; возможно,
Что он войну начнет из-за нее,
И если он тогда не овладеет
Красавицей — он будет жалким трусом;
А если точно благороден он, —
Он тысячу найдет путей отважных,
Чтоб ею завладеть. О, если б я
Был на свободе, — подвигов великих
Я совершил бы столько, что она,
Сама она, прекраснейшая дева,
В мужчину превратиться пожелала б,
Чтоб покорить меня!

Т ю р е м щ и к

Достойный принц!
Я дело к вам имею.

П а л а м о н

Дело? Чтобы
Отделаться навеки от меня?
Убить меня?

Т ю р е м щ и к

О, нет; но вашу светлость
Приказано отсюда удалить:
Окно здесь слишком велико.

П а л а м о н

Чтоб черти

Побрали всех завистников! Прошу
Убей меня!

Т ю р е м щ и к

Тогда меня повесят.

П а л а м о н

Клянусь сиянием солнца, если б меч
Мне дали, я б убил тебя!

Т ю р е м щ и к

За что же?

П а л а м о н

Ты все такие вести мне приносишь,
Что жизни, право, не достоин ты.
Я не пойду.

Т ю р е м щ и к

Пойдемте, принц: так надо.

П а л а м о н

Я буду видеть сад оттуда?

Т ю р е м щ и к

Нет.

П а л а м о н

Так ни за что я не пойду.

Т ю р е м щ и к

Я должен

Принудить вас, а так как вы опасны,—
Оков я должен больше наложить.

П а л а м о н

Что ж, наложи, любезный; ими стану
Я так трясти, что спать я вам не дам:
То будет новый мавританский танец!
Так должен я идти?

Т ю р е м щ и к

Увы, должны!

П а л а м о н

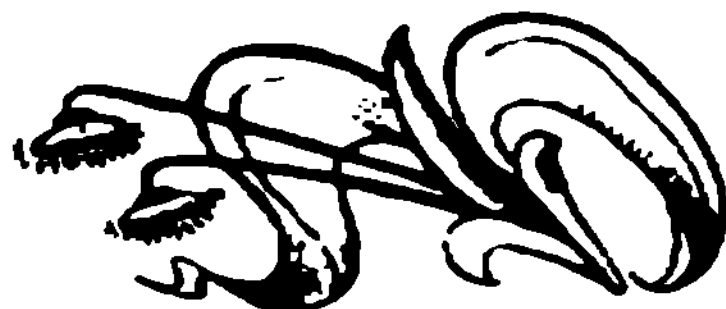
(в сторону)

Итак, прощай же, милое окошко!
Пусть никогда тебя не смеет ветер
Захлопнуть! О, красавица моя!
Знавала ль ты когда-нибудь, что значит
Тоска? И если знала, то пойми,
Как горько мучаюсь в своей печали я!

(Тюремщику.)

Ну, что ж, идем: похорони меня.

(Уходят.)

Сцена 3

Местность близ Афин.

Входит А р к и т.

А р к и т

Я изгнан из Афин. Конечно,— это
Благодеянье мне,— благодарю!
Но жить в изгнании, чтобы не видеть вечно
Той, для кою я рад бы жизнь отдать,—
О, это казнь изысканная, гибель
Ужасней смерти, это — злая кара,
Какую я не мог бы заслужить,
Будь даже я преступный, старый грешник!
Перед тобою, Паламон, открыто
Ристалище; быть может, каждый день
Встречать ты будешь взор ее блестящий
В окне своем, и жить ты будешь им!
Ты можешь наслаждаться красотою,
Которой нет подобной и не будет!
О, как богами взыскан Паламон!
Бьюсь об заклад: заговорит он с нею,
И, если сердце нежно у нее
Настолько ж, как ее прекрасен образ,—
Клянусь, она достанется ему!
Его язык смирить способен бурю,
Способен он очаровать скалу!..

Но будь что будет: смерть всего ужасней;
Я из страны афинской не уйду;
В развалинах страна моя родная,
И если я уйду, то все погибло:
Он ею овладеет. Решено:
Я вид иной приму, переоденусь
И попытаю счастья иль погибну.
Так или нет,— хочу счастливым быть,
Жить близ нее иль более не жить.

Входят четыре крестьянина, пятый идет впереди
и несет венок.

Первый крестьянин

Товарищи! Туда пойду я, право!

Второй крестьянин

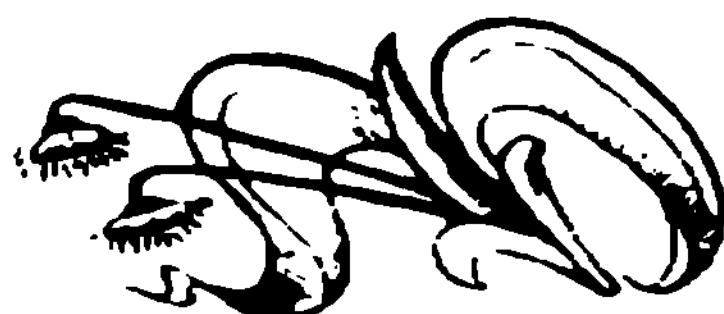
И я иду туда!

Третий крестьянин

И я туда!

Четвертый крестьянин

Эх, парни! Уж куда ни шло: за вами
Пущусь и я! Ну что мне брань жены?
Пускай сегодня этот плуг попашет,
А завтра я отлично из него
Кляч выпрягу.

Первый крестьянин

Сужу я точно так же:
Моя жена ревнива, как индюк;
А мне-то что? Пускай себе бормочет!

Второй крестьянин

Борт к борту с нею следующей ночью
Сойдешься ты и тем поправишь все!

Третий крестьянин

Да не забудь указку дать ей в руку:
Взяв тот урок, — увидишь ты, — она
Исправится и славной бабой станет.
Участвовать мы будем в танце?

Четвертый крестьянин

Будем!

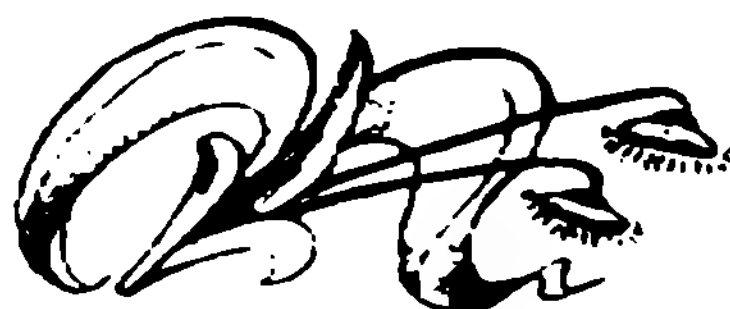
Что помешает нам?

Третий крестьянин

Придет Аркас.

Второй крестьянин

Придут Рикас и Сенноис, — танцоры,
Каких не может лучше быть для пляски!
А что за девки будут там, — ого!

Не знаете ль, придет ли наш учитель?
Он обещал прийти. На все ведь руки
У нас он мастер: все мы это знаем.

Т р е т и й к р е с т ь я н и н

Скорее съест он свой букварь, чем нас
Обманет: он будет там наверняка.
Уж завязалось дело между ним
И дочерью кожевника так прочно,
Что не развяжешь. И она придет;
Она желает герцога увидеть
И вместе с нами будет танцевать.

Ч е т в е р т ы й к р е с т ь я н и н

Достаточно ли будем мы проворны?

В т о р о й к р е с т ь я н и н

Пусть дуют все афинские мальчишки
Нам в зад, как ветер! Буду здесь и там,
И снова здесь, и снова там — знай наших!
Да здравствуют ткачи!

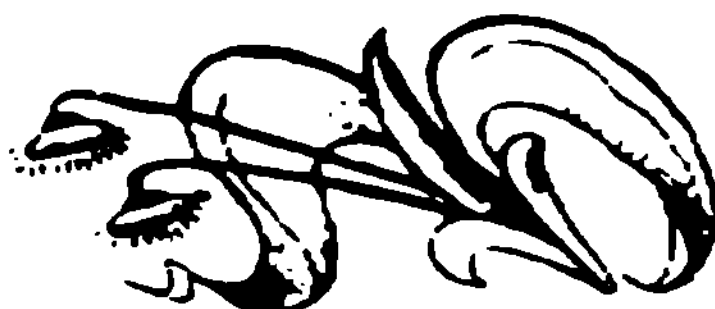
П е р в ы й к р е с т ь я н и н

В лесу удобно

Устроить это.

Ч е т в е р т ы й к р е с т ь я н и н

Вот еще!

Второй крестьянин

Не спорь:

Так наш учитель сказывал; сумеет
Он герцога весьма красноречиво
Уговорить для нашей общей пользы.
В лесу ему привычно; на равнине
Его наука будет ни к чему.

Третий крестьянин

Посмотрим игры, а потом — за дело!
Сперва одни сделаем все это,
Покуда дамы не видали нас,—
А там — старайся, кто как лучше может...
Кто знает, что за это нам дадут!

Четвертый крестьянин

Отлично! Пусть они кончают игры,—
А там — свое исполним мы. Вперед!

Аркит

Позвольте вас спросить, друзья: куда вы
Идете?

Четвертый крестьянин

Как куда? Что за вопрос?

Аркит

Когда б я знал, то спрашивать не стал бы.

Третий крестьянин
На игры, друг!

Второй крестьянин
Да где же ты родился,
Что этого не знаешь?

Аркит
Недалеко.
Сегодня игры здесь?

Первый крестьянин
Такие игры,
Каких ты в жизнь не видывал: сам герцог
Присутствовать на них намерен лично!

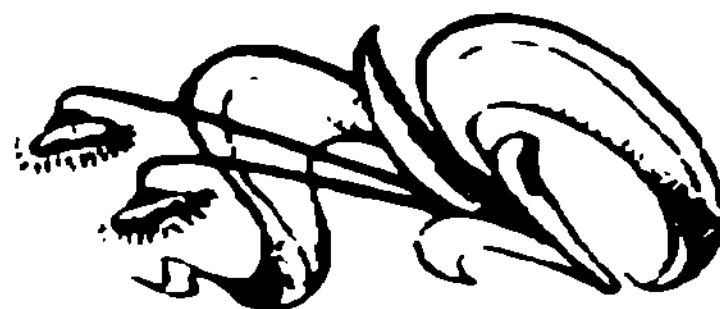
Аркит
Какие ж будут состязания там?

Второй крестьянин
Бег и борьба.

(В сторону.)
А право, он красавчик.
Не хочешь ли пойти ты с нами?

Аркит

Нет.

Ч е т в е р т ы й к р е с т ь я н и н

Ну, нет, так нет; ступай своей дорогой.
Товарищи, идем!

П е р в ы й к р е с т ь я н и н

Подозреваю,
Что это парень дошлый: посмотрите,
Как он сложен.

В т о р о й к р е с т ь я н и н

Пускай меня повесят
Когда решится он бороться! Он?
Чтоб он боролся? Этакая каша!
Яичница! Не медлите ж, идем!

Крестьяне уходят.

А р к и т

Является такой удобный случай,
Какого я не смел и ожидать.
Мне приходилось много раз бороться,
И говорили знатоки, что я
Борюсь прекрасно; точно так же в беге
Я отличался: ветер, вдоль по ниве
Несущийся, колосья нагибая,
Не мог лететь быстрее, чем я летел.
Итак решаюсь: в бедную одежду
Оденусь я, чтоб узнанным не быть;

Как знать: быть может, мне венок украсит
Чело; быть может, счастье приведет
К тому, что буду жить я близко к милой!

(Уходит.)

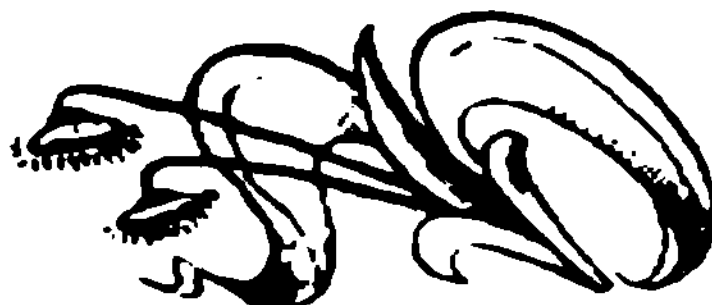
Сцена 4

Афины. Комната в тюрьме.

Входит дочь тюремщика.

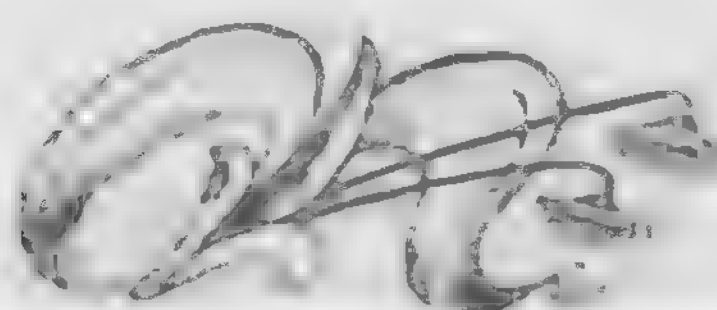
Дочь тюремщика

Как мне любить такого человека?
Мы так различны: родом я ничтожна, —
Простой тюремщик мой отец, а он —
Он знатный принц! Чтоб он на мне женился, —
О том, конечно, нечего мечтать,
А быть его любовницей — безумно.
Прочь эти мысли! Что за испытания
Готовятся нам, девушкам несчастным,
Как только минет нам пятнадцать лет!
Его увидев в первый раз, нашла я
Его красивым, — в нем так много есть,
Что женщинам понравиться могло бы,
Когда б желал он нравиться; потом
Жалеть его я стала, и, понятно, —
Какая же из девушек, мечтавших
Когда-либо о женихе красивом,
Чтоб девственность свою ему вручить,

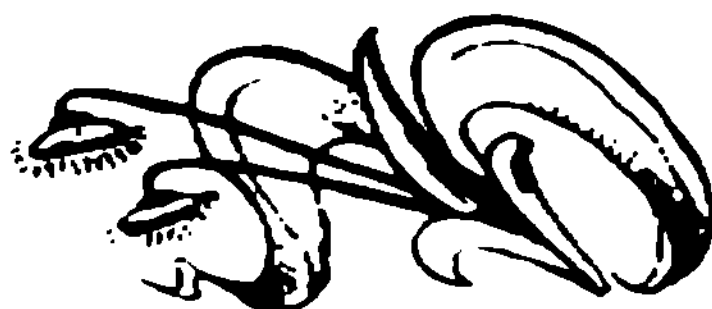

Голова девушки. Из собрания греческой скульптуры
в Государственном Эрмитаже

Его не пожалела бы! А после
Его я полюбила, — полюбила
Безумно, беспредельно! У него
Ведь есть кузен, — как он, красавец тоже, —
Но в сердце у меня царит один
Лишь Паламон, — царит там безраздельно!
Как слушать я люблю по вечерам,
Как он поет, хоть песни эти грустны!
А как он говорит! Нет дворянина,
Который бы изящней говорил!
Когда я утром прихожу, чтоб воду
Подать ему, — свой благородный стан
Сгибает он и так меня учтивой
Приветствует он речью: “С добрым утром,
Прекрасная девица! Пусть тебе
За доброту твою дарует небо
Хорошего супруга!” Он однажды
Меня поцеловал — и десять дней
С тех пор свои я обожала губы;
О, если б так он делал каждый день!
Но вечно он грустит и этой грустью
Мое терзает сердце. Чем могла бы
Я доказать, что я его люблю?
Как я его обрадовать хотела б!
Попробовать его освободить?
Что скажет правосудье? Иль я слишком
Забочусь о законе, о родных?

Так, решено: ему я дам свободу
И в эту ночь иль завтра, может быть,
Добыюсь того, что он меня полюбит!

(Уходит.)

Сцена 5

Площадь в Афинах.

Короткие звуки рожков и крики народа за сценой. Входят Тезей, Ипполита, Пиритой, Эмилия и Аркит в крестьянской одежде, в венке, за ними народ.

Тезей

Ты действовал прекрасно; я не видел
С тех пор, как с нами Геркулеса нет,
Таких могучих мускулов; ты в беге
Был первым, и в борьбе ты отличился,
Насколько лишь возможно в наше время.

Аркит

Я очень горд, что угодить сумел.

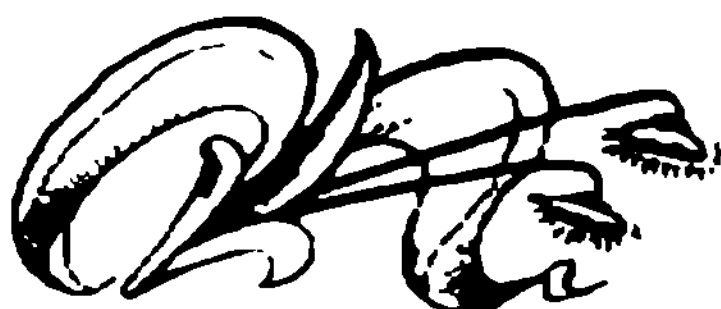
Тезей

В какой стране родился ты?

Аркит

В Элладе,

Но очень далеко от этих мест.

Тезей

Ты дворянин?

Аркит

Так говорил отец мой:
Он дал мне жизнь для благородных дел.

Тезей

И ты его наследник?

Аркит

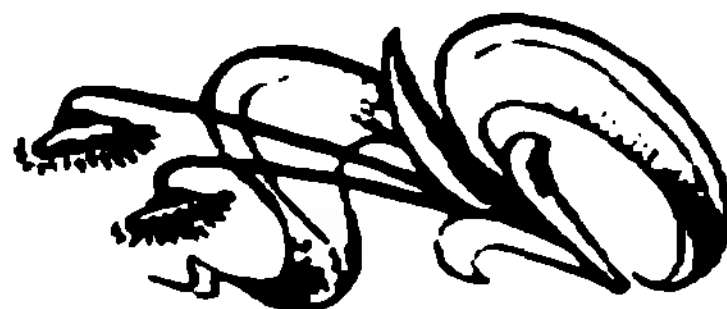
Нет, я младший
Из сыновей.

Тезей

Счастливец твой отец.
Что ж ты умеешь делать?

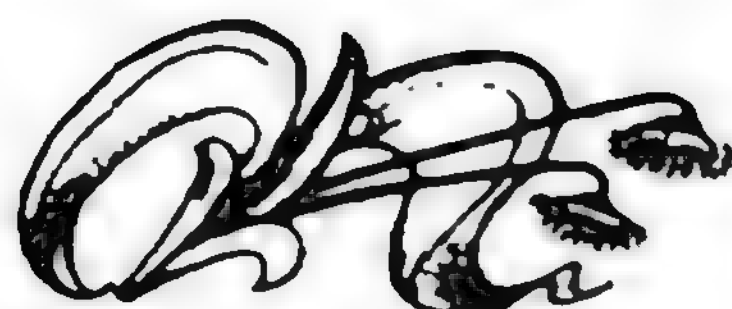
Аркит

Понемногу
Из всех занятий благородных: мог бы
Я сокола держать; люблю в охоте
Скликать я громким зовом верных псов;
Хоть не могу похвастаться я слишком
Своим искусством в верховой езде,
Но те, кто знал меня, всегда твердили,
Что в этом деле я всего искусней.
Но более всего хотел бы я
Быть воином.

Дискобол. Статуя работы Мирона, вторая четверть V в. до н. э.

Тезей

Ты, право, совершенство!

Пиритой

Клянусь душой, он бравый молодец!

Эмилия

Да, это так.

Пиритой

Что скажет герцогиня?

Ипполита

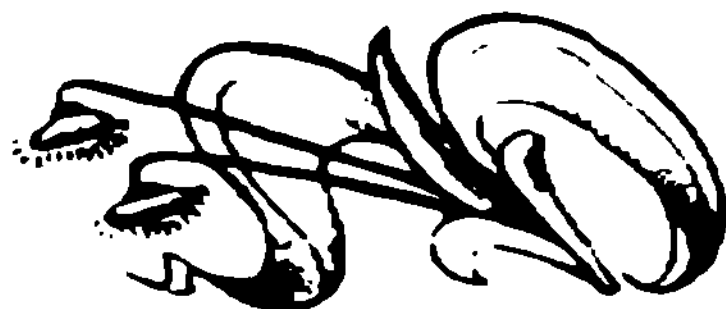
**Я восхищаюсь им: мне не случилось
Такого благородства видеть в людях
Столь молодых и в этом звании, — если
Он звания настоящего не скрыл.**

Эмилия

**Должно быть, мать его была красива
И от нее он получил в наследство
Лицо свое.**

Ипполита

**А смелый, гордый нрав
И мощное его телосложение
В нем отличают бравого отца.**

П и р и т о й

Заметьте, как из-под одежды скромной,
Как будто солнце из-за серых туч,
Сквозит в нем доблесть!

И п п о л и т а

Да, он бравый малый.

Т е з е й

Скажи, чего ж ты для себя желаешь?

А р к и т

Тезей светлейший, я хочу себе
Составить имя на достойной службе
Тебе, героев образец прекрасный,
Затем, что здесь лишь, при твоём дворе, —
Трон и жилище светлоокой чести.

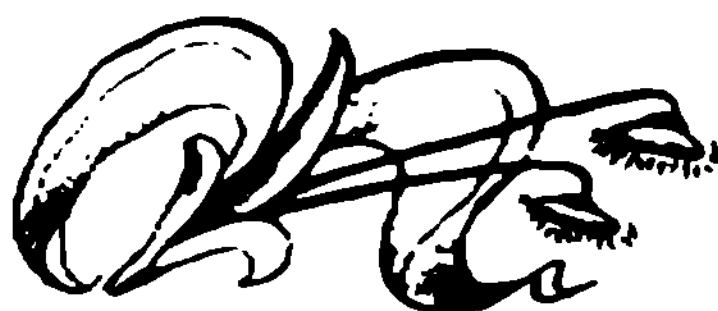
П и р и т о й

Прекрасны все его слова!

Т е з е й

Твой подвиг

Приятен нам, и мы твоё желание
Исполним. Пиритой, располагай
Прекрасным этим юным дворянином.

П и р и т о й

Благодарю, Тезей.

(Аркиту.)

Кто б ни был ты,
Теперь ты мой, и я тебя приставлю
К прекраснейшей из служб: вот к этой юной
Принцессе, деве чудной красоты.
Храни ее! Ты подвигом высоким
Почтил прекрасный день ее рожденья, —
Так будь слугой ей. Поцелуй ей руку!

А р к и т

Ты столь же щедр, как благороден принц!

(Эмили.)

Красавица божественная! Клятву
Позвольте вам принести от сердца!

(Целует ей руку.)

Если

Слуга ваш, — это жалкое создание
В сравнении с вами, вас когда-нибудь
Обидит или огорчит, велите,
Чтоб умер он, — и тут же он умрет!

Э м и л и я

Нет, это слишком было бы жестоко,
Когда ты будешь верно мне служить,

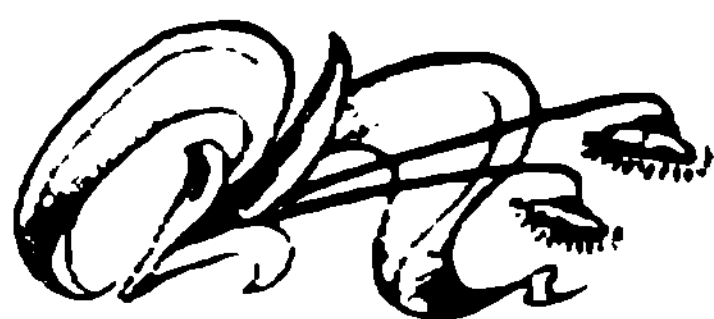
Вознаградить тебя я не замедлю;
С тобой я буду обращаться лучше,
Чем мог бы ты по званию ожидать.

Тезей выходит из лабиринта с убитым Минотавром

П и р и т о й

Тебя снабдим мы всем необходимым;
И так как ты сказал, что ты наездник,
То к вечеру на скачку приходи,
Хотя, предупреждаю, эта скачка
Сурова будет.

А р к и т

Тем она приятней:

Я не озябну на своем седле.

Т е з е й

(Ипполите)

Прошу я, дорогая, приготовься;

Эмилия, и ты, —

(Пиритою.)

И ты, мой друг, —

И все вы: завтра мы с восходом солнца

Отправиться предполагаем в рощу

Дианину — встречать веселый май.

Ты, новый паж, ступай за госпожою.

Надеюсь, что пойдет он не пешком?

Э м и л и я

Мне было б это стыдно: я имею

Коней довольно.

(Аркиту.)

Выбери коня

И вообще проси всего, в чем будешь

Нуждаться: если верен будешь мне,

Всегда я буду доброй госпожою.

А р к и т

А если дурно буду я служить,

То пусть меня постигнут все несчастья,

Которые отец мой ненавидел, —
Немилость и удары.

Т е з е й

Ты вступаешь
На путь, который сам ты заслужил.
Всегда получишь ты вознаграждение
Достойное за подвиги свои;
Не дать его — несправедливо было б.
Клянусь, сестра, слуга тебе достался,
Который, если б женщиной я был,
Пожалуй, превратился б в господина.
Но ты умна.

Э м и л и я

На этот раз, надеюсь,
Я буду даже чересчур умна.

Трубы. Уходят.

Сцена 6

Улица перед тюрьмой.

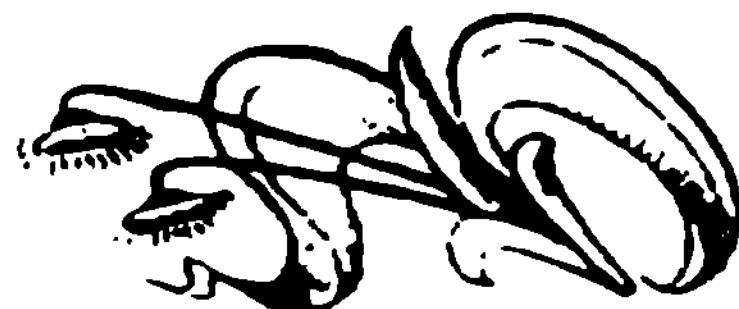
Входит дочь тюремщика.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Пусть бесятся все герцоги, все черти, —
Он на свободе: выпущен он мною!
Его я в рощу отвела, за милю

Отсюда, где растет высокий кедр,
Вокруг свои распростирая ветви,
У самого ручья; скрываясь там,
Он будет ждать, пока пилу и пищу
Я принесу: железные браслеты
Еще с него не сняты. О Амур,
Бесстрашное дитя, как ты отважен!
Отец мой сам скорей надел бы цепи,
Чем сделал бы, что совершила я!
Его люблю я без ума, без меры,
Без робких дум, без страха за себя,
И к прочему всему я равнодушна.
О, пусть я рук закона не избегну,
Пускай меня осудят и казнят,
Но все-таки,— уверена я в этом,—
Всегда найдутся женские сердца,
Сердца невинных, чистых дев, которым
Внушу я жалость; песнью погребальной
Они меня почтят; они расскажут,
Что благородна смерть моя была,
Что я, почти как мученица, в жертву
Жизнь отдала за страстную любовь.
Какую изберет себе дорогу
Возлюбленный, по той и я пойду:
Не может быть, чтоб он меня покинул!
А если бросит он меня, мужчинам
Не будут верить девушки совсем!

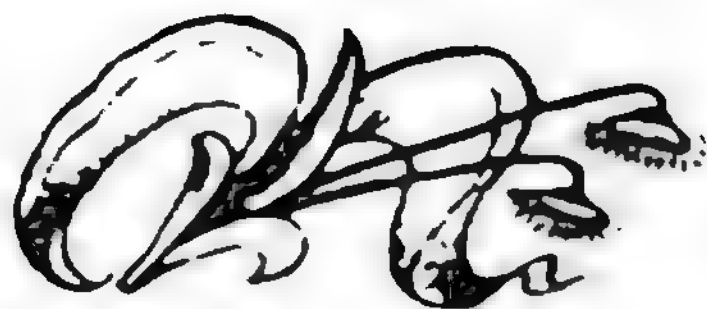

Однако, он, приняв мою услугу,
За то мне даже не сказал “спасибо”;
Меня он даже не поцеловал.

Девушка. Статуэтка из терракоты. V в. до н. э.

Да, это знак дурной; притом же, трудно
Мне было убедить его бежать:
Он все боялся причинить несчастье
Мне и отцу. Но все же я надеюсь,
Что, убедясь вполне в любви моей,
Он, наконец, и сам меня полюбит.

Пускай со мной он делает, что хочет,
Но должен он со мною ласков быть;
Он будет ласков, иль ему скажу я,
Скажу в лицо, что не мужчина он!
Итак, спешу я; всем необходимым
Снабжу его, возьму свои все платья, —
А там, — куда б судьба не занесла, —
Я буду с ним, его сопровождая
Везде, как тень. И пусть здесь через час
Пойдут по всей тюрьме и шум, и крики:
Я в это время буду целовать
Того, кого искать напрасно будут!
Прощай, отец! Имей побольше только
Ты узников таких и дочерей —
И сам себя в тюрьму посадишь скоро!
Итак, бегу! Скорей, скорей к нему!

(Уходит.)

АКТ III

Сцена 1

Лес близ Афин.

С разных сторон раздаются звуки рогов. За сценой шум и перекликающиеся голоса народа, встречающего майский праздник.

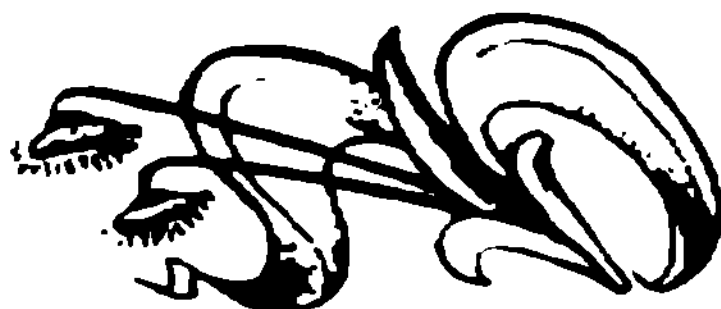
Входит Аркит.

Аркит

Расстался герцог с Ипполитой; каждый
Отправился один; таков обычай,
Которым здесь встречают светлый май;
Его в Афинах свято соблюдают.
Эмилия, красавица принцесса!
Милее ты, чем майская краса,
Прекраснее весенних нежных почек,
Роскошней, чем цветочный весь ковер
Полей, лугов, садов! Мы величаем
По именам прекрасных нимф лесных.
Ручьи в их чудных берегах цветистых, —
А ты, краса лесов, краса вселенной,
Одним лишь посещением своим

Всю эту местность обоготворила!
О, как бы я блажен был, недостойный,
Когда бы в размышлениях своих
Хоть изредка меня ты вспоминала,
Хоть равнодушной мыслию меня
Касалась бы! Благословен мой жребий,
Меня приведший стать ее слугой,
О чем не смел я и мечтать! Скажи мне,
Судьба, моя владычица вторая
Вслед за моей Эмилией: насколько
Могу мечты я гордые питать?
Ко мне всегда внимательна принцесса,
К себе меня приблизила она;
Сегодня, в это радостное утро,
В день лучший года, — подарила мне
Она коней прекраснейшую пару:
Таких коней, что сесть на них могли б
Два короля, когда б на поле чести
Корону им отстаивать пришлось!
А Паламон? Увы, кузен мой бедный,
Несчастный узник! Ты так мало грезишь
О счастье, мне доставшемся на долю,
Что ты себя счастливее считаешь,
Чем я, мечтая, что ты ближе к ней!
Ты думаешь, что я блуждаю в Фивах,
А потому несчастен, хоть свободен;
О, если бы ты только знал, что я

Еще недавно пил ее дыхание,
Внимал ее речам, смотрел ей в очи, —
Как страшно разгорелся бы твой гнев!

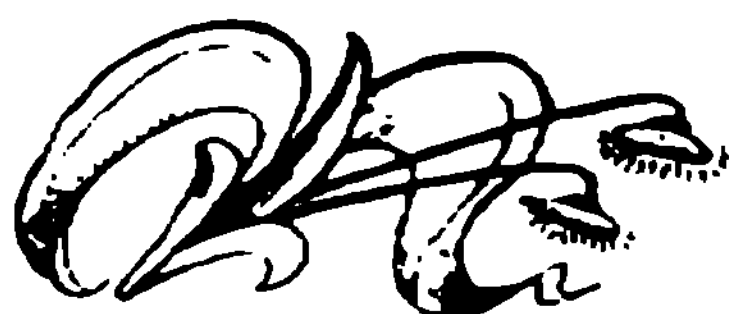
Из-за куста выходит П а л а м о н в цепях и грозит Аркиту кулаком.

П а л а м о н

А, родственник изменник! Ты узнал бы,
Каков мой гнев, когда б от этих уз
Свободен был я и мечом владел бы!
Клянусь я всеми клятвами и правдой
Любви моей, — заклятый ты злодей!
Ты вероломнейший из всех на свете,
Имевших внешность доблестную; худший,
Бесчестнейший из всех рожденных честно!
Ты лживейший из родственников кровных!
Итак, своею ты ее зовешь?
Так знай, злодей, что, даже не снимая
Оков своих, вот этими руками,
Без всякого оружия, докажу я,
Что ты солгал, что ты лишь вор любви,
Презренное ничтожество, что даже
Названия негодяя ты не стоишь!
Когда б не эти путы, если б меч
В руках имел я...

А р к и т

Дорогой кузен мой...

П а л а м о н

Кузен, на козни быстрый, речь держи
Такую же, как все твои поступки!

А р к и т

Не нахожу я в сердце у себя
Той грубости, какою полн твой окрик,
А потому тебе отвечу так,
Как мне велит ответить благородство.
Твой гнев тебя ввергает в заблуждение:
Он враг тебе, и мне не может он
Быть другом. Честь и честность сохраняю
Я всюду и во всем намерен ими,
Кузен, руководиться я и впредь.
А потому прошу тебя спокойно
Сказать мне, в чем твоя печаль, и знай:
Я говорю с тобой, как равный с равным,
Как благородный человек, который
Всегда себя сумеет защищать
Мечом и веским словом.

П а л а м о н

Полно, так ли?
На это ты способен ли, Аркит?

А р к и т

Кузен, кузен! Не раз имел ты случай
Узнать, довольно ль смелости во мне;

Ты видел сам, как отражать угрозы
Умею я мечом! Никто другой
Во мне не усомнится; ты ж не мог бы
Смолчать, хотя бы даже в храме был.

П а л а м о н

Все это так; тебя я в битвах видел,
Где мужество свое ты доказал;
Тебя зовут все рыцарем отважным;
Но если раз в неделю дождь идет, —
Нельзя уже сказать, что всю неделю
Хорошая погода простоят.
Раз изменив, теряют люди храбрость
И бьются слабо, как ручной медведь,
Который рад бы обратиться в бегство,
Когда его бы не держала цепь.

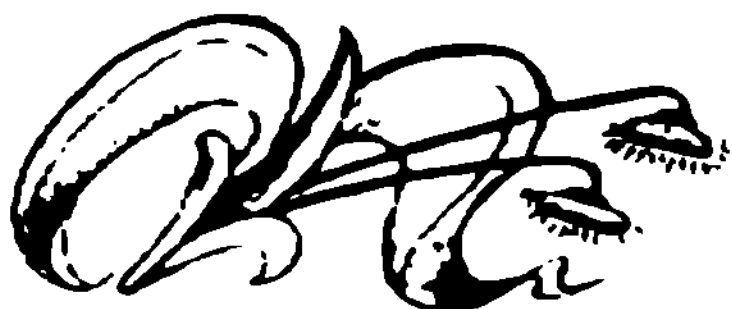
А р к и т

Кузен, ты можешь говорить все это
Пред зеркалом себе же самому;
Не мне бы это слышать, мне, который
Тебя за это презирает.

П а л а м о н

Стой:

Сперваними с меня вот эти путы,
Дай в руки мне хотя бы ржавый меч
И дай мне есть, чтоб утолил я голод;

Затем с мечом на битву выходи
И смей назвать Эмилию своею:
Тогда клянусь обиду всю забыть,
Которую ты мне нанес, и если
Тебе удастся жизнь мою отнять,—
Тогда в загробном мире душам храбрых,
В бою умерших мужественной смертью,
Которые спросили бы меня,
Что на земле творится,— расскажу я
Одно: что благороден ты и храбр.

А р к и т

Спокоен будь; опять в кустах укройся
И жди меня: наутро я приду
С запасом пищи, распилю оковы
И свежие тебе одежды дам;
Я принесу тебе благоухания,
Чтоб заглушить темницы запах; после,
Когда вполне справишься, скажи:
“Аркит, готов я” — и тебе на выбор
Я предложу тогда и меч и латы.

П а л а м о н

О небеса! Кто, если не Аркит,
Имея на душе дурное дело,
Так благороден может быть! Кто может
При этом быть столь смелым, как Аркит?

А р к и т

Друг Паламон...

П а л а м о н

Готов тебя обнять я
За это предложение! Но заметь:
За это лишь тебя я обнимаю,
Без этого тебя я не коснулся б
Иначе, как мечом.

Слышен звук рожков.

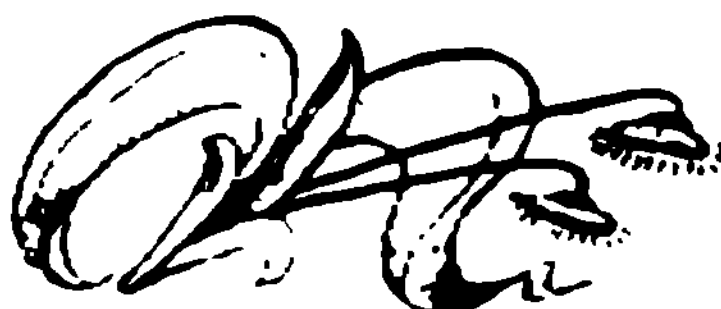
А р к и т

Чу! Слышишь ты?

В убежище свое скорее скройся,
Чтоб состоялся поединок наш
И не был прерван раньше, чем начнется.
Прощай же! Дай мне руку: будь спокоен;
Все нужное тебе я принесу,
Чтоб был ты крепок.

П а л а м о н

Так сдержи же слово,
Приди сюда и беспощадно бейся.
Наверное не любишь ты меня, —
Так будь же груб со мною, не старайся
Слова свои подмаслить. Я готов
За каждое из слов тебя ударить:
Желудок мой речами не уймешь.

А р к и т

По крайней мере это откровенно!
Так извини ж за грубые слова:
Когда коня я шпорю, — не ругаюсь;
Доволен ли, сердит ли я, лицо
Мое одно и то же.

Звук рожков.

Слышишь зов?

К обеду всех сзывают; ты, конечно,
Поймешь, что я обязан поспешить.

П а л а м о н

Едва ль твое присутствие при этом
Богам угодно: ты путем неправым
Ту приобрел обязанность.

А р к и т

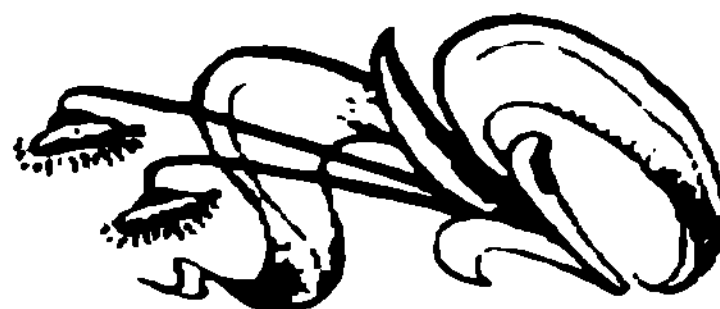
Я знаю,

Что я имею право на нее.
Вопрос об этом разрешится кровью.
За эти речи взыскивать я буду,
И должен будешь ты ответ держать.
О том ни слова более.

П а л а м о н

Одно лишь

Позволь сказать: сейчас ты видеть будешь

Владычицу мою,— она моя,
А не твоя...

А р к и т

О, нет!

П а л а м о н

Нет, нет! Ты хочешь
Мне пищу дать, чтоб подкрепить меня,
А сам идешь теперь смотреть на солнце,
Которого блестящие лучи
Еще гораздо больше укрепляют,
И в этом ты имеешь предо мной
Большое преимущество. Что делать:
Воспользуйся, пока не соберу
Я сил своих для мести. До свиданья.

(Уходят в разные стороны.)

Сцена 2

Другая часть того же леса.

Входит дочь тюремщика.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Оставил он кусты, где я ему
Велела ждать,— ушел куда-то. Утро
Уж близко, но мне это все равно:
Пускай бы вечно длилась ночь, покрыла б

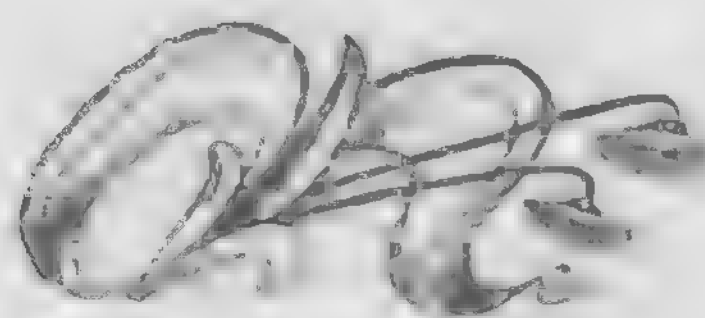

Весь мир своею тьмой! Чу — это волк!
Я не боюсь; меня тревожить может
Одна лишь мысль: мысль эта — Паламон.
Пускай меня бы волки растерзали,—
Лишь передать бы мне ему пилу!
Не крикнуть ли? Нет, крикнуть я не смею:
Он может не откликнуться, и только
Своим я криком привлеку волков
И окажу ему услугу злую.
В ночь эту бесконечную не раз
Я слышала ужасный вой: быть может,
Давно уж волки овладели им?
Он безоружен, он бежать не в силах;
Быть может, звон цепей его привлек
Зверей свирепых: эти звери чуют,
Кто беззащитен, кто не может им
Сопrotивляться. Верно, так и было!
Я слышала, как несколько волков
Завыли громко: в это время, верно,
Он ими был разорван на клочки!
Не позвонить ли в колокол, тревогу
Забить? Но что же станется со мной?
Все кончено: уж он ушел. Нет, лгу я:
За тот побег несчастный мой отец
Повешен будет; для себя спасения
Искать ли? Жизнь я столько не ценю,
Чтоб от поступка своего отречься:

Геракл в саду Гесперид. Из собрания греческой скульптуры
в Государственном Эрмитаже

Нет, лучше я двенадцать раз умру!
Я вся разбита; целых двое суток
Не ела я, лишь несколько глотков
Воды я пригубила; глаз ни разу
Я не смыкала, — разве лишь тогда,
Когда потоки слез я утирала.
Увы, увы! Разрушься, жизнь моя,
Чтоб не сойти с ума мне! Утопиться ль,
Повеситься? Вонзить ли в грудь кинжал?
Пусть рухнет жизнь: опоры расшатались.
Куда идти? Одна дорога: в гроб;
Все прочие пути — лишь заблуждение.
Луна зашла, кузнечики трещат,
Сова кричит перед восходом солнца;
Свершилось все, — лишь не достигла я
Того, чего желала всей душою.
Все кончено: погибла я навек!

(Уходит.)

Сцена 3

Та же часть леса, что и в сцене 1.

Входит А р к и т, неся пилу, провизию, вино и прочее.

А р к и т

Должно быть, это здесь. Гей, Паламон!

Входит П а л а м о н.

П а л а м о н

Аркит?

А р к и т

Он самый. Вот, принес я пищу,
А также и пилу. Иди сюда,
Не бойся, здесь Тезея нет.

П а л а м о н

А также

Здесь нет по чести равного ему.

А р к и т

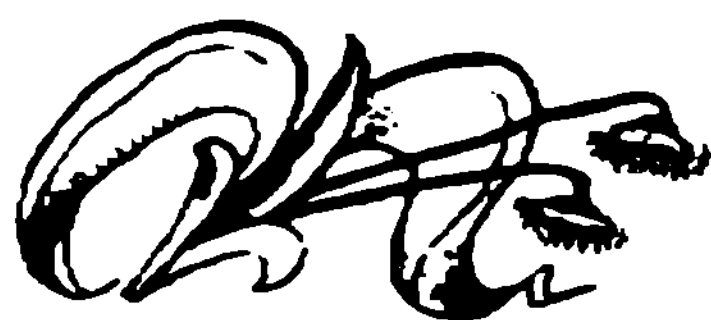
Не в этом дело; мы об этом после
Поговорим. Иди ж и подкрепись;
Нельзя, чтоб ты, как зверь, голодный умер.
Вот здесь вино; пей, ты, я вижу, слаб.
Потом с тобой беседовать мы будем.

П а л а м о н

Аркит, меня ты можешь отравить.

А р к и т

Я мог бы это сделать; только нужно
Сперва, чтоб я тебя боялся. Сядь,
Не будем время тратить по пустому;
Друг друга зная, каковы мы были,

Оставим речи вздорные теперь
Глупцам и трусам. За твое здоровье!

(*Пьет.*)

П а л а м о н

Отлично.

А р к и т

Сядь же; и прошу тебя
И заклинаю всей твоею честью —
Пока ни слова здесь не говорить
Об этой женщине: еще успеем
Наговориться мы о ней.

П а л а м о н

Согласен.

Пью за твое здоровье.

(*Пьет*).

А р к и т

Пей еще:
Тебе вино согреет кровь. Не правда ль,
Себя ты лучше чувствуешь?

П а л а м о н

Постой,

Тебе об этом расскажу я после
Глотка другого.

А р к и т

Больше, больше пей:
У герцога, кузен, вина довольно.
Поешь теперь.

П а л а м о н

Охотно.

(Ест.)

А р к и т

Рад я видеть,
Что аппетит твой так хорош.

П а л а м о н

А я
Доволен, что обедаю так славно.

А р к и т

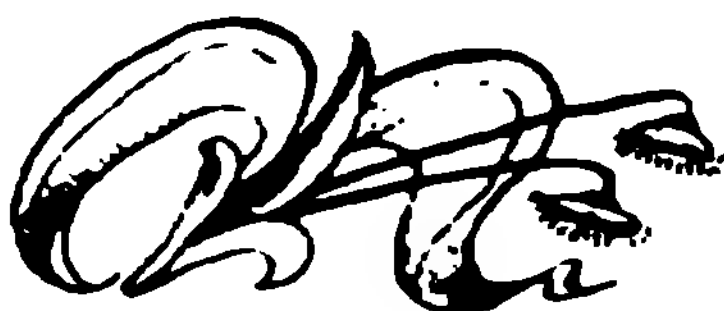
Неправда ль, беспокойно жить в лесу?

П а л а м о н

Да, для того, в ком совесть беспокойна.

А р к и т

Вкусна ли пища? Голод твой, я вижу,
В приправах не нуждается.

П а л а м о н

Пожалуй;

Но если б в них нуждался он, была б
Твоя, кузен, приправа — слишком кислой.
Что это здесь?

А р к и т

Дичина.

П а л а м о н

Это вкусно.

Дай мне, Аркит, еще вина, и выпьем
За женщин тех, каких мы знали прежде.
Дочь стольника ты помнишь?

А р к и т

Да, теперь,

Когда о ней напомнил ты.

П а л а м о н

Любила

Она когда-то одного брюнета.

А р к и т

Любила; что же из того?

П а л а м о н

Его

Аркитом звали, кажется?

А р к и т

Довольно

Об этом, право.

П а л а м о н

Завлекла она

Его в беседку; что же в той беседке
С ним делала она? Не проиграла ль
Девичества?

А р к и т

Что делала она —

О том, кузен, мы говорить не будем.

П а л а м о н

Она страдала месяц или два,
Иль три, иль десять...

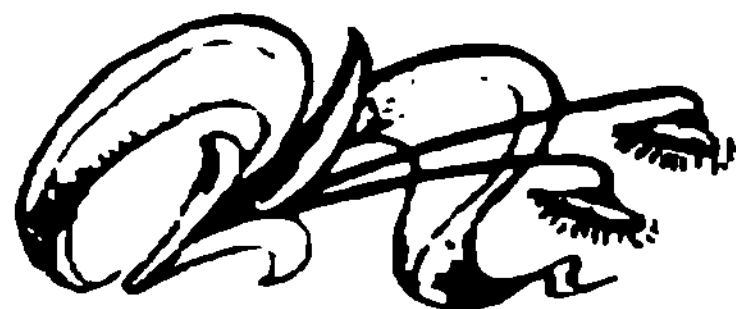
А р к и т

С маршала сestroю

Случилось тоже что-то, говорят, —
По крайней мере много было слухов.
Мы выпьем за ее здоровье?

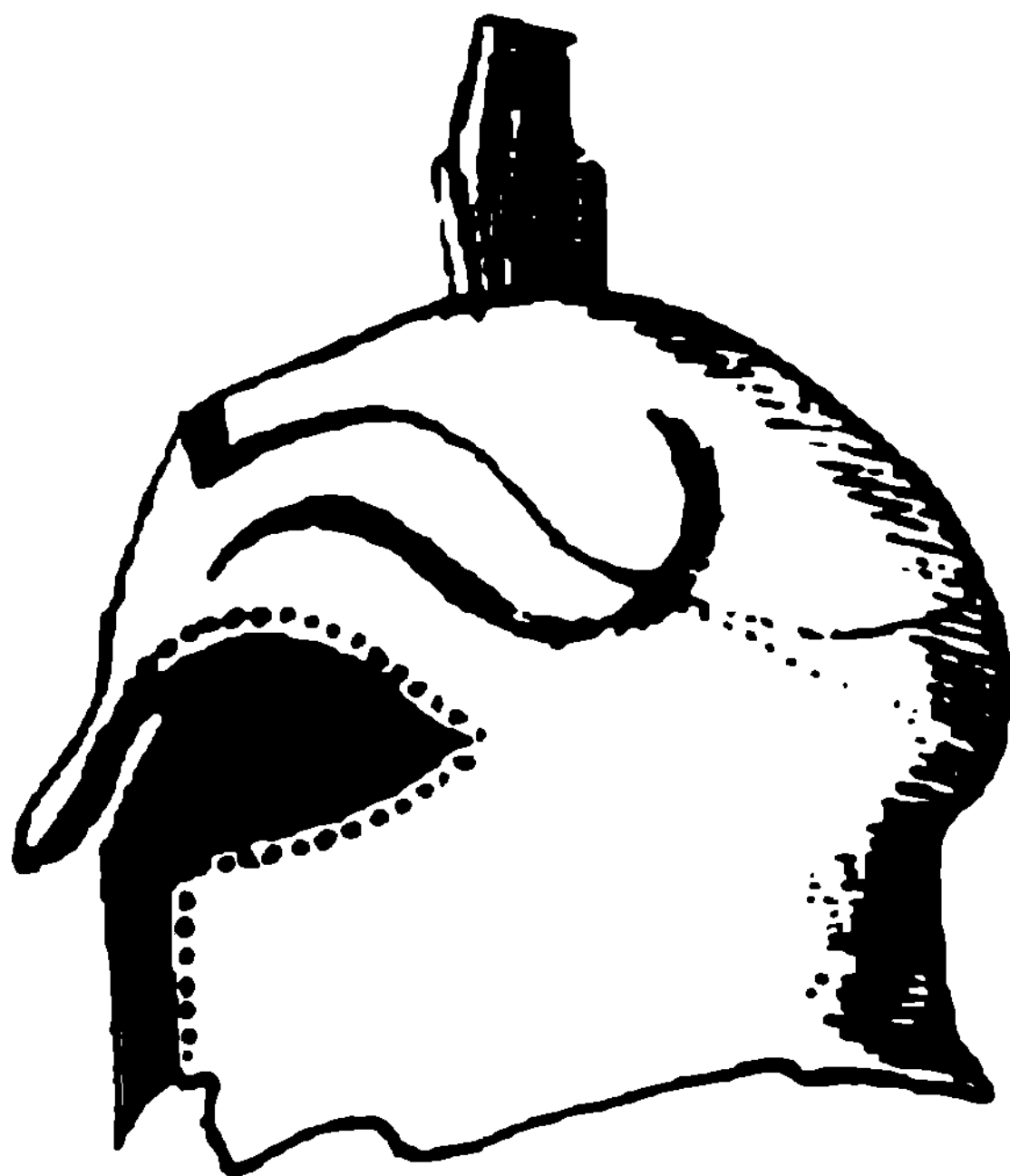
П а л а м о н

Выпьем.

А р к и т

Она была красавица брюнетка.
Охоты помню я веселый шум,
Толпу веселой, бодрой молодежи,
Зеленый лес, тенистый старый бук, —
Под этим буком разыгралась сказка.

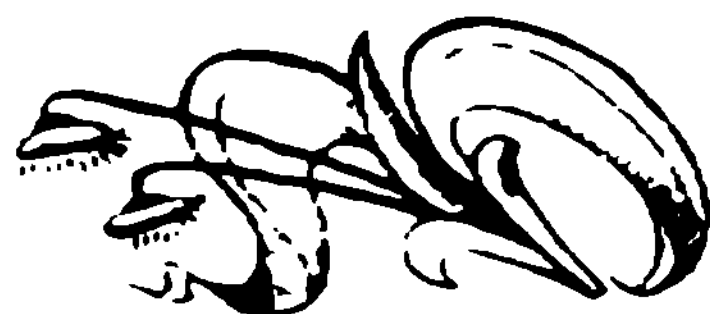
Шлем древнегреческого воина

П а л а м о н

Ну, выпьем за Эмилию теперь!
Довольно нам притворного веселья.
Ты слышишь: за Эмилию! Осмелся,
Кузен бесчестный, выпить за нее!

А р к и т

Ты через край хватил.

П а л а м о н

Землей и небом

Клянусь: в тебе ни капли чести нет!

А р к и т

Я ухожу: ты стал теперь животным.

П а л а м о н

Благодаря, изменник, лишь тебе!

А р к и т

Вот здесь найти ты можешь все, что нужно:
Пилу, белье, духи. Я возвращусь
Чрез два часа и принесу те вещи,
Которые одни нам могут дать
Покой и мир.

П а л а м о н

Конечно, меч и латы?

А р к и т

Не бойся: все тебе доставлю, все.
Теперь ты слишком гадок. До свиданья,
Сними свои брелоки.

П а л а м о н

Эй, слуга!

А р к и т
(уходя)

Я более не слушаю.

П а л а м о н
За это, —
Сдержи он только слово, — он умрет.
(Уходит.)

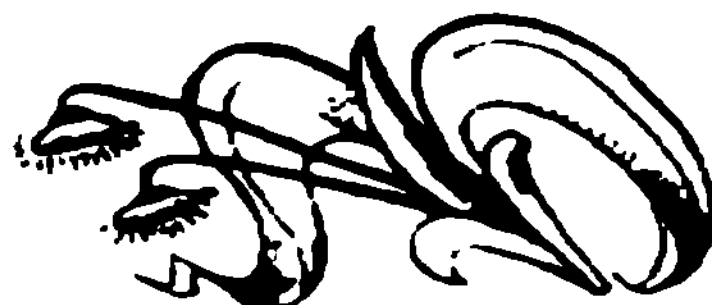
Сцена 4

Другая часть леса.

Входит дочь тюремщика.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Мне холодно! Уж все погасли звезды;
Потухли эти маленькие блески.
При свете солнца я сошла с ума.
Эй, Паламон! Напрасно: он на небе!
Но где же я? Вон там бушует море;
На нем корабль; о, как его качает!
А вон на дне подводный камень ждет.
Вот, вот сейчас он на него наткнется:
Вот, вот наткнулся! Течь уже явилась;
О, как они кричат! Скорей по ветру
Вперед плывите, иль погибли вы!
Вперед, вперед, а после поверните.

Умчались! Доброй ночи, доброй ночи!
Я очень голодна. Хотела б я
Найти лягушку: мне бы рассказала
Она про все, что нового есть в мире.
Еще хотела б раковину я
Иметь и сделать из нее кораблик;
Как северный иль северо-восточный
Подует ветер, — к королю пигмеев
Я быстро понеслась бы: он отлично
Умеет всем предсказывать судьбу,
Бьюсь об заклад, что завтра рано утром
Повешен будет мигом мой отец;
Но я не буду говорить ни слова.

(Поет.)

Я юбочку зеленую поверх колен как раз
На целый фут обрежу: так должна я!
Я срежу кудри желтые на дюйм пониже глаз, —
Я дурочка, я дурочка простая!
Он белый мне костюм сошьет, чтоб ездить мне
верхом,
И целый мир обрыщу я, блуждая.
Повсюду буду я искать свиданья с женихом, —
Я дурочка, я дурочка простая!
Теперь хотела б я, как соловей,
На шип своею грудью наколоться:
Без этого засну я мертвым сном.

(Уходит.)

Сцена 5

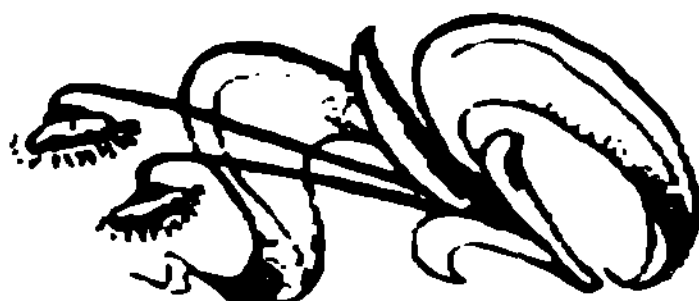
Другая часть леса.

Входит Джеррольд, четыре крестьянина - танцора, крестьянин, исполняющий роль Павиана, пять девушек, крестьянин с тамбурином.

Джеррольд

Фуй, фуй!
Какая тупость, что за бестолковость!
Ужель моей науки элементы,
Подобно млеку, не всосались в вас?
А, кажется, я долго с вами бился
И даже, выражаясь фигурально,
Навар из слив науки, мозг ученья
Вам всячески старался преподать.
А вы еще и до сих пор кричите:
“Где?” “Как?” “Куда?” “Зачем?” и “Почему?”
Ах вы, тупицы! Ах вы, остолопы!
Ведь сказано: вот это — так, а это —
Вот так, а это — так и так! Напрасно!
Никак меня никто понять не мог!
*Pro Deum, medius fidius!*¹
Ну, словом, все вы олухи, и только!
Смотрите же: я буду здесь стоять,
А здесь вот — герцог. Я его встречаю

¹ Клянусь Богом! (лат.)

И говорю ученейшие вещи
С различными фигурами. Он внемлет,
Кивает одобрительно, потом
Он восклицает “браво”! Ободренный,
Сейчас же я бросаю шапку вверх, —
И в этот миг, — заметьте хорошенько! —
Вы выскочить пред герцогом должны,
Как калидонский вепрь пред Мелеагром,
И, нежно, как влюбленные, обнявшись,
Прилично и как можно грациозней
Старайтесь танец свой протанцевать.

Первый крестьянин
На диво спляшем, господин учитель.

Второй крестьянин
Проверим, вся ль компания явилась.
Где тамбурин?

Третий крестьянин
Эй, Тимофей!
Крестьянин с тамбурином
Я здесь!
Вот, налицо!

Джеррольд
А женщины-то все ли?

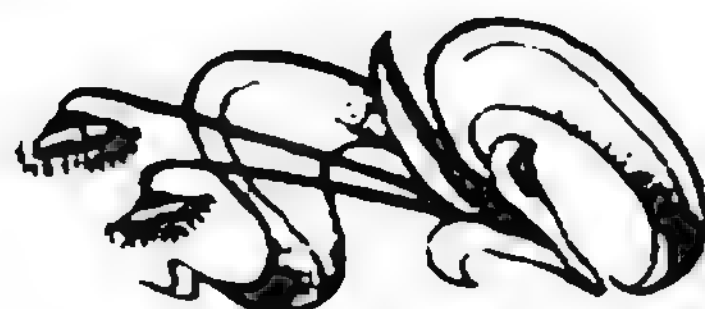
Комические актеры. Статуэтка из терракоты. V в. до н. э.

Четвертый крестьянин

Вот Фредерика, вот и Магдалина!

Второй крестьянин

**Вот Люция, малютка-белоножка!
И толстая Варвара налицо!**

П е р в ы й к р е с т ь я н и н

Вот Нелли весноватая: на эту
Всегда учитель может положиться.

Д ж е р р о л ь д

Где ваши ленты, девушки? Смотрите ж,
Чтоб плавно, грациозно танцевать,
Все делать с толком, не жалеть улыбок,
Ни резвых жестов!

Н е л л и

Будьте уж спокойны!

Д ж е р р о л ь д

А где же остальные музыканты?

Т р е т ь и й к р е с т ь я н и н

Рассеялись, как сказано, в лесу.

Д ж е р р о л ь д

Так надобно собрать их и проверить,
Все ль налицо. А где же Павлин?
Мой друг, прошу носить свой хвост прилично,
Чтоб дамы не обиделись; надеюсь,
Что прыгать ловко будешь ты и смело.
Когда же будет надобно залаять,
То делай это с толком.

П а в и а н

Точно так.

Д ж е р р о л ь д

Quo usque tandem?¹ Здесь одной из женщин,
Я вижу, не хватает.

Ч е т в е р т ы й к р е с т ь я н и н

Ну, теперь

Ищи — свищи! Все, что пригодно к делу, —
У нас уж в дело пущено!

Д ж е р р о л ь д

Итак,

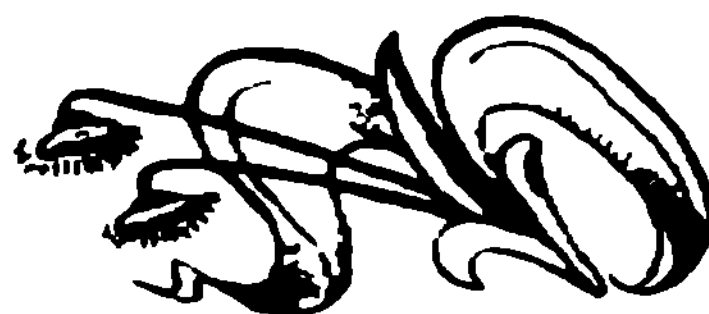
Толкли мы воду, — говоря словами
Ученых авторов. Погибло все;
Я fatuus², и все труды напрасны.

В т о р о й к р е с т ь я н и н

Тварь подлая, презренная трусиха!
Ведь как она божилась, что придет!
Цецилия, — дочь нашего портного.
За это, право, я ей подарю
Собачью шкуру. Ты, Аркас, ведь, слышал

1 Доколе наконец? (лат.)

2 Тупоумный, глупый (лат.).

Она клялась и хлебом и вином,
Что не надует.

Д ж е р р о л ь д

Женщина и угорь,—
Как говорит ученейший поэт,—
Такие вещи, что держать их надо
За хвост зубами, чтобы не ушли:
Здесь можно было ожидать обмана.

П е р в ы й к р е с т ь я н и н

Ах, чтоб ее! Ни дна ей, ни покрывки!

Т р е т ь и й к р е с т ь я н и н

Что ж делать нам, учитель?

Д ж е р р о л ь д

Ничего:

Весь труд наш превратился в нуль ничтожный,
Прегорестный и препечальный нуль.

Ч е т в е р т ы й к р е с т ь я н и н

Как, в этот день, когда ребром поставлен
Вопрос о чести нашего села,—
Отлынивать, слоняться, бить баклуши!
Ну, погоди ж! Расправлюсь я с тобой!

Входит дочь тюремщика.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а
(поет)

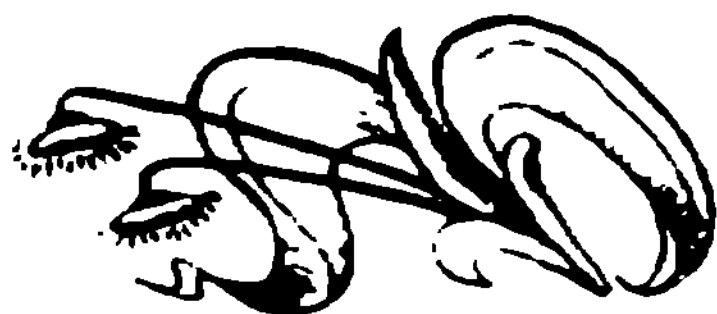
Голла! Георг приехал с юга,
От варварийских берегов,—
И не один,— с ним два — три друга
Военных, бравых молодцов.

Привет красавцам, честь и слава!
Куда ж теперь лежит ваш путь?
Меня с собой возьмите, право,—
На Зунд хотела б я взглянуть.

Вокруг совы три дурня
Вступили в жаркий спор;
Один сказал: вот филин;
Другой сказал: вот вздор!
А третий молвил: сокол
Пред вами, господа;
Бубенчиков хоть нету,—
Их срезать нет труда!

Т р е т ь и й к р е с ь т ь я н и н

Вот мысль! Смотрите, господин учитель!
Здесь девка сумасшедшая: она
Совсем взбесилась, точно заяц в марте.
Когда б ее на танцы залучить,
У нас бы снова дело было в шляпе:

Она такие сделает прыжки,
Что все отдай, да мало!

П е р в ы й к р е с т ь я н и н

Превосходно!
Давайте сумасшедшую сюда!
Чего же лучше! Дело в шляпе, парни!

Д ж е р р о л ь д

Как, девушка? Лишилась ты ума?

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

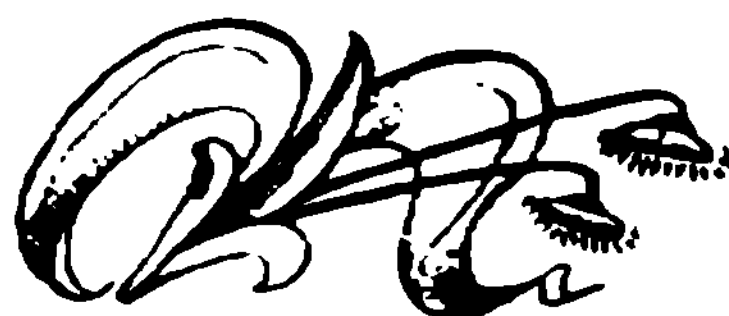
Без этого мне слишком было б грустно.
Дай руку мне.

Д ж е р р о л ь д

Зачем?

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Твою судьбу
Я предскажу. Ты — дурень. Сосчитай-ка
До десяти. Ну, что? Небось смутился?
Приятель, хлеба белого не ешь:
Кровь из зубов пойдет. Плясать мы будем?
Тебя я знаю: ты ведь медник, да?
Запайвай не больше дыр, чем нужно.

Д ж е р р о л ь д

Dii boni!¹

Вот как, я медник?

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Или заклинатель.

Не вызовешь ли черта для меня?

Пусть на костях и бубенцах сыграет

Qui passa².

Д ж е р р о л ь д

Ну, возьмите же ее

И усмирить немного постарайтесь,

А после покажите ей, что нужно.

Et opus exegi, quod nec Jovis ira, nec ignis³...

В т о р о й к р е с т ь я н и н

Пойдем со мной, девчонка, да живей!

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Вперед идти хочу я.

1 Благие боги! (лат.)

2 Кто идет? (итал.)

3 И создал я творение, которое ни гнев Юпитера, ни огонь... (лат.)

Т р е т и й к р е с т ь я н и н

Ладно, ладно!

За сценой слышен звук рогов.

Д ж е р р о л ь д

Сумейте убедить, перехитрить!
Ну, прочь пошли! Трубят уже, я слышу,
Так дайте же немножко мне подумать.
Да роли не забудьте!

Все, кроме учителя, уходят.

Вдохнови

Меня, Паллада!

Входят Тезей, Пиритой, Ипполита, Эмилия, Аркит
и свита.

Т е з е й

Вот сюда направил
Олень свой бег.

Д ж е р р о л ь д

Прошу: остановись
И выслушай.

Т е з е й

Что это?

П и р и т о й

Сельский праздник
Какой-нибудь, должно быть.

Т е з е й

Хорошо,
Послушаем. Прошу садиться, дамы:
Придется нам остановиться здесь.

Д ж е р р о л ь д

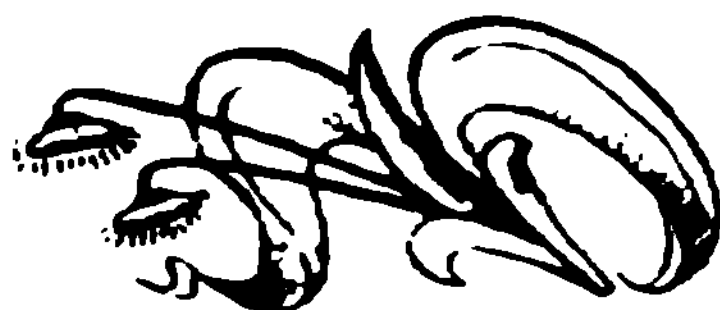
Привет тебе, могущественный герцог!
Прекраснейшие дамы, — вам привет!

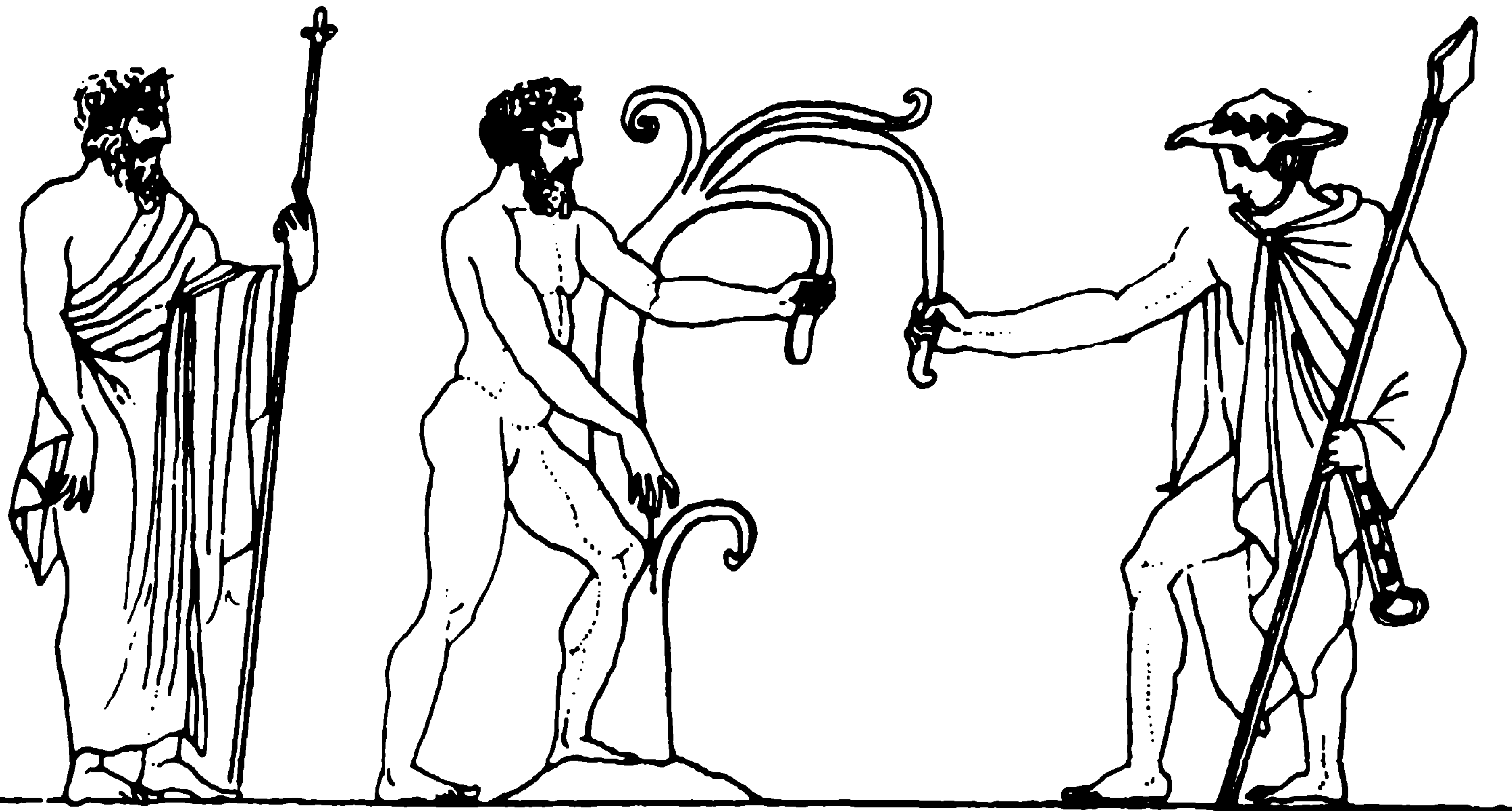
Т е з е й

Достаточно холодное начало.

Д ж е р р о л ь д

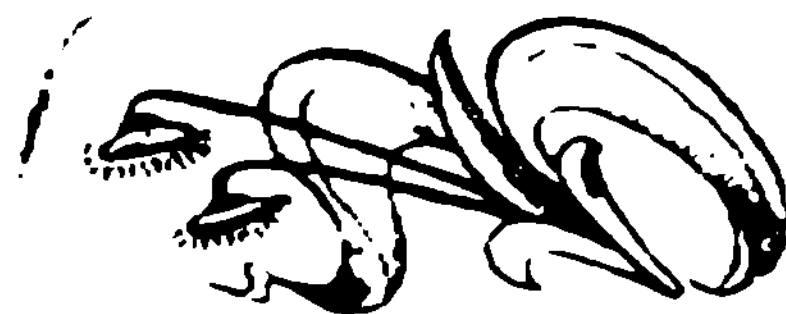
Благоволите праздник наш принять!
Принадлежим мы к тем, чья речь простая
Изобличает грубых поселян;
Сказать по правде, — здесь пред вами стоя,
Компания, иль сборище крестьян,
Иль, так сказать, веселый хор крестьянский,
Который хочет танец мавританский
Пред господами здесь протанцевать.
Я между ними, должен вам сказать,

Тезей наказывает разбойника Синиса

Присутствую во званьи педагога;
Я розгою караю младших строго,
А старшим я линейкою грожу
И плод своих трудов вам покажу.
О грозный вождь, чья слава воссияла
Во всех краях, от Диса до Дедала,
Вдоль всех дорог, — от тумбы до столба, —
Ты поддержи покорного раба!
Молю, воззри пресветлыми очами
На то, как здесь пред всеми господами
Искусно “хора” совершу я “вод”, —
Соедини — и выйдет “хоровод”.
Мы для того здесь пред тобой собрались
И разучить свой танец постарались.
Я первым здесь, хоть груб и неуклюж,
Перед тобой являюсь, славный муж,
К твоим ногам кладу свои я речи
И исполняю этим роль предтечи;
За мной “Князь мая” следует с женой,
С “Лакеем” и “Служанкой”; в час ночной
Они приюта ищут; их с услугой
“Хозяин” встретит с толстою супругой;
Приняв гостей, которых долгий путь
Порядочно измучил, — подмигнуть
Спешат они буфетчику, в заботе
Побольше сумму написать на счете;
За ними “Клоун” плотоядный, “Шут”

И “Павиан” с большим хвостом придут;
Весь хор, cum multis aliis¹, сберется,—
Скажи лишь “да”— и танец вмиг начнется.

Т е з е й

Да, да, любезный domine², зови
Скорей своих актеров.

П и р и т о й

Начинайте.

Д ж е р р о л ь д

Intrate, filii!³

Войдите же, исполните ваш танец.

Входят ученики школы. Павиан, пять девушек, крестьянин стамбурином, дочь тюремщика и прочие. Они танцуют мавританский танец.

Х о р

Мы ликуем и поем,
Вьсемся в танце круговом;
Если танцем этим самым
Угодим мы знатым дамам,—
Пусть признает каждый тут,

1 Весь вместе (лат.).

2 Хозяин (лат.).

3 Войдите, сыновья! (лат.)

Что учитель наш — не шут!
Герцог, если в лад мы пели
И понравиться сумели, —
Нам бревно для мачты дай,
Чтоб игрою встретить май.
Не пройдет тогда и года,
Как опять толпа народа
Насмешит, составив хор,
И тебя, и весь твой двор!

Т е з е й

Возьми хоть двадцать, domine. Что скажет
Мой друг, царица сердца моего?

И п п о л и т а

Ни разу в жизни так не веселилась.

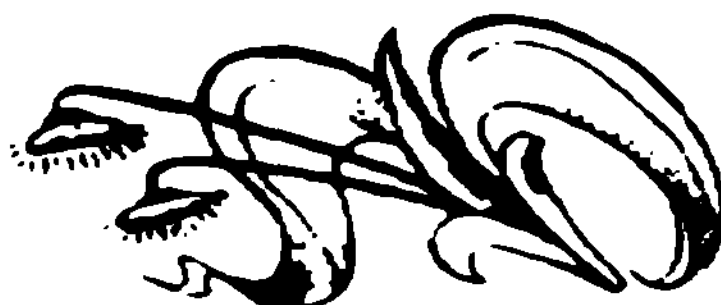
Э м и л и я

Их танец был исполнен превосходно;
А что до предисловья, — никогда
Я не слыхала лучшего.

Т е з е й

Учитель,

Благодарю тебя. Велю я всем
Награды выдать.

П и р и т о й
(давая деньги)

Это вот возьмите,
Чтоб вашу мачту выкрасить.

Т е з е й

Теперь
Мы будем нашу продолжать охоту.

Д ж е р р о л ь д

Пускай олень даст лов обильный,
Собаки будут быстры, сильны,
Его изловят без преград,
И дамы окорок съедят.

Тезей, Пиритой, Ипполита, Эмилия, Аркит и свита уходят
под звуки рогов за сценой.

Д ж е р р о л ь д

Ну, парни все отлично удалось.
Dii deaeque omnes!¹
Вы, девушки, чудесно танцевали!

Уходят.

Все боги и богини! (лат.)

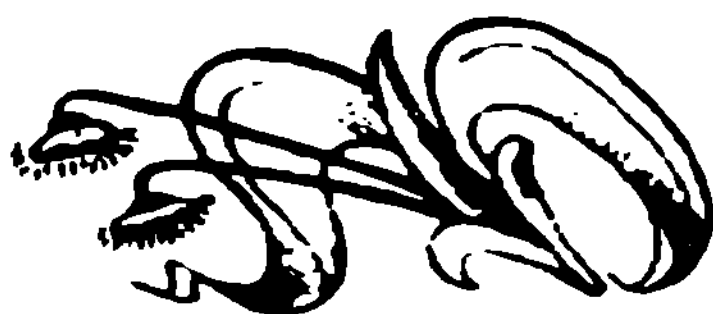
Сцена 6

Та же часть леса, что и в сцене 3.

П а л а м о н выходит из-за кустов.

П а л а м о н

Кузен мой обещал мне в этот час
Прийти сюда и принести с собою
Два добрые меча и пару лат,
И, если он теперь не сдержит слова, —
Тогда не воин, не мужчина он!
Когда недавно он меня оставил
В лесу, — я думал, что недели мало,
Чтоб силы все мои восстановить:
Так низко пал я, так я был расслаблен.
Благодарю тебя, кузен Аркит:
Ты честный враг! Теперь я подкрепился
И вновь гляжу опасности в глаза.
Откладывать не должно нашу битву:
Подумали бы люди, услышав
Об этом, что я нежусь, точно боров
На сытном корме; пусть же это утро
Последним будет! Если же Аркит
Откажется мне меч дать, — меч я вырву
Из рук его и вмиг его убью;
Конечно, это будет справедливо.
Фортуна и любовь мне да помогут!

Входит А р к и т, неся вооружение.

П а л а м о н

А, с добрым утром!

А р к и т

С добрым утром, друг.

П а л а м о н

Тебе хлопот наделал я немало.

А р к и т

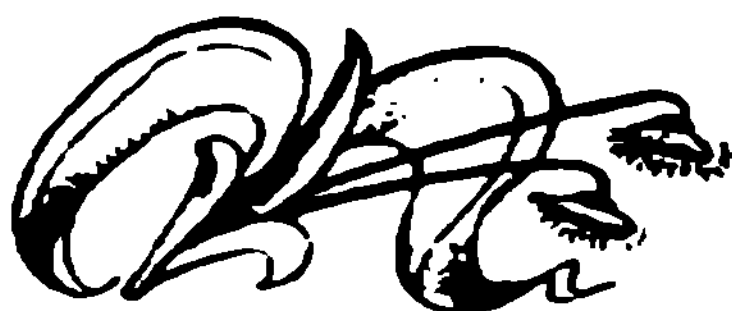
Пустое! Эти хлопоты — мой долг,
Святое дело чести.

П а л а м о н

Если б так же
Ты поступал во всем! Хотел бы я,
Чтоб был ты мне настолько ж добрым братом,
Насколько вынуждаешь ты меня
Признать тебя врагом великодушным.
Хотел бы я тебя благодарить
Объятьями, а не ударов градом.

А р к и т

То и другое я бы возвратил.

П а л а м о н

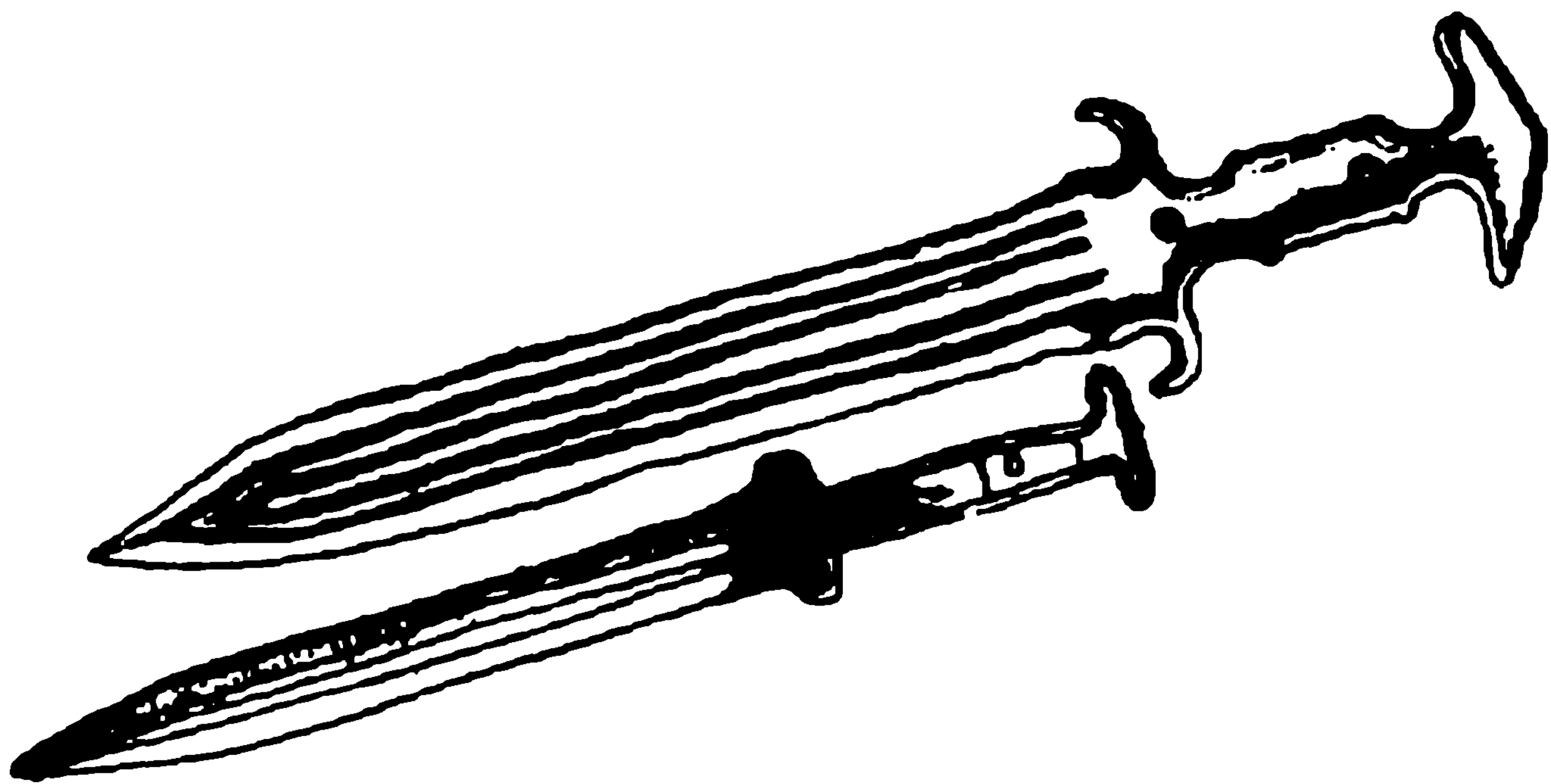
А я с тобою щедро расквитался б.

А р к и т

Словами благородства вызывай
Меня на бой; тогда ценить я буду
Слова твои еще превыше слов
Возлюбленной. Зачем нам препираться,
Когда мы оба любим то, что честно?
И не для слов пустых мы рождены;
Вооружась и став на страже чести,
Пусть изольем мы свой взаимный гнев,
Как бурных два ручья, стремглав навстречу
Несущихся друг другу, — и тогда
Без всяких свар, попреков, поношений, —
Приличных разве девушкам простым
Иль школьникам, никак не нам, — решится
Легко и скоро наш тяжелый спор:
Кому владеть красавицею нашей, —
Тебе иль мне? Желает ли сейчас
Вооружиться? Если же доныне
Себя еще считаешь ты больным,
Не возвратив своей всей прежней силы, —
Тогда, кузен, готов я подождать
И каждый день, когда свободен буду,
Приду сюда беседовать с тобой,

Пока ты не поправишься. За друга
Считаю я тебя; ты дорог мне!
Пусть лучше бы тебе я не открылся,
Что я влюблен, пусть лучше бы я умер;
Но, полюбив красавицу такую
И высказав тебе свою любовь,—
Я не могу от слов своих отречься.

Древнегреческие мечи

П а л а м о н

Аркит, такой ты благородный враг,
Что твой кузен один имеет право
Убить тебя. Вполне я бодр и крепок;
Прошу: оружие выбери себе.

А р к и т

Ты первый выбирай.

П а л а м о н

Себя считаешь
Во всем ты выше? Или, может быть,
Ты хочешь, чтоб в бою тебя щадил я?

А р к и т

Когда ты это думаешь, кузен,
То сильно ты ошибся: я, как воин,
Щадить тебя не буду.

П а л а м о н

Справедливо.

А р к и т

Ты в этом убедишься.

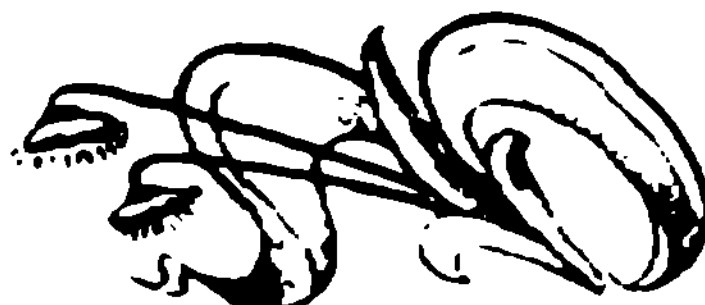
П а л а м о н

Так и я,
Как честный человек, притом же правый
В любви своей, охотно отплачу
Тебе за все. Вот это мне.

А р к и т

А это
Пусть будет мне. Позволь тебе сперва
Надеть твой панцирь.

(Надевает ему латы.)

П а л а м о н

Но скажи, откуда
Прекрасные ты латы эти взял?

А р к и т

У герцога; сказать тебе по правде,
Я тайно взял их. Кажется, тебя
Я ущипнул?

П а л а м о н

О, нет.

А р к и т

Ты не находишь,
Что тяжелы они?

П а л а м о н

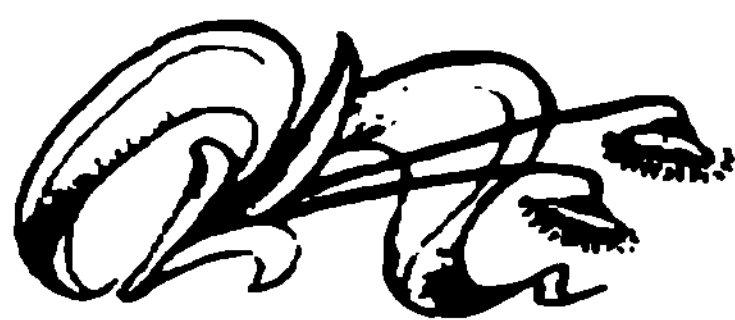
Мои, пожалуй,
Полегче были, но и эти также
Годятся.

А р к и т

Я их плотно застегну.

П а л а м о н

Пожалуйста.

А р к и т

Коней не нужно будет?

П а л а м о н

**Нет, будем мы сражаться без коней.
Ты, может быть, бой конный предпочел бы?**

А р к и т

Мне это все равно.

П а л а м о н

**Поверь, и мне.
Прошу, подвинь как можно дальше пряжку.**

А р к и т

Я сделал это.

П а л а м о н

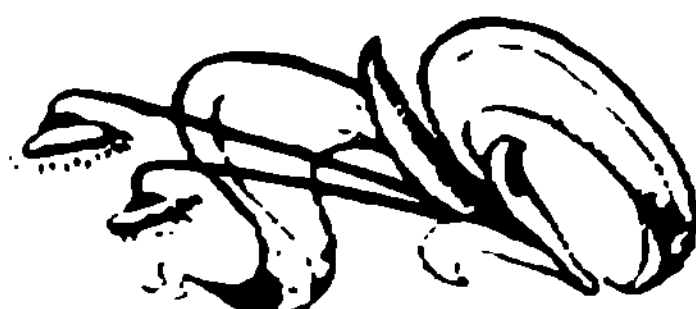
Шлем теперь мне нужен.

А р к и т

**Не лучше ли без шлемов нам сражаться,
С открытой головою?**

П а л а м о н

**Что ж, пожалуй:
Так будет легче.**

А р к и т

Но надень перчатки:
Они, по крайней мере, здесь найдутся
Возьми мои.

П а л а м о н

Благодарю, Аркит.
Каков мой вид? Не слишком похудел я?

А р к и т

Нет, очень незначительно. Любовь
Тебя щадила.

П а л а м о н

Я тебе ручаюсь,
Что сильно буду наносить удары.

А р к и т

Отлично; не жалею меня; я сам
Стараться буду.

П а л а м о н

Надевай же латы.
Мне кажутся похожими они
На те, в которых, помнишь, ты сражался
В тот день, когда погибли в битве с нами
Три короля; те были только легче.

А р к и т

Те латы были очень хороши.
Ты в этой битве очень отличился,
Кузен,— гораздо более, чем я:
Такой мне силы не случилось видеть.
Когда помчался ты на левый фланг
Врага,— едва успел я за тобою,
Хоть подо мною был прекрасный конь.

П а л а м о н

То был гнедой скакун великолепный.

А р к и т

Да, но напрасно я спешил на нем:
Предупредил ты все мои желанья,—
Мне оставалось только подражать.

П а л а м о н

Ты доблестью своею больше сделал,
Кузен! Ты слишком скромн.

А р к и т**Натиск твой**

Был так могуч и страшен, что, казалось,
Удар ужасный грома разразился
Над вражьей ратью.

П а л а м о н

Ранее того,
Как молния, ты засверкал над нею.
Постой немного: здесь тебе не трет?

А р к и т

Нет, ничего.

П а л а м о н

Я не хотел бы ранить
Тебя иначе как мечом: синяк ли,
Царапина ль — меня бы осрамили.

А р к и т

Ну, я готов.

П а л а м о н

Тогда начнем же бой.

А р к и т

Возьми мой меч, мне кажется он лучшим.

П а л а м о н

Благодарю: оставь его себе;
Ведь жизнь твоя от этого зависит.
А я возьму вот этот, и не надо

Мне лучшего. Да защитят меня
И честь, и право!

А р к и т

А меня — любовь.

Они расходятся, затем идут друг к другу навстречу и останавливаются.

Ты, кажется, сказать мне что-то хочешь?

П а л а м о н

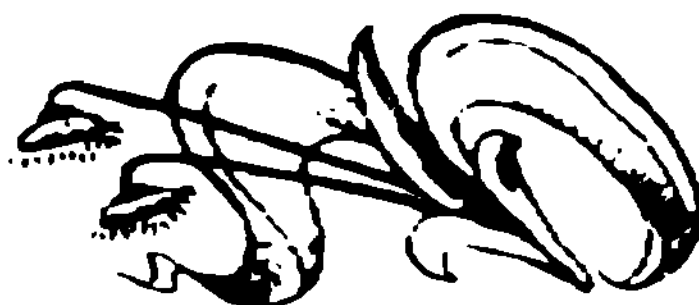
Еще одно: ты тетки сын моей,
Родная кровь струится в наших жилах;
Твою ль я кровь пролью иль ты мою,—
Ее источник общий. Меч мой смертью
Грозит тебе, а если суждено
Тебе меня убить, то я прощаю
Тебя,— и боги пусть тебя простят,
И если место есть, где души храбрых
Найдут покой,— туда да воспарит
Печальный дух убитого. Сражайся ж
Храбрей, кузен! Дай руку мне свою.

А р к и т

Дай мне свою. В последний раз сжимаю
Как друг твою я руку, Паламон.

П а л а м о н

Благодарю тебя.

А р к и т

И если буду

Я побежден, то прокляни меня,
Как труса: только трус погибнуть может
В таком правдивом деле. Ну, прощай же,
В последний раз прощай!

П а л а м о н

Прощай, кузен!

Они сражаются. За сценой раздаются звуки рогов.

А р к и т

Кузен, безумье наше нас сгубило!

П а л а м о н

Как?

А р к и т

Это — герцог! Слышишь, — это он
Охотится! И если он застанет
Меня с тобой, — погибли оба мы!
О, ради чести и спасения ради,
В кусты опять укройся поскорее:
Еще найдем мы время умереть!
Кузен мой милый, если нас увидят, —
Погибнешь ты за то, что из тюрьмы
Бежал, а я, — когда меня ты выдашь, —
За то, что клятвы данной не сдержал.

Весь мир тогда осудит нас; все скажут,
Что спор наш благороден был, но средства,
К которым мы прибегли, были низки.

П а л а м о н

Нет, нет, кузен! Я больше не хочу
Скрываться здесь; счастливый этот случай
Не упущу! Твою я вижу хитрость,
И цель твоя понятна для меня.
Кто оробел, тому да будет стыдно!
Ну, защищайся ж!

А р к и т

Ты с ума сошел!

П а л а м о н

Час этот — мой, и я извлечь намерен
Всю пользу из него. Что будет после, —
Того боюсь я меньше, чем судьбы.
Я говорю тебе, кузен трусливый:
Эмилию люблю я! Для того
Убью тебя и все мои несчастья.

А р к и т

Ну, будь что будет! Ты, кузен, увидишь,
Что умереть — мне столь же легкий труд,
Как говорить иль спать. Я опасаясь

Лишь одного: что нас закон лишит
Возможности честь нашу обеспечить.
Ну, берегись!

П а л а м о н
Сам берегись, Аркит!

Они сражаются. Снова раздаются звуки рогов. Входят Тезей,
Ипполита, Эмилия, Пиритой и свита.

Тезей

Что за глупцы, невежды и злодеи
Осмелились, нарушив мой закон,
Вступить здесь в битву в рыцарской одежде
Без разрешенья моего и даже
Без секундантов? Кастором клянусь я,
Что оба вы умрете!

П а л а м о н

О, Тезей!

Сдержи ты это слово! Мы злодеи
Действительно: пренебрегли мы оба
Тобою и твоею добротой.
Я — Паламон; к тебе любви, конечно,
Я не питаю, так как убежал я
Из стен твоей тюрьмы; подумай только,
Какой преступник я! А он, — Аркит,
Изменник самый дерзкий, самый смелый
Из всех, в стране встречавшихся твоей,

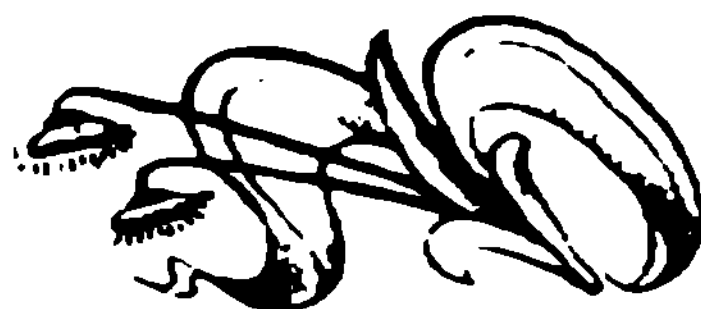
И лживейший из всех друзей притворных.
Он был тобой помилован и изгнан,
Но, вопреки веленью твоему,
Остался здесь, и вот, переодетый,
Он за твоею следует сестрой,
Звездой из звезд, Эмилией прекрасной,
Которой я быть должен был слугой,
Затем, что первый я ее увидел
И сердцу дивный образ завещал.
Аркит же хочет дерзостно своею
Ее считать; за это вероломство
Его сюда к ответу я призвал,
В защиту прав любви моей высокой.
И если точно ты, как говорят,
Велик и добродетелен и всюду
С собой приносишь правды торжество, —
То повели, чтоб мы опять сражались;
Тогда, Тезей, увидишь ты, что я
Дела такие совершу, что зависть
В самом тебе проснется. После ж битвы
Казни меня: готов я умереть.

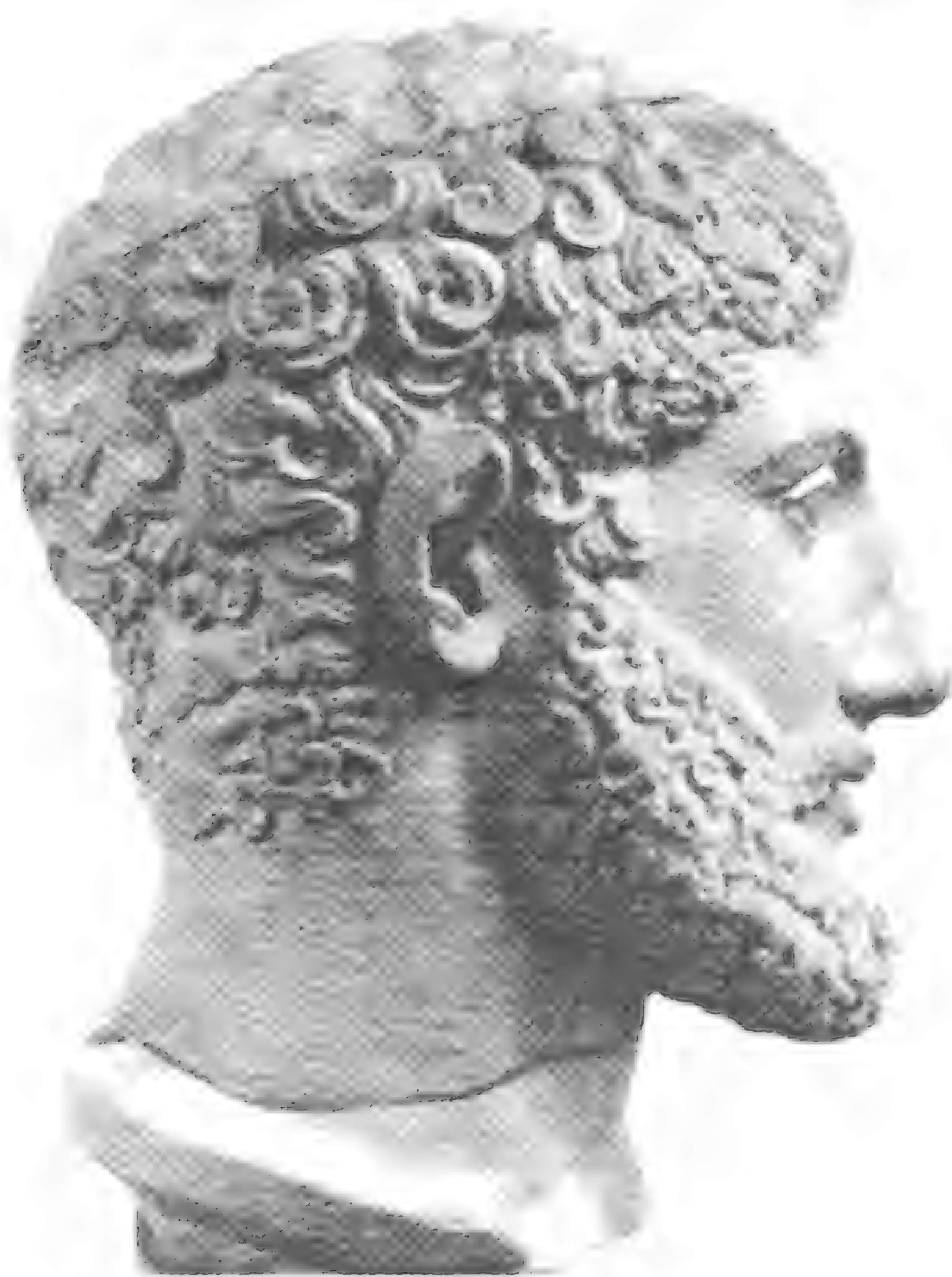
П и р и т о й

Что за величье духа!

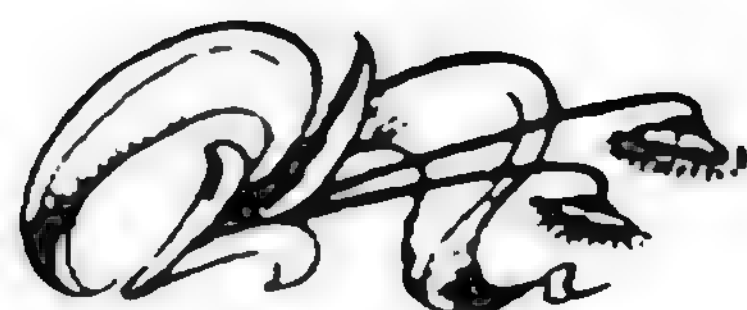
Т е з е й

Я дал клятву.

**Мужская голова. Из собрания греческой скульптуры
в Государственном Эрмитаже**

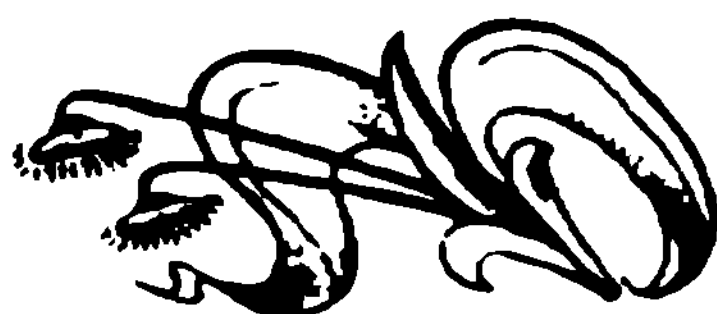

А р к и т

Мы милости твоей, Тезей, не просим;
Настолько же легко мне умереть,
Как для тебя — приговорить нас к смерти.
Изменником кузен меня зовет;
На то отвечу: если есть измена
В любви, в служенье дивной красоте,
В том, что готов я за нее погибнуть,
В том, что сюда на битву я пришел,
Чтоб оправдать любовь ценою жизни,
И в том, что ей достойно я служил,
И в том, что я готов убить кузена,
Который это отрицает, — пусть
Тогда меня изменником считают:
Я буду рад! А если твой приказ
Нарушил я, — то посмотри, как дивно
Сестра твоя прекрасна, как велит
Непобедимо взор ее блестящий
Стремиться к ней, любовью к ней пылать!
Спроси ее: и если я изменник
В ее глазах, то пусть, как негодяй,
Умру и буду гнить без погребенья!

П а л а м о н

Тезей, обоим милость ты окажешь,
Когда велишь обоих нас казнить.
Ты благороден, чист и безупречен, —

Не слушай нас! Прошу и заклинаю
Тебя душой кузена твоего,
Чью доблестную память увенчали
Двенадцать славных подвигов, — вели
Казнить нас вместе! Лишь немного раньше
Пускай умрет соперник мой, чем я:
Тогда душа моя спокойна будет,
Что дева не достанется ему.

Т е з е й

Твое желание готов исполнить я.
Поистине, кузен твой в десять раз
Виновнее тебя: ему я сделал
Добра гораздо больше, чем тебе,
Проступки ж ваши были равносильны.
И пусть никто не просит в пользу их:
До вечера уснут навеки оба.

И п п о л и т а

О, как их жаль! Теперь иль никогда, —
Сестра, проси и вымоли пощаду;
Иначе все грядущие века
Лицо твое отяготят проклятием
За гибель двух кузенов.

Э м и л и я

О, сестра, —
В лице моем нет ничего, что гибель

Иль бедствие им принести могло бы.
Их губят взоры собственных очей.
Но их жалеть, как женщина, должна я,
И пусть к земле колена прирастут,
Но я не встану прежде, чем прощенье
Им испрошу я. Милая сестра,
Мне помоги! В прекрасном этом деле
Соединить должны свои усилия
Все женщины.

(Становится на колени вместе с Ипполитой.)
О царственный мой брат!

И п п о л и т а

Во имя брака нашего!

Э м и л и я

Во имя
Твоей ничем не помраченной чести!

И п п о л и т а

Во имя клятвы, давшей мне и руку
Геройскую, и доблестное сердце!

Э м и л и я

Во имя милосердия твоего,
Во имя доблести твоей безмерной!

И п п о л и т а

Во имя силы мышц твоих, во имя
Ночей всех целомудренных, когда
Ты ласками моими наслаждался!

Т е з е й

Вот странный заговор!

П и р и т о й

Позволь и мне

Вмешаться.

(Преклоняет колени.)

Заклинаю нашей дружбой,
Опасностями общими, — всем тем,
Что любишь ты: войною и супругой
Прекрасною!

Э м и л и я

И добротой твоей,
С которою ты отказать не можешь
Цветущей деве!

И п п о л и т а

Светлыми очами
Твоими, той силою, с которой
Ты клялся мне, что я сильнее всех жен,

Почти сильнее всех мужей, — и все же
Тебе, Тезей, я уступила!..

П и р и т о й

Чтобы

Нам увенчать все просьбы, — заклиная
Твоею благородною душой,
Которая богата милосердьем!
Тебя прошу я первый...

И п п о л и т а

Я вторая...

Э м и л и я

И я прошу, последняя...

П и р и т о й

Яви

Ты милость!

И п п о л и т а

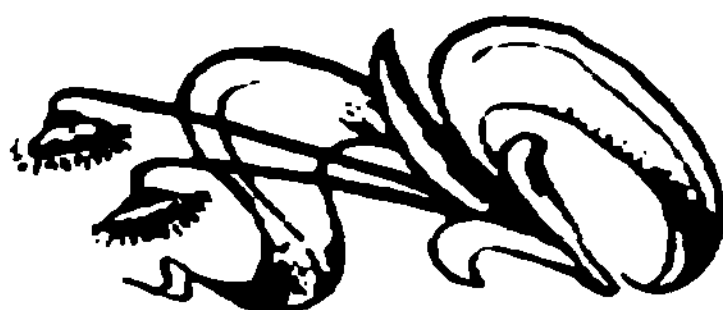
Милость!

Э м и л и я

Милость этим принцам!

Т е з е й

Поколебали вы меня. Но если
Равно мне жаль обоих, — что мне делать?

Э м и л и я

Оставь им жизнь, пошли их лишь в изгнание!

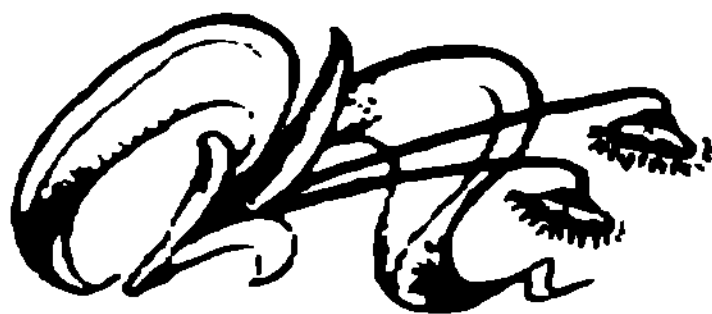
Т е з е й

Ты истинная женщина, сестра!
Ты сожалеть и сострадать умеешь,
Но как помочь, — не понимаешь ты!
Когда спасти их хочешь, то придумай
Иное средство, — лучше, чем изгнание.
Ужели оба будут жить, страдая
Из-за любви к тебе, и не убьют
Друг друга? Верь, что будут ежедневно
Они сражаться, будут ежечасно
Испытывать мечом вопрос о чести
Твоей пред целым миром. Будь умна:
Забудь о них; задето дело чести
Твоей, сестра, и данной мною клятвы.
Я их обрек на смерть: пускай же лучше
Они убиты будут правосудьем,
Чем друг от друга примут смерть. Оставь
Мое решение в силе.

Э м и л и я

Благородный

Мой брат! Ту клятву дать ты поспешил
Затем, что был разгневан; но рассудок
Велит тебе от клятвы отступить.

Подумай: если б вечно исполнялись
Такие клятвы, — весь бы мир погиб!
Притом напомним я иную клятву,
Мне данную тобою: в клятве той
И силы, и любви, конечно, больше,
Чем в этой: ты ее не в гневе дал,
А в полном разумении!

Т е з е й

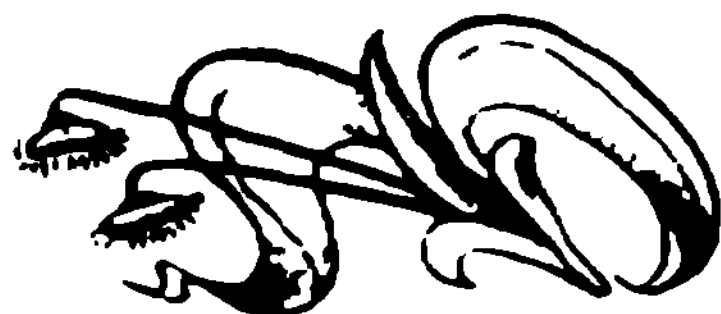
Что за клятва,
Сестра моя?

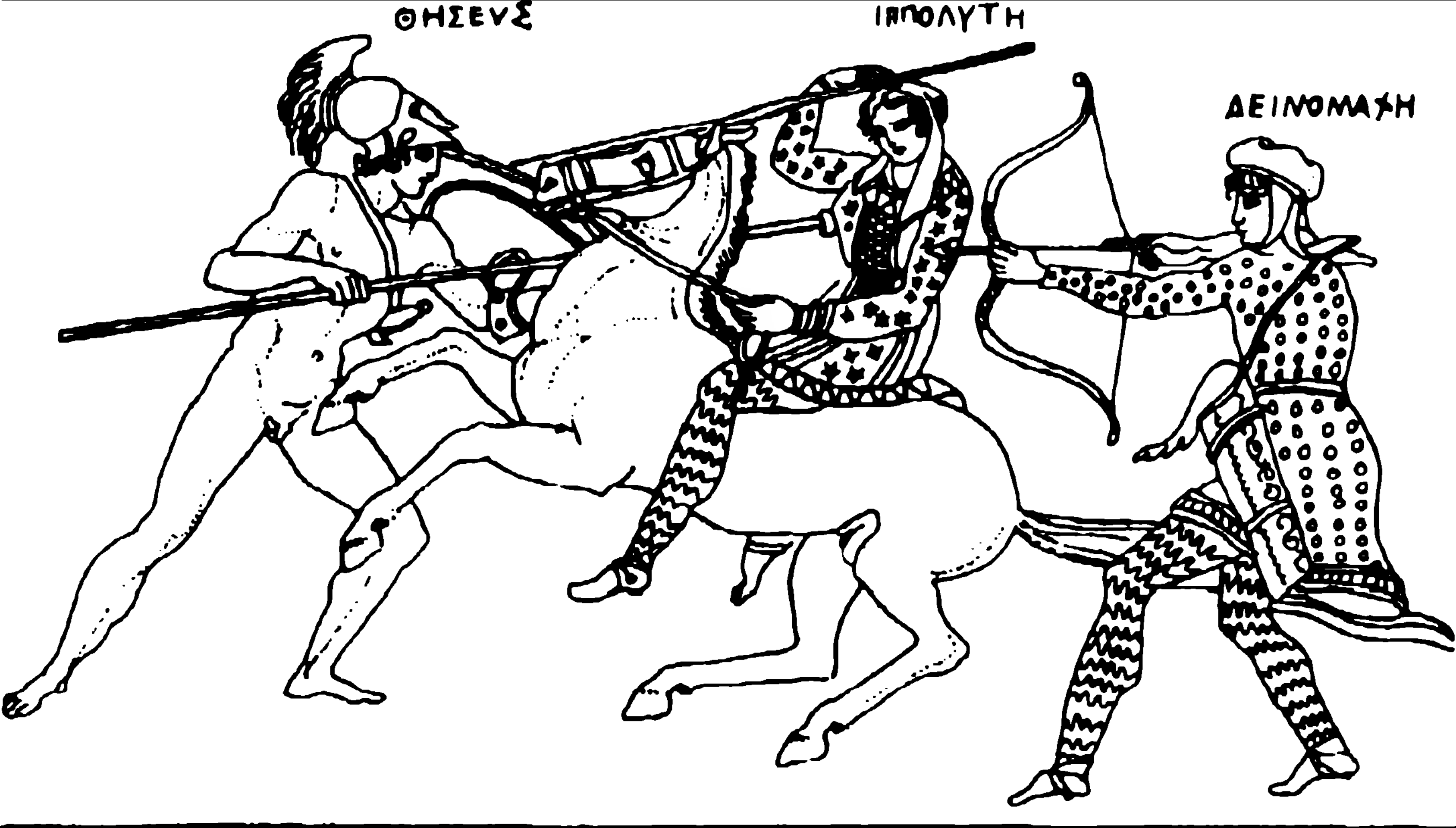
П и р и т о й

Настойчивее будь,
Отважная девица!

Э м и л и я

Ты сказал мне,
Что не откажешь никогда ни в чем,
Достойном скромности моей, а также
Твоей свободной воли; и теперь
Ловлю тебя на слове: если слова
Не сдержишь ты, тогда свою ты честь
Унизишь. Я прошу и умоляю,
И ко всему глуха я буду, кроме
Согласия твоего: подумай только,
Как страшно отзовется гибель их
На имени моем и доброй славе!

Тезей сражается с амазонками

Как, гибнет тот, кто полюбил меня?
Нет, это слишком было бы жестоко!
Зеленый куст, усыпанный цветами,
Ужель срубить за то, что есть на нем
Больные ветви? О Тезей могучий!
Их матери, страдавшие для них,
Все девушки, мечтающие нежно
О сладостной любви, — готовы будут
Проклясть меня и красоту мою
И в честь погибших двух кузенов сложат
Гимн погребальный, а меня — меня
Все назовут жестокой, ненавистной,
Достойной всяких бед, и стану я
Для женщин всех предметом отвращения!
О, ради неба, сохрани им жизнь, —
Карай их лишь изгнанием!

Т е з е й

На каких же
Условиях?

Э м и л и я

Клятву пусть они дадут,
Что никогда искать меня не будут,
Откажутся навеки знать меня,
Страны твоей ногою не коснутся
И, где б им повстречаться ни пришлось, —
Друг другу быть должны они чужими.

П а л а м о н

Пускай меня разрежут на куски,
Но никогда не дам я этой клятвы!
Как? Мне забыть любовь мою? Пусть боги
Тогда меня возненавидят! Герцог,
Изгнанью подчиниться я готов,
Но мы носить мечи, как прежде, будем,
И весь наш спор останется при нас;
А если нет — то праздных разговоров
Довольно нам: скорее нас казни!
Ее любить я и хочу, и смею,
И за любовь могу убить кузена,
Где б я его ни встретил!

Т е з е й

Ты, Аркит,
Согласен ли принять ее условие?

П а л а м о н

Тогда он будет негодяй!

П и р и т о й

Вот люди!

А р к и т

Нет, герцог: это хуже нищеты.
И не могу купить своей я жизни
Такой ценой постыдною. Хотя

Я думаю, что никогда не будет
Она моею, — все же сохраню я
Почетную любовь и умереть
Рад за нее, хоть самой страшной смертью.

Т е з е й

Что ж делать нам? Сочувствие теперь
Во мне самом проснулось.

П и р и т о й

Не давай же
Заснуть ему, мой благородный друг!

Т е з е й

Эмилия, скажи: когда бы умер
Один из них, — согласна ли тогда
Другого ты назвать своим супругом?
Владеть тобой они не могут вместе;
Тот и другой — прекраснейшие принцы
И по делам своим они так славны,
Как лишь возможно. Посмотри ж на них
И, если можешь полюбить, — покончи
Весь этот спор: я дам свое согласие.
Согласны ли вы, принцы?

П а л а м о н и А р к и т

Всей душой!

Тезей

Кого она отвергнет,— должен будет
Тот умереть.

Паламон и Аркит

Какою хочешь смертью!

Паламон

Пусть я паду от милых уст: с отрадой
Умру я; все любовники,— те даже,
Которые еще не рождены,—
Благословят безжизненный мой пепел.

Аркит

Пусть буду я отринут: хладный гроб
Мне станет мил; надгробною хвалою
Мне будут песни воинов звучать.

Тезей

Что ж, выбирай, сестра!

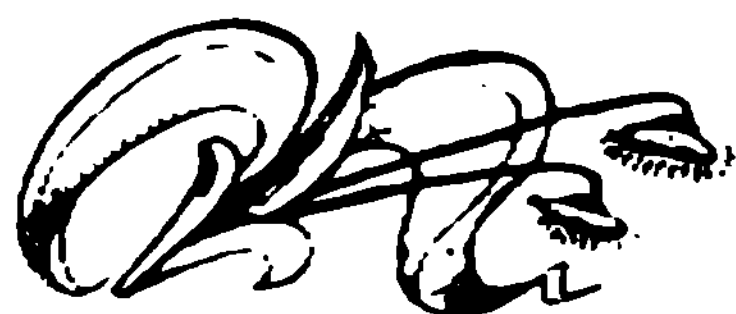
Эмилия

Нет, я не в силах!

Равно прекрасны оба; я б хотела,
Чтоб ни один с них волос не упал!

Ипполита

Что ж будет с ними?

Т е з е й

Вот что я решаю;
И честью я клянусь, что будет так,
Иль оба пусть умрут: вы, принцы, оба
В свою страну вернетесь; через месяц
Пусть каждый вновь придет, в сопровождении
Трех рыцарей, сюда, на это место;
Здесь пирамиду я поставлю: тот
Из вас, кто может рыцарскою силой
Соперника заставить прикоснуться
К той пирамиде, — будет обладать
Принцессою, другой — повинен смерти,
И с ним его друзья; и пусть не ропщет
Он на судьбу; пусть не помыслит он,
Что умирает с правом на невесту.
Согласны ль вы?

П а л а м о н

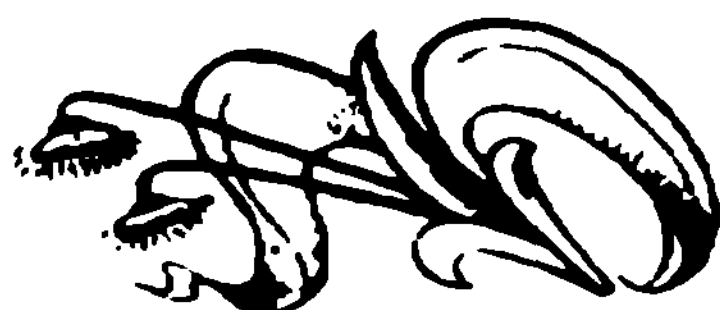
О, да! Кузен Аркит,
До той поры мы будем вновь друзьями.

А р к и т

Я рад тебя обнять.

Т е з е й

А ты, сестра,
Довольна ли?

Э м и л и я

Должна я быть довольна:
Иначе бы они погибли оба.

Т е з е й

Друг другу дайте ж руку, позабудьте
Свой спор, пока заветный час решенья
К вам не придет, и в путь отправьтесь свой.

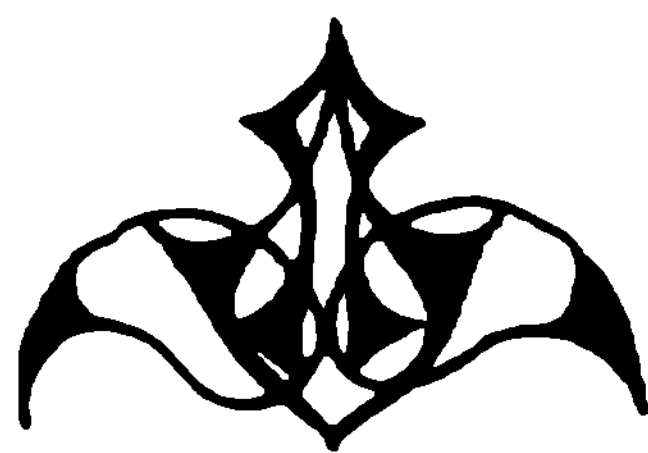
П а л а м о н

Верь нам, Тезей: тебя мы не обманем.

Т е з е й

Теперь же вас прошу идти за мною:
Мы примем вас, как принцев и друзей.
Кто победит, — супругом ей назначим,
А кто падет, — того мы смерть оплачем.

Уходят.

АКТ IV

Сцена 1

Афины. Комната в тюрьме.

Входит тюремщик и первый из его друзей.

Т ю р е м щ и к

Итак, других вестей ты не имеешь?
Не слышно ли чего-нибудь еще
Обегстве Паламона?

П е р в ы й д р у г

Нет, не слышал

Я ничего: я ранее ушел,
Чем кончилось их дело; но, насколько
Я мог понять, есть много оснований полагать,
Что оба принца будут прощены:
С коленопреклоненьем Ипполита
С прекрасною Эмилией просили
За них так нежно, с грацией такой,
Что герцог, мне казалось, колебался
Между своей поспешно данной клятвой

И просьбами прекрасных этих дам.
Чтоб им помочь, принц Пиритой отважный, —
Который для Тезея — часть души, —
К их просьбам также присоединился;
Поэтому надеюсь я, что все
Окончится вполне благополучно.
А о тебе иль бегстве Паламона
Никто не говорил.

Т ю р е м щ и к

Пошли, о небо,
Спасенье мне!

В т о р о й д р у г
(входя)

Спокоен будь, мой друг!
Тебе принес я радостные вести.

Т ю р е м щ и к

Заранее я рад им.

В т о р о й д р у г

Паламон

Все разъяснил: получишь ты прощенье!
Он рассказал, как дочь твоя его
Освободила: ей прощенье также
Дано уже. Великодушный пленник,

Ее желая отблагодарить,
Ей жалует большую сумму денег
В приданое.

Т ю р е м щ и к

Ты добрый человек
И добрые всегда приносишь вести!

П е р в ы й д р у г

Но чем все это кончилось?

В т о р о й д р у г

Как чем?

Конечно, те, что никогда не просят,
А требуют,— всегда получают все:
Жить будут оба.

П е р в ы й д р у г

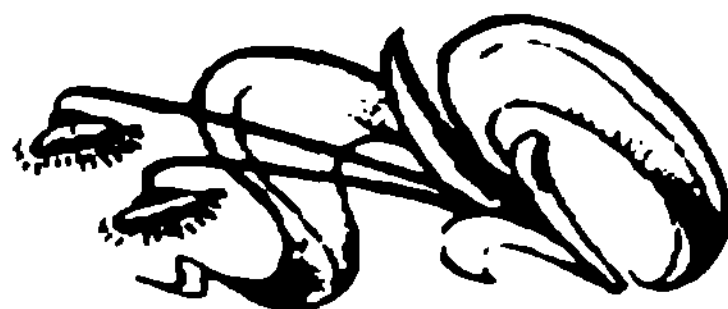
Ну, я так и думал!

В т о р о й д р у г

Но только им поставлены условия,
Которые вы как-нибудь потом
Узнаете.

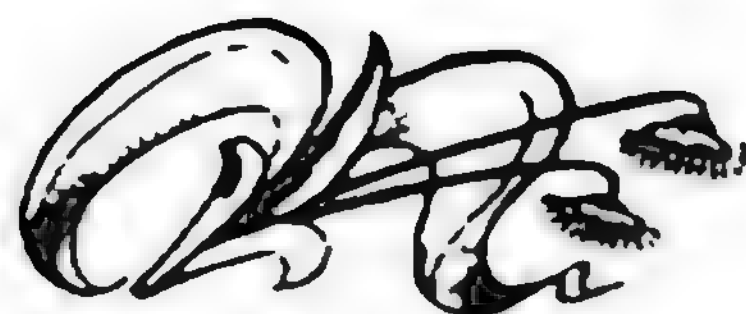
Т ю р е м щ и к

Хорошие, надеюсь!

**Бюст Афины. Из собрания греческой скульптуры
в Государственном Эрмитаже**

Второй друг

Почетные, конечно; хороши ль
Условия эти,— после будет видно.

Первый друг

Что ж, проживем — увидим.

Входит жених дочери тюремщика.

Жених

Горе, горе!

Где ваша дочь?

Тюремщик

Что за вопрос!

Жених

Когда

Вы видели дочь вашу?

Первый друг

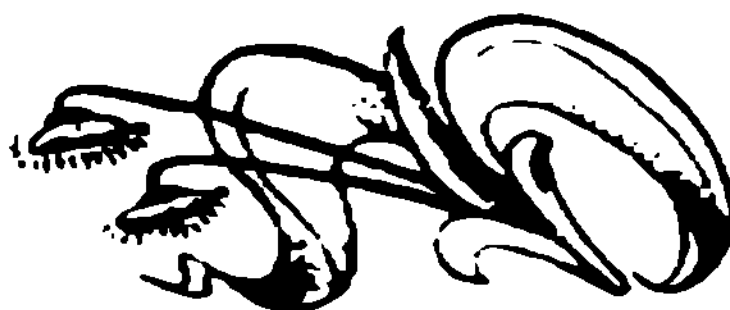
Как он смотрит!

Тюремщик

Сегодня утром.

Жених

Что ж, была ль она
Здорова? Как спала?

Первый друг

Вопросы эти
Довольно странны.

Тюремщик

Кажется, она
Была как-будто не вполне здорова.
Теперь я вспоминаю; ей вопросы
Я задавал: она мне отвечала
На все по-детски, как-то невпопад,
Бессмысленно, как маленький ребенок
Иль человек в безумии. Я сердился.
Что ж нового о ней?

Жених

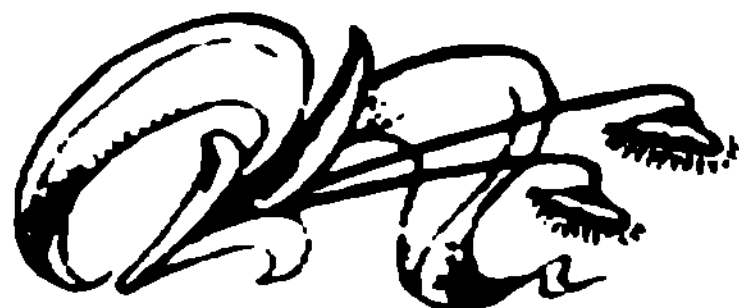
Да ничего
Хорошего: жалеть ее должны мы.
Я должен все сказать вам; пусть же лучше
Узнаете вы это от меня,
Чем от другого, кто не столько любит
Ее, как я.

Тюремщик

Что с нею?

Первый друг

Все ли ладно?

Второй друг

Неладно с нею?

Жених

Да, не очень ладно.

Увы, она совсем сошла с ума.

Первый друг

Не может быть!

Жених

К несчастью, это верно.

Тюремщик

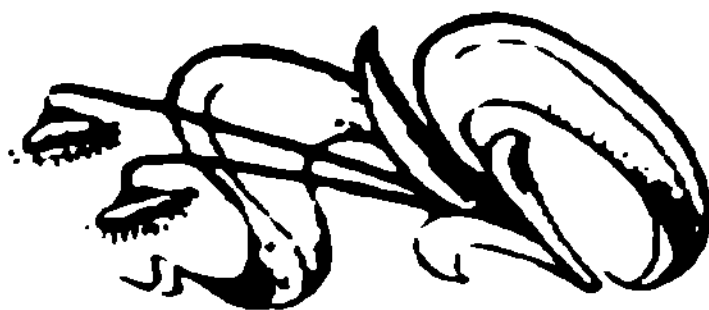
Я видел уж из слов твоих, как только
Вошел ты, что случилась с ней беда.
О боги, помогите ей! Причина
Была здесь или та, что в Паламона
Она влюбилась, или та, что казни
Моей боялась, — или, может быть,
То и другое.

Жених

Очень вероятно.

Тюремщик

Но как же это скоро так случилось?

Ж е н и х

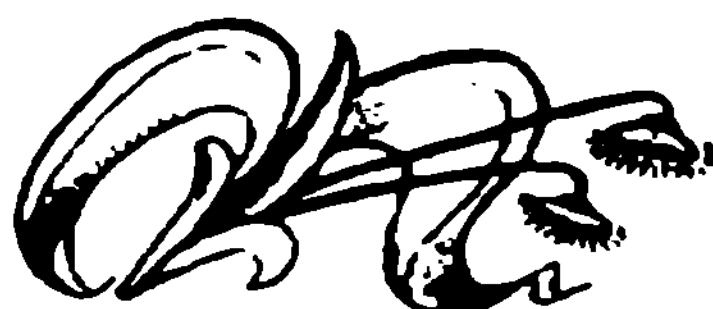
Сейчас я расскажу. Ловил я рыбу
В большом пруду, что позади дворца.
На дальний берег, камышом с осокой
Заросший, я забрался и стоял,
Следя за поплавком. Вдруг звонкий голос
Услышал я. Прислушиваюсь: песню
Поет там кто-то,— женщина иль мальчик.
Тогда я бросил удочку свою,
Пошел на голос; но довольно долго
Никак не удавалось мне узнать,
Кто пел: густой камыш мешал мне видеть.
Прилег я, чтобы вслушаться,— и вдруг,
Направив взор свой вдоль тропинки узкой,
Прорубленной недавно рыбаками,
Увидел вашу дочь.

Т ю р е м щ и к

О, продолжай!

Ж е н и х

Она стояла там и пела; смысла
В той песне было мало. Повторялось
Одно в ней часто: "Паламон ушел,—
В лесу он ищет ягод шелковицы,
Но завтра я найду его".

П е р в ы й д р у г**Бедняжка!****Ж е н и х**

“Его узнают по его цепям,
Он будет схвачен! Что я буду делать?
Сто девушек тогда я созову,
Красивых, черноглазых,— все влюбленных,
Как я: у них венки из златоцвета
На головах, их губы — точно вишни,
А щеки их красней дамасских роз.
Мы все потешный танец протанцуем
Пред герцогом, чтоб он его простил”.
Затем о вас бедняжка все твердила,
Что завтра утром будут вас казнить,
Что надо ей набрать к дню погребенья
Цветов и после дом украсить ими.
Потом она все пела “ива, ива”,
Да “ивушка”, а также повторяла:
“Мой Паламон, мой Паламон красавец”
И “Паламон был рослый молодец”.
В воде она стояла по колена;
На голове венок из камыша
Лежал у ней, а кудри распустились:
Вокруг болотных множество цветов
Торчало,— самых пестрых, разноцветных;
Средь них казалась нимфою она,

Одной из тех, что охраняют воды,
Иль светлую Иридой, к нам с небес
Слетевшею. Венки из трав окрестных
Она плела и к каждому венку
Премило приговаривала: “Это
Союз любви наш нежный”, или “Можно
Вот это разделить, но нас — нельзя”,
И многое другое. То заплачет,
То запоеет, то вдруг вздохнет печально,
То засмеется, — и целует руки
Сама себе.

Второй друг

О боги, что за жалость!

Жених

Я к ней пошел; она, меня завидев,
Вмиг в воду бросилась; ее я спас,
Схватил и вынес на сухое место;
Но тут она вдруг вырвалась из рук
И с громким криком прочь бежать пустилась
По направлению к городу, — так быстро,
Что я совсем отстал. Потом я видел,
Что трое или четверо людей
Ей бросились наперерез; меж ними
Один был брат ваш. Их увидев, сразу
Она остановилась и упала;

Подняв, ее насилу увели.
Я с нею их оставил и скорее
Направился сюда. Да вот они.

Входят брат тюремщика, дочь его и другие.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а
(поет)

О, не смотреть бы вам на белый свет...
Неправда ль, песня хороша?

Б р а т т ю р е м щ и к а
Прекрасна.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а
Могу я двадцать спеть других.

Б р а т т ю р е м щ и к а
Я верю.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а
Вот, например, есть песня “добрый Робин”,
Иль песня “о метле”. Ты не портной ли?

Б р а т т ю р е м щ и к а
Портной.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а
А где ж мой свадебный наряд?

Б р а т т ю р е м щ и к а
Я завтра принесу его.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а
Смотри же!
Да постарайся! Я теперь пойду
Созвать девиц, да музыкантов надо
Нанять; ведь завтра утром я лишусь
Девичества; а то ведь не удастся.

(Поем.)
О милый друг, красавец мой!...

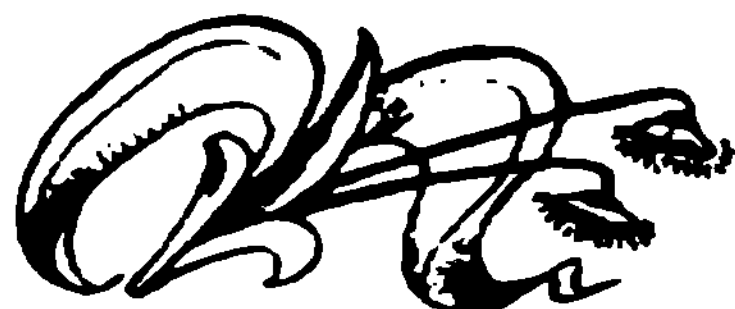
Б р а т т ю р е м щ и к а
С ней надо терпеливым быть.

Т ю р е м щ и к
Конечно.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а
А, добрый вечер, господа! Скажите,
Не слышали ль о Паламоне вы?

Т ю р е м щ и к
Да, девушка, его мы знаем.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а
Правда?
Ведь он — прекрасный кавалер?

Т ю р е м щ и к

Еще бы!

Б р а т т ю р е м щ и к а

Не возражайте ей, а то она
Расстроится еще гораздо хуже.

П е р в ы й д р у г

Да, он прекрасный юноша.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Не так ли?

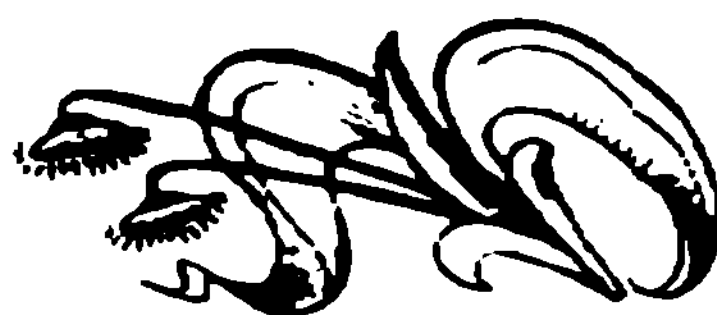
Не правда ли? А есть у вас сестра?

П е р в ы й д р у г

Да, есть.

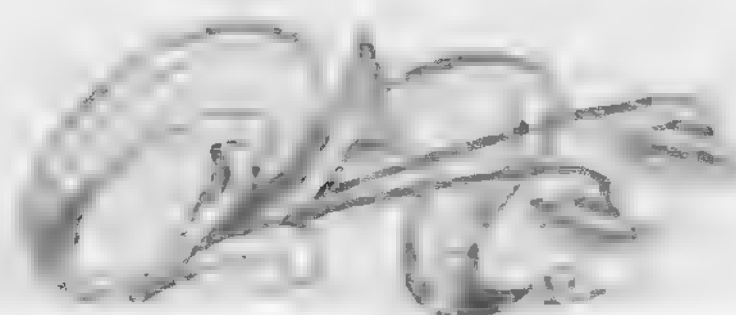
Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Скажите ей, что ей не будет
Принадлежать он никогда: я знаю
Такое слово. За сестрой смотрите:
Его увидев, в тот же час она
Погибнет. Влюблены ведь в Паламона
Все девушки, что в городе живут.
Но я смеюсь над ними, оставляю
Их без вниманья. Правда, это ловко?

Апоксиомен. Статуя работы Лисиппа. IV в. до н. э.

Первый друг

Да.

Дочь тюремщика

Между ними двести от него
Беременные: четыреста их будет,
Но это я держу в строжайшей тайне.
И все родятся мальчики: он знает,
Как это все устроить. Как настанет
Им десять лет, — то в этот самый день
Их оскоят и сделают певцами,
Чтоб подвиги Тезея воспевать.

Второй друг

Вот это странно.

Дочь тюремщика

Даже очень странно,
Но я прошу не говорить об этом.

Первый друг

Не будем говорить.

Дочь тюремщика

К нему приходят
Все девушки, со всех концов страны.
Поверьте мне, что в эту ночь их двадцать

Он обработал: если он захочет,
То может сделать это в два часа.

Т ю р е м щ и к

Она погибла!

Б р а т т ю р е м щ и к а

Сохрани нас, небо!

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Поди сюда: ты умный человек.

П е р в ы й д р у г

Она его узнала?

В т о р о й д р у г

Нет. О, если б

Она могла его узнать!

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Ведь ты —

Хозяин корабля?

Т ю р е м щ и к

Да.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Где компас твой?

Т ю р е м щ и к

Вот здесь.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Направь на север свой корабль,
В тот лес, где Паламон лежит, тоскуя,
И ждет меня; сама я буду править.
Ну, поднимайте ж якорь, да живей!

В с е

Уф, уф! Вот якорь поднят, ветер дует
Благоприятный; поднимите реи
Да распустите парус. Эй, хозяин,
Где твой свисток?

Б р а т т ю р е м щ и к а

Пусть будет он у ней.

Т ю р е м щ и к

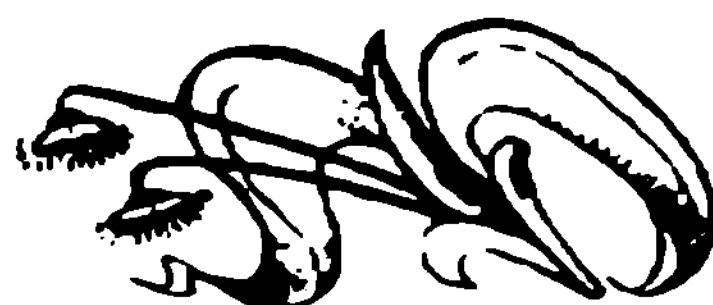
На мачту, мальчик!

Б р а т т ю р е м щ и к а

Где же руль?

П е р в ы й д р у г

Вот здесь он.

Д о ч ь т ю р е м ш и к а

Что видишь ты?

В т о р о й д р у г

Прекрасный лес.

Д о ч ь т ю р е м ш и к а

Ну, правь же

Туда, да поворачивай скорей!

(*Поет.*)

Луна, заняв у солнца свет...

(*Уходят.*)

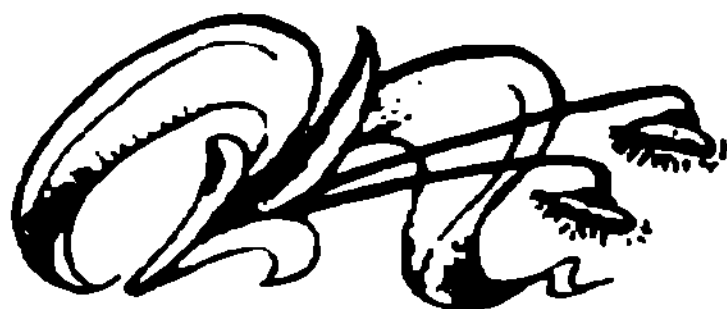
Сцена 2

Афины. Комната во дворце.

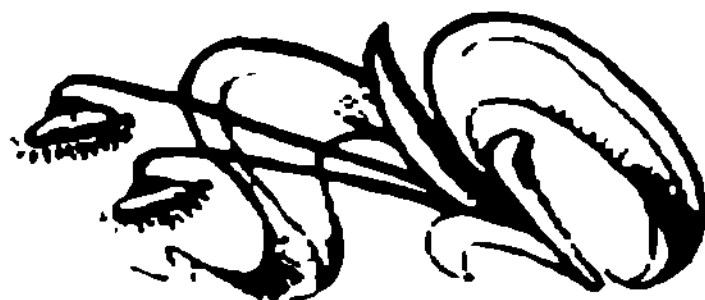
Входит Э м и л и я, держа два портрета.

Э м и л и я

Нет, раны я должна уврачевать,
Которые готовы уж открыться
И кровь излить из-за меня; должна
Я сделать выбор, чтобы не погибли
Из-за меня два юные красавца,
Чтоб матери не прокляли, рыдая,
Идя в слезах за гробом сыновей,
Мою жестокость. Боги, как прекрасен

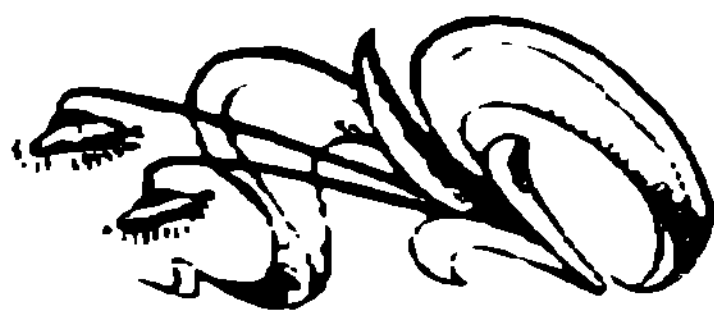
Аркит! Сама премудрая природа
С ее дарами, с дивной красотой,
Которую она с такой любовью
Влагает в благородные тела, —
Сама она, когда бы превратилась
Вдруг в женщину, в застенчивую деву,
С ума сошла бы от любви к нему!
Какие очи, что за взор прекрасный,
Как пламя, искры мечущий и сладкий
В одно и то же время у него!
Сам Купидон в очах его смеется!
Так резвый и прекрасный Ганимед
Воспламенил любовной страстью Зевса,
И бог похитил юного красавца
И рядом посадил его с собою
В созвездии блестящем. Что за лоб
Возвышенный, красивый, величавый,
Как Гера волоокая! Нежнее
Он округлен, чем Пелопса плечо!
Отсюда честь и слава, как с утеса,
Вознесшего вершину к небесам,
Слетают в мир, внизу лежащий, с песнью
О подвигах и о любви богов
И близких к ним людей. Перед Аркитом
Что Паламон? Лишь призрак, только тень!
Он смугл и худ, и взор его так мрачен,
Как будто мать он потерял свою;

Олимпийские боги. Рельеф фриза Парфенона. V в. до н. э.

Он как-то вял, в нем живости не видно,
Нет остроумья, резвости веселой,
Не хочет улыбнуться он. Но есть
В нем то, что мы считаем заблуждением
И крайностью; так некогда Нарцисс
Был мрачен и печален, хоть божествен.
О, нет! Кто женской прихоти изгибы
Способен все изведать и понять?
Утратила я, право, свой рассудок.
Я выбрать не могу, и вот я лгу
Бессовестно, и, право, я достойна,
Чтоб женщины меня побили. Нет!
О Паламон! Прошу я на коленях
Прощенья у тебя; ты, ты один
Прекрасен! Эти очи в дивном блеске
Грозят и смело требуют любви:
Какая дева им не покорится?
Серьезности какой, какой отваги
Полны его черты, и как влекут
Они меня к себе! Амур, отныне
Лишь он меня тревожит! Прочь, Аркит!
Ты перед ним — подкидыш, цыганенок,
А благороден только он один!
Ах, я совсем безумна! Я погибла,
Честь девичью готова я забыть.
Спроси меня мой брат, кого люблю я, —
И от Аркита я схожу с ума;

Спроси сестра — мне Паламон милее.
Вот оба рядом; брат, спроси: кто лучше?
Не знаю я! Спроси сестра, — нет, я
Хочу подумать! Точно так ребенок,
Увидев две игрушки драгоценных,
Какую предпочесть из них, — не знает
И плачет он о той и о другой!

Входит дворянин.

Что нового?

Дворянин

Меня прислал к вам герцог,
Ваш брат. Для вас известие я принес:
Все рыцари уж здесь.

Эмилия

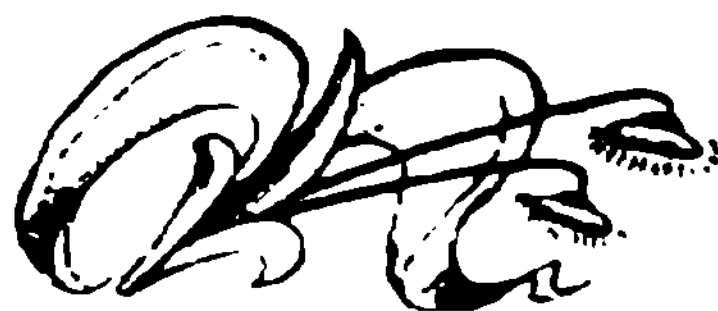
Чтоб спор окончить?

Дворянин

Да.

Эмилия

Лучше бы покончить мне с собой!
В чем я грешна, о чистая Диана,
Что молодость невинная моя
Окроплена должна быть кровью принцев!
В чем я грешна, что чистота моя

Послужит алтарем, где два влюбленных,
Прекраснейших, достойнейших из всех,
Когда-либо отрадой веселивших
Сердца своих счастливых матерей,—
Падут безвинно жертвою кровавой
Моей несчастной красоты!

Входят Тезей, Ипполита, Пиритой и свита.

Тезей

Прошу

Скорей привести их: я желаю страстно
Увидеть их. Красавица-сестра,
Поклонники твои вернулись оба
И рыцарей с собою привели.
Теперь должна ты одного из принцев
Как друга сердца выбрать для себя.

Эмилия

Хотела б лучше я обоих выбрать,
Чтоб за меня никто не погибал
Безвременно.

Тезей

Кто видел их?

Пиритой

Я видел.

Д в о р я н и н

А также я.

Входит вестник.

Т е з е й

Откуда ты пришел?

В е с т н и к

От рыцарей.

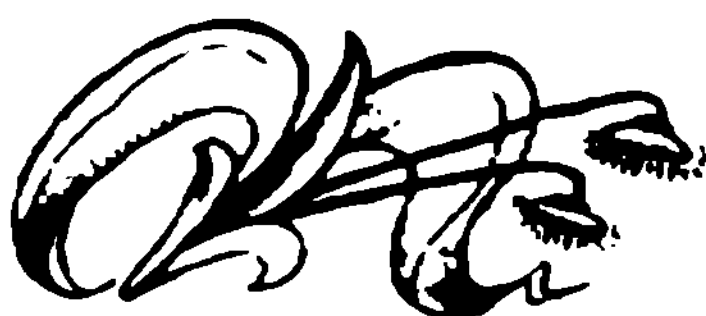
Т е з е й

Скажи нам, каковы же

Они?

В е с т н и к

Свои охотно впечатления
Я передам. По внешности судя,
Таких шести бойцов, отваги полных,
Доныне я не видывал еще,
Да про таких не читывали в книгах.
Тот рыцарь, что стоит на первом месте
С Аркитом, — крепкий, сильный человек;
Судя по виду, это принц природный,
Не очень смугл, но и не бел, — суровый,
Но благородный; смелый и бесстрашный,
Опасность он умеет презирать;
В глазах его огонь таится грозный,
Как-будто скрыт в нем разъяренный лев.

До плеч висят его густые кудри,
Они черны, как ворона крыло;
В плечах широк он, а вооруженье
Его богато; при бедре висит
Тяжелый меч на поясе роскошном,
И кажется, что в каждый миг готов
Запечатлеть мечом свою он волю.
Ну, словом, я уверен: лучше друга
Для воина нельзя и пожелать.

Т е з е й

Ты славно описал его.

П и р и т о й

Но трудно
В словах коротких описать того,
Который первым возле Паламона
Стоит.

Т е з е й

Скажи нам что-нибудь о нем.

П и р и т о й

Мне кажется, он также принц природный,
Пожалуй, даже первого знатней,
Телосложением он его полнее,
Лицо ж его приятней; он румян,

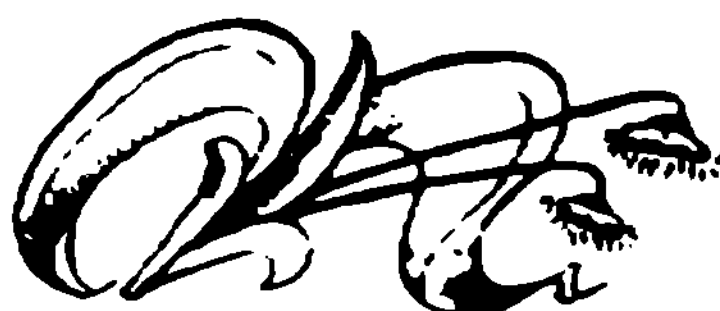
Как зрелый виноград. Сознание видно
В его глазах, за что он будет биться,
И тем, конечно, лучше он сумеет
С отвагой дело друга отстоять.
В лице его уверенность в победе
Сквозит; когда ж разгневается он,
Сумеет, верно, он владеть собою.
Чтоб, не боясь опасности, свершить
Великий подвиг; страха он не знает,
Хоть, может быть, его и мягок нрав.
Он белокур, курчав; густые кудри
Свиваются, плющу подобно, в пряди,
Которых не распутал бы и гром;
Лицом же он — воинственная дева,
Кровь с молоком, совсем без бороды;
В глазах его живет сама Победа,
Как бы ласкаясь к доблести его.
Горбатый нос — отваги гордой признак,
Румяные же губы после битв
Для дам прекрасных как нельзя приятней.

Э м и л и я

Ужель и эти люди все умрут?

П и р и т о й

Когда он говорит, то раздаётся
Его могучий голос, как труба;

Черты его все правильны и резки;
Оружие его — стальной топор
С роскошной золотою рукоятью,
А лет ему примерно двадцать пять.

В е с т н и к

Там есть другой, — не очень крупен ростом,
Но духом, видно, крепок и могуч;
Едва ли он кому-нибудь уступит.
Доныне мне не приходилось видеть,
Кто так бы много обещал, как он.

П и р и т о й

Не тот ли это, чье лицо в веснушках?

В е с т н и к

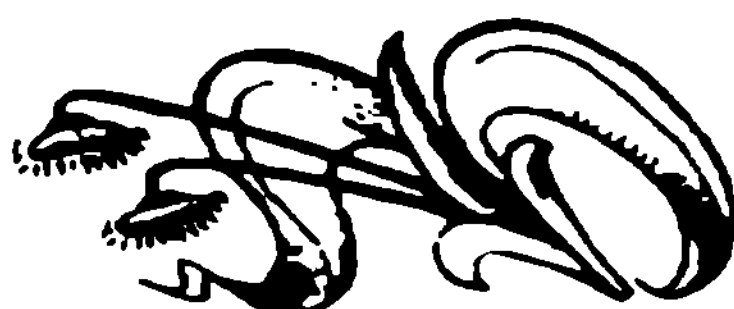
Да, это он; не правда ли, они
Ему идут?

П и р и т о й

Пожалуй, я согласен.

В е с т н и к

Веснушек очень мало у него,
Притом расположение их удачно:
Они ему решительно к лицу.
Не темен цвет его волос, но также

Не слишком светел, — мужествен, с оттенком
Каштановым; а сам подвижен он,
В нем деятельный дух замечен сразу.
Он мускулист, его могучи руки,
Их мышцы очень выпуклы, у плеч
Они немного пухлы, как у женщин,
Впервые плод зачавших; нет сомненья,
Что очень он вынослив; бремя лат
Ему не тяжело; он тих, спокоен,
Но в гневе будет он свиреп, как тигр.
Взор серых глаз грозит и побеждает
И, вместе с тем, сочувствие сулит;
Он зорко видит выгоду и всюду
Умеет ею быстро овладеть;
Он не обидит, но обид не стерпит.
Лицо его довольно кругло; если
Улыбкою оно освещено,
Он кажется влюбленным, а нахмурясь —
Как самый грозный воин он глядит.
На голове его венок дубовый, —
Победы знак, — в нем дамы сердца бант.
На вид ему лет тридцать шесть; он держит
В руке своей большую булаву
Тяжелую, в серебряной оправе.

Т е з е й

И все они настолько ж хороши?

В е с т н и к

Их можно всех назвать сынами чести.

Т е з е й

Ну, так клянусь душою: я хочу
Скорей их видеть. Милая супруга,
И ты должна смотреть на бой.

И п п о л и т а

Охотно;

Но самый спор не так мне интересен,
Как случай видеть витязей двух стран.
Как жаль, что так жесток Амур! Что скажешь,
Сестра мягкосердечная? Не плачь
И слез не лей, пока их кровь не льется.

Т е з е й

Ты мужество своею красотой
В них возвышаешь.

(Пиритою.)

Друг мой благородный,
Тебе устроить поручаю я
Арену, чтоб она была достойна
Тех, кто сражаться будет.

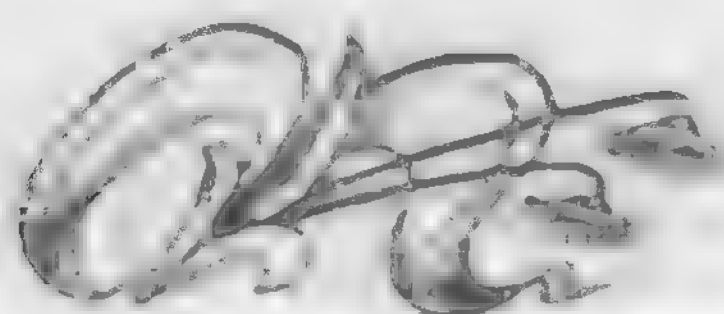
П и р и т о й

Я готов.

Стела вонна. Атика. IV в. до н. э.

Тезей

Я к ним пойду; терпенья не хватает
Дождаться их, — так я воспламенен
Рассказами. Так постарайся ж, друг мой.

Пиритой

Все сделаю, чтоб их принять роскошно.

Эмилия

Плачь, плачь, бедняжка: кто б ни победил, —
Твой грех кузена знатного сгубил.

(Уходят.)

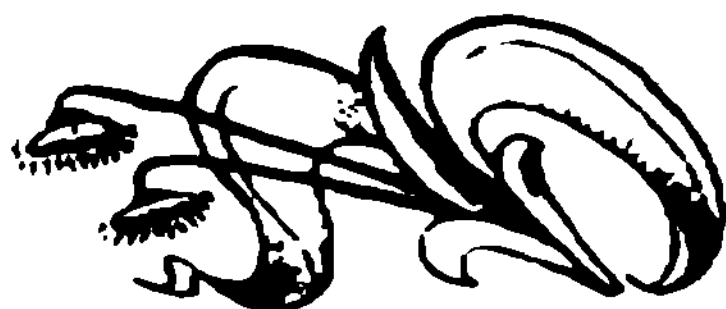
Сцена 3

Афины. Комната в тюрьме.

Входят тюремщик, жених его дочери и доктор.

Доктор. Не правда ли, ее расстройство особенно усиливается в некоторые дни месяца?

Тюремщик. Она постоянно расстроена, но в безобидном роде: она мало спит, очень плохо ест и только часто пьет. Она все грезит о другом, лучшем мире; ко всякой мелочи, которую она видит вокруг себя, она привязывает имя Паламона, вмешивает его во всякое занятие, прицепляет его к каждому вопросу. Вот она идет: посмотрите, и вы увидите, как она ведет себя.

Входит дочь тюремщика.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а. Я совсем забыла это; припев был “радость, радость”; сочинил эту песню не кто иной, как Джеррольд, учитель Эмилии. Он очень странен, странней чем кто-либо, ходивший на ногах. В другом мире Дидона увидит Паламона и тогда разлюбит Энея.

Д о к т о р. Что за бессмыслица! Вот бедняжка.

Т ю р е м щ и к. И так постоянно, целыми днями.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а. Теперь поговорим о колдовстве, о котором я вам рассказывала. Вы должны принести серебряную монету на кончике языка, а то вас не перевезут. Тогда, если вы так счастливы, что попадете в страну блаженных духов,— будем на это надеяться,— то мы, девушки, которых жизнь погибла, разбита на куски любовью, все придем туда и будем заниматься только срыванием цветов для Паламона. Я наберу для него букет, и тогда, заметьте, тогда...

Д о к т о р. Какой у нее милый бред! Посмотрим, что будет дальше.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а. Право, я расскажу вам все. Иногда мы, блаженные души, будем там играть, бегать взапуски. А для тех, которые живут в другом месте,— увы, жизнь будет скорбная; они горят, мерзнут, кипят, визжат, воют, скрежещут зубами, проклинаяют! О, им тяжело приходится! Берегитесь: если кто-нибудь сойдет с ума, повесится, утопится,— все они попадут туда. Спаси нас, Юпитер! Там их бросят в котел с расплавленным свинцом и кипящим жиром ростовщиков и они будут без конца вариться там, как свиной окорок.

Доктор. Чего только не выдумывает ее мозг!

Дочь тюремщика. Знатные люди и царедворцы, обольстившие девушек, попадут именно в это место. Они будут стоять в огне до пупка, а на сердце у них будет лед; таким образом те части тела, которые нанесли обиду, будут гореть, а те части, которые обманули, — будут мерзнуть. Право, это очень жестокое наказание за такие пустяки; поверьте мне, для того, чтобы избавиться от этого, многие согласились бы жениться на прокаженной колдунье.

Доктор. Как она фантазирует! Это не закоренелое сумасшествие, а тяжелая и глубокая меланхолия.

Дочь тюремщика. Если бы вы слышали, как гордая дама и простая городская женщина воют вместе! Я была бы скотиной, если бы нашла это забавным. Одна кричит: “О, какой дым!” а другая: “О, какой огонь!” Одна кричит: “О, зачем я делала это за занавеской!” и громко воеет, а другая проклинаяет своего возлюбленного и садовую беседку. (*Поет.*)

Верна я буду звездам и судьбе...

(*Уходит.*)

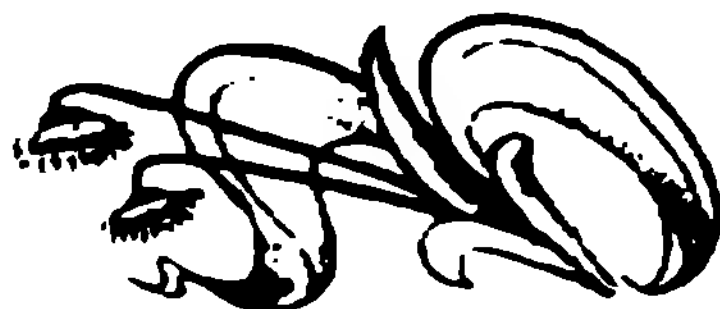
Тюремщик. Что вы скажете о ней, господин доктор?

Доктор. Мне кажется, что она совсем помешалась, и я не могу ей помочь.

Тюремщик. Увы, что же нам делать?

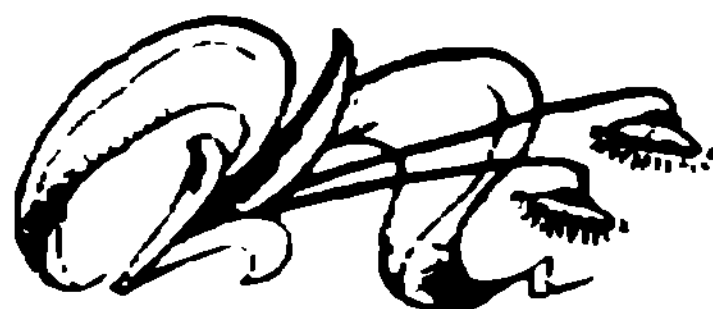
Доктор. Не знаете ли, не любила ли она кого-нибудь раньше, чем увидела Паламона?

Тюремщик. Прежде я очень надеялся, что она отдаст свое сердце вот этому господину, моему другу.

Ж е н и х. Мне тоже так казалось, и я готов многое отдать, хоть половину моего состояния в доказательство того, что как я, так и она до сего времени откровенно были расположены друг к другу.

Д о к т о р. Взор ее был поражен и это повело к расстройству других чувств. Может быть, разум к ней вернется и все чувства снова будут действовать, как должно; но в настоящее время они в полном заблуждении. Вот что следует вам сделать: поместите ее в комнату, куда едва проникал бы свет. Вы, молодой человек, друг ее, назовитесь Паламоном; скажите ей, что пришли пообедать вместе с нею и поговорить о любви; это привлечет ее внимание, так как она только об этом и думает: прочие предметы, попадающие между ее духовным и телесным взором, лишь помогают ей разнообразить и украшать свое безумие. Пойте ей нежные песни любви, которые, по ее словам, Паламон пел в тюрьме. Принесите ей самых лучших цветов, которые можно найти в это время года, и прибавьте к ним еще разные духи, благоприятно действующие на чувства. Все это будет соединяться с представлением о Паламоне, так как Паламон умеет петь, Паламон любезен и воплощает в себе все хорошее. Предлагайте ей обедать вместе с нею, угощайте ее, пейте за ее здоровье и в это время старайтесь снижать ее расположение. Узнайте, какие девушки были ее знакомыми и подругами в играх: пускай они придут к ней разговаривать о Паламоне, а вы в это время явитесь под его личиною. Она создает себе лживые представления и ложью надобно бороться с ними. Таким образом вы заставите ее и есть, и

спать и приведете в прежний порядок то, что теперь вышло из колеи. Мне такое лечение удавалось, не знаю, сколько раз; и я надеюсь, что этот случай увеличит число моих успехов. Примитесь за исполнение этого, не откладывая дела в долгий ящик: поверьте, мы все уладим. (*Уходят.*)

АКТ V

Сцена 1

Афины. Три жертвенника, из которых один посвящен Марсу, другой Венере, третий Диане.

Трубы. Входят Тезей, Пиритой, Ипполита и свита.

Тезей

Пускай войдут и здесь перед богами
Мольбы свои повергнут. Пусть весь храм
Священными огнями озарится,
Пусть облака святого фимиама
Над алтарями вознесутся к тем,
Кто выше нас; свершите все обряды,
Затем, что дело важности высокой
В руках богов: они почтут того,
Кто, мощный телом, с верною любовью
Им служит.

Пиритой

Государь, они идут.

Раздаются звуки рожков. Входят Паламон и Аркит со своими рыцарями.

Тезей

Вы, славные соперники-герои,
Вы, царственные кровные враги!
Настал тот день, который пламя дружбы
И близости, пылавшее меж вас,
Потушит. Позабудьте же на время
Раздор свой пред священным алтарем
И с голубиной кротостью, с мольбою
К богам, которых каждый смертный чтит,
Свой непреклонный стан вы преклоните.
Ваш спор важней, чем споры прочих смертных:
Бессмертная вам помощь тем нужней.
Итак, по чистой совести сражайтесь
И помните: вы на глазах богов!
Я ухожу, молитесь: я победы
Равно желаю каждому из вас.

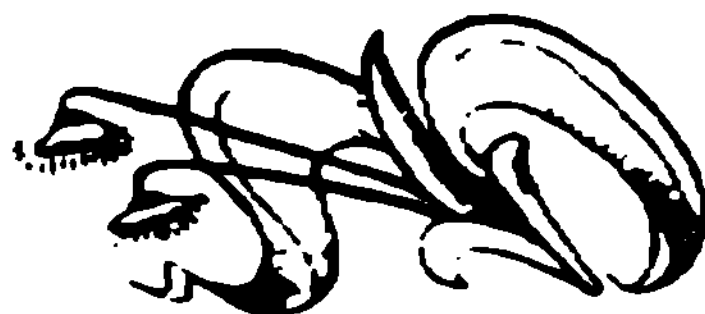
Пиритой

Достойнейший почтен да будет небом!

Тезей, Ипполита и свита удаляются.

Паламон

Часы бегут и бег их не прервется,
Пока один из нас не будет мертв.
Одно скажу тебе, Аркит: когда бы

Во мне нашлось хоть что-нибудь, что стало б
Сопrotивляться исполненью дела,
Которое я должен совершить, —

Тезей убивает Минотавра

Будь это глаз, восставший против глаза,
Или рука, другой моей руке
Помочь не пожелавшая, — их мигом
Я уничтожил бы. И если я

Часть самого себя убить способен, —
Пойми, что должен сделать я с тобой!

А р к и т

Что до меня, — я приложу все силы,
Чтоб позабыть об имени твоём,
О нашей дружбе, нашей кровной связи,
Вообразив тебя враждебной силой,
Которую я должен поразить.
Итак, свои мы паруса распустим,
Куда ж корабль примчится, — пусть решают
Небесные вершители судеб.

П а л а м о н

Слова твои прекрасны. Пред разлукой
Позволь же мне обнять тебя, кузен.
В последний раз тебя я обнимаю.

А р к и т

Прости, кузен!

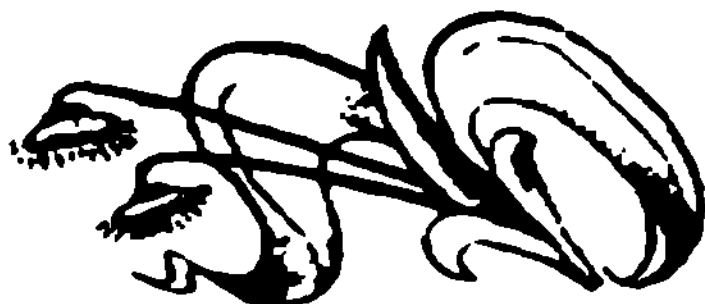
П а л а м о н

Прости в последний раз.

Они обнимаются; Паламон и его рыцари уходят.

А р к и т

Вы, родственные рыцари, вы жертвы
Любви моей, влюбленные и сами,

Вы, Марса слуги верные, чей дух
Избавил вас от чувства страха, даже
От мысли о возможности робеть, —
Приблизьтесь вы со мною вместе к богу,
Которому привыкли мы служить!
Попросим, чтобы в битве предстоящей
Он дал нам сердце львов, отвагу тигров
И быстроту великую, чтоб мы
Не медлили, улиткам уподобясь.
Вы знаете, что приз мой в этой битве
Извлечь я должен из потоков крови;
Вы знаете, что мы должны свершить
Великий подвиг мужества и силы,
Чтоб мне добыть венок победы славной,
В который мне красавица воткнет
Цветов царицу, и должны мы будем
Все поле битвы кровью окропить.
Прошу вас поддержать меня! Теперь же
С молитвой жаркой к Марсу припадем.

Они подходят к алтарю Марса, падают пред ним ниц, а потом становятся на колени.

О ты, великий, грозный бог, чья сила
Зеленый цвет Нептуна превращает
В багровый; ты, которого кометы
Страшатся; ты, который на полях
Опустошенных оставляешь груды
Непогребенных мертвых черепов,

Сдуваешь яства со стола Цереры,
Рукою, в сталь закованной, срываешь
Вершины башен из-под облаков,
Из камня твердый пояс создаешь
Вкруг городов и разрушаешь вновь, —
О, помоги мне, твоему питомцу,
Наперсника грозы твоей наставь,
Дай силу мне и ловкость, чтобы гордо
Свое я поднял знамя в честь твою
И стал героем дня. О Марс великий!
Тебя молю я знаменье послать,
Угодна ли тебе моя молитва!

Они снова prostираются ниц. Слышится стук оружия, затем короткий гром, как бы от шума битвы. Они встают и кланяются алтарю.

О ты, великий мощный исправитель
Седых времен работы вековой,
Решитель чести имени и сана,
Покрытых пылью славною веков;
О ты, который кровью исцеляешь
Болезнь земли и охраняешь мир
От лишнего избытка населенья,
Позволь же мне считать благоприятным
То знаменье, которое ты дал,
И действовать с отвагою во имя
Твое, великий! Рыцари, пойдем.

(Уходят.)

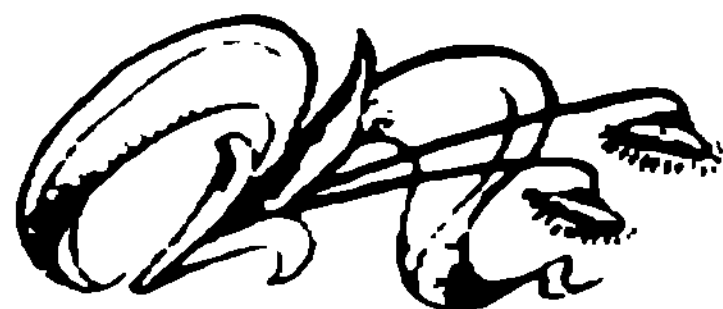
Входят Паламон и его рыцари.

П а л а м о н

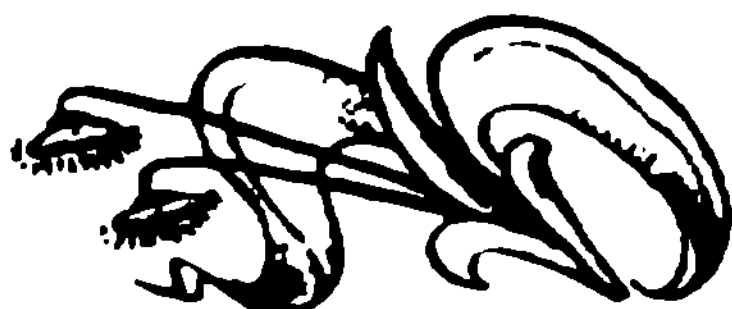
Должны теперь зажечься наши звезды
Сияньем новым, или же навеки
Они погаснут. Наш девиз — любовь,
И если тот девиз любви богине
Угоден, — нам победу даст она.
Итак, соедините ж ваши души
С моею; дело сердца моего
Пусть будет также личным делом чести
Для ваших чистых, доблестных сердец!
Венере весь наш подвиг посвящая,
О помощи помолимся мы ей.

Они подходят к алтарю Венеры, простираются перед ним и затем становятся на колени.

Приветствую тебя, богиня тайн!
Ты можешь нежной силою своею
Тирана злого ярость укротить,
Как девушку, его заставив плакать;
Единым взглядом ты заставить можешь
Умолкнуть Марса грозный барабан,
Шум битвы в сладкий шепот превращая.
Калека жалкий силою твоей
Способен вдохновиться: вместо флейты
Сыграет он на костыле своем
Любовной неги сладостную песню

И пред очами Феба исцелится.
Захочешь ты — и, покорясь тебе,
Король вассалом подданного станет;
Закоренелый холостяк, чья юность
Перескочила чрез твои огни,
Как прыгают веселые ребята
Чрез праздничный костер, — попавшись в сети
Твои, поет, назло охрипшей глотке,
Любовные романсы. Что тебе,
Богиня, недоступно? Даже Феба
Ты согреваешь жарче, чем он сам
Лучами греет; смертного он сына
Сожег, а твой огонь сжигает бога!
Холодная Охотница сама,
Как говорят, была готова бросить
Свой лук для вздохов сладостной любви.
Молю тебя, как воин твой усердный:
Ко мне, богиня, милостива будь!
Всегда готов носить твое я иго
Беспрекословно, как венец из роз,
Хоть тяжелей оно, чем груз свинцовый,
И сердце жжет больней крапивы злой.
Всегда я верен был твоим законам,
Священных тайн твоих не раскрывал,
Да и не знал; но если б все их знал я,
То и тогда я не открыл бы их.
Я жен чужих не увлекал любовью,

Нескромных книг читать я не любил;
На пиршествах я гнусными речами
Не увлекал красавиц, но краснел,
Когда другие гнусно поступали.
Развратников сурово я бранил,
Им говоря: “Ужели позабыли
Вы мать свою?” А сам, имея мать,
Как женщину, ее не оскорблял я,
Уверенный, что женщину обидеть
Простительно лишь женщине. И вот
Рассказывал я им, что знал однажды
Я старика восьмидесяти лет,
Который на четырнадцатилетней
Красавице женился: ты, богиня,
Огонь любви вселила в этот прах!
То был калека старый, кривоногий;
От ревматизма пальцы все в узлах;
Глаза его, из впадин вылезая,
Готовились как будто выпасть; жизнь
Была ему, казалось, лишь мученьем.
И что же? Несчастный этот полутруп
Имел ребенка от жены прекрасной!
Ребенок был его: она сама
Мне в том клялась, — и кто б ей не поверил?
Ну, словом, я для гнусных болтунов,
Всегда грешить готовых, — не товарищ;
От хвастунов, еще не согрешивших,

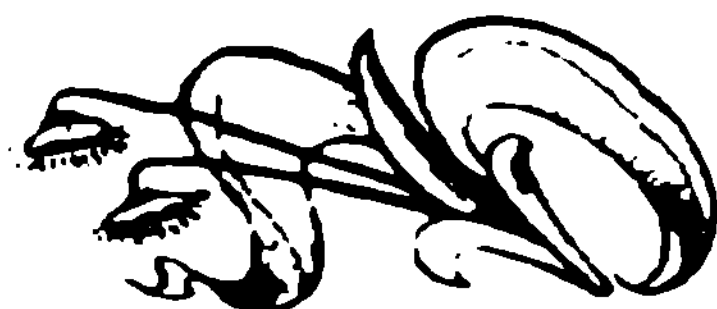

С презрением отворачиваюсь я;
За тех, кто согрешил бы, но не встретил
Возможности, — я радуюсь; того,
Кто повествует о делах бесстыдных,
Свершенных тайно, — также и того,
Кто дерзко все притоны называет, —
Я ненавижу. Я клянусь, что нет
Любовника верней меня! И ныне
Твоей, богиня, помощи прошу я:
Дай мне победу в битве роковой, —
Я заслужил ее любовью верной!
Пошли, богиня, знаменье свое,
Чтоб я уверен был, что ты довольна!

Слышится музыка; появляются голубки, порхающие над алтарем; Паламон
и рыцари падают ниц, затем становятся на колени.

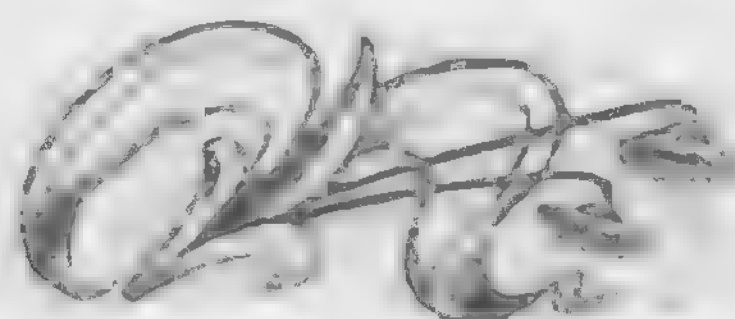
Великая, прекрасная богиня,
У смертных от одиннадцати лет
Царящая в сердцах до девяноста, —
Ты, чьей охоты поле — целый мир,
А мы — лишь дичь, гонимая тобою, —
Благодарю за знаменье твое!
Им сердце ты мое вооружаешь
Невинное, чтоб смело шел я в бой!
Вставайте же; богине поклонившись,
Пойдем отсюда: время истекло.

Они кланяются алтарю и уходят.

Статуя Афродиты (Венеры). Из собрания греческой скульптуры
в Государственном Эрмитаже

Раздается тихая музыка; входит Э м и л и я в белом платье, с волосами, распущенными по плечам, и в венке из колосьев; одна из девушек, в белом платье, несет ее шлейф; волосы ее убраны цветами; другая несет впереди серебряный сосуд с ладаном и благоуханиями и ставит его перед алтарем Дианы. Девушки становятся поодаль, а одна из них зажигает огонь на алтаре. Они делают реверанс перед алтарем и становятся на колени.

Э м и л и я

О ты, богиня хладная, святая,
Царица ночи, в гордом постоянстве
От всех страстей свободная, немая,—
Одна царишь ты в сладкой тишине
И в молчаливом созерцании мира,
Чиста, как целомудрие само,
Бела, как снег, носимый легким ветром;
И даже в девах, воинах твоих,
Ты допускаешь крови лишь настолько,
Насколько нужно для румянца щек,
Который есть знак ордена Дианы.
Как девственная жрица, пред тобой,
Богиня, я колена преклоняю;
О, удостой взглянуть зеленым оком,
Которое не зрело никогда
Нечистых дел, на трепетную деву
Твою; склони, сребристая богиня,
Свой слух, который был всегда закрыт
Для грубых слов и для нескромных звуков,
К мольбе моей, которую теперь

Я приношу тебе в священном страхе.
 В последний раз, как девственница, я
 Молюсь тебе; одета я невестой,
 Но сердцем — дева; выхожу я замуж,
 Но за кого, — не знаю; одного
 Из двух должна я выбрать и победу
 Послать ему молю тебя, но выбор
 Пусть не зависит от меня; когда бы
 Решала я сама, то я сказала б:
 Равны они! Губить ни одного
 Я не хочу, и если кто погибнет, —
 Пусть будет он не мною осужден!
 А потому, о скромная богиня,
 Победу дай тому, кто больше любит
 Меня и больше прав имеет: пусть
 С меня снимает он венец мой брачный, —
 Иль повели мне до скончания дней
 Продлить безбрачья нить, остаться девой,
 Как пред тобой я девой предстою.

Серебряный сосуд исчезает под алтарем; на его месте появляется куст
 с розой на вершине.

Так вот каков, владычица благая
 Приливов и отливов, твой ответ,
 Из недр святого алтаря восставший!
 Одна лишь только роза! Если верно
 Я поняла, ответ твой означает,
 Что в битве оба витязя падут,

И я одна останусь, без супруга,
Как девственный, не сорванный цветок!

Раздаются внезапные звуки инструментов, и роза падает с куста, который
исчезает под алтарем.

Цветок упал, за ним исчез и куст.
Богиня, облегчаешь ты меня!
Я вижу, что супруга получу я,
Но воли все ж не знаю я твоей:
Она покрыта тайной.

(Встает.)

Я надеюсь,
Что угодила я своей молитвой:
Ко мне богини милостив ответ.

(Уходит.)

Сцена 2

Афины. Комната в тюрьме.

Входят доктор, тюремщик и жених в одежде Паламона.

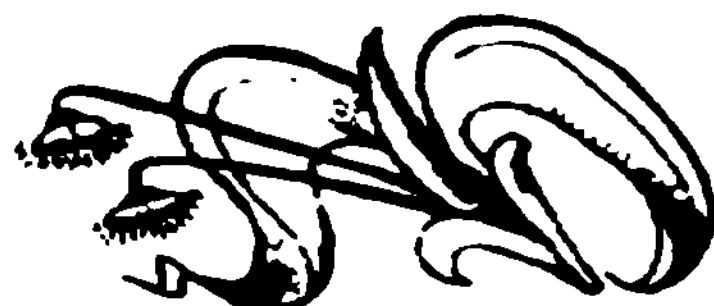
Доктор

Ну, что ж, помог ли мой совет?

Жених

Да, очень:

Знакомые девицы, к ней придя,
Ее почти совсем уж убедили,

Что я — сам Паламон; чрез полчаса
Она пришла ко мне и, улыбаясь,
Спросила, что я ем, и не хочу ли
Поцеловать ее. На это я
Ответил ей: “Хочу, мой друг”, и дважды
Поцеловал.

Доктор

Отлично! Двадцать раз —
Еще бы лучше: ведь в этом все лечение.

Жених

Затем она сказала мне, что будет
Без сна всю ночь, чтоб уловить тот час,
Когда я к ней почувствую влечение.

Доктор

Пускай; когда влечение то придет, —
Его сейчас же удовлетворяйте.

Жених

Затем она меня просила спеть.

Доктор

Что ж, пели вы?

Жених

О, нет!

Доктор

Ну, это плохо:
Во всем ей надо угодать.

Жених

Увы!
Ведь голоса я, доктор, не имею!

Доктор

Ну, все равно: какой-нибудь хоть звук
Издайте; все, чего б ни попросила,
Ей делайте; захочет, — лягте с нею.

Тюремщик

Ну, доктор!

Доктор

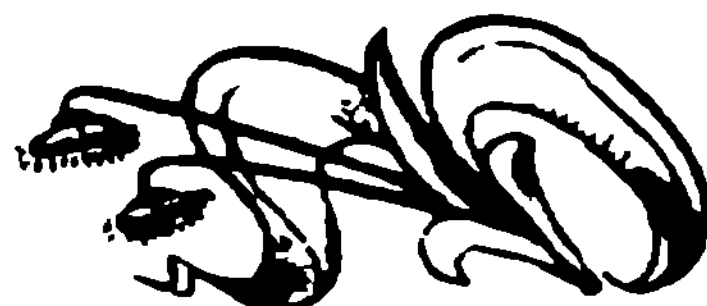
Да; так требует лечение.

Тюремщик

Но прежде надо помнить то, чего
Честь требует.

Доктор

Вот нежности пустые!
Иль честь дороже вам, чем ваша дочь?
Сперва ее нам вылечить вы дайте,

А после, если ваша дочь честна,
Она пойдет вперед!

Т ю р е м щ и к

Спасибо, доктор.

Д о к т о р

Нельзя ль позвать ее сюда? Хочу
Ее я видеть.

Т ю р е м щ и к

Я схожу за нею,
Скажу, что Паламон ее зовет;
Но, доктор, не опасно ль?

(У х о д и т .)

Д о к т о р

Ладно, ладно!

Вы все, отцы, порядочные дурни;
Скажите: честь ее ему нужна!
Вот мы дадим лекарство, так увидим...

Ж е н и х

Как, доктор, разве думаете вы,
Что не честна она?

Д о к т о р

А сколько лет ей?

Ж е н и х

Ей — восемнадцать.

Д о к т о р

Может быть, честна;

Но это все равно для нашей цели,
И, чтоб ее отец ни говорил,
Как только вы заметите, что мысли
Ее наклонны, — знаете, к тому,
Videlicet¹, — ну, словом, к делу плоти, —
Надеюсь я, вы поняли меня?

Ж е н и х

Да, доктор, понял.

Д о к т о р

Удовлетворите

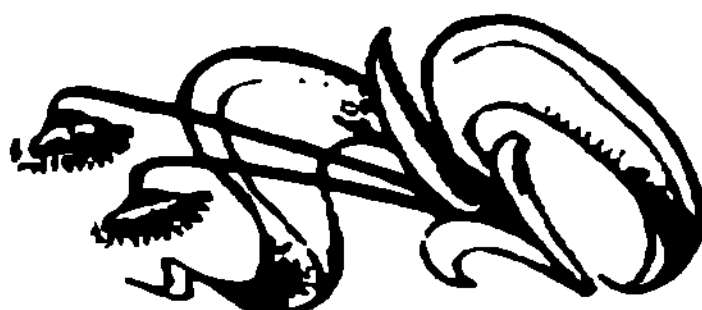
Вы аппетит ее, да хорошенько:
Тогда вся меланхолия ее
Излечится сейчас же, ipso facto².

Ж е н и х

Да, я согласен, доктор.

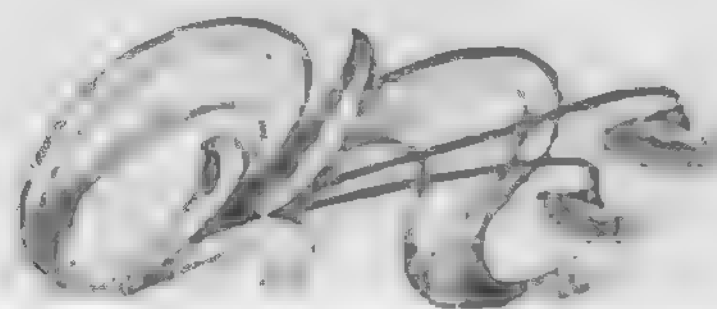
1 То есть (лат.).

2 Тем самым (лат.).

Храм Афины на афинском акрополе. V в. до н. э.

Д о к т о р

Уж поверьте,
Что будет так. Но вот она идет:
Развеселить ее вы постарайтесь.

Входят тюремщик, дочь его и служанка.

Т ю р е м щ и к

Иди, дитя; твой Паламон здесь ждет
Уж целый час: тебя он хочет видеть.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Его благодарю я за терпение;
Он добр; я так обязана ему!
Вы видели, он подарил мне лошадь?

Т ю р е м щ и к

Да.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Правда, конь хорош?

Т ю р е м щ и к

Великолепен.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Вы видели, как этот конь танцует?

Т ю р е м щ и к

Нет.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Я видала; ах, как он красив!
Особенно он быстр и ловок в джиге:
Совсем волчок!

Т ю р е м щ и к

Да, это хорошо.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Пройти он может мавританским танцем
В час двадцать миль,— а это утомит
Любую деревянную лошадку,
Хоть лучшую во всем приходе нашем.
К тому же он танцует под мотив
Известной песни “Свет любви”. Неправда ль,
Чудесный конь?

Т ю р е м щ и к

Пожалуй, он умен
Настолько, что и в мяч сыграть он может?

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Ах, нет!

Т ю р е м щ и к

Читать, писать умеет он?

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Отлично пишет: превосходный почерк!
Он сам ведет счет сена и овса,
И конюху, который захотел бы
Его надуть, пришлось бы нелегко.
Не знаете ль кобылу вы гнедую
На герцогской конюшне?

Т ю р е м щ и к

Да.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Она

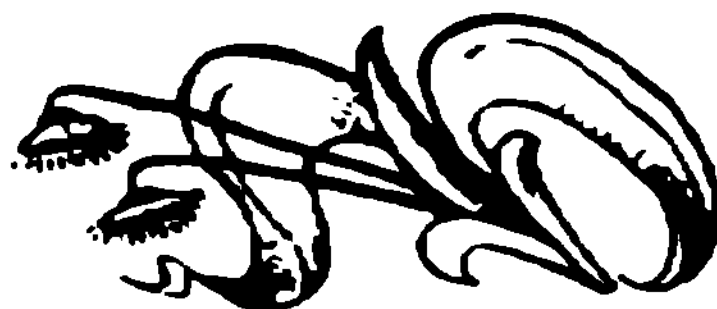
В него ужасно влюблена, бедняжка;
Но он, как господин его, суров
И скромн.

Т ю р е м щ и к

Есть приданое за нею?

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

За нею сена двести есть возов
И двадцать мер овса. Но он не хочет
И знать о ней: он сладострастно ржет,
Когда завидит мельника кобылу,
Которую готов он соблазнить.

Д о к т о р

Что за ужасный вздор она болтает?

Т ю р е м щ и к

Ну что же, сделай реверанс: ведь вот
Возлюбленный твой здесь.

Ж е н и х

Как поживаешь,
Красавица? Вот милая девица!
И как прекрасно сделан реверанс!

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

К услугам вашим, сколько честь позволит.
Не можете ль сказать мне, господа,
Далеко ли от этих мест край света?

Д о к т о р

Пожалуй, целый день пути.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Хотите

Со мной идти туда?

Ж е н и х

Но что же будем
Мы делать там?

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Что? Мы сыграем в мяч.
Чего же больше делать там?

Ж е н и х

Отлично;
Нельзя ли нашу свадьбу там сыграть?

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Да, это верно. Там найти мы можем
Священника слепого, чтобы нас
Он обвенчал; а здешние все глупы
И слишком привередливы; к тому же
Повесят завтра моего отца,
И это может нам испортить дело.
Вы — Паламон?

Ж е н и х

Ведь знаешь ты меня?

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Да, но меня вы знать не захотите;
Ведь у меня нет ничего: вот эта
Лишь юбочка, да две плохих рубашки.

Ж е н и х

Мне все равно: хочу владеть тобою.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а
Серьезно?

Ж е н и х
Да, клянусь твоей рукой.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а
Ну, так пойдем в постель.

Ж е н и х
(целуя ее)

Когда угодно.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а
О, как охотно лакомитесь вы!

Ж е н и х
Зачем же ты мой поцелуй стираешь?

Д о ч ь т ю р е м щ и к а
Он очень сладок; как меня прекрасно
Он к нашей свадьбе надушит! А это
Ведь ваш кузен Аркит?

Д о к т о р
Да, дорогая.
Как рад я, что кузен мой Паламон
Такой прекрасный выбор сделал!

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

Правда?

Он женится на мне?

Д о к т о р

Ну да, конечно.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

И вы того же мнения?

Т ю р е м щ и к

Да.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

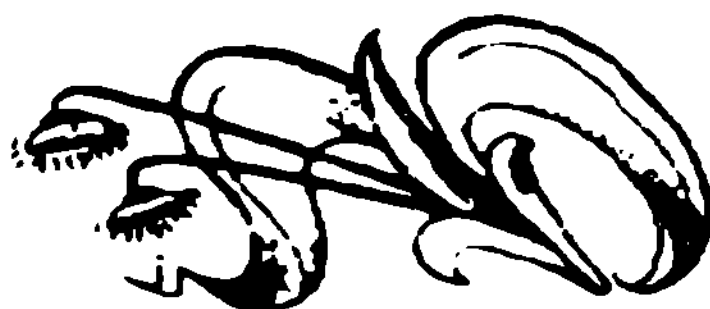
У нас

Детей родится много. Ах, как сильно
Вы выросли! И друг мой Паламон,
Надеюсь, тоже вырастет: ведь снова
Свободен он. Ах, он, голубчик мой,
Так долго не имел еды хорошей
И даже крова был лишен! Но я
Поправлю все, его целую нежно.

Входит вестник.

В е с т н и к

Что делаете вы? Ведь вы лишитесь
Прекраснейшего зрелища.

Т ю р е м щ и к

Бойцы

У ж на арене?

В е с т н и к

Да; и вам там надо
Быть непременно.

Т ю р е м щ и к

Я сейчас иду.

(Доктору.)

Я должен вас покинуть.

Д о к т о р

Вместе с вами

И я пойду; и я хочу смотреть.

Т ю р е м щ и к

Как вы ее находите?

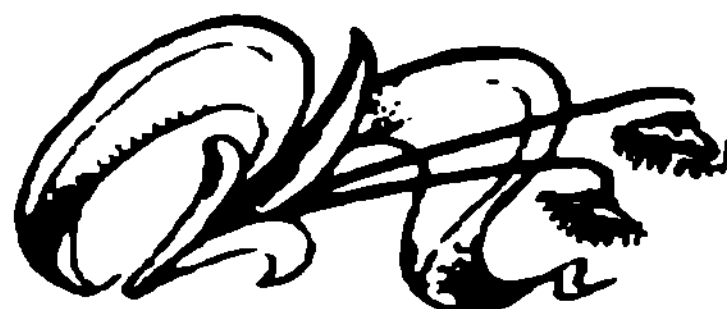
Д о к т о р

Ручаюсь,

Что в два-три дня мы все поправим вам.

(Жениху.)

Смотрите ж, от нес не отходите
И не давайте ей сходить с пути.

Ж е н и х

Согласен.

Д о к т о р

Пусть она свое получит.

Ж е н и х

Душа моя, пойдем теперь обедать,
А после в карты будем мы играть.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

И будем целоваться?

Ж е н и х

О, конечно,
Хоть сотню раз.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

И двадцать?

Ж е н и х

Да, и двадцать.

Д о ч ь т ю р е м щ и к а

А после мы и спать пойдем вдвоем?

Д о к т о р

Скорее принимайте предложение.

Жених

Охотно.

Дочь тюремщика

Но не сделайте мне больно.

Жених

Спокойна будь.

Дочь тюремщика

А то я закричу!

(Уходят.)

Сцена 3

Часть леса близ Афин, недалеко от места, назначенного для битвы.

Трубы. Входят Тезей, Ипполита, Эмилия, Пиритой и свита.

Эмилия

Я дальше не пойду.

Пиритой

Как, разве можно

Себя такого зрелища лишать?

Эмилия

Пожалуй, я охотно бы смотрела,

Как ловко ловит муху королек,

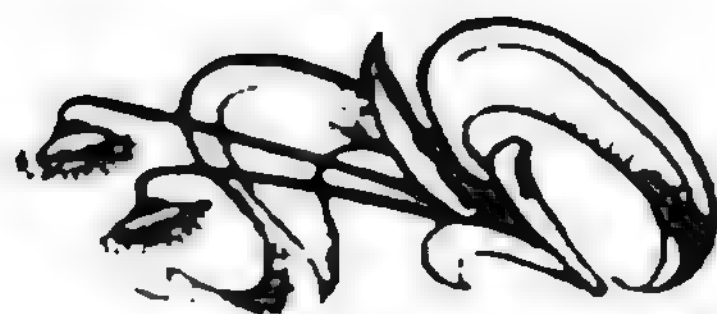

Но не хочу смотреть на эту битву,
Где каждый из ударов угрожает
Сгубить навеки доблестную жизнь,

Афродита Книдская. Голова статуи работы Праксителя. IV в. до н. э.

Где каждый взмах грозит тяжелой раной,
Где лязг мечей есть похоронный звон.
Довольно, что мой слух терзаться будет,

Когда услышит горестную весть,
К которой не могу я быть глухою.
Так пусть же хоть глаза мои не видят
Того, что им ужасно.

П и р и т о й

Государь,
Сестра твоя идти не хочет дальше.

Т е з е й

Она должна идти, чтоб лицезреть
Великие дела отважной чести
В прекрасном исполнении; здесь сама
Природа нам историю напишет;
Так пусть же слух и зрение закрепят
Об этой битве доблестную память.
И ты должна присутствовать, сестра:
Ведь ты награда, приз, венец победы,—
Твой долг судьбы решение увенчать.

Э м и л и я

Прости, мой брат: но если б там была я,—
Глаза бы я закрыла.

Т е з е й

Этот бой
Есть ночь, где ты одна звездой быть можешь.

Э м и л и я

Затмилась та звезда; им нужен свет
Лишь для того, чтоб отыскать друг друга;
Так пусть же Тьма, мать Ужаса, проклятье
Несущая миллионам смертных, ныне
Свой черный плащ набросит на обоих,
Чтоб друг от друга скрыть их; пусть она
Хоть этим имя доброе заслужит
И оправдает несколько убийц
В том, в чем она сама одна виновна.

Т е з е й

Но ты должна идти.

Э м и л и я

О нет, клянусь,
Я не пойду.

Т е з е й

Своим прекрасным взором
Ты мужество у рыцарей зажжешь.
Подумай: ты — предмет войны; конечно,
При ней ты и присутствовать должна.

Э м и л и я

Нет, государь, прости: война за царство
И вне его быть может ведена.

Т е з е й

Что делать; как желаешь. Те особы,
Которые останутся с тобой,
Могли бы, право, пожелать свой жребий
Своим врагам.

И п п о л и т а

Прощай, сестра; недолго
Мне ждать, когда предстанет пред тобой
Супруг твой. Боги знают, кто есть лучший
Из двух, и буду я богов молить,
Чтоб лучшего тебе они избрали.

Уходят все, кроме Эмилии и немногих лиц из свиты.

Э м и л и я

Аркит красив, но есть в его глазах
Как будто хитрость; так бывает скрытан
В ножнах красивых, мягких — острый нож.
В нем мужество и мягкость сочетались.
А Паламон имеет грустный вид:
Он часто хмурит брови, гневным взором
Как будто хочет насмерть поразить.
Но не всегда таков он; настроение
Меняет весь лица его характер.
Внимателен и долог взор его
И грустный вид красавца благороден
Настолько ж, как веселый вид Аркита.

И грусть и радость так смешались в нем,
Что в грусти виден радости оттенок,
А в радости его — печали след,
И сумрачность, которая бывает
В других так неприятна, только красит
Его лицо.

Раздаются звуки рожков; за сценой трубят к атаке.

Чу, там уже трубят
И возбуждают принцев к состязанью.
Аркит меня, быть может, завоюет;
Однако же: что если Паламон
Его так ранит, что совсем испортит
Ему лицо? Как это было б жаль!
Когда б я там была, то им, пожалуй,
Я повредила б: на меня взглянув,
Один из них забыл бы защищаться
Иль упустил бы случай к нападенью;
Гораздо лучше, что меня там нет!
Да, было б лучше вовсе не родиться,
Чем быть такого бедствия виной.

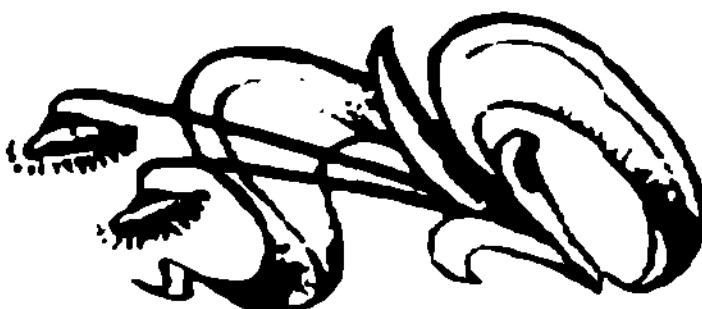
Звуки рожков и громкий крик “Паламон!” за сценой.

Что там случилось?

С л у г а

Имя Паламона

Народ провозглашает.

Э м и л и я

Это значит,
Что Паламон победу одержал.
Да, это было очень вероятно:
Весь вид его сулил ему успех;
Конечно, из мужей он — самый лучший.
Поди узнай подробнее, в чем дело,
И расскажи.

Снова звуки рожков и крики “Паламон!” за сценой.

С л у г а

Вновь крики “Паламон!”

Э м и л и я

Беги, узнай.

Слуга уходит.

О, мой слуга несчастный,
Ты побежден! Портрет твой я носила
Здесь, на груди, на правой стороне,
На левой же — портрет был Паламона.
Сама не знаю, почему я так
Их поместила: так судьба хотела;
А сердце ведь на левой стороне, —
И этот знак был в пользу Паламона.

Снова раздаются за сценой крики и звуки рожков.

Вновь взрывы крика. Это означает,
Наверное, что кончен этот бой.

С л у г а
(входя)

Сказали мне, что Паламон Аркита
Почти до пирамиды оттеснил,
И все кричали “Паламон”; но быстро
Союзники Аркита взяли верх,
И снова обе стороны сравнялись.

Э м и л и я

О боги, если б оба в одного
Вдруг превратились! Нет, тогда бы, право,
И женщины на свете не нашлось,
Которая была б его достойна.
Их личные достоинства, их доблесть,
Особая для каждого из них, —
Их делают неравными: на свете
Нет женщины, которая была бы
Обоим им равна.

За сценой звуки рожков и крики “Аркит, Аркит!”.

Опять кричат?
И снова “Паламон”?

С л у г а
О, нет: Аркита
Теперь провозглашают.

Э м и л и я

Напряги

Весь слух свой: пусть внимают оба уха.

За сценой звуки рожков, сильный шум и крики: "Аркит, Аркит, победа!".

С л у г а

Теперь кричат, что победил Аркит;
Вы слышите: "Аркит, Аркит, победа!"
И громко возвещают звуки труб
Конец сражения.

Э м и л и я

Даже близорукий

Мог видеть, что Аркит — не мальчик слабый.
Богатство духа доблестного в нем
Сквозило ясно, — не могло укрыться,
Как скрыть нельзя огня в мешке, как мели
Не могут скрыться под водой, когда
С них бурный ветер воду всю сгоняет.
Я думала, что победит Аркит;
Не знаю, почему мне так казалось:
Рассудок наш — плохой пророк; лишь сердце
Предчувствует. Но вот они идут...
Ах, бедный Паламон!

Звуки рожков за сценой. Входят Тезей, Ипполита, Пиритой,
Аркит в качестве победителя и свита.

Тезей

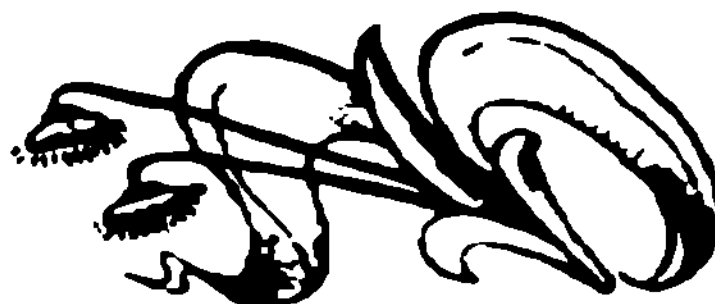
Здесь в ожидании
Тревогою сестра томится наша.
Прекрасная Эмилия, тебе
Богов веленьем дан вот этот рыцарь,—
Прекраснее его на свете нет.
Итак, соедините ж ваши руки;
Возьми ее, Аркит, а ты его,
Эмилия, и пусть всегда меж вами
Растет любовь, сильнее из года в год.

Аркит

Эмилия, чтоб мог тебя купить я,
Лишиться был я принужден того,
Что было мне всего дороже в мире,—
Конечно, кроме лишь одной тебя.
Но, на твои достоинства взирая,
Я вижу, что я дешево купил.

Тезей

Сестра моя! Он говорит, как лучший
Из рыцарей, когда-либо седлавших
Горячего коня. Холостяком
Его должны бы, право, боги сделать,
Чтоб чересчур божественным потомством
Не населил он мир. Я очарован
Так сильно им, что, кажется, Алкид

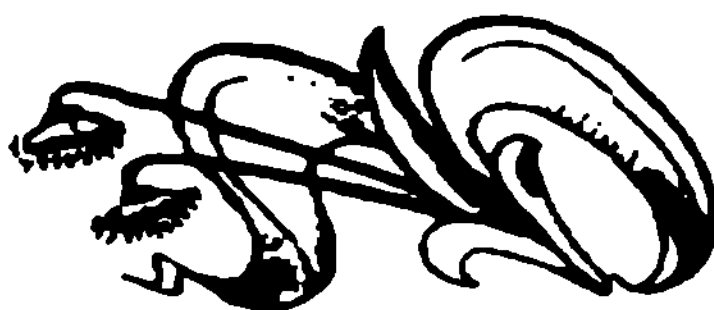
Геркулес. Статуя восточного фронтона храма Афины на Эгине. V в. до н. э.

В сравненье с ним — кусок свинца простого:
В каком бы отношении я ни стал
Хвалить его, — ни в чем не уступил бы
Аркит, — скорей бы даже превзошел!
Однажды ночью мне случилось слышать
Двух соловьев прекрасных состязанье;
То начинал один одолевать,
То вновь другой соперник отличался,
То снова первый брал, казалось, верх,
И долго длился спор их без решения.
Так точно здесь был долог спор двух братьев
Двоюродных, и вот, в конце концов,
Богами нам указан победитель.
Итак, носи ж победный свой венец
С отрадой в сердце. Что ж до побежденных,
То пусть сейчас же их ведут на казнь:
Им жизнь теперь, — я знаю, только бремя.
Пускай на этом месте их казнят,
Но мы при том присутствовать не будем:
Уйдем отсюда мы с отрадой в сердце,
Хотя с оттенком грусти. Ипполита,
В глазах твоих заметил я слезу,
Готовую упасть.

Э м и л и я

И вот — победа!
О боги, где же ваше милосердие?

И если ваша воля такова,
Чтоб за меня погиб, лишенный друга,
Несчастный этот принц, чья жизнь дороже
Всех женщин в мире, — пусть тогда погибну
И я с ним вместе!

И п п о л и т а

Бесконечно жаль,
Что для того, чтоб сочетались дружно
Две пары глаз, — должна навеки третья
Закраться!

Т е з е й

Что же делать, — это так.

Трубы. Уходят.

Сцена 4

То же место в лесу. Приготовлена плаха.

Входят П а л а м о н и его рыцари, в цепях, за ними тюремщик,
п а л а ч и с т р а ж а.

П а л а м о н

Иные люди сохраняют жизнь,
Зато любовь народную теряют;
Бывает даже, что отец при жизни
Любовь своих теряет сыновей;
Пусть это нам послужит утешеньем.

Мы здесь умрем, но будут нас жалеть:
Хотели б люди, чтоб мы долго жили;
Мы смертию своей предупредим
Все огорченья старости унылой,
Подагры злой, одышки избежим,
Которые встречают поседевших.
Мы юными и чистыми придем
К богам, не отягченные грехами;
Богам приятен будет наш приход
И нектар, верно, нам они предложат,
Как чистым душам. Милые собратья,
Чем я могу еще утешить вас
За то, что вы сейчас лишитесь жизни?
Так дешево вы продали ее.

Первый рыцарь

О, нет; исходом мы вполне довольны.
Какое преимущество над нами
Имеют победители? Лишь счастье!
Мгновенна эта выгода, а смерть
Всем людям неизбежна; что ж до чести,
То в нас ее ни на волос не меньше,
Чем в них.

Второй рыцарь

Итак, "прости" друг другу скажем
И досадим своим терпением стойким

Изменчивой Фортуне, чьи пути
Неверны даже в самом верном деле.

Т р е т и й р ы ц а р ь

Кто ж первый начинает?

П а л а м о н

Тот, конечно,
Кто пригласил вас всех на этот пир.

(Тюремщику.)

А, друг мой, и тебя я здесь встречаю!
Когда-то дочь-красавица твоя
Меня освободила, а сегодня,
Как видишь, я навек освобожусь!
Как поживает дочь твоя? Я слышал,
Что не совсем она здорова: это
Мне было грустно.

Т ю р е м щ и к

Принц, теперь она
Поправилась и скоро выйдет замуж.

П а л а м о н

Клянусь остатком жизни: очень рад!
И ей прошу сказать, что эта радость
Моей последней радостью была.

Ей передай поклон мой, а вот это
Ты приложи к приданому ее.

(Дает кошелек.)

Первый рыцарь
Позволь нам всем участвовать.

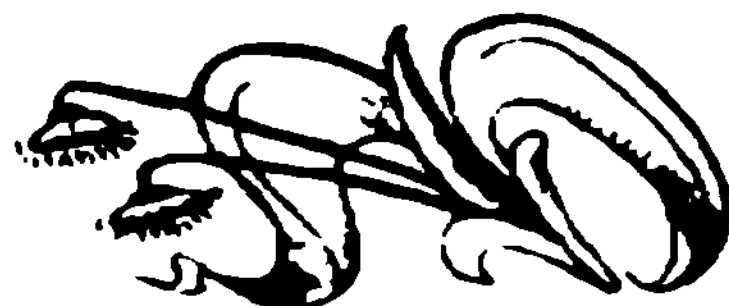
Второй рыцарь
Ведь это
Девушка?

Паламон
Да, добрейшее создание,
Которому обязан я так много,
Что никогда не мог бы заплатить.

Все рыцари
(давая кошельки)
Привет наш передай ей.

Тюремщик
Пусть вас боги
Всех наградят и пусть велят, чтоб вечно
Она благодарила вас!

Паламон
Прощай;
Пусть жизнь мою теперь возьмут так скоро,
Как скоро я простился.

Рыцари

Начинай,
Кузен отважный! Все мы за тобою
Пойдем на смерть с отрадой.

Паламон кладет свою голову на плаху. За сценой раздается сильный шум
и крики: “Бегите, спасите, остановите!”.

Вестник
(вбегая)

Стойте, стойте!

Пиритой
(входя)

Стой, стой, стой, стой! Будь проклята поспешность,
Остановитесь!.. Храбрый Паламон,
Знай: в жизни той, которую ты снова
Теперь начнешь, желают боги славу
Свою явить.

Паламон

Как может это быть?
Ведь я сказал, что не права Венера.
Что там случилось?

Пиритой

Встань, великий принц,
И выслушай известие, сердцу вместе
И сладкое, и горькое.

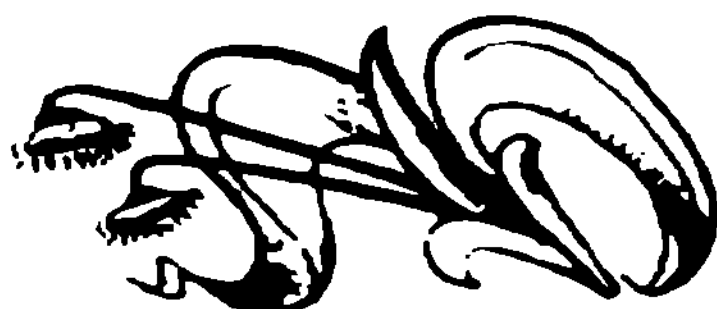

П а л а м о н
(вставая)

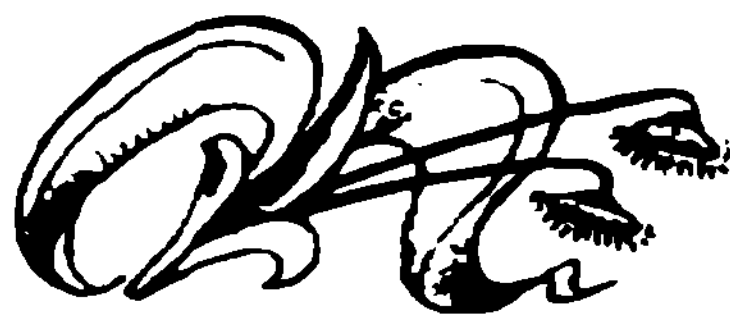
В чем дело?
Что будит нас от сна?

П и р и т о й

Аркит, кузен твой,
Сел на коня, которого ему
Эмилия когда-то подарила.
Конь этот черен; белого на нем
Нет волоска; поэтому он многим
Не нравится; они бы ни за что
Себе такую лошадь не купили, —
И оправдалось суеверье их!
Сев на коня, Аркит на нем поехал,
Не торопясь, по улицам Афин;
Конь смирно шел, копытами своими
Как бы считая камни мостовой, —
Он милю вмиг бы за собой оставил,
Когда б седок его поторопил.
Так подвигался он вперед, гарцуя,
Как бы внимая музыке подков,
Которых звон был, точно, музыкален.
Как вдруг один завистливый кремень,
Холодный, как Сатурн, и затаивший
В себе, как он, пылающую злобу,
Дал искру, или вдруг из-под подков

Откуда-то огонь явился серный;
Горячий конь, сам пылкий, как огонь,
Взбесился, стал неистово метаться,
То прыгал, то взвивался на дыбы,
И позабыл свою всю дрессировку,
Хоть выезджен был очень хорошо;
Как поросенок, он визжал, свирепо
Грыз удила, стараясь их сломать,
И ничего не слушался; все силы
Упрямства злого, бешенства, коварства —
Он в ход пустил, чтоб сбросить седока,
Державшего узду рукою крепкой;
Когда ж ничто не помогло, — узда
Не порвалась, не лопнула подпруга,
И бешеным прыжком не удалось
Ослабить силу всадника, который
Прирос к седлу, держа коня в ногах, —
То быстро конь на задние встал ноги,
Так круто, что Аркит вниз головой
Повис, и с головы его свалился
Венок победный; вслед за тем назад
Упала лошадь, тяжестью своею
Обрушась на Аркита. Он покамест
Не умер, но подобен кораблю,
Который только ждет волны ближайшей,
Чтоб потонуть. Он хочет говорить
С тобой. Но вот он сам сюда явился.

Входят Тезей, Ипполита, Эмилия; Аркита вносят на кресле.

П а л а м о н

Как грустно наш кончается союз!
О боги, вы могучи! Если силы
Тебе еще позволят, друг Аркит,
Скажи свое последнее мне слово!
Я Паламон; люблю тебя душою
В последний час твой!

А р к и т

Паламон, возьми

Эмилию и с ней всю радость мира.
Подай свою мне руку — и прости.
Я был неправ, но не изменник дружбе.
Прости меня, кузен. Теперь один
Лишь поцелуй Эмилии прекрасной.

(Целует ее.)

Возьми ее, мой друг. Я умираю.

(Умирает.)

П а л а м о н

Твой храбрый дух в Элизиум помчится!

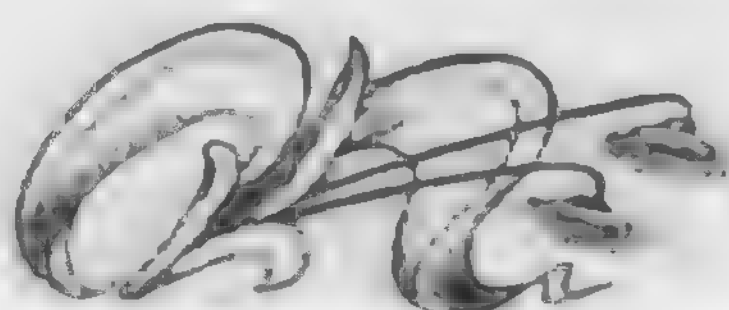
Э м и л и я

Глаза твои я закрываю, принц;
Среди блаженных душ да поселится
Душа твоя! Прекрасным человеком

Надгробие афинского всадника. Начало IV в. до н. э.

Ты был, и этот день, пока жива,
Я посвящу слезам.

П а л а м о н

И я всем сердцем
Тот день чтить буду.

Т е з е й

Здесь, на этом месте
Сражались вы, и я прервал ваш бой.
О Паламон, богам благодаренье
Воздай за то, что жизнь ты сохранил!
Аркит, кузен твой, роль свою окончил;
Хоть коротка была она, но славно
Исполнил он ее; твои же дни
Должны продлиться: их благословила
Роса небес. Могучая Венера
Присутствием почтила свой алтарь
И дивный дар любви тебе вручила;
Владыка Марс Аркиту показал
Благоволение, дав ему победу;
Так справедливость оба божества
Явили нам. Несите труп отсюда.

П а л а м о н

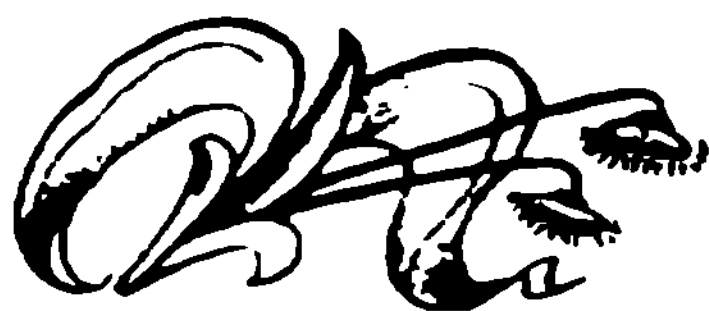
О дорогой кузен мой! Отчего
Стремимся мы всегда к тому, что снова

Приносит нам потерю! Почему
Нельзя владеть бесценною любовью,
Не потеряв бесценную любовь!

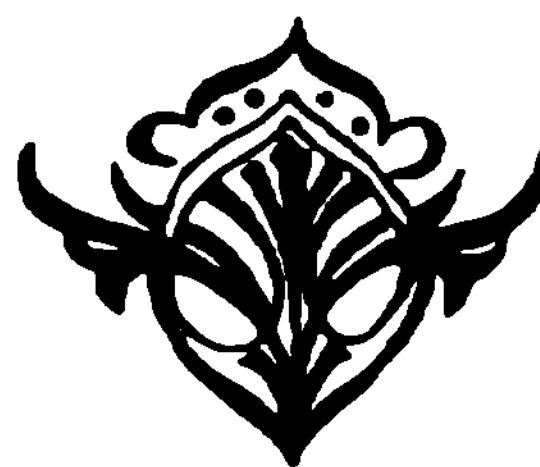
Тезей

На этот раз была игра Фортуны
Изысканно тонка, как никогда.
Кто побежден, — победу торжествует,
Кто победил, — лишен ее плодов;
Тот и другой равно почтен богами.
О Паламон, кузен твой сам признал,
Что право на невесту — за тобою;
Ее ты первый увидал, ты первый
Провозгласил, что любишь ты ее;
Завоевав ее, он драгоценность
Твою похитил, умирая ж — вновь
Ее тебе он возвратил, желая
Уйти в тот мир с прощеньем от тебя.
Так боги суд из рук моих изъяли,
Желая сами должное воздать.
Итак, возьми, веди свою невесту
И от порога смерти призови
Друзей своих, которые моими
Друзьями станут. Будем мы скорбеть
День или два до похорон Аркита,
А после, светлый брачный вид приняв,
Мы возликуем вместе с Паламоном,

Которого всего лишь час назад
Мне было жаль, как жаль теперь Аркита.
О чародеи вышние небес,
Что вы творите с нами! Мы ликуем
О том, что суждено нам потерять,
Скорбим о том, что будет нам на радость!
Мы дети перед вами! Благодарность
Примите же от нас и нам простите
Суждения о том, что выше нас!
Итак, пойдем же и свой долг исполним.

(Уходят.)

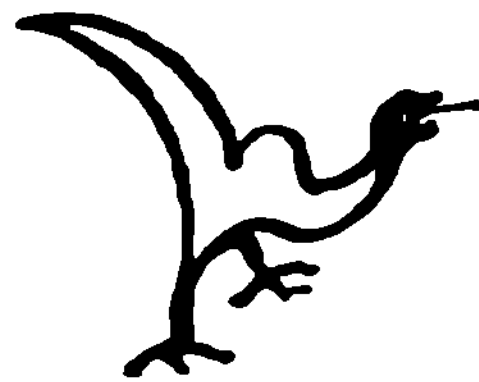

ЭПИЛОГ

Нельзя ль узнать о пьесе ваше мнение?
Признаться, ваше выслушать суждение,
Как школьник, я боюсь. Позвольте мне
Взглянуть на вас. Никто не улыбнется?
Ну, если так, то плохо нам придется.
Пусть кто-нибудь, в сердечной глубине
В красавицу влюбленный, — здесь найдется
Такой, конечно, — встав, освищет нас
И этим нас погубит в тот же час,
Хотя бы против совести. Но тщетно
Я жду решения. Ну, куда ни шло:
Все выслушать готов я безответно,
Но я не смел и наше ремесло
Нуждается в поддержке. Если пьеса,
Которая была сейчас дана, —
А цель ее похвальна и честна, —
Для вас имеет хоть немного веса, —
Мы цель свою достигнутой сочтем
И лучшие надеемся потом
Мы сочинить и дать вам представление,

Чтоб ваше к нам продлить расположение;
К услугам вашим будем мы всегда.
Итак, спокойной ночи, господа!

Примечания и комментарии

“Генрих VIII”

Напечатанная впервые в фоллио 1623 года под названием “Прославленная история короля Генриха Восьмого”, пьеса завершала раздел хроник. Сравнительно с многими другими произведениями, она не выдвигает никаких текстологических проблем, так как печаталась с хорошо подготовленной рукописи (У.У.Грег). Не очень сложен и вопрос о ее источниках, которые сводятся к двум книгам: “Хроникам” Холиншеда и “Книге мучеников” Фокса (для эпизода с Кранмером — V, 1—3). Датировка также не представляет особых затруднений, ибо сохранились сведения о премьере пьесы. Она состоялась 29 июня 1613 года. Эта дата запомнилась из-за печального события, происшедшего в тот день: во время спектакля, в сцене, когда был произведен пушечный салют в честь Генриха VIII, горящий пыж попал на соломенную крышу театра, и в быстро вспыхнувшем пламени сгорела вся постройка. Сохранилось несколько рассказов очевидцев, сообщающих красочные подробности театральной катастрофы. Ей даже была посвящена анонимная баллада, описывавшая в стихах это происшествие. Из рассказов о пожаре “Глобуса” мы узнаем, что на сцене шла пьеса под названием “Все это правда”. Редакторы фоллио изменили его, чтобы привести к единообразию с заглавиями других хроник.

Если вопросы текста, источников и датировки не представляют трудностей, то одна проблема, связанная с пьесой, имеет первостепенное значение — проблема авторства.

Она не вставала до середины прошлого века. Даже Меллон, первым усомнившийся в принадлежности Шекспиру трилогии “Генрих VI”, не подвергал сомнению, что “Генрих VIII”

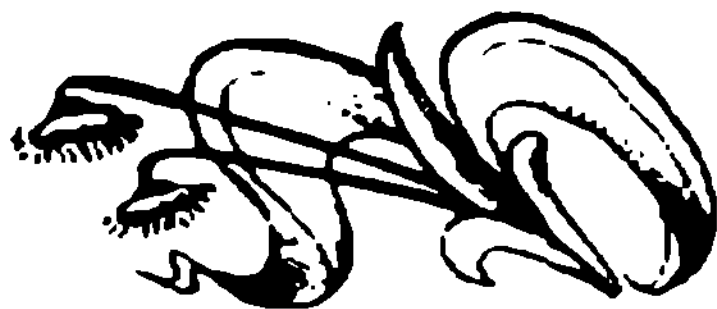

написан Шекспиром. Один лишь С.Джонсон еще в середине XVIII века высказал предположение, что пролог и эпилог могли быть написаны Беном Джонсоном. Пьеса занимала незыблемое место в шекспировском каноне, пока в 1850 году английский исследователь Джеймс Спеддинг не выступил с утверждением, что “Генрих VIII” — произведение двух авторов: Шекспира и Флетчера. Первый, по его мнению, написал только следующие части пьесы: I, 1—2; II, 3—4; III, 2 (до момента ухода короля); V, 1. Остальные сцены, иначе говоря, две трети пьесы, будто бы принадлежат перу Флетчера.

Спеддинг исходил в первую очередь из того, что метрика стиха “Генриха VIII” существенно отличается от шекспировской. В частности, он указывал на то, что в этой пьесе гораздо больше строк, отклоняющихся от нормы пятистопного ямба, чем в любой другой драме Шекспира, и это соответствует истине. С другой стороны, он показал, что удлинение строки, дополнение ее еще одним безударным слогом в конце характерно для стихосложения Флетчера.

Второй род доказательств Спеддинга касался уже драматургической стороны пьесы. По его мнению, шекспировскими являются по преимуществу эпизоды, в которых фигурирует королева Екатерина, да и то не все. Остальные же сцены, как ему представляется, поверхностны в психологическом отношении, невыразительны по стилю, а отдельные эпизоды слишком плоски, чтобы быть шекспировскими.

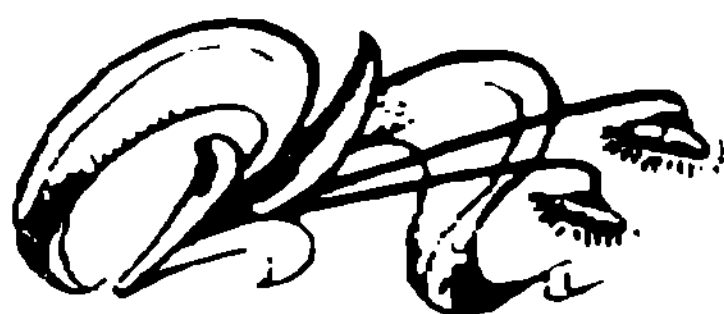
Возникнув, эта волна сомнений стала разрастаться. Спеддинга поддержал Сэмюел Хиксон, а также авторитетнейшие шекспироведы второй половины XIX века Ф.Фернивал и Ф.Г.Флей. А в 1885 году Р.Бойль выдвинул концепцию, согласно которой Шекспир будто бы вообще не был причастен к написанию пьесы, являвшейся, по его мнению, созданием

Флетчера и Мессинджера. Олдис Райт, авторитетный текстолог конца XIX века, также не находил “почерка” Шекспира в “Генрихе VIII”.

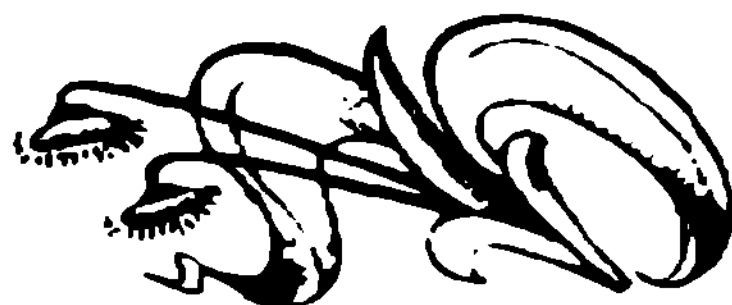
Отрицавшие принадлежность Шекспиру всей пьесы или части ее опирались на мнение выдающегося поэта середины XIX века Альфреда Теннисона, который считался большим знатоком стихотворной техники. Он утверждал, что в большей части пьесы “не узнает” шекспировской мелодики, метрики и стиля. Против этого со всей резкостью выступили другой крупный английский поэт Олджернон Чарльз Суинберн, шекспировед Холиуэл-Филиппс и историк английской драмы А.У.Уорд. Последний писал, что особенности метрики “Генриха VIII” представляют собой лишь крайнее развитие тех тенденций, которые с течением времени становились все сильнее в стихосложении Шекспира, а так как пьеса является одной из последних, если не самым последним произведением драматурга, то нет ничего удивительного в том, что здесь эти тенденции достигли своей высшей точки.

Дискуссия продолжается и в XX веке. Э.К. Чемберс разделяет мнение Спеддинга о соавторстве Шекспира и Флетчера, добавляя, что если “Генрих VIII” и не является типично флетчеровской пьесой, то в такой же мере эта хроника не характерна и для манеры Шекспира (1930). Но Питер Александер (1931) и Уилсон Найт (1936) как своими аргументами стилистического порядка, так и анализом содержания склонились к признанию полной принадлежности пьесы Шекспиру. Однако не успела эта точка зрения утвердиться, как ее поколебал А.Партридж (1949), снова представив лингвистические доказательства участия Флетчера в написании хроники. Мы склоняемся к мнению американского исследователя Ирвинга Рибнера, который писал (1957): “Широко распрост-

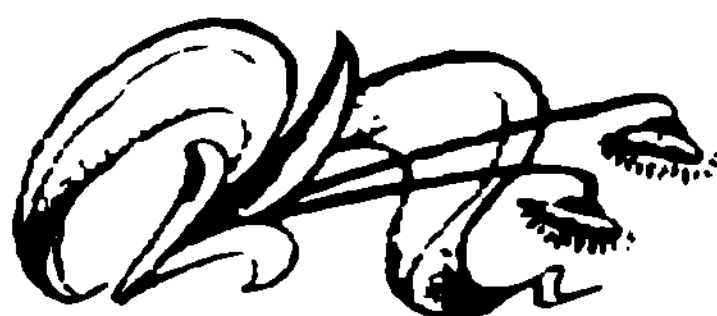
раненная готовность приписать значительную часть пьесы Флетчеру, как мне кажется, скорее объясняется резким различием между "Генрихом VIII" и предшествующими шекспировскими хрониками, чем сомнительными данными метрических таблиц стихосложения — этим средством установления авторства, которое в наше время все больше и больше утрачивает доверие, или чем различиями в грамматической структуре, которые, как признает сам Партридж, могут быть истолкованы самым различным образом".

"Генрих VIII" не только отличается от предшествующих хроник, но значительно уступает в художественном отношении шедеврам Шекспира в этом жанре, вот почему многие критики охотно соглашались совсем исключить это произведение из канона или хотя бы частично снять с Шекспира ответственность за него. Здесь мы сталкиваемся с распространенным как среди критиков, так и в широкой публике мнением, что Шекспир не мог писать плохо. Конечно, было бы прекрасно, если бы мы были убеждены, что все вышедшее из-под пера великого драматурга художественно совершенно. Факты, однако, говорят против этого. "Генрих VIII" — не единственное произведение Шекспира, в котором есть небрежность отделки, плоские места, следы торопливой и временами поверхностной обработки сюжета. Мы все, однако, легко забываем, что Шекспир был драматургом-профессионалом, который писал не только тогда, когда им овладевало вдохновение, но и тогда, когда его труппа нуждалась в пополнении репертуара. Если в годы полного расцвета творческих сил Шекспир, выполняя эту чисто деловую задачу, находил в себе силы и способности с увлечением создавать шедевр за шедевром, то в последние годы деятельности он все чаще "сдавал". Видимо, у него уже не хватало сил, чтобы выдержать напряжение

творческой работы до конца, и, может быть, этим объясняется его отход от театра, происшедший как раз после написания “Генриха VIII”. Не исключено, что эту пьесу Шекспир написал после окончательного возвращения в Стретфорд. Такое предположение основывается на том, что ее текст содержит больше подробных ремарок относительно деталей постановки, чем любая другая драма Шекспира. Как известно, обычно шекспировский текст весьма скуп в данном отношении. В подобных ремарках не было необходимости, когда Шекспир жил в Лондоне и мог давать устные пояснения на репетициях, что обычно делали тогда авторы. С отъездом в Стретфорд он был лишен этой возможности и стал делать необходимые постановочные указания в тексте драмы. Как бы то ни было, мы полагаем, что перед нами пьеса Шекспира, хотя и не принадлежащая к числу лучших творений его пера. Однако, признав меньшую ценность “Генриха VIII” по сравнению с шедеврами Шекспира, мы поступили бы неблагоразумно, отнесясь к этой хронике с пренебрежением. В ней есть немало интересного для тех, кто любит реалистическое мастерство Шекспира, и для тех, кто хотел бы получить полное представление о его работе в театре.

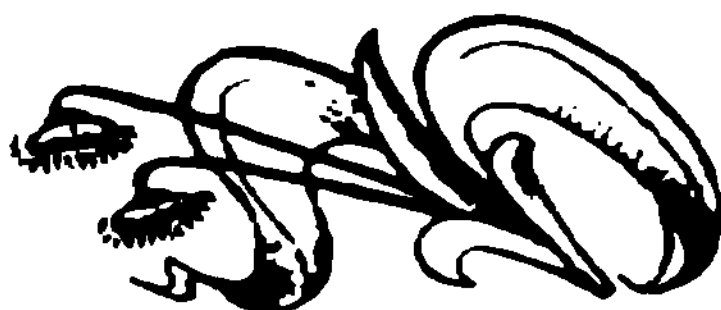
Уже давно было замечено, что “Генрих VIII” — пьеса, предназначенная для создания пышного театрального зрелища. Такие помпезные, декоративно яркие спектакли все больше входили в моду после вступления на престол Иакова I, особенно после 1609 года. Публика любила их, и театрам приходилось считаться с этим “Генрих VIII”, в частности, отличается от других шекспировских хроник особой парадностью действия. Пьеса писалась явно с расчетом дать труппе возможность блеснуть постановочной стороной театра. Правда, декоративные возможности “Глобуса” были ограничен-

ными, но это легко было возместить массовостью действия, пышными одеяниями актеров, танцами и т.п. Так это и было сделано на том злополучном спектакле, когда произошел пожар в "Глобусе".

Появление на сцене фигуры короля Генриха VIII было также почти новшеством в театре. До этого образ его лишь дважды встречался в пьесах английского театра эпохи Возрождения. Первый раз — в "Иакове IV" Роберта Грина, где он в конце действия возникал в качестве восстановителя справедливости, а второй раз — в пьесе Уильяма Роули "Когда вы увидите меня, вы меня узнаете". Грин писал еще в конце царствования Елизаветы, его пьеса датируется 1589—1592 годами. Ничего исторического в ней не было, и фигура короля была в высшей степени идеализированной. Специальный указ запрещал изображение на сцене правящего монарха и текущих политических событий. Уже один факт выведения в драме отца царствующей королевы представлял собой случай беспрецедентный.

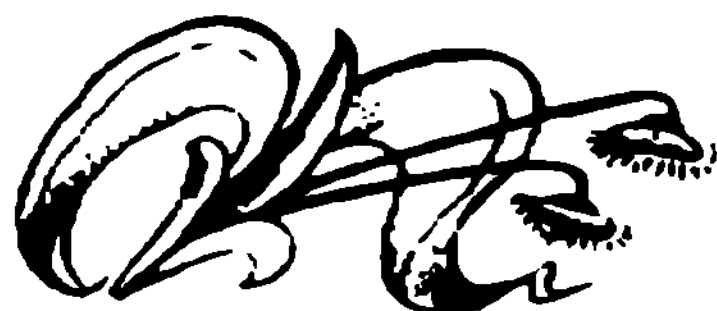
После смерти Елизаветы положение изменилось, так как произошла смена династии. В начале царствования Иакова I Стюарта, по-видимому около 1604—1605 годов, Уильям Роули и написал вышеназванную пьесу, центральным персонажем которой был Генрих VIII. Она представляет собой серию эпизодов, объединенных чисто внешним образом — фигурой короля. События относятся к более позднему периоду, чем у Шекспира, когда Генрих VIII женился в последний раз — на Катерине Парр. Пьеса имела подчеркнуто антикатолическую направленность, для чего в нарушение хронологии был введен образ кардинала Вулси, в действительности к тому времени уже умершего. Его интриги иллюстрировали коварство папистов. Центральным эпизодом пьесы было пере-

одевание Генриха VIII, который, подобно Гарун-аль-Рашиду, бродит по Лондону и за участие в уличной потасовке подвергается аресту. Наряду с этим в хронике был выведен шут Генриха VIII Уил Саммерс, потешавший публику своими прибаутками и комментировавший события, разыгрывавшиеся на сцене.

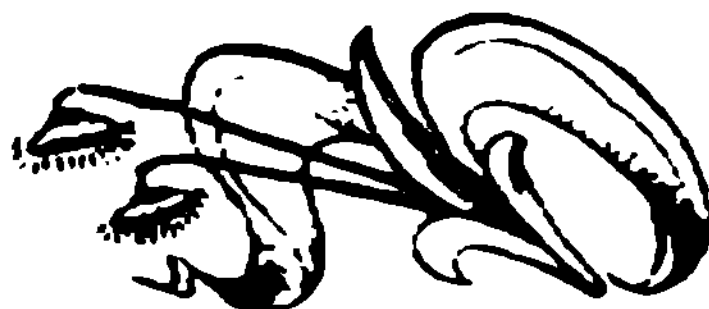
Пьеса пользовалась большой популярностью и, как полагают, была возобновлена на сцене в 1612—1613 годах. Возможно, что это натолкнуло труппу “слуг его величества”, к которой принадлежал Шекспир, противопоставить ей свою пьесу на сюжет о том же короле. Когда Пролог выходит на сцену, чтобы познакомить публику с тем, что ей предстоит увидеть, он прямо начинает с предупреждения: “Я нынче здесь не для веселья, нет!” В этом усматривают намек Шекспира на пьесу Роули, в которой комический элемент занимал значительное место.

Действительно, хроника Шекспира является весьма драматичной по сюжету. В ней изображен один из важнейших моментов социально-политической истории Англии — период отхода страны от римско-католической церкви и начало реформации в Англии. По тем временам тема была весьма острой и рискованной. Если мы сравним пьесу Роули с хроникой Шекспира, то бросится в глаза одно существенное политическое различие. Пьеса Роули была, как сказано, антикатолической. Роули не мог не знать, что новый король был сыном казненной католички Марии Стюарт, однако в начале нового царствования еще казалось, что традиционная политика будет продолжаться. Шекспир писал свою хронику почти десять лет спустя. Новые политические тенденции уже обнаружились достаточно ясно. Двор не скрывал своих симпатий к католицизму. Шли разговоры о примирении с Испанией. “Генрих VIII” Шекспира по-своему отражает эти

тенденции. В некоторой степени его хроника полемически направлена не только против юмористической трактовки истории у Роули, но и против политической тенденции его пьесы. Шекспир, положив в основу сюжета самый острый момент борьбы Англии против Рима, трактовал эту тему в духе, который нельзя назвать иначе, как компромиссным. Это заметно в двух образах драмы. Во-первых, в обрисовке характера Екатерины Арагонской. Эта испанская принцесса и католичка представлена самой благородной личностью во всей пьесе. Королева-католичка, преданная казни за свою веру и связи с Испанией и Римом, — яснее нельзя было польстить сыну Марии Стюарт. Но тут же это уравнивается изображением коварства и жестокости папского наместника в Англии — кардинала Вулси.

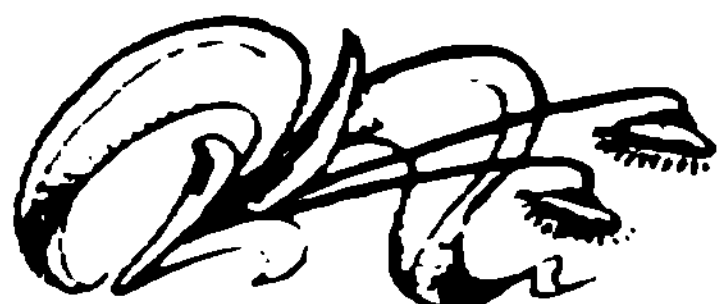
Хроника дала повод для споров о том, кому сочувствует сам Шекспир. Сторонники католицизма ссылаются на образ королевы-мученицы и утверждают, что в этой пьесе Шекспир, насколько это было возможно, обнаружил свои симпатии к католицизму. Однако сторонники англиканской и протестантских церквей с не меньшим основанием утверждают, что симпатии Шекспира отражены в том апофеозе новорожденной Елизаветы, которым завершается драма. И те и другие отчасти правы. Драматург общедоступного театра, дававшего также спектакли при дворе, написал свою пьесу так, что не оскорбил ничьих религиозных и политических убеждений. Да иначе и быть не могло. Шекспир находился между Сциллой протестантизма, утвердившегося в народе через восемьдесят лет после реформации и закаленного борьбой против Испании, и Харибдой католических тенденций короля и двора. Что-что, а умение, с каким Шекспир решил эту труднейшую задачу, отрицать не приходится.

Но неужели человек такого ума, как Шекспир, не мог сказать ничего своего в драме со столь острым политическим содержанием? Он сказал свое слово, но сказал его как художник, и если мы хотим понять действительный смысл хроники, то должны внимательно присмотреться к ее ситуациям и персонажам. Это откроет нам обычную для Шекспира “тактику” драматурга, избегавшего конфликтов с властью предержащими, не боявшегося уступок господствующим понятиям и предупреждениям, но вместе с тем оставлявшего вдумчивому зрителю пищу для серьезных размышлений о природе государства и королевской власти.

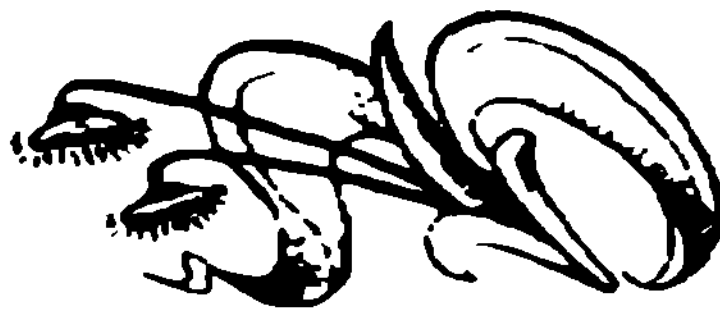
Прежде всего это открывается нам в образе Генриха VIII. В короле, как он представлен Шекспиром, нет ни одной привлекательной черты. Правда, внешне он ведет себя “добрым малым”, каким его рисовала монархическая тюдоровская легенда. Но Шекспир очень быстро обнажает подлинное лицо деспота под маской добродушного весельчака и любителя удовольствий.

Читатели, помнящие другие пьесы-хроники Шекспира, знают, как подробно и точно изображал драматург различные политические ситуации. Когда начинается действие данной драмы, король, как видно, еще не обладает всей полнотой власти. В делах политики он зависит от Вулси, а через него от римского папы. В личной жизни ему, с его неутолимой сладострастием, приходится считаться с набожной и нравственно безупречной супругой. Генрих связан настолько, что не может дать себе воли ни как король, ни как мужчина. Но он не сразу проявляет свой крутой нрав. Он настоящий макиавеллист, каким рисовала этот тип государственного деятеля политическая философия эпохи Возрождения: лиса и лев одновременно. Сначала мы видим лису: Генрих VIII ба-

лансирует между Екатериной и Вулси. Когда он упрекает кардинала за введенный им новый налог, король, якобы ничего не знавший, приказывает его отменить. Этим дано удовлетворение Екатерине. Но Вулси он компенсирует: он выдает ему с головой его врага Бекингема, которого казнят по лживому доносу. Удивительно тонко показано Шекспиром, как Генрих VIII прислушивается к наветам Вулси против Бекингема. Он просто наслаждается подробностями мнимого заговора. Ему и в голову не приходит проверять обвинения. Верит ли он им? Хочет верить — вот самый точный ответ, ибо деспоту нужна атмосфера заговоров и интриг для того, чтобы всегда иметь повод расправиться с неугодными лицами. Лучше всего мы поймем мнимую доверчивость Генриха VIII, когда он будет жаждать доказательств “измены” его жены, от которой он хочет избавиться. Вот тут-то такой помощник, как Вулси, может ему очень пригодиться. Но до поры до времени. Вулси поможет Генриху сбить одну из двух сковывающих его цепей — цепь брака. А вслед за тем король сам избавится еще от одной — от цепи, которой его опутал всемогущий министр, кардинал Вулси. Самая большая хитрость Генриха состоит в том, что он заставляет Вулси самого подрубить сук, на котором тот сидит. Ведь помогая королю расторгать брак с Екатериной, Вулси сам наносит удар по той политической силе, на которую он опирается. Католицизм в Англии держался авторитетом римской церкви и военно-политической силой Испании. Расторжение брака с Екатериной подрывает основы политического могущества католицизма в Англии. Это открывает Генриху возможность нанести затем завершающий удар и отставить Вулси от кормила власти.

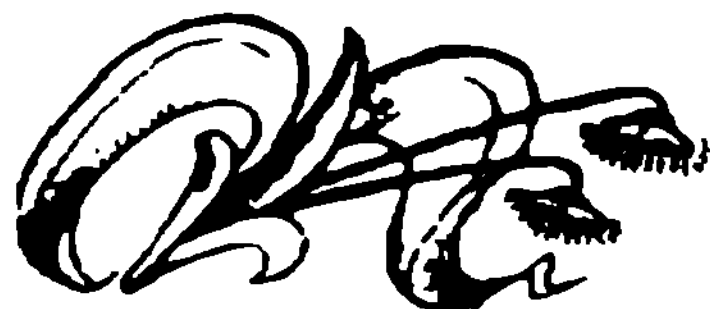
Вот что таится за “романтической” историей увлечения Генриха VIII Анной Буллен. Так оно было в действитель-

ности, и именно так увидел этот эпизод английской истории Шекспир. То, что у драматурга-романтика превратилось бы в дворцовую адюльтерную драму, Шекспиром изображено как сложное политическое событие, где переплелись личные мотивы и политические интересы, от которых зависели судьбы не только страны, но в какой-то мере и всей Европы.

“Генрих VIII”, таким образом, — социально-политическая драма такого же типа, как и другие шекспировские хроники. Тем, кто ищет в пьесе “руку” Флетчера на основании версификационных и грамматических тонкостей, следовало бы обратить внимание на то, что драма от начала до конца пронизана деталями социально-экономического и политического характера, которых мы не найдем у Флетчера, всегда увлекавшегося именно романтической стороной истории, но которые типичны для Шекспира. Никакая королева, принцесса и даже обыкновенная женщина не станут в пьесах Флетчера заниматься вопросом о налогах так, как это делает королева Екатерина в “Генрихе VIII” (1, 2). А все политические разговоры между вельможами, кажущиеся “нешекспировскими” потому, что в них нет никакой романтики, но есть расчеты политических интриганов, привыкших маневрировать в хитросплетениях дворцовой политики? Это ли не тот самый доподлинный Шекспир, с которым мы встречались в “Ричарде III”, “Короле Иоанне”, “Ричарде II” и “Генрихе IV”? Если уж говорить о “почерке”, то только слепота и глухота к содержанию хроник Шекспира может привести к тем концепциям, о которых говорилось выше.

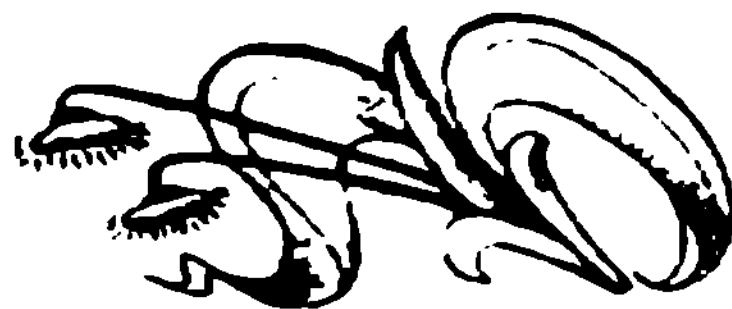
Нельзя не узнать “руку” Шекспира и в обрисовке Вулси, который как две капли воды похож на некоторых вельмож в других шекспировских хрониках. Он, правда, не родовитый дворянин, а человек, поднявшийся из самых низов. Умом и

ловкими расчетами он добился власти, но, чем больше она, тем больше растет его аппетит. Ему всего мало, и нет предела его безграничному властолюбию, которое он удовлетворяет чисто макиавеллистскими методами, как и его король. Вулси возносился все выше, пока его властолюбие не столкнулось с властолюбием Генриха VIII. Он не вынес своего поражения и опалы. Лишение власти для него равносильно утрате смысла жизни. Падение становится причиной глубокого внутреннего надлома, который и приводит Вулси к скоропостижной смерти. Он умирает “по-шекспировски”, покидая сцену и весь этот мир со знаменитым монологом на устах — монологом о тщете честолюбивых стремлений (III, 2). Это только на первый взгляд кажется психологически неоправданным. Шекспир уже не раз заставлял своих героев находить оценку собственным заблуждениям и страстям. Ближе всего эта последняя речь Вулси к речам Ричарда II после его падения с трона. Этот шекспировский штрих еще раз заставляет нас разойтись с мнением тех, кто не находит в “Генрихе VIII” “почерка” Шекспира.

Наконец, образ королевы Екатерины. Все в нем изобличает родство с характерами верных и честных женщин, непонятых или оклеветанных, с достоинством несущих бремя несправедливости, которое не ожесточает их сердца, а делает их еще более милосердными. Таковы Дездемона, Корделия и Гермиона. С последней из названных героинь королева имеет особенно много общего. Сама собой напрашивается параллель между судом над Гермионой в “Зимней сказке” и процессом Екатерины в “Генрихе VIII”, что, кстати сказать, лишний раз дает возможность убедиться в авторстве Шекспира.

Судьба Гермионы, как известно, складывается иначе. Ее спасают от смерти, и в конце концов король, осудивший ее, раскаивается. Екатерина Арагонская до конца проходит

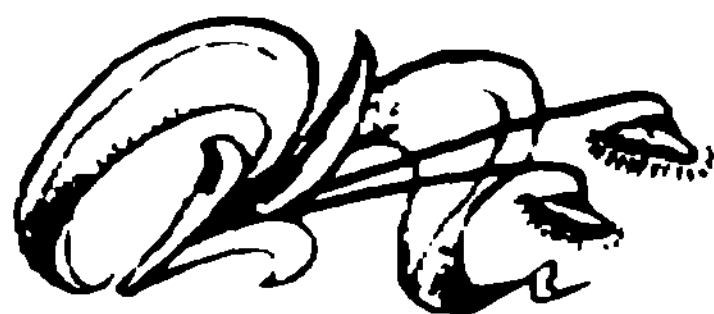

свой крестный путь мучений и умирает страдальцей, до последнего дыхания сохраняющей душевную стойкость, благородство и милосердие.

Различие в судьбе героинь соответствует разнице между сказкой и реалистической драмой. Характер Екатерины поднимается до высот подлинного трагизма. В великих трагедиях образы невинных страдальцев всегда оставались на втором плане. Офелия, Дездемона, Корделия затенены образами Гамлета, Отелло, Лира. В “Генрихе VIII” Екатерина выдвинута на первый план и в эпилоге подчеркнуто, что именно пример ее добродетели заслуживает особого внимания зрителей. В энергии и мужестве только Корделия может сравниться с ней. Как и дочь Лира, она не пассивна. С первого ее появления на сцене мы видим деятельную, волевою натуру Екатерины, в характере которой есть и гордость и сознание своего достоинства, женского и королевского.

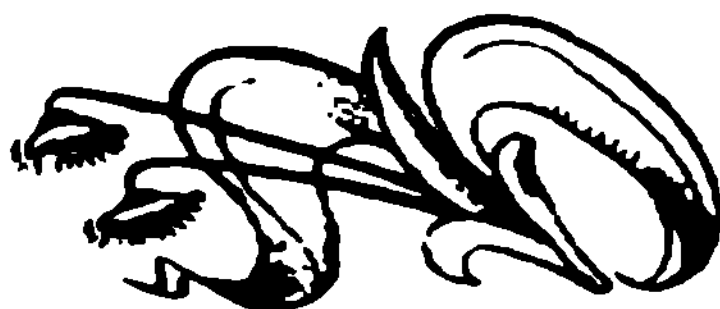
Падение Екатерины не является единственным в драме. Вся ее композиция представляет собой историю трех падений: Бекингема, Вулси и королевы. Это придает пьесе особый характер. Она становится драмой судьбы, но не таинственного мистического рока, а судьбы, творимой самими людьми, в первую очередь королем. Пожалуй, ни в одной из драм Шекспира не было так наглядно показано, что “судьба” есть результат человеческой воли, как мы это видим в “Генрихе VIII”. При этом Шекспир не остается в рамках чисто этической трактовки темы, а раскрывает ее нам в плане государственно-политическом.

Люди гибнут в борьбе, которая ведется за власть, за преобладание над другими. Ум, нравственная чистота, добродетель, не имеют никакого значения перед лицом неумолимой силы власти. Ее воплощением является Генрих VIII. Он казнит и милует по своей прихоти и произволу. Точно так же,

как он позволяет отправить на эшафот Бекингема, подвергает опале Вулси и лишает королевского сана Екатерину, по прихоти возвышает он и Кранмера. Однако и в данном случае, как тогда, когда он маневрировал между Вулси и Екатериной, Генрих ведет себя отнюдь не как взбалмошный самодур. Возвышая Кранмера, он преследует определенную цель. Для вельмож Кранмер — еретик, и они уже готовы осудить его, но король останавливает их приговор. Как раньше ему для его целей нужен был Вулси, так теперь он рассчитывает использовать Кранмера. Королю нужен этот епископ-еретик, ибо монарх сам собирается стать на путь окончательного разрыва с Римом. Пьеса завершается объявлением о крещении новорожденной принцессы Елизаветы, дочери второй жены Генриха VIII, Анны Буллен. По этому поводу Кранмер произносит речь, содержащую предсказание будущего величия Елизаветы и тех благ, которые ее царствование принесет стране. Это место пьесы подало повод для теории, будто “Генрих VIII” был написан еще до смерти Елизаветы, как завершение цикла хроник. Однако как стиливые особенности драмы, так и внешние данные, привлекаемые для определения хронологии творчества Шекспира, исключают такую возможность. “Генрих VIII” был написан тогда, когда страной правил уже Иаков I, и Шекспир не преминул тут же после прославления Елизаветы вставить строки, восхваляющие ее преемника.

Льстивые слова по адресу монархов, звучащие как апофеоз всей драмы, не вяжутся с тем идеальным образом гордого поэта, каким нередко представляют себе Шекспира его почитатели. Последнюю большую речь Кранмера, действительно, было бы “естественно” приписать авторству Флетчера, который в своих пьесах неизменно проводил идею божественности королевской власти. Но такие соображения не могут

заставить нас пересмотреть вопрос об авторстве “Генриха VIII”. Шекспир не раз заканчивал свои политические драмы патетическими речами самого благонадежного характера. Правда, нигде он не доходил до такого раболепства, как в финале “Генриха VIII”. Но надо представить себе политическую обстановку, сложившуюся тогда, когда Иаков I стал проводить линию укрепления абсолютизма и утверждать обветшавший принцип божественности королевской власти. Таким финалом пьесы Шекспир расписался в своей политической благонадежности, а зрителям он дал возможность увидеть закулисную сторону двора и показал в образе Генриха VIII всю ложность представления о короле как священной личности. Подобно прежним хроникам, “Генрих VIII” дает неприглядную картину того мирка, где решаются судьбы народа и государства. Здесь царит произвол, отсутствует законность и в основе всего, что творится, лежат эгоистические личные интересы тех, кто держит власть в своих руках.

Как знать, может быть, среди причин, побудивших Шекспира прекратить деятельность в театре, было и отвращение к той политической реакции, которая все более ощущалась в общественной атмосфере страны в те годы. И разве не вероятно то, что ему опостылела необходимость маскировать свой реализм лестью по отношению к сильным мира сего? Может быть, поэтому он и уехал в маленький Стретфорд, чтобы закончить свои дни в кругу частных интересов, вдали от сутолоки и грязи большого политического мира.

Как бы там ни было, “Генрих VIII” — последнее драматическое произведение Шекспира. Написанное без особого вдохновения, оно заслуживает внимания, ибо Шекспир интересен и тогда, когда творит не в полную силу. Читая эту драму, мы чувствуем, что великий мастер устал, но в ней есть

характеры, эпизоды и строки, в которых художественный дар и реалистическое мастерство его еще раз блистают перед нами, как это бывает, когда заходящее в тучах солнце бросает сквозь просветы в облаках свои последние предзакатные лучи.

А. Аникст

Примечания к тексту “Генриха VIII”

К с. 7—8. Действующие лица.— *Генрих VIII* (1509—1547), род. в 1491 году, был жестоким деспотом и натурой грубо чувственной, не считавшейся ни с какими преградами. Он был шесть раз женат, причем с двумя из своих жен развелся, а двух казнил. Кроме того, у него было множество любовниц. Не менее жестоко расправлялся он со своими министрами и советниками, если они переставали ему угождать. Во внешней политике он вел двойную игру и выступал попеременно союзником то Карла V, то Франциска I, стремясь сохранить равновесие между Германией и Францией.

Кардинал Вулси выдвинулся благодаря своей учености и ловкости в делах. Он много лет был фактическим правителем Англии и пользовался неограниченным доверием Генриха VIII благодаря тому, что при полном самоуправстве умел изображать себя лишь покорным исполнителем воли своего господина. Причиной его опалы было не торможение развода Генриха с Екатериной, а лишь неспособность добиться от папы согласия на этот развод.

Королева Екатерина была дочерью короля Испании Фердинанда Католика и Изабеллы Арагонской.

Анна Буллен (Болейн) с ранней молодости готовилась окружающими к роли королевской фаворитки, какою

раньше была ее мать. Она была обвинена Генрихом VIII в супружеской неверности и казнена в 1536 году.

К с. 12. *Сошлись в долине Ард.* — С этим именем в ранних изданиях большая путаница; фолио 1623 года дает Andren, позднейшие — Arde. Согласно старым хроникам, свидание произошло между долиной Андрен и городом Ард, в Пикардии (на северо-востоке Франции).

К с. 14. *Бевис* — легендарный англосаксонский герой XI века.

К с. 15. *...эта глыба жира.* — По-видимому, намек на то, что Вулси был сыном мясника.

К с. 17. *...многие себе хребет сломали, взвалив на плечи груз своих поместий...* — В переносном и вместе с тем (в шутку) в буквальном смысле: многие дворяне XVI века в погоне за пышностью распродавали свои имения, чтобы закупить роскошных одеяний.

Когда пронесся ураган зловещий... — Буря, разразившаяся во время описанных празднеств, упоминается у Холиншеда.

К с. 19. *Входит кардинал Вулси, и т.д.* — Кардинал Вулси окружал себя большой пышностью. Он роскошно одевался, и его сопровождала большая свита. В сумке, которую несли перед ним в официальных случаях, находилась государственная печать, хранителем которой он был.

К с. 21. *...ипсуичского нахала.* — Вулси был родом из города Ипсуича.

К с. 36. *Хопкинс Никлас.* — Таково подлинное имя духовника Бекингема, которое приводится в хрониках. В фолио 1623 года ошибочно: Хентон.

...в доме Розы, в Лаврентия Полтнейского приходе... — Название одного дома, вероятно, по цветку, изображенному на его фронтоне.

К с. 42. ...*во время Лотаря с Пипином...* — Лотарь и Пипин — французские короли VIII—IX веков.

К с. 64. *Эдвард Бун* — фамилия одного из предков Бекингема.

К с. 68. ...*отказался тот его назначить архиепископом Толедским.* — Германский император Карл V, племянник Екатерины Арагонской, был в то же время королем Испании.

К с. 70. *Слепой священник, старший сын Фортуны...* — Слепой, как богиня судьбы Фортуна.

К с. 71. ...*сестру французского монарха.* — Вулси готовлял брак Генриха VIII с Маргаритой Ангулемской (иначе Алансонской), сестрой Франциска I.

К с. 80. *Блекфрайерс* — монастырь монахов-доминиканцев (“черных братьев”) в Лондоне.

К с. 84. *Карнарвоншир* — гористая и неплодородная область Уэльса.

К с. 86. ...*за весь нильский ил.* — Плодородный нильский ил — источник всего богатства Египта.

К с. 105. ...*но не клобук ведь создает монаха.* — Парафраз латинской пословицы: “Клобук еще не делает человека монахом”.

К с. 111. ...*две высших добродетели в вас чтит.* — В подлиннике: “Cardinal virtues... cardinal sins — ”кардинальные (т.е. величайшие) добродетели... кардинальные грехи”, с намеком на кардинальский сан Вулси и Кампейуса.

К с. 122. ...*вдовой Артура.* — Артур — имя ее первого мужа, покойного брата Генриха VIII.

К с. 134. ...*багряный грех.* — Намек на пурпурный цвет кардинальской мантии Вулси.

К с. 136. ...*как жаворонков, всех накроет шляпой.* — Жаворонка иногда можно поймать, привлекая его чем-нибудь ярким (в данном случае красной кардинальской шляпой).

К с. 137. ...когда под утро девушка-смуглянка... — Указание на распутство Вулси, без намека на какую-нибудь определенную женщину.

К с. 143. *Свой путь свершив, пусть мирно он почиет...* — В эти слова драматург вложил едкий намек на тираническую жестокость Генриха VIII, который казнил Томаса Мора.

...в безмолвном склепе из сиротских слез. — Лорд-канцлер Англии считался опекуном всех сирот страны.

К с. 151. *Бароны Пяти портов.* — Так назывались Довер, Хестингс и еще несколько портов, расположенных в юго-восточной части Англии, напротив Франции.

К с. 158. ...которого король высоко ценит. — Кромвель впоследствии также подвергся опале и был казнен Генрихом VIII.

К с. 180. *Вы брат наш.* — Как член государственного совета.

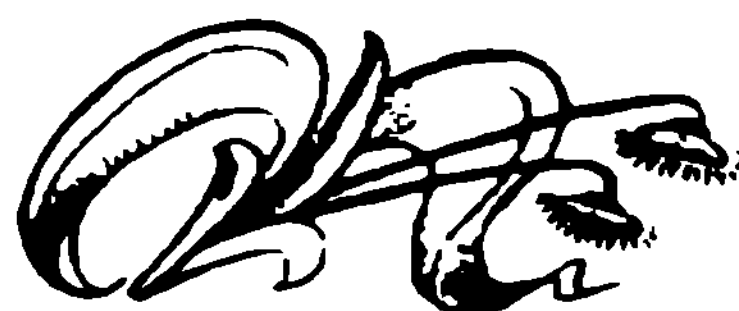
К с. 191. *Об этом память все еще свежа.* — Намек на крестьянское восстание 1524 года, возглавлявшееся Томасом Мюнцером.

К с. 201. ...наложки трат немного! — Обычным подарком крестного отца новорожденному была дюжина серебряных или латунных ложек.

К с. 202. *Парижский сад.* — Местность на окраине Лондона, где находились арены для травли медведей и другие увеселения.

К с. 204. *Ну, я не Гай, не Кольбранд, не Самсон.* — Имена знаменитых силачей, героев английских баллад.

Мурское поле. — На Мурском поле, расположенном к северу от Лондона, происходили военные занятия городской милиции, привлекавшие такие же толпы любопытных, как и показ какого-нибудь привезенного из Америки дикаря (см. следующую фразу).

У него, ей-ей, вроде как двадцать жарких летних дней в носу.— Намек на багровый нос. Медники считались большими пьяницами.

К с. 205. *...пока у нее с головы не съехала ее суповая миска.*— Женщины из народа носили чепцы причудливой формы, напоминавшие миски.

...человек сорок палочников со Стренда...— Стренд — людная улица в Лондоне, где водилось много буйной молодежи, о которой говорит далее привратник.

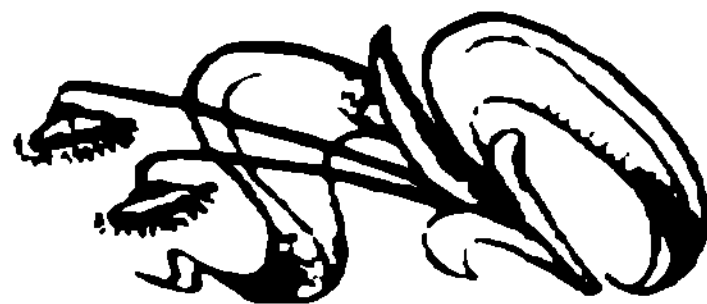
Их никто не терпит, кроме тауэрхиллской компании да любезных братцев ее из Лаймхауза.— Аристократическая публика лож лондонских театров иногда забавлялась тем, что бросала в партер (самые дешевые места) надкушенные яблоки, из-за которых там происходили драки. Шум, производимый публикой партера, был так велик, что его могли переносить только пуритане, собиравшиеся на площади перед Тауэром (Тауэрхилл) или в Лаймхаузе, в двух милях по Темзе от Лондона.

К с. 211. *...и Господа все истинно познают...*— Намек на завершение реформации при Елизавете.

...пребудут, страны новые создав.— Намек на английскую колонию в Северной Америке Виргинию, получившую в 1612 году от Иакова I новую конституцию.

Эдуард III

В отличие от многих других сомнительных пьес, “Эдуарда III” никогда не приписывали Шекспиру при его жизни. Первый, кто обратил внимание на нее, как на пьесу, относительно которой было основание утверждать, что в ней участвовал Шекспир, был Кепель, который в 1760 году напечатал

ее с таким замечанием на заглавном листе: “Полагают, что написана Шекспиром”. Стивенс принял это мнение Кепеля так холодно, что о нем не было речи вплоть до 1836 года, когда Людвиг Тик перевел “Эдуарда III” в числе “Четырех драм Шекспира”.

Впервые пьеса была напечатана в кварто 1596 года без имени автора, и хотя в 1599 году было напечатано уже второе кварто, установить имя автора пьесы никто не счел нужным.

Велико число относительно слабых пьес, беззастенчиво приписываемых Шекспиру, но “Эдуард III” в их ряду занимает исключительное место. В разное время Шекспиру приписывалось 15 пьес: 1) “Суд Париса”; 2) “Арден Фивершэм”; 3) “Джордж Грин”; 4) “Локрин”; 5) “Эдуард III”; 6) “Муседор”; 7) “Сэр Джон Олдкастл”; 8) “Томас, лорд Кромвель”; 9) “Веселый Эдмонтонский черт”; 10) “Лондонский блудный сын”; 11) “Пуританин или вдова с Ватлинговой улицы”; 12) “Йоркширская трагедия”; 13) “Прекрасная Эмма”; 14) “Два знатных родича”; 15) “Рождение Мерлина”. Некоторые из названных пьес с большей или меньшей вероятностью приписывались различным авторам; относительно же многих не было найдено никаких данных для определения их авторства.

Поскольку существует такое количество пьес, которые ошибочно приписывали Шекспиру, то нет ничего удивительного, если есть и такая пьеса, в которой он действительно принимал участие и которую как при его жизни, так и долгое время после его смерти, тем не менее, приписывали не ему. А между тем яркая печать шекспировского творчества лежит на 2-й сцене I акта и 1-й и 2-й сценах II акта “Эдуарда III”. Это сцены, заключающие в себе весь эпизод волокитства Эдуарда за графиней Солсбэри. Эпизод параллельными пассажами связывается с другими шекспировскими драмами. Остальная

часть пьесы, содержащая рассказ о войне Эдуарда во Франции, не представляет такой связи. Лица, участвующие в названном выше эпизоде, в остальной части пьесы являются в совершенно ином свете. Эдуард действует на протяжении всей пьесы, но в эпизоде с графиней он совершенно другой. Графиня, Людовик и Уорик, отец графини, появляются только в обсуждаемом эпизоде. Стиль пьесы, за исключением этого эпизода, сух и лишен красоты. Если в нем и встречаются поэтические выражения, которые — под пером Шекспира — естественно вызвали бы воспоминание о какой-нибудь другой пьесе, где он высказал аналогичные мысли, то здесь эти аналогии не прослеживаются. Так, например, Одлей говорит:

...жизнь достается

Нам случаем, а смерть гоньбой усердной:
Чуть начали мы жить, за смертным часом
Уж начался наш бег. Сперва мы — почки,
Потом — цветы и напоследок — семя;
Тогда мы отпадаем и за смертью
Идем вослед, как тень идет за телом.

Если бы эти строки написал Шекспир, мы имели бы право ожидать встретить в них отзвук мыслей о смерти, неоднократно встречающихся в разных местах его пьес. Но этого в них нет. В 1-й сцене V акта мы читаем:

И к Богу приближаются цари,
Даруя жизнь и безопасность людям.

Мы напрасно ожидаем здесь услышать отклик слов Порции в ее знаменитой речи о милосердии. Очень характерное место встречается в 5-й сцене IV акта:

Внезапный мрак окутал небо, ветры
От страха залегли в свои пещеры,
Не шелохнутся листья, лес притих,

Не слышно птиц и ласково не шепчут
Привета берегам ручьи живые.

Это не шекспировский стиль, во всяком случае не стиль его ранних пьес. Здесь простота речи доходит почти до суровости, и эти лишенные всяких украшений стихи отличаются от стиля Шекспира, как день от ночи.

В I акте Артуа говорит об Изабелле, дочери Филиппа, короля Франции, матери Эдуарда III:

Плодом ее утробы цветоносной
Явилась ваша милость, для Европы
Желанный вождь французского народа.

Это место напоминает следующие строки в “Ричарде III” (IV, 4):

В утробе дочери их схороню;
И в ней они, как феникс, возродятся
И явятся на свет вам в утешенье¹.

Сходство бросается в глаза; но не менее велико и различие. В той же самой сцене Уорик говорит:

И львиную бы шкуру снял он кстати:
Как в поле с настоящим львом столкнется —
Тот в клочья разорвет его за дерзость.

Эти стихи напоминают нам слова Фоконбриджа, сказанные герцогу Австрийскому в “Короле Иоанне” (III, 1):

Тебе ли Ричарда трофеей пристал?
Сбрось шкуру льва, скорей надень телячью!²

Разница невелика, но во втором случае в подлиннике употреблено поэтическое *lions hide* — “львиный покров”, в то

1 Перевод А.Радловой.

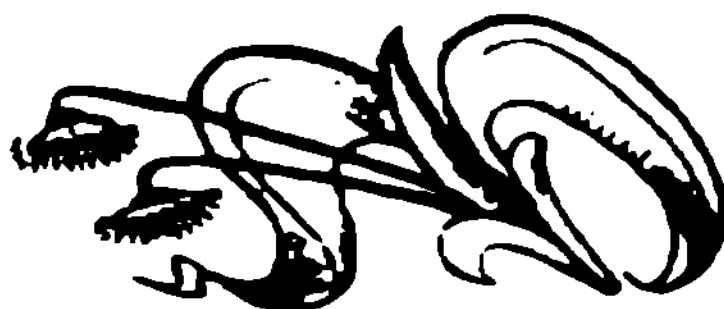
2 Перевод Н.Рыковой.

время как в первом — чисто охотничий термин *lions case*. Это опять-таки характерно для той суровой простоты второго автора, на которую было обращено внимание раньше. Зато в эпизоде, приписываемом Шекспиру, совершенно другой и несравненно более богатый поэтический язык.

В части, приписываемой Шекспиру, рифмы постоянно попадают между белых стихов, другой же автор, по-видимому, еще более привержен системе белых стихов, введенных Марло. Марло часто употребляет рифмы среди белых стихов; этот же автор еле тащится в своем утомленном монотонном движении, не пытаясь осветить свой путь хотя бы случайною рифмой. В то время как в нешекспировской части на каждую сотню стихов, круглым счетом, приходится четыре рифмованные строки, в эпизоде, принадлежащем Шекспиру, мы находим на каждые семь строк одну рифму — пятнадцать рифмованных строк на сотню, то есть число рифмованных стихов в эпизоде в четыре раза больше, чем в остальной драме. Приняв во внимание это крупное различие стихотворного стиля, а также изысканную простоту и умеренность языка второго автора, столь отличные от приверженности Шекспира к поэтическим украшениям, я полагаю, что мы имеем достаточное основание утверждать, что эпизод написан Шекспиром. Точно так же эпизод является единственной не исторической частью всей драмы. Эпизод заимствован у Боккаччо, но Шекспир, вероятно, заимствовал его не прямо, а из “Дворца Удовольствий” Пэйнтера.

Черты сходства, связывающие труд Шекспира с его другими драмами, не более и не менее многочисленны, чем в других его драмах, но они в данном случае очень характерны. Кроме мест, находящихся в прямой связи с той или иной пьесой, здесь встречается много мест, не находящихся в такой связи, но тем не менее носящих явно шекспировский характер. Мы сразу

чувствуем Шекспира, когда после холодной наготы языка первой сцены переходим, например, ко второй сцене I акта, где Уоррик говорит: “Да, государь. Тиран ее красу, как майский цвет губительные ветры, развеял, иссушил и обездолил”.

Эти стихи невольно напоминают о Шекспире тем контрастом, который они представляют с бедностью стиля других мест пьесы. Нижеследующее двустишие, имеющее характер каламбура, напоминает нам о многих подобных местах в “Бесплодных усилиях любви” и во “Сне в летнюю ночь”:

For sin, though sin, would not be so esteemed:
But rather virtue sin, sin virtue deemed.

(И нет греха в деянии, когда
Его не совершить нам без позора.)

Но самый яркий пример погони за каламбуром мы встречаем во 2-ой сцене II акта. Эдуард говорит:

The quarrel, that I have, requires no arms,
But this of mine.

(В бою, к которому я рвусь,
Себя своим рукам лишь поручаю.)

Естественно является мысль о Шекспире также в следующих случаях. Словом “sun” (солнце) оканчиваются девять последовательных стихов (II, 1):

Уподобил ее ты лучше солнцу;
Скажи: она в три раза ярче солнца,
Соперничает качествами с солнцем,
Родит благоухания, как солнце,
Смягчает стужу зимнюю, как солнце,
Пестрит убранство летнее, как солнце,
Смотрящих на нее слепит, как солнце, —
И, так во всем ее равняя с солнцем,
Проси и щедрой быть подобно солнцу.

Которое к ничтожной травке так же
Благоволит, как и к пахучей розе.

В 1596 году в “Венецианском купце” (V, 1) встречается такая же игра со словом “ring” (кольцо) у Бассанио и Порции, как здесь со словом “sun”. Эта погоня за созвучиями очень характерна для Шекспира первого периода его творчества. Характерно также для Шекспира возвращаться к мыслям, однажды выраженным им в какой-либо из его пьес, — но возвращаться в новой форме или с иным значением. Примеры такого возвращения к мыслям, затронутым в “Эдуарде III”, мы находим в некоторых позднейших, уже доподлинно шекспировских пьесах, например, в (II, 1) графиня говорит:

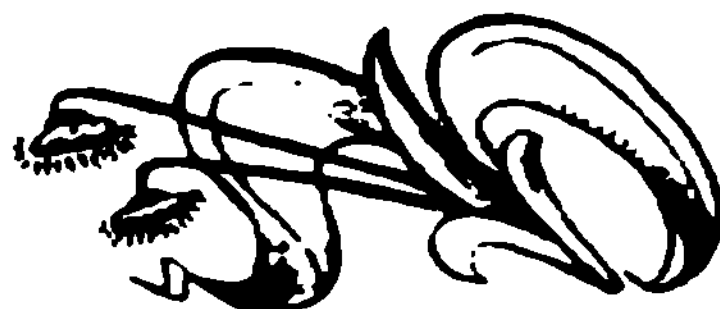
За подделку
Печати вашей смертью вы казните;
Дерзнете ль долг и клятву преступить
Вы, царь земной, перед Царем Небесным?
Дерзнете ль на металле запрещенном
Подобие Его вы отчеканить?

В “Мере за меру” (II, 4) эта же мысль выражена так:

Одно и то же будет
Простить того, кто отнял у природы
Жизнь человека, и простить того,
Кто в низком сладострастье беззаконно
Чеканит, как фальшивую монету,
Подобье Божье¹.

Далее мы встречаем в “Эдуарде III” следующее место: “Ахилл своим копьем целил те раны, что наносил”. Подобное же место есть в “Генрихе VI”, часть 2 (V, 1).

¹ Перевод Т.Щепкиной-Куперник.

И взор мой как Ахиллово копье,
То хмурясь, то блеснув улыбкой будет
Попеременно ранить и целить¹.

Находим мы такие же совпадения между “Эдуардом III” и “Гамлетом” (II, 2).

Г а м л е т. Уж если и солнце приживает червей с собачиной, была бы пададь для лобзаний... Есть у вас дочь?

П о л о н и й. Есть, милорд.

Г а м л е т. Не пускайте ее на солнце. Зачать — благодатно, но не для вашей дочери. Не зевайте, приятель².

Шекспир заимствовал образ солнца, целующего пададь, у Лили, который по-видимому перестал писать для сцены еще до Шекспира. Связь между Лили и приведенным местом в “Гамлете” можно найти в “Эдуарде III” (II, 1):

Чем жарче день, тем, будто бы целуя,
Скорей он разлагает мертвечину;

В “Эдуарде III” Уорик убеждает графиню Солсбэри твердо стоять против домогательств короля:

...дурное

Деяние особы властной вводит
В соблазн других; одень ты обезьяну:
От красоты наряда станет только
Уродливей она. Я много мог бы
Сравнений привести, соизмеряя
Величье короля с твоим позором:
Так, в кубке золотом отравя гажу,
При молнии черней ночная тьма,
Гниющие лилии сорных трав
Зловоннее.

1 Перевод Е.Бируковой

2 Перевод Б.Пастернака

В той же самой форме этот стих встречается в 14-м стихе 94-го сонета:

Кто властен делать зло, в ком есть к нему стремленье
И кто порыв к нему способен заглушить,
Чья воля — сталь, пред кем бессильно искушенье —
Все милости небес тот вправе получить.
Он многоценными дарами обладает,
Не расточая их. Он сам свой властелин
Не слабый раб страстей. Живет и умирает
Лишь для себя цветок — и все ж он перл долин.
Но чуть подкрадется к нему недуг нежданный —
И плевел кажется свежее, чем цветок.
Роняет красота венец свой златотканый,
Чуть прикоснется к ней предательски порок.
И роза пышная и лилия лесная
Красу и аромат теряют, увядая¹.

Сравнение этих двух мест едва ли может оставить сомнение относительно того, что они вышли из-под пера одного художника.

Как уже было сказано, Шекспир часто развивает мысли, уже однажды выраженные им. Правда, в этих случаях он обычно изменяет форму выражения, но иногда, как в настоящем случае, он повторяет ее без перемен или лишь с незначительными изменениями.

Места, на которые мы указали, за исключением тех, которые имеют связь с “Гамлетом” и “Мерой за меру”, относятся к более ранним пьесам. Как установлено раньше, “Эдуард III” занесен в книгопродавческие списки в декабре 1595 года, напечатана же пьеса была в 1596 году Кедбертом Берли. Хотя пьесы

¹ Перевод Ф. Червинского.

нередко пишутся много раньше своего обнародования, однако если у нас нет достаточных оснований, мы не вправе утверждать, что пьеса была написана и представлена задолго до своего обнародования. В настоящем случае нет этих доказательств, а установленные выше черты сходства с сонетами вместе с чертами сходства, которые мы сейчас приведем по отношению к “Лукреции”, дают основание признать 1596 год, т.е. дату обнародования, за момент, недалекий от времени написания пьесы.

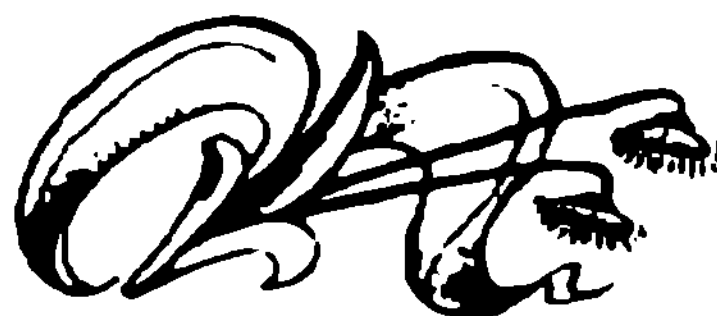
Сходство с “Лукрецией” нельзя не усмотреть в конце эпизода с графиней Солсбэри. Здесь добродетель торжествует в груди Эдуарда над любовью, и автор, только что написавший “Лукрецию”, вкладывает в его уста такую речь:

Встань, истинная английская леди:
Тобой гордиться может остров больше,
Чем древний Рим гордился той, чей клад
Утраченный стольких стараний вздорных
И множества такого перьев стоил.

В шекспировской части “Эдуарда III” еще нет развития характеров в точном смысле этого слова. Но во всяком случае страстный любовник в эпизоде с графиней, не разбирающий средств для достижения своих желаний, не имеет ничего общего с деревянностью Эдуарда-короля, когда он во главе своего войска сражается во Франции.

В графине также слишком мало индивидуальности. Она — слишком однотонное воплощение чистоты и обязана значительной долей своей привлекательности только поэтическому ореолу, который придал ей поэт. Людовик просто-напросто манекен, а Уорик — персонаж слишком надуманный. Персонажи исторической части пьесы не вызывают в нас ни малейшего интереса.

Роберт Бойль

Примечания к тексту “Эдуарда III”

К с. 227. *Роксборо* — известный шотландский замок. Перенос его в Англию — одна из географических вольностей автора.

Нэд — уменьшительное от имени Эдуард.

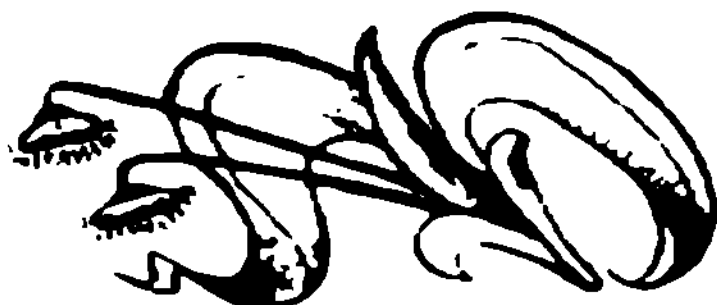
К с. 228. *Ave, Caesar!* — Начало известной фразы обращения римских гладиаторов к императору перед боем: “*Ave Caesar, morituri te salutant*” — “Здравствуй, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя”.

К с. 250—251. *Юдифь... недостает меча, тогда бы я ей голову подставил*. — В Библии (кн. Юдифи) рассказывается о вдове из города Ветинуи — Юдифи, которая вошла в доверие к предводителю войска Олоферну, осадившему этот город, напоила его допьяна и, когда он уснул, отрубила ему голову его же собственным мечом.

К с. 264. *Ахилл* — древнегреческий герой, участник Троянской войны на стороне греков.

К с. 278. *Ты превзошла красою Геро, я же сильнее безбородого Леандра... достигну Сеста*. — В Сесте, на европейском берегу Геллеспонта (Дарданельского пролива) жила Геро, жрица Афродиты. Ее возлюбленный Леандр жил в Абидосе, на малоазийском берегу пролива. Каждый вечер, спеша к ней на тайное свидание, он переплывал Геллеспонт и каждое утро таким же образом возвращался обратно, пока однажды, в бурную ночь, не утонул.

К с. 280. *Чем древний Рим гордился той, чей клад утраченный стольких стараний вздорных и множества такого перьев стоил*. — Лукреция. Согласно легенде, знатную римлянку Лукрецию обесчестил сын римского царя Тарквиния Гордого. Рассказав о своем позоре мужу, она покончила

жизнь самоубийством. Ее смерть стала причиной восстания и падения в Риме царской власти.

К с. 283. *Катилина*, Люций Сергий — глава названного по его имени заговора в Риме, 63—62 гг. до н. э. Совершил неудачное покушение на жизнь Цицерона.

К с. 286. *Агамемнон* — предводитель греческого войска в Троянской войне.

Ксеркс — персидский царь, участник греко-персидских войн 490—449 гг. до н. э., собравший для похода на Грецию огромное войско из персов и их союзников. В 480 г. до н.э. покорил Фракию, Македонию, Фермопилы и дошел до Афин.

К с. 289. *Немезида* (Немесида) — в древнегреческой мифологии богиня возмездия и кары.

К с. 306. *Беллона* — в древнеримской мифологии богиня войны.

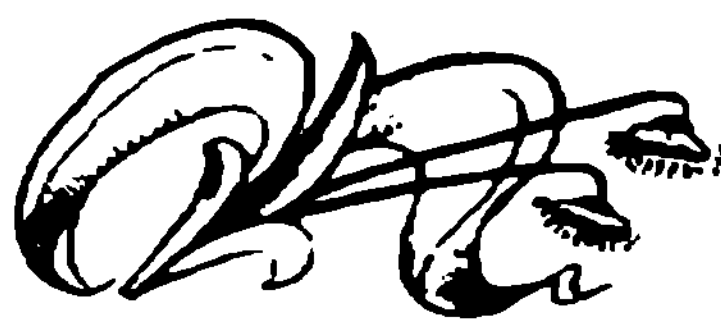
...как щит Персея, пусть в недругов, глядящих на него, вселяет образы окаменелой смерти. — На щите Персея была помещена голова убитой им Медузы Горгоны, взгляд которой превращал все живое в камень.

К с. 312. *Нестор* — царь Пилоса, участник троянского похода, прославился своим долголетием и мудростью.

К с. 318. *...пеликана. Он клювом раздирает грудь и кровью, из сердца исходящею, питает детенышей.* — Существовало поверье, что пеликаны вскармливают птенцов собственной кровью.

К стр. 325. *Эсквайр* — низший дворянский титул в Англии.

К стр. 333. *...в гесперидских садах плоды диковинные.* — В садах титана Атласа росло золотое дерево с золотыми яблоками, которое богиня земли Гея вырастила в подарок Гере в день ее свадьбы с Зевсом. Этот сад охраняли дочери Атласа — Геспериды.

Два знатных родича

Эта драма впервые напечатана в кварто 1634 года под заглавием: “Два знатных родича. Представлена в Блэкфрайерсе слугами его королевского величества с великим успехом. Написана знаменитостями того времени: мистером Джоном Флетчером и мистером Вильямом Шекспиром, джентльменами. Напечатана в Лондоне Дж. Котсом для Джона Уотерсона. Продается под вывеской Короны в ограде церкви Св. Павла. 1634 г.”.

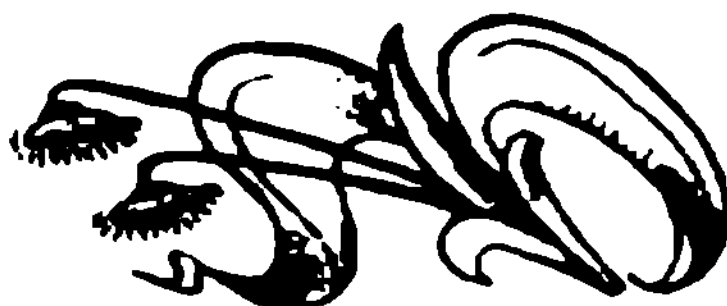
Затем пьеса появилась во втором фолио сочинений Бьюмонта и Флетчера 1679 года; в этом издании было напечатано 52 пьесы, на 17 больше, чем содержало 1-е фолио сочинений Бьюмонта и Флетчера, выпущенное в 1647 году. Текст пьесы для второго издания был взят из кварто 1634 года, как это видно по ошибкам и опечаткам, которые перенесены из этого издания.

В 1711 году пьеса появилась в Тоусоновском издании Бьюмонта и Флетчера и в 1750-м в семитомном Тоусоновском издании, с критическими примечаниями Теобальда, Сьюарда и Симпсона.

В 1778 году вышло издание сочинений Бьюмонта и Флетчера в 10 томах; в этом издании напечатана и пьеса “Два знатных родича”.

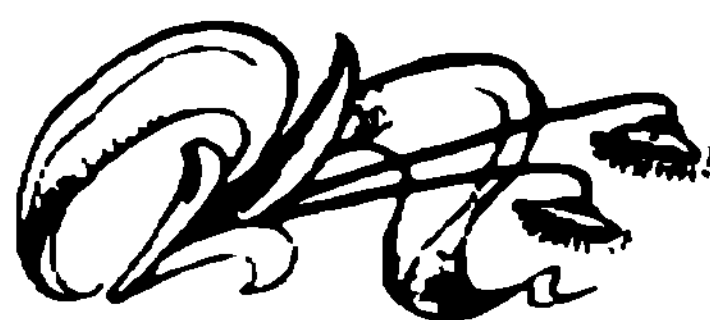
В 1812 году сочинения Бьюмонта и Флетчера были изданы в 14 томах Вебером. Это издание было перепечатано позднее Рутледжем в двух томах (1839).

“Два знатных родича” были также изданы Тиррелем в его собрании сомнительных пьес Шекспира и Скетом в 1876 году в школьном издании Шекспира. Но в том же 1876 году появилось другое издание “Двух знатных родичей”, имеющее большее значение. Это была перепечатка издания 1634

года Новым шекспировским обществом (изд. Гарольда Литл-дэля). В нем старательно сверены разночтения кварто и второго фолио.

Сюжет “Двух знатных родичей” заимствован из “Паламона и Аркита” Чосера, который в свою очередь заимствовал его из “Тезеиды” Боккаччо. Сюжет этот значительно менее изменен, чем в других шекспировских заимствованиях из Чосера. Повествовательный элемент в драме получил гораздо большее развитие, чем драматический. Длинные описания заменяют действие. Характеры столь же мало развиты, как в самых ранних пьесах Шекспира. В этом отношении интересно сравнить характеры Тезея в комедии “Сон в летнюю ночь” и в “Двух знатных родичах”. В “Сне в летнюю ночь” мы находим определенную концепцию характеров, и, конечно, было бы странно, если бы Шекспир, к концу своей жизни, принимаясь за характер, очерченный им много лет тому назад, стал изображать его в совершенно другом свете. И все же именно это нас поражает в “Двух знатных родичах”. Тезей изображен здесь так, как описывает его Чосер, — тираном, не знающим иного закона, кроме собственной воли. Он постоянно либо в крайнем гневе, либо в крайней степени восторга, и его приближенные без зазрения совести пользуются своим знанием его настроений, чтобы заставить его действовать сообразно своим целям. Ипполита, Эмилия и три царицы на коленях умоляют его выступить войной против Фив, наказать Креона и похоронить трех царей, погребения которых не допускал тиран. Тезей прежде чем уступить их желанию, проявляет доходящий до комизма недостаток решительности. И в других местах пьесы мы видим то же самое; насилие с одной стороны и колебания с другой, как только появляется необходимость принять или изменить какое-нибудь решение. И он

никогда не ссылается на закон, как на силу, равную или высшую его воле. В “Сне в летнюю ночь” мы встречаемся с совершенно иной постановкой вопроса. Здесь Эгей приводит к Тезею свою дочь Гермия и обвиняет ее в неповиновении. Она отказывается выйти замуж за человека, которого отец избрал для нее в мужья. Тезей и не думает разрешить вопрос по своему личному усмотрению. После длинного разговора Тезей говорит: “Ты же, прекрасная Гермия, должна склонить свои мечты перед волей родителя. Иначе закон Афин — который мы ни в коем случае не можем отменить, — присуждает тебя к смерти или к обету девственной жизни”.

В “Сне в летнюю ночь” Тезей изображен конституционным правителем, чем, несмотря на все свои недостатки, была для своих подданных Елизавета. В “Двух знатных родичах” мы имеем дело с деспотом, от пароксизмов бешенства переходящим к состоянию расслабленности, когда окружающие беззастенчиво начинают играть им. Возможно ли, чтобы Шекспир — если он автор “Двух знатных родичей” — отказался от своей первой тонкой концепции характера Тезея, чтобы заменить ее образом слабого, вечно колеблющегося тирана?

Споры за и против участия Шекспира в написании “Двух знатных родичей” начинаются с соображений, высказанных Спеддингом в 1833 году. Его воззрения ожили в “Трудах Нового шекспировского общества” за 1876 год вместе с теорией, что Шекспиру в “Генрихе VIII” помогал Флетчер. Его уверенность в том, что “Два знатных родича” могут быть приписаны Шекспиру, главным образом основана на замечательной поэтической красоте отдельных мест пьесы, но он не пытался указать проявление важнейшей черты шекспировского творчества — развитие характеров изображенных в пьесе лиц. К воззрениям Спеддинга примкнули профессор

Спальдинг и Гиксон, оба позднее получившие поддержку со стороны Нового шекспировского общества. Иной взгляд высказал профессор Делиус. Он придерживался мнения, что Шекспир не принимал никакого участия в создании пьесы. Делиус указывал на отсутствие в ней каких-либо следов развития характеров, а так как по времени появления пьеса относится к последним годам жизни Шекспира, то мысль об его участии в создании пьесы кажется сомнительной.

Трудность вопроса заключается в том, чтобы указать автора, которого можно было бы считать способным написать такое произведение, как приписываемая Шекспиру часть пьесы. Есть достаточно оснований для утверждения, что соавтором Флетчера в рассматриваемой пьесе был Мессинджер. У Мессинджера есть излюбленные типичные фигуры, о которых мы всегда знаем заранее, что они скажут в каждом конкретном случае. Но все же некоторые из этих типов получают у Мессинджера дальнейшее развитие, чего никак нельзя сказать о статичных героях Флетчера.

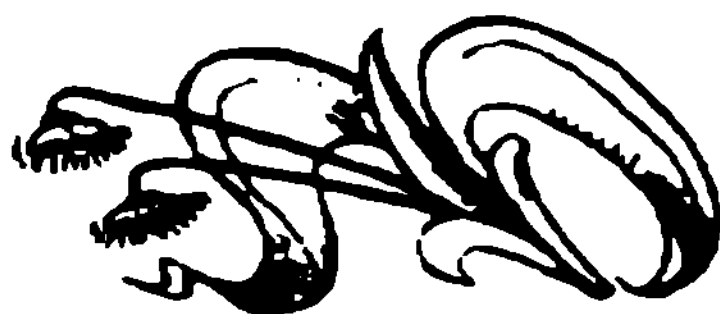
Имена Бьюмонта и Флетчера так тесно переплетены между собой в истории английской драматической литературы, что соединение Мессинджера и Флетчера напугало многих из тех, кто без больших затруднений усвоил идею о соавторстве Шекспира и Флетчера. Но мы имеем, однако, свидетельство современника, друга обоих драматургов, сэра Астона Кокэнья, что Мессинджер и Флетчер работали вместе столь же часто, как Бьюмонт и Флетчер, и он упрекает издателей первого фолио сочинений Бьюмонта и Флетчера за то, что они не отдали должного Мессинджеру. Таким образом, несомненно, что литературное сотрудничество существовало не только между Бьюмонтом и Флетчером, но также между Мессинджером и Флетчером.

Между размером “Двух знатных родичей” в части, не принадлежащей Флетчеру, и размером Шекспира в его последних произведениях существует очевидное сходство. Известно, что для Мессинджера характерны повторения. Уже Джиффорд, издавший многих старых драматургов, и в том числе Мессинджера, замечает о нем: “Ни один драматург не повторяет сам себя чаще и с такой бесцеремонностью, как Мессинджер”. Но Мессинджер повторяет не только самого себя, он повторяет беспрестанно также Шекспира и очень любит уснащать речь классическими цитатами. Эта последняя черта сама по себе, конечно, не имеет решающего значения в связи с другими его особенностями. Один из доводов Делиуса, вытупающего против участия в “Двух знатных родичах” Шекспира, состоит в том, что в пьесе часто встречаются классические цитаты и многочисленные намеки на пьесы Шекспира и заимствования из них, чего сам Шекспир никогда бы не стал делать.

Для Мессинджера повторения чрезвычайно характерны. Так в “Двух знатных родичах” (I, 1) мы читаем: *The heates are gone tomorrow* — “пыл прошел завтра”, что в том виде, как оно стоит перед нами, едва понятно (фраза взята из того места, где Тезей обещает выступить против Фив после своей свадьбы, между тем как три царицы настаивают, чтобы он выступил немедленно). Но эта мысль сразу становится ясной, когда мы сравним малопонятную фразу с местом из пьесы Мессинджера “Император Востока” (II, 1): *The resolution which grows cold to day will freeze tomorrow*, т.е. “решительность, которая начинает холодеть сегодня, на утро замерзнет”.

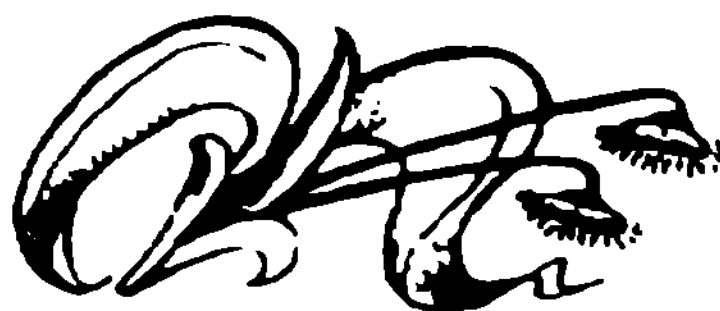
Тут мы прямо имеем комментарий к неясности первого выражения; это одна и та же мысль, родившаяся, конечно, у одного автора.

Переходя к языку “Двух знатных родичей”, мы должны помнить, что по живописности языка Шекспир стоит одиноко среди поэтов своего века. До него и при его жизни, в течение всей его писательской карьеры, ни один из поэтов в метафорической речи не достиг степени живописи. Он был первым, давшим картинам драматургии полную самостоятельность. И вот почему поверить, что Шекспир принимал какое-либо участие в создании “Двух знатных родичей” или “Генриха VIII”, для меня представляется невозможным; так как только в этих двух пьесах, среди всех произведений того периода творчества Шекспира, который начинается “Гамлетом”, нет ни одной из этих сверкающих электрическими искрами картин, буквально ни одной.

Ничто так не ставит Шекспира выше его современников, как чудная нежность и чистота его женских образов. Морина, Имогена, Пердитта, Миранда едва ли представляются нам, как простые смертные женщины. Изабеллу сжигает огонь поруганной в ней чистоты, который гонит прочь нечистые мысли и заставляет даже брошенную куртизанку Люцию сказать, что она смотрит на нее, как на “небесное и святое” существо.

Если Шекспир действительно написал какую-нибудь часть “Двух знатных родичей”, то Ипполиту и Эмилию следует сравнить с этими чистыми, лучезарными созданиями. Посмотрим, что получится при таком сравнении. В (I, 1) первая царица говорит: “...когда ее руки, способные самого Юпитера увлечь из сонма богов, при свете луны-покровительницы обнимут тебя, когда ее губы, как пара вишен, изольют свою сладость на твои жадные губы, о, неужели станешь ты думать тогда о гниющих в могиле королях и рыдающих царицах? Какая тебе забота о том, чего ты не чувствуешь? А то, что ты сам чувствуешь, способно даже Марса заставить отказаться

от барабана (войны). О, если бы ты провел с нею только одну ночь, то каждый час в ней сделал бы тебя заложником на сотню часов и ты не стал бы помнить ни о чем ином, кроме того, что повелевает тебе этот пир...”

Одно это место уже достаточно характеризует манеру Мессинджера относиться к своим женским образам.

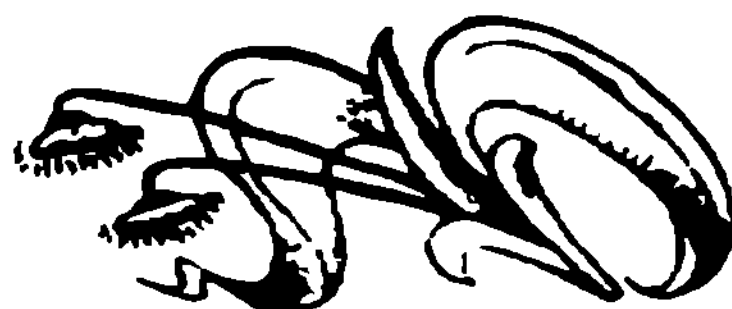
Чувственность — общая черта всех женских образов пьесы. Так Ипполита говорит: “Если бы воздержанием от моей радости, которая порождает еще более глубокое желание, я не излечила их пресыщения, требующего такого лекарства, то вызвала бы по отношению к себе злословие всех дам”.

Напомним также, что дочь тюремщика в нашей пьесе сходит с ума от разочарования в любви. Другими словами, все женщины нашей пьесы имеют грубую чувственную натуру, которая делает невозможным ни на один миг допустить, что они — создания Шекспира.

Эмилия пробует убедить и себя, и нас, что она так сильно любит Паламона и Аркита, что не знает, кого из них выбрать. Единственное чувство, которое она выражает относительно поединка, в котором решается, кто из них должен быть ее мужем, заключается в опасении, как бы кому-либо из них не испортили лица. В одной из принадлежащих Мессинджеру пьес ее героиня Олинда также любит сразу двоих, так что не может решить кого ей выбрать.

Она выражается при этом таким образом, что достаточно самого малого знакомства с Мессинджером, чтобы прийти к заключению, что творец Олинды есть также творец Эмилии. Единственное, что характеризует его женские образы — это чрезвычайно развитая чувственность.

Среди мужских образов Тезей является одним из многочисленных типичных тиранов Мессинджера. Паламон и

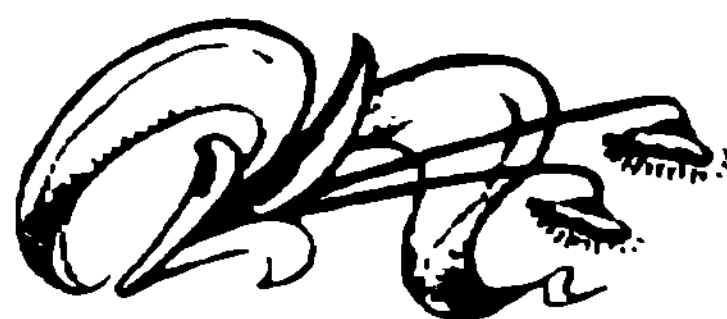

Аркит в начале пьесы в руках Мессинджера различаются некоторыми индивидуальными чертами. Но различия скоро исчезают, и то, что говорит один, может быть приписано другому, так что читатель этого и не заметит. Словом, тут нет и следа развития характеров, столь замечательного у Шекспира.

В своих попытках привлечь интерес зрителя автор “Двух знатных родичей”, будь то Флетчер или Мессинджер, вполне полагается на одни только внешние приключения. Шекспир, конечно, тоже прибегает к занимательной фабуле, когда желает привлечь к пьесе интерес, но главные усилия свои он посвящает развитию характеров.

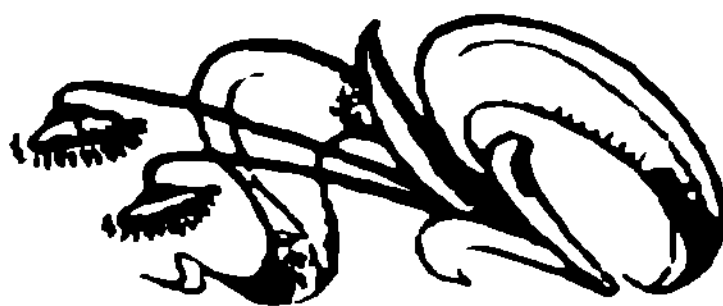
Невзирая на все сказанное, следует, однако, отметить, что в “Двух знатных родичах” встречаются места высокой поэтической красоты, что и дало некоторым исследователям основание настойчиво высказываться за авторство Шекспира.

Из того, что было сказано относительно обрисовки характеров в “Двух знатных родичах”, может показаться странным, что многие талантливые критики приняли произведение Мессинджера за создание Шекспира. Но такова сила предвзятости, и исходя из того, что пьеса шекспировская, непременно найдешь доказательства этому. Удивительного тут ничего нет: многочисленные подражания творческим приемам Шекспира, столь характерные для Мессинджера, легко становятся подтверждением того, что пьеса написана Шекспиром. Кроме того, даже для англичанина невозможно отличить размер Мессинджера от размера Шекспира только на слух. Мессинджер продолжил драматическое стихосложение с того места, где Шекспир оставил его, и развил его дальше в том же самом направлении. В метрическом стихе Шекспира — за исключением, по-моему, не шекспировского “Генриха VIII” —

от 20 до 30% стихов относятся к так называемым *гип-оп-lines*, т.е. стихам, в которых мысль не закончена, а переносится в следующую строку. Между тем Мессинджер начал с 31 процента таких стихов в своей части пьесы “Удача честного человека” и дошел постепенно до 49. Точно так же он постепенно увеличивал число двусложных окончаний (прибавлением лишнего, одиннадцатого неударяемого слога), хотя не заходил в этом так далеко, как Флетчер, в некоторых драмах которого круглым счетом четыре стиха из каждых пяти имеют двусложное окончание. Однако Мессинджер любил также оканчивать стих частицей, местоимением, вспомогательным глаголом (так называемое легкое окончание), предлогом или союзом (слабое окончание). Он, Бьюмонт и Шекспир в своем метре очень походят один на другого. И как ни восхищался Мессинджер Шекспиром — что мы можем видеть из всех его произведений, — он усвоил себе манеру Бьюмонта изображать тиранов и страстные характеры, самым ярким примером которых является Тезей в “Двух знатных родичах”. Поэты младшего, чем Шекспир, поколения умышленно предпочитали полагаться больше на изысканный вымысел фабулы, чем на трудный и опасный путь тонкой обрисовки характеров. Сознание этой важной особенности постепенно проникло в шекспирологию, и теперь уже мало кто решается защищать участие Шекспира в создании “Двух знатных родичей”.

В заключение сформулируем в двух—трех словах *pro* и *contra* вопроса. Против — недостаточность переработки сырых материалов источника. Они являются в драме почти совершенно в таком же виде, как в рассказе Чосера. Во-вторых, нет развития характеров в строгом смысле этого слова. Те черты характера, которые мы замечаем у действующих лиц драмы, не что иное, как результат ситуации, и они изменяют-

ся по мере того, как меняется ситуация. В-третьих, все картины тщательно разработаны, как отделявал их Шекспир только в самых первых своих произведениях.

С другой стороны, за участие в этой пьесе Шекспира мы имеем только два существенных довода. Во-первых, чрезвычайное сходство размера с размером последних драм Шекспира — довод, который имел бы гораздо большее значение, если бы этот размер не имел еще большего сходства с обычным метрическим стилем Мессинджера. Во-вторых, истинная красота отдельных мест пьесы. Но в пьесах, бесспорно принадлежащих Мессинджеру, мы встречаем места, столь же прекрасные и с замечательным сходством в тоне мысли и художественности выражений с самыми лучшими местами “Двух знатных родичей”.

Роберт Бойль

Примечания к тексту “Двух знатных родичей”

К с. 377. *От тех краев, где вьется По как лента, до берегов серебряного Трента.* — То есть от Италии до Англии. Трент — река в Англии.

К с. 378. *Что Робин Гуд серьезней их стократно.* — Робин Гуд — герой древнеанглийских народных баллад, объединенных в XV веке в одну эпопею. Во времена Шекспира альманахи нередко печатали эти баллады, но литературными кругами они ценились невысоко.

К с. 379. *Ипполита, невеста, с распущенными волосами, в сопровождении Пиритоя и другого лица, держащего над нею венок.* — По английскому обычаю того времени, невеста шла к венцу с распущенными косами, а над ее головой держа-

ли венок из колосьев. Иногда, вместо венка из колосьев, свадебный венок делали из цветов.

К с. 382. *Креон*, — царь Фивский, после знаменитого похода “семи против Фив” не позволил похоронить убитых.

К с. 384. *Сам Геркулес, мой родственник*. — Тезей и Геркулес — внуки Кроноса, дети братьев: Геркулес — Зевса, а Тезей, по некоторым преданиям, — Посейдона.

Беллоны — богини войны в древнеримской мифологии.

К с. 395. *Авлида* — город на берегу восточной Греции, в Беотии. Из этого порта греки отплыли в троянский поход.

К с. 430. *Нарцисс* — мифический герой, прекрасный юноша, который влюбился в собственное отражение в ручье и не мог от него оторваться, отчего умер и превратился в цветок, носящий его имя.

К с. 493. *Как калидонский вепрь пред Мелеагром*. — Мелеагр — легендарный герой древней Этолии, спасший родную страну от свирепого вепря, насланного Артемидой за то, что отец Мелеагра Ойней не принес ей жертвы.

К с. 474. *Кузен, на козни быстрый...* — в подлиннике игра слов *souzin* “кузен” и *sozener* “предатель”.

К с. 525. *Заклинаю душой кузена твоего*, — то есть Геркулеса, о двенадцати славных подвигах которого говорится ниже.

К с. 547. *Ирида* — в древнегреческой мифологии богиня радуги.

К с. 552. *Их оскопят и сделают певцами*. — Кастраты в качестве певцов были очень популярны в Европе вплоть до начала XIX века. В начале XVII столетия послание папы Климента VIII признало кастрацию для этой цели богоугодным делом.

К с. 556. *Так резвый и прекрасный Ганимед воспламенил любовной страстью Зевса*. — Ганимед — прекрасный юноша, сын царя Троя, похищенный Зевсом на небеса.

Нежнее он округлен, чем Пелопса плечо. — Пелопс — царь и герой древней Фригии — будучи мальчиком был предложен в пищу богам, собравшимся на пир у его отца Тантала, но небожители раскрыли обман и воскресили Пелопса, причем съеденная часть плеча была заменена вставкой из слоновой кости. Затем юный Пелопс рос на Олимпе среди богов и был любимцем Посейдона.

К с. 577. *Зеленый цвет Нептуна превращает в багровый...* — война, смешивая зеленые волны моря с кровью, делает их багровыми.

К с. 578. *Сдуваешь яства со стола Цереры.* — Война уничтожает поля, назначение римской богини Цереры заключалось в охране посевов.

К с. 580. *Холодная охотница сама...* — Диана однажды изменила своему обету бесстрастия, влюбившись в красавца Эндимиона.

К с. 610. *Алкид* — Геркулес.

СОДЕРЖАНИЕ

Генрих VIII. <i>Перевод Б.Томашевского</i>	5
Эдуард III. <i>Перевод В.Лихачева</i>	215
Два знатных родича. <i>Перевод Н.Холодковского</i>	373
Примечания и комментарии	627

Вильям Шекспир

**Полное собрание сочинений
в 14 томах**

Т о м 13

Сканирование и обработка Григорий Дерюгин

Редактор А. Бляхман

Технический редактор А. Дудецкий

Художественный редактор И. Сайко

Корректоры И. Левтонова, Е. Шишкова

Лицензия ЛР №030129 от 12.10.91

**Подписано в печать 21.05.96. Формат 70х108 1/32. Бумага офсетная. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 29,4. Усл. кр.-отт. 52,3. Уч.-изд. л. 22,1. Тираж 15 000 экз**

Заказ 409

Издательский центр "ТЕРРА". 113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

**Отпечатано с оригинал-макета на Можайском полиграфкомбинате Комитета
Российской Федерации по печати. 143200, Можайск, ул. Мира, 93.**

В ЭТОМ

ДОМЕ В 1562 Г. РОДИЛСЯ

ВИЛЬЯМ

ШЕКСПИР

